ОРДЕН НАДЕЖДЫ
IV
В ИНТЕРЕСАХ ГОСУДАРСТВА

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Я просто хотел сделать доброе дело, но глупо умер и очнулся в другом мире. Кто-то скажет, что мне повезло. Ведь здесь я, обычный студент из неблагополучной семьи, обладаю сверхъестественным даром и дворянским титулом. Но только кто тогда все эти люди с автоматами?

- Алекс Хай
  - Глава 1
  - Глава 2
  - Глава 3
  - Глава 4
  - Глава 5
  - Глава 6
  - Глава 7
  - Глава 8
  - Глава 9
  - Глава 10
  - Глава 11
  - Глава 12
  - Глава 13
  - Глава 14
  - Глава 15
  - Глава 16
  - Глава 17
  - Глава 18
  - Глава 19
  - Глава 20
  - Глава 21
  - Глава 22
  - Глава 23
  - Глава 24
  - Глава 25
  - Глава 26
  - Глава 27
  - Глава 28
  - Глава 29
  - Глава 30
  - Глава 31
  - Глава 32
  - Глава 33
  - Глава 34

- Глава 35
- Глава 36
- Глава 37
- Глава 38
- Глава 39
- Глава 40
- Послесловие

Алекс Хай
В интересах государства. Орден Надежды

Глава 1

Время для меня словно замедлилось.

В комнате ректора повисло безмолвие. Лишь мерное тиканье каминных часов, треск дров в очаге и тихое посапывание Ронцова нарушали тишину.

— Михаил Николаевич? — голос ректора вывел меня из транса. — Вы приняли решение?

— Мне нужно немного времени, если позволите.

Долгоруков взглянул на часы. Стрелка неумолимо двигалась к четырем утра.

— Понимаю, что вы нервничаете и сомневаетесь, — он снял пенсне и аккуратно убрал в кармашек восточного халата. — Однако должен напомнить, что время не ждет. Чем быстрее мы договоримся, тем проще будет… Замять дело.

Я закрыл глаза, изо всех сил борясь с сонливостью. Слабость снова накатила на меня, разбила все тело, и мне было трудно сосредоточиться.

Стиснув зубы, я зажмурился и воззвал к Роду. Возможно, духи предков видели и знали больше. Им должна была открыться полная картина последствий. А я должен был понять, насколько это навредит планам Рода на наше благополучие.

Если не соглашусь, Аудиториум первым попытается от меня избавиться. Теперь я представлял для вуза риск не только потому, что обладал первым рангом, но и потому, что знал слишком много для обычного студента-первокурсника. А еще потому, что от меня тянулась ниточка к Темной Аспиде — пусть я этой нитки и не видел.

Нет, я был опасен для многих.

Попытаться прорваться к выходу с боем? Ну допустим. Но где гарантии, что прямо сейчас, в этот момент, моя семья не на мушке у колдунов Аудиториума? С ректора бы сталось отправить в Ириновку своих людей на случай, если понадобится прижать меня сильнее. Я бы и сам так сделал, реши заставить кого-нибудь сотрудничать. А бросить семью я не мог — это вредило Роду.

Значит, оставался только один очевидный вариант — согласиться на предложение Долгорукова. Но насколько туго они закрутят гайки?

Я наконец-то увидел молочно-белый свет и тени духов. Род был недоволен — меня не ожидали увидеть так быстро после мощного выброса энергии. Поэтому я обратился без вступлений и кратко обрисовал ситуацию.

“Что мне делать, почтенные предки? Какой выбор совершить,

дабы не нарушить баланс силы в нашем роду?”

Один из предков — старик с окладистой бородой, что чаще всего говорил от имени духов, приблизился ко мне.

“Каждый путь — риск и утрата, дитя. Поэтому выбирай тот, где больше шансов выжить. Выживание — вот главная задача и ценность. Что толку от твоих заслуг, если ими будет некому гордиться?”

Я кивнул.

“Так и думал”.

“Пора бы тебе научиться самому принимать такие решения, а не бегать к нам за советом при каждом пшике”, — пожурил меня дух. — “Но ты неизменно почтителен, и потому твои выходки мы тебе прощаем. Все, уходи, дитя. Твое присутствие заставляет нас тратить силу, а нам нынче надлежит ее копить”.

Я поклонился, поблагодарил духов и вышел из потока.

Возвращаться в тело не хотелось. Точнее, тело протестовало и пыталось отрубиться. Ну уж нет, рановато нам отдыхать.

Распахнув глаза, я уставился на ректора. Долгоруков все это время не сводил с меня глаз. И взгляд у него был такой… Изучающий. Я почувствовал себя букашкой под микроскопом.

— Позволите вопрос, ваше сиятельство? — спросил Фрейд.

— Конечно.

— Что именно вы сейчас делали? Я ощутил весьма необычные колебания силы в пространстве.

Хм, вот как. Значит, впредь нужно быть аккуратнее при свидетелях. Видимо, ученые мужи и дамы могут как-то улавливать мои действия. Но, судя по всему, считать их они не в силах. Уже хорошо. Хоть что-то останется моей тайной.

— Общался со своим Родом, — признался я. — Вы же понимаете, природа моей силы…

Глаза ректора округлились, заблестели живым интересом, а сам он неосознанно подался вперед.

— Как интересно… Сколь занимательное явление…

— Я согласен на ваше предложение, Владимир Андреевич, — быстро перевел тему я. — Прошу, проинструктируйте меня о том, что нужно делать.

Ректор не сводил с меня немигающего взгляда.

— Обязан спросить: ваше решение окончательное? Назад пути не будет.

Я кивнул.

— Да, ваше высокопревосходительство. Что я должен делать?

Фрейд поднялся, подошел к секретеру, полностью выдвинул один из ящиков и вернулся с ним к креслу. Все пространство ящика занимала шкатулка, обитая не то блестящей тканью, не то

кожей. Ректор осторожно извлек ее и водрузил на стол.

— Я предпочитаю максимальную осторожность при проведении подобных манипуляций, — пояснил он, открыв крышку. — Мы дорожим теми, кто нам доверился.

— Что ж, это обнадеживает, — невесело усмехнулся я.

На бархатной обивке лежали тончайшие и острые лезвия, похожая на резиновую трубка, небольшой флакончик дивной красоты из какого-то особого стекла и еще одна совсем небольшая шкатулка.

— Пожалуйста, снимите китель и закатайте рукав, — потребовал ректор.

Я подчинился. На всякий случай успокоил бурлившие в крови остатки силы — едва я увидел лезвия, как внутренние защиты вздыбились, предчувствуя неладное.

Ректор сделал небольшой надрез на вене на сгибе и приставил трубку к ранке, второй конец трубки приладил к горлышку красивого флакона. Я ожидал, что кровь прольется и запачкает все вокруг, но словно по волшебству она медленно текла только по трубке — видимо, ректор ненавязчиво применил Благодать. Ни капли не пролилось мимо.

Проделывая эти манипуляции, Долгоруков что-то бормотал себе под нос по-гречески, но я не смог разобрать его бубнежа.

Наконец он отнял трубку от раны, тут же приложил ладонь — что-то горячее на пару секунд скользнуло по коже, и я ощутил, как рана начала затягиваться. Кровь мгновенно остановилось, и через несколько секунд на сгибе локтя остался лишь едва заметный след.

— Теперь самое главное, ваше сиятельство.

Ректор убрал трубку и поставил наполненный кровью флакончик на стол, а затем потянулся к мешочку. Едва он раскрыл его, я увидел сияние — внутри мешка что-то светилось знакомым мне светом Благодати. Голубовато-зеленоватое свечение отбросило блик на лицо Долгорукова.

— Пыль Осколка? — предположил я.

— Верно, Михаил Николаевич. Выходит, у вас было время не только на хулиганство, но и на учебу. Что ж, похвально, похвально… Ритуал, подобный этому, надлежит скреплять силой Осколка. Самый надежный способ — не привязываться к родовым Осколкам, а использовать чистые носители без привязок. Так рисунок заклинания получится более четким и доставит вам и нам меньше неудобств.

— Полагаюсь на вашу мудрость, — кивнул я.

Ректор польщенно улыбнулся. Неужели такой, как он, был падок на лесть?

— Я действительно рад, что вы сделали верный выбор, — он запустил пальцы в мешочек, выудил оттуда щепотку светящейся пыли и положил на ладонь. — Готовы?

— Да.

Он произнес длинное заклинание на старогреческом, шепча над самым порошком так, чтобы не сдуть ни пылинки. Наверняка это было сложно — я старался даже не дышать, пока порошок был на его ладони. Затем он поднял на меня глаза.

— Отдаешься ли ты добровольно на службу Аудиториуму Магико, Михаил Соколов?

— Да.

— Клянешься ли ты соблюдать интересы Аудиториума Магико и ставить их выше долга, чести и прочих клятв?

Я на миг замялся. А если эти интересы пойдут наперекор Роду? Что тогда?

Но выбора уже не было.

— Клянусь, — тихо сказал я.

— Клянешься ли ты слушать, повиноваться и исполнять приказы ради Аудиториума Магико? Клянешься ли хранить тайны Аудиториума и защищать их?

— Клянусь, — сквозь зубы проговорил я.

Черт возьми, как же теперь балансировать между Родом, Корфом и Аудиториумом? Каждому я был должен, с каждым был связан. И каждый требовал от меня почти невозможного.

— Аудиториум Магико клянется защищать тебя, Михаил Соколов, обучать и наставлять, дабы ты стал достойнейшим среди достойнейших. И да скрепится этот договор силой Осколка.

Он сказал что-то еще по-гречески — тихо, нараспев. А затем высыпал порошок во флакон и тут же плотно его закупорил.

— Отныне мы связаны обещанием, — сказал ректор, убирая флакон за пазуху. — Я бы не хотел злоупотреблять полученной властью и надеюсь на ваше благоразумие, Михаил Николаевич.

— С готовностью его проявлю, — отозвался я.

Долгоруков по-отечески тепло улыбнулся.

— Что ж, с завтрашнего дня начинается новая жизнь вашего сиятельства.

— И как долго она продлится? Вы собираетесь хранить этот флакон вечность?

— Мне хочется надеяться, что случай откупорить его мне никогда не представится. Не теряйтесь, ваше сиятельство. Не подводите нас — и все будет хорошо.

Я едва расслышал последние слова ректора. Голова резко закружилась, комната начала вертеться перед глазами, и камин, кушетка, огни свечей превратились в размытые пятна. Вокруг шеи

словно замкнулся жесткий ошейник, едва позволявший вздохнуть.

Я инстинктивно дернулся, потянулся руками к шее, пытаясь просунуть палец между этим ошейником и кожей. Защититься, сбросить его с себя… тщетно. Я воззвал к силе, но она не откликнулась. Не пришла. Руки и ноги ослабели, жизнь словно покидала меня, а сознание словно уплывало куда-то далеко…

Во тьму.

— Спокойной ночи, ваше сиятельство, — раздалось откуда-то издалека. — И добро пожаловать в настоящий Аудиториум.

***

Звон церковных колоколов разбудил меня еще до рассвета. Я распахнул глаза и по привычке вскочил, но тут же со стоном рухнул обратно на подушку. Голова раскалывалась, а все тело ломило так, словно меня отпинала толпа футбольных фанатов.

Вот же дерьмо. Так…

Потолок. Знакомый. Моя комната в Домашнем корпусе?

Осторожно повернув голову, я уперся взглядом в идеально заправленную пустую койку. И тут же вспомнил, что стало с тем, кому она принадлежала.

Черт возьми, а я-то понадеялся, что это был сон. Хренушки мне.

— Миша? — радостный голос Сереги окончательно вернул меня в реальность. — Миша проснулся! Коля, беги сюда!

Из ванной комнаты выскочил голый по пояс Сперанский. С мокрых рыжих кудрей ручьем стекала вода, и лекарь на ходу пытался вытереться.

— Аллилуйя! — вздохнул он и показал мне палец. — Сколько видишь?

— Один палец и одного мокрого болвана, — ухмыльнулся я. — Какой сегодня день?

— Воскресенье. Два дня после… Кражи головы.

Ого! Последним, что я помнил, был разговор с ректором в ночь с четверга на пятницу. Неплохо меня вырубило…

— Какие новости? — спросил я.

— Ты лучше скажи, как себя чувствуешь.

— Да нормально, только все тело болит и голова чугунная. И жрать хочу.

— Ну еще бы после того забега-то.

— А что было?

— Что, не помнишь, как мы с Ленькой удирали от охраны? — удивился Ронцов и украдкой мне подмигнул. — Как перекидывали Аньку через забор, чтобы она спрятала Голову в

гроте? Ты, правда, уже по дороге в корпус головой приложился…

Ага, значит. Вот какая у нас версия. А Фрейд не промах — за пару дней все хорошо обстряпал. Значит, мы теперь герои-похитители Пантелеева. Интересно, какую легенду в итоге придумали для гибели Княжичей?

— Голову-то вернули? — спросил я, усаживаясь в кровати.

— Ты уж извини, без тебя пришлось. Ну как вернули… Принесли тихонько и поставили на крыльцо Лабораториума. Леня не особо сопротивлялся. Забавный он.

— Это да. Ленька — тот еще фрукт…

Я задумчиво уставился в стену. Нужно подниматься, собираться и ненароком выведать у соседей, что в итоге с Меншиковым и компанией. В воскресенье учебы не было, но нас часто гоняли на воскресную службу в местную церковь, да и к балу требовалось готовиться, будь он трижды неладен…

— Миш, идти сможешь? — Сперанский глядел на меня с беспокойством. — Когда тебя вчера вечером принесли из лазарета, куратор сказал передать тебе, как очнешься, зайти к нему. Говорит, дело есть. Видимо, будем отдуваться за кражу…

Ронцов кивнул.

— Да, было такое дело. Но сперва надо сходить на службу. Панихида все же. Траур…

— Что за траур? — прикинулся дурачком я.

Серега приподнял брови.

— Да как же… По княжичам. И… И Грише.

“Ты действительно не помнишь?” — прозвучал в голове голос Ронцова. — “Не поверю! Я же видел тебя в покоях ректора, когда уходил. Ты должен все помнить!”

“Помню я, расслабься”, — проворчал я, с трудом сдерживая рвотные позывы. Голова болела так сильно, что меня выворачивало наизнанку от спазмов. — “Но официальной версии не знаю”.

— Короче, передрались они. Дуэль была большая Меншикова с Гагариным. Забелло был секундантом Меншикова, Гриша… Гриша, дурень, согласился быть секундантом Гагарина. Видать, хотел подружиться с более умелым менталистом. Ну и Исаев с ними затесался. В общем, что-то у них пошло не так. То ли какой-то артефакт из-под контроля у Гагарина вышел, то ли Меншиков винамия нанюхался… Словом, никто не выжил. Такая вот дуэль…

— Зря Гриша с нами не пошел, — вздохнул Коля. — А я все гадал, куда он запропастился, когда мы Голову прятать пошли…

Я старательно изображал скорбь, хотя особых сложностей это мне не доставляло. Голова раскалывалась. Заметив это, Сперанский наклонился ко мне.

— Голова болит?

— Ага…

— Где?

Я осторожно прикоснулся к правому виску.

— Вся правая половина, глаз… Глаз аж вырвать хочется.

— Понятно, — хмыкнул лекарь. — Мигрень обыкновенная. Давай сюда башку, лечить буду. А потом пойдем на панихиду. До этих княжичей мне дела нет, но надо почтить Гришу.

***

Аудиториумская церковь носила название Домовой, но на деле представляла собой довольно большой храм. Туда при желании мог поместиться весь курс. И сейчас, холодным и пасмурным воскресным утром, в стены храма набилось достаточно народу.

От студентов я выяснил, что тела погибших уже отправили родственникам, а сегодняшняя служба была скорее данью уважения.

Я в бога не верил, но чувства верующих уважал, поэтому стоял все время, пока пели молитвы. Успокоившаяся было мигрень снова расцвела цветком боли от тяжелого запаха благовоний, но я терпел.

Многие девчонки плакали, большинство парней казались потерянными. Во время службы все молчали, но по дороге в храм я то и дело слышал обрывки разговоров — гибель княжичей стала для однокурсников настоящим шоком. Многие впервые столкнулись со смертью и пытались переварить этот новый опыт.

Когда все закончилось, мы вывалились на улицу. Грасс, вытащив из рукава кителя сигарету, воровато огляделась по сторонам и незаметно свернула на узкую тропу парка — бегала курить, пока никто не видел.

Я пустил Сперанского и Ронцова вперед — многие однокурсники подходили к нам и выражали соболезнования — все же мы с Афанасьевым были соседями и дружили.

Знали бы они, как все обстояло на самом деле…

Я уже почти оторвался от взволнованных ребят, когда кто-то крепко схватил меня за рукав.

— Погоди, Михаил.

Я обернулся.

Константин Денисов, совершенно подавленный и мрачный, как грозовое питерское небо, отпустил мою руку и кивнул в сторону.

— Нужно поговорить. Пять минут. Пожалуйста.

Я чуть не икнул от такого внезапного приступа вежливости,

но язвить не стал. В конце концов, Денисов, хоть и связался не с теми людьми, но все же с ними дружил. Следовало это уважать. Особенно сейчас, когда они совершенно точно уже никому бы не причинили вреда.

— Да, конечно, — отозвался я и, махнув рукой соседям, последовал за Денисовым.

Вражина замялся, явно осторожничая со словами.

— Извини, что влезаю, — наконец сказал он. — Понимаю, у вас самих горе. Вы с Гришей дружили. Но я хотел задать тебе вопрос. Это очень важно.

Я кивнул, чувствуя неладное.

— Задавай, Костя.

— В тот вечер… Перед тем, как Меншиков и друзья пропали… Ты не замечал ничего странного?

— Помимо того, что вломился в Лабораториум и усмирял говорящую отрубленную голову? — печально улыбнулся я.

Денисов мотнул головой.

— Я не об этом. Ты не видел в ту ночь Меншикова? Или Исаева с Забелло? Они не сталкивались с тобой?

— Нет, — солгал я. — А что?

Мой противник молчал, опустив глаза.

— Константин, в чем дело?

— Я не знаю, могу ли тебе доверять, — оглянувшись по сторонам, тихо ответил он. — Но меня во всем этом кое-что слишком уж смущает. Михаил, не могло быть никакой дуэли. Я точно знаю, что Андрей, Казимир и Матвей в ту ночь ушли за тобой.

Глава 2

Ежась от холодного ветра, Денисов выжидающе смотрел на меня. Я отвел глаза.

— Не знаю, Костя. В дуэль мне верится с трудом, но…

— Они знали, что вы пошли за Головой! — ухватив меня за грудки, прорычал парень. — Точно знали! У них был свой засланный казачок в вашей компании. Он выложил нам весь ваш план.

Почуяв грубость, сила вокруг моих рук мгновенно вспыхнула, но я мигом погасил свечение.

— Аккуратнее, пожалуйста, — я отцепил руки Денисова от своего воротника, но не стал хамить. — Выходит, ты знаешь гораздо больше меня.

Раз уж я решил подыгрывать и придерживаться официальной версии, придется играть по полной. Хотя Денисов был единственной ниточкой, что могла привести меня к Темной Аспиде, и этим следовало воспользоваться. Интересно, что сказал бы Корф, принеси я ему в клювике информацию о еще одном тайном ордене? Причем ордене куда более опасном и отмороженном, судя по тому, что происходило на Каменном острове.

Если Орден Надежды пока что казался мне сборищем вольнодумцев и революционеров, борющихся за условное равноправие, но Темная Аспида, наоборот, ратовала за максимально возможное расслоение общества. Есть наделенные Благодатью, а есть все остальные. С одной стороны, так оно и было — мы и правда отличались. Но не настолько.

Взять того же Ронцова — его мутация сделала его практически бессмертным. А ведь это оказалось возможно именно из-за связи его отца с простолюдинкой. И судя по тому, как Аудиториум заинтересовался этим явлением, то они были не прочь получить способ добиваться подобной мутации и для чистокровных одаренных.

Выходит, бездарные простолюдины годились на кое-что большее, чем приготовление кофе и черную работу.

Что одни, что другие — радикалы. А мир на черное и белое не делится. И хуже всего то, что я оказался под таким перекрестным огнем, что и врагу не пожелаешь.

И еще Денисов активизировался… Ну что мне с ним делать? Он же упертый, как баран. Если что втемяшится в голову, так не отстанет.

Раскрыть правду невозможно — в лучшем случае он

попытается отомстить мне лично за гибель друзей. В худшем — разболтает кому не надо. Нет, признаваться нельзя. Но вытянуть из него все, что ему было известно, мне очень хотелось.

— Костя, я правда хочу тебе помочь. Из уважения к горю, — сказал я. — Но, боюсь, мне просто нечего тебе сказать. Мы торчали в Лабораториуме, потом побежали прятать Голову, а там я очень неудачно поскользнулся и раскроил себе черепушку. И все, что было дальше, просто пропустил — валялся в отключке в лазарете.

— Но Афанасьев был с вами, — не унимался Денисов.

— Был. А потом ушел. Голову прятали уже без него. И судя по тому, что он оказался среди погибших, он направился к Меншикову и товарищам.

Денисов нахмурился пуще прежнего.

— Нет… Не сходится. Они точно должны были пойти за вами. У них все было готово…

— Что у них было готово? — я старательно разыгрывал неведение. — Для чего?

Денисов замолчал. Я видел по его глазам, что он знал куда больше, чем говорил. Но не доверял мне, сомневался. Впрочем, на его месте я бы тоже не стал болтать с врагом.

— Так что? — давил я. — Говорить будешь или я просто так здесь яйца морожу?

Наконец он сдался. Оглянулся по сторонам и потащил меня еще дальше, на одну из пустых боковых дорожек.

— Пообещай, что ничего не станешь предпринимать, — потребовал он, когда мы достаточно отошли. — Дело серьезное.

— Обещаю…

— Я знаю, зачем они пошли за тобой и Ронцовым. Со мной и Меншиковым связались… Связался кто-то из Ордена Темной Аспиды. Мы поначалу не поверили. Подумали, что это был какой-то розыгрыш. Но затем один из членов Ордена подал нам знак. Нас приметили и сделали кандидатами на вступление в это общество. Но испытание… Испытание, что нам дали, оказалось для меня непосильным.

— Что за испытание? — спросил я, хотя прекрасно знал ответ.

— Вы с Ронцовым должны были стать этим испытанием. Нам велели от вас избавиться. Физически… — Денисов многозначительно посмотрел на меня. — Я не согласился.

— А Меншиков, выходит, не побрезговал.

— Да, — кивнул Константин. — И не только он. Все, кого нашли погибшими, отправились за вами. И Афанасьев должен был заманить вас к ним в ловушку. Ему тоже пообещали членство

в Ордене в случае успеха. А может Андрей и вовсе обманом вынудил его помогать — все это уже было без меня… Большего я не знаю.

Денисов умолк, явно ожидая от меня бурной реакции. Я разочаровал его, разыграв молчаливое недоумение.

— Звучит как бред, Костя. Ты уж прости.

— Я бы и сам назвал это бредом, но это задание точно дали из тайного ордена.

— С чего ты так уверен?

— Была записка. Сначала с нами связались запиской. Подкинули под дверь.

— Где она?

— Меншиков спрятал. Это важно?

— Весьма. Ладно, с этим разберемся позже, — отмахнулся я. — Что было в записке?

— Все то, что я сказал. Что нас рассматривают как кандидатов. Что потребуется пройти испытание. Что один из членов Ордена подаст нам знак — и нам подали.

— Что был за знак?

— Один из преподавателей… — внезапно Денисов начал задыхаться. Побледнел, схватился за горло. — Но я… Я не могу… Нельзя называть…. Не получается. На мне блок.

Прекрасно, черт возьми! Ну еще бы они не перестраховались. Хорошо, что вообще оставили его в живых после такого. Могли и вовсе стереть память.

— А если узнаешь его в толпе, сможешь указать?

— Не знаю. Возможно. И, если что, рисовать я не умею, так что портрет точно не изображу.

Ладно, с этим тоже можно попытаться что-то сделать. Например, поискать в библиотеке фотографии преподавателей и показывать Денисову по очереди. Правда, был велик риск спалиться… Но разберемся. Это уже детали. Главное — у нас была конкретная личность, которая входила в эту тайную Аспиду или как минимум была как-то с ней связана.

Денисов отдышался.

— Так… Всего я, выходит, сказать не могу. Они перестраховались.

— Ничего удивительного, — проворчал я.

— Но остались записки. Андрей их спрятал. Обе записки. Первая — с приглашением. Вторая — с заданием. Но я точно не знаю, где именно он их припрятал.

— Подумай, куда он мог их деть, — сказал я. — Будем искать.

Денисов поднял на меня глаза.

— Так ты действительно решил мне помочь?

— Смотря чего ты хочешь добиться.

— Правды. Я хочу понять, что тогда случилось. Не верится мне, что Андрей поспорил с Гагариным до такой степени, что дошло до дуэли. Не верю, понимаешь? Может кто-то из Ордена Надежды прознал об их планах и решил вас защитить… Может и правда что-то в заклинаниях пошло не так… Может это их специально выманили и убили… Если, конечно, ты мне не солгал.

Я постучал по шеврону с четвертым рангом на своем рукаве. Незачем этому парню знать правду о моем скоропостижно реализованном потенциале.

— Как, по-твоему, мне бы удалось забороть Гагарина? — спросил я.

— Откуда мне знать? — Денисов обхватил руками голову. — Я уже ничего не понимаю… Ничего! Это очень странное место, Михаил. Здесь все не то, чем кажется. Здесь на каждом шагу чертовы тайны. Ненавижу…

Я усмехнулся. Эх, парень, знал бы ты, насколько оказался прав…

— Что, уже жалеешь, что сюда попал?

— Отчасти, — внезапно признался Константин. — Меня предупреждали, что Аудиториум — тот еще змеиный клубок, но я не рассчитывал в первом же семестре получить задание на… — он понизил голос до шепота, — убийство. Ты мне не нравишься, Соколов. Я не считаю тебя ровней. И все же ни ты, ни Ронцов, смерти не заслужили. Я всегда выступал лишь за то, чтобы не принимать вас в высшее общество. Но не за вашу гибель. Поэтому я отказался участвовать в том заговоре.

— Что ж, в моих глазах ты официально повышен с мудака до негодяя с шансом на исправление, — отозвался я. — Я хочу выяснить, что это за Темная Аспида.

Денисов кивнул.

— Я тоже.

— Тогда перемирие на время расследования? — предложил я. — Мне с тобой детей не крестить, но раз у нас есть общий интерес, не вижу препятствий для сотрудничества.

— Перемирие, Соколов, — Денисов протянул руку, и я ее пожал. — И Марианна поможет. Сейчас она безутешна, но захочет отомстить за Казимира. Так что Перовская, вероятно, тоже сможет как-нибудь поучаствовать. Насколько я знаю, у нее есть кое-какие связи среди старшаков.

— Пока не нужно ее в это впутывать, — предостерег я. — Мы с тобой боевые ребята, а она не сможет себя защитить, если нарвется на кого-то посерьезнее. Пусть оплакивает Забелло и

остальных. Сами справимся. Да и чем меньше народу будет замешано, тем лучше. Не хочу я новых жертв.

— Согласен, — тон Денисова снова стал деловым. — Тогда я как следует обыщу комнату и места, где мог бывать Андрей. Его личные вещи уже отправили родным, но не думаю, что он спрятал записки в них.

— Договорились. Ладно, расходимся. На нас уже косо смотрят. Если что-нибудь откопаешь, дай знать.

Денисов молча кивнул и направился в другую сторону. Я поспешил догнать друзей, но что-то словно кольнуло меня в спину. Тревога. Словно кто-то буравил меня взглядом.

Обернувшись, я увидел человека в спецовке, следовавшего за Денисовым по параллельной аллее. Вроде аудиториумский рабочий — то ли дворник, то ли еще кто. Поначалу мне подумалось, что это было совпадением, но когда Денисов углубился в парк, человек вновь последовал за ним.

“Костя! Быстро возвращайся!” — рявкнул я ментально так, что Денисов аж подпрыгнул на месте и принялся судорожно оборачиваться.

“Что такое?”

“Кажется, за тобой хвост. Бегом сюда, я встречу”.

Хвала ему за выдержку, бывший вражина не растерялся, крутанулся по утоптанной дорожке на каблуках, словно спохватился и вспомнил о чем-то важном, и направился в сторону храма, где я поджидал его, спрятавшись за статуей.

“Быстро. Сюда!” — торопил его я.

Хорошо, что он не успел отойти далеко. Двигаясь размашистым шагом, Денисов поравнялся со своим преследователем. Тот выждал пару секунд, обернулся и, увидев, что я вышел, отстал от нас на приличное расстояние.

Я шагнул навстречу Константину, украдкой высматривая преследователя. Но когда Денисов оказался со мной, тот потерял к нам всякий интерес и спешно удалился вглубь парка.

А вот это было занимательно…

— Не оставайся один, ясно? — велел я и потащил Денисова к главной аллее. — Ни в коем случае.

— Понял.

Даже вопросов не задал. Либо ошарашен, либо слишком хорошо соображал.

— Мужика разглядел?

— Мельком. Похож на дворника. Рожа слегка пропитая…

Значит, скорее всего, просто слежка. Хотя могли и замаскировать в целях конспирации.

— Кажется, все несколько серьезнее, чем мне казалось

изначально, — хмуро сказал Денисов и ускорил шаг.

***

— Савва Ильич, разрешите войти?

Мустафин оторвался от записей и, увидев меня, жестом пригласил меня внутрь.

— Вижу, вы не особенно торопились, ваше сиятельство.

— Панихида… Нужно было посетить.

— Закрой дверь.

Я послушался — плотно, до щелчка захлопнул створки и осторожно направился к столу куратора.

— Зачем вы меня вызывали, Савва Ильич?

Мустафин взглянул на меня как на идиота. В его глазах так и читалось: “А то ты не догадываешься?”

Нет, не догадывался. Потому что вариантов теперь была масса.

— Садись, Михаил.

Едва я опустился на неудобный жесткий стул, словно предназначенный для провинившихся студентов, Мустафин захлопнул папку с документами и потянулся к ящику стола. Достав оттуда еще одну стопку бумаг, он аккуратно разложил их и выудил один документ. Мельком взглянув на него, он положил его поверх прочих. Но мне не показал.

— Итак, я понятия не имею, о чем вы договорились с ректором, но случившееся замято, — нервно стуча ручкой по столешнице, сказал он. — Полагаю, не стоит спрашивать, чего от тебя потребовали взамен?

Я пожал плечами.

— А разве это важно?

— Конкретно для меня важно лишь то, чтобы в будущем ты не повторил прошлых подвигов. Если ректор за это ручается, я удовлетворен.

Я криво улыбнулся.

— Ой ли?

— Дерзишь, Соколов.

— Прошу прощения. Но, сдается мне, ваш интерес куда сильнее, чем вы показываете.

— Помимо интереса к загадочным событиям я обладаю инстинктом самосохранения. Отрастил в Дакии в юности, — отрезал Мустафин. — Тебе тоже было бы полезно им обзавестись, если хочешь дожить до конца обучения.

— Вы вызвали меня сюда за этим? Серьезно?

Мустафин наградил меня долгим взглядом, значения которого я понять не мог. Но чувствовал, что от куратора

буквально несло недоверием. Все, эта ниточка к Темной Аспиде была для меня потеряна. После рандеву с Фрейдом Мустафин перестал видеть во мне возможного помощника. Потому что догадывался — свобода не далась мне бесплатно.

— Я хочу убедиться, что ты, Соколов, правильно понимаешь сложившиеся обстоятельства. Даже если Долгоруков стал твоей феей крестной, это не отменяет твоей ответственности за нарушение дисциплины.

— Накосячил — отвечу, — пожал плечами я. — Отпираться не стану.

— Похвальное рвение. И хотя дело замяли, а наспех состряпанная легенда успокоит юные умы, ты должен понимать, что Аудиториум случившегося не забыл. И я не забыл. Это ясно?

Я кивнул.

— Конечно.

— Поэтому я глаз с тебя не спущу. Буду совать нос в каждое дело, которым ты озаботишься. Выясню все о дружках, с которыми общаешься. Сделаю…

— Савва Ильич, уверяю вас, лучше не стоит.

Не знаю, откуда во мне проснулась эта дерзкая уверенность, но сейчас я отчего-то знал, что Мустафин блефовал. Не было у него влияния. Не было возможностей перебить приказы самого ректора.

И по глазам куратора я понял, что он осознал — блеф не прокатил.

Я вздохнул и уставился на Мустафина.

— Савва Ильич, уверяю вас, что отныне у меня гораздо больше причин вести себя образцово, чем вы полагаете. Я не могу рассказать подробностей, но, скажем так, его высокопревосходительство сделал мне предложение, от которого невозможно отказаться. И теперь я обязан соблюдать интересы Аудиториума.

Куратор разочарованно вздохнул.

— Так и думал. Жаль. Значит, они нацепили на тебя ошейник.

— Или так или смерть.

— Тоже верно.

— Но это не значит, что я потерял интерес к ряду… тайн, — улыбнулся я.

— И думать об этом забудь.

Я улыбнулся еще шире. Сам не понимал, что на меня нашло. Но ощущения были такими, словно я нашел недостающий кусочек мозаики, и картинка начала складываться. Чувство пришло раньше, чем мысль, но я уже знал, как следовало поступить.

— Все, что я буду делать, я сделаю в интересах защиты Аудиториума, — сказал я. — Понимайте как хотите.

Мустафин покачал головой и взял в руки документ, что лежал сверху.

— Я больше не стану обсуждать это с тобой. Однако раз легенда кажется твоим покровителям достаточно крепкой, кто я такой, чтобы препятствовать ее реализации? — Он неприятно улыбнулся одними губами, а темные глаза оставались пронизывающе холодными. — Ознакомьтесь с приказом в отношении вас, ваше сиятельство.

Я молча принял протянутый документ и пробежался глазами по строкам.

— За грубейшее нарушение дисциплины…. Кража артефакта из Лабораториума… Дисциплинарное взыскание… Неделя в карцере? — вытаращив глаза, воскликнул я.

Куратор пожал плечами.

— Имею право. Все по уставу. И все указывает на то, что зачинщиком и главным исполнителем сей забавы были вы, Михаил Николаевич, — холодно ответил он. — Поэтому ближайшую. Неделю вы проведете в строжайшей аскезе в одиночной комнате без ментальной связи, развлечений и встреч. Надеюсь, это поспособствует скорейшему обретению вами здравого смысла.

— А что с учебой?

— Ваши проблемы, как нагонять пропущенную программу. Карцер на то и карцер.

Мелковато же ты пакостил Аудиториуму за мой счет, морда кураторская.

Я положил документ на стол.

— И когда приказ вступает в силу?

— С момента вашего ознакомления оным, — ответил Мустафин и поднял трубку старинного телефона. Набрав несколько цифр, он сказал лишь два слова, не сводя с меня глаз. — Забирайте узника.

Глава 3

Мустафин положил трубку на рычаг и как ни в чем не бывало вернулся к бумагам.

— Ожидайте, ваше сиятельство. Сейчас за вами придут.

“Зачем вы это делаете?” — обратился я к нему ментально. — “Пытаетесь мелко отомстить кому-то сверху за мой счет, зная, что я не смогу вам противостоять?”

Куратор оторвал взгляд от документов и взглянул на меня с нескрываемым презрением.

“Ты можешь попытаться мне противостоять, Михаил”.

“Но не стану. И вы это знаете”.

“Именно поэтому я делаю то, что делаю”, — отрезал куратор. — “Со временем ты все поймешь”.

Что за игру он затеял? Меня не отпускало ощущение, что Мустафин действительно помышлял чего-то добиться за мой счет. Но что ему было нужно? Раззадорить высшее руководство Аудиториума и вывести их из себя? Зачем?

Неужели хотел вынудить их совершить какое-нибудь нарушение устава и поймать на горячем, а я был лишь приманкой для этого? Черт его знает, но куратор точно мне чего-то не договаривал.

Ладно, решил играть — я подыграю. Мне уже не привыкать. Откровенно говоря, в Аудиториуме я только и занимался тем, что играл, подыгрывал, разыгрывал, переигрывал, совал нос не в свое дело и вообще занимался чем угодно, но только не учебой. Пока что у меня худо-бедно получалось вытягивать программу, благо большая часть занятий была посвящена прикладному применению силы.

И все же пропуск целой недели мне еще ой как аукнется…

В дверь кабинета постучали. Мустафин открыл было рот, чтобы разрешить войти, но гость решил не дожидаться дозволения и зашел сам.

— Я за узником, — лысый, словно яйцо, мужчина в мундире с шевронами сотрудника администрации скользнул по мне равнодушным взглядом и тут же направился к столу куратора. — Савва Ильич, приказ, пожалуйста.

Мустафин протянул ему документ. Лысый пробежался глазами по тексту и уставился на меня уже куда внимательнее.

— Соколов Михаил Николаевич… — он заметил герб моего рода с перечеркнутой полосой и усмехнулся. — Первый курс, первый семестр, а уже угодили в мои руки…

— С кем имею честь? — набравшись наглости, спросил я, но

все же поднялся со стула в знак почтения.

— Давыдов Игорь Павлович, заместитель советника ректора по воспитательной работе. — Лысый сложил приказ в несколько раз и убрал во внутренний карман кителя. — Прошу за мной, Михаил Николаевич.

Кивнув куратору, он взмахнул рукой в сторону двери и тут же решительно направился к выходу. Я лишь напоследок встретился глазами с Мустафиным. Его взгляд был холоден, но было в его глазах что-то еще. Какая-то злость, направленная непонятно на что. Или на кого-то. Не нравилось мне все это, ой не нравилось.

Что же ты задумал, Савва Ильич? И почему расплачиваться за ваши интриги опять приходится мне? Карма у меня что ли такая?

Давыдов придержал для меня дверь, и, стоило мне выйти, тут же поймал меня за руку. Я даже не успел отреагировать — и на запястье в одну секунду оказался застегнут браслет. Выполненный из серебристого металла с чернением в виде змеи со светящимися колдовским светом глазами.

— Я, знаете ли, не любитель украшений, ваше благородие, — удивленно пялился я на браслет. — Соизволите разъяснить, что это и зачем оно на моей руке?

Давыдов усмехнулся.

— Меня предупреждали, что вы весьма дерзкий и порой язвительный юноша, Михаил Николаевич. Теперь вижу. Это устройство контроля за узниками карцера, ваше сиятельство. Сейчас оно в спящем режиме, но я активирую его, когда мы доберемся до ваших новых покоев.

Давыдов кивнул мне и направился к лестнице. Я поспешил за ним.

— И что же делает это устройство? — расспрашивал я на ходу.

Дело было даже не в том, что мне было полезно выяснить границы своей свободы. Видимо, от Ядвиги мне передался интерес к всевозможным затейливым артефактам. И хотя я не помышлял о работе в Лабораториуме, все же не мог отказать себе в удовольствии повертеть в руках очередную интересную зачарованную штуковину.

— А вы с какой целью интересуетесь? — покосился на меня лысый воспитатель.

— Исключительно с научной, — улыбнулся я. — Честное слово. Вот вам крест!

— Избавьте, избавьте!

Этот яйцеголовый воспитатель показался мне забавным. И выглядел очень уж безобидно для человека, вынужденного взаимодействовать с хулиганами и всякого рода проказниками.

Невысокий, пухловатый — китель на его животе застегивался с трудом. Лицо гладкое с лоснящейся кожей, аккуратно подстриженная бородка…

Словом, на первый взгляд, с трудом верилось, что такой интеллигентный дяденька сможет справиться с каким-нибудь разбушевавшимся студентом.

Впрочем, внешность часто была обманчивой, особенно в стенах Аудиториума. Да и браслет он слишком уж ловко застегнул…

— Данный браслет поможет отследить ваше местоположение и доставит вам немало неудобств при попытке покинуть карцер раньше срока, — все же расщедрился на подробности Давыдов. — Вы не сможете его снять при всем желании. Если внимательно присмотритесь, то увидите, что замка у него нет и что он подстроился под ваш размер.

А ведь и правда. Змейка укусила себя за серебряный хвост, изобразив уроборос, но изнутри поверхность браслета ощущалась совершенно гладкой. И сидела эта вещица так плотно на запястье, что снять я ее не мог бы при всем желании.

— Намек понял, — отозвался я.

Впрочем, одна идейка, как избавиться от оков, у меня была. Правда, сперва следовало добраться до карцера. Пусть Мустафин думает, что все пошло по его плану. А там разберемся.

— К слову, я польщен, — сказал я, когда мы покинули Домашний корпус и направились к административному зданию. — Сам заместитель советника ректора пришел по мою душу и сопровождает в место заточения…

— Язык бы вам укоротить за скоморошество, ваше сиятельство, — хрустя туфлями по утоптанному снегу, отозвался Давыдов. — Это была просьба господина Мустафина. Он требовал, чтобы я лично проследил за вашим перемещением.

— Неужели боялся, что я сбегу? — улыбнулся я.

— А вы намерены?

— Отнюдь. Не хочу усугублять свое положение. Да и через ограду все равно перелезть не успею — у вас наверняка есть в запасе пара фокусов, что помешают мне сбежать.

Это, я, конечно, ему польстил. Но афишировать свой первый ранг перед незнакомцем не собирался. Одно из главных правил уличной драки, которому меня учил покойный старший брат — казаться слабее, чем ты есть на самом деле. Это не раз выручало и Петьку, и меня. А уж в Аудиториуме с его вечными интригами и подковерной возней я тем более следовал этому принципу.

Лысый воспитатель усмехнулся.

— Да, кое-какие средства, чтобы остановить вас, у меня

имеются. И я не желал бы пускать их в ход. Тем не менее рад, что вы оказались благоразумны. Поторопимся же. Как у нас шутят, раньше сядешь — раньше выйдешь.

Я подавил смешок и поравнялся с Давыдовым. Воспитатель шел на удивление шустро для его комплекции. Меня тоже подгонял холод — в Аудиториуме часто не надевали верхнюю одежду для перемещения между корпусами, так что мы и закалились, и научились двигаться очень быстро.

— А часто студенты попадают в карцер? — спросил я, когда перед нами выросли стены административного корпуса.

— Случается, — уклончиво ответил Давыдов. — Лучше карцер, чем исключение, согласитесь.

— И я верно понимаю, что не смогу учиться, находясь там?

— Именно так, ваше сиятельство.

— То есть меня наказывают одиночеством, возможными проблемами из-за пропуска учебы и…

— Скука! — перебил меня Давыдов. — Скука — самое мучительное наказание из всех, что можно вообразить для пытливого ума, ваше сиятельство. Одиночество, невозможность покинуть замкнутое пространство и безделье способны свести с ума даже стойких духом. По этой причине мы не держим провинившихся в карцере дольше недели.

— Мило, — только и ответил я.

Мы как раз подошли к главным дверям, и Давыдов, кивнув дежурившему при входе сотруднику, пропустил меня вперед.

Холл административного корпуса поражал воображение потрясающе красивым куполом из витражного стекла. Это место было похоже на собор, только здесь строили храм науки — сцены изображали различные варианты применения Благодати, отдавая дань уважения каждой специализации. Тусклый зимний свет пробивался через стекла и бросал на мраморный пол причудливые разноцветные блики.

— Сейчас сразу направо и вниз по лестнице, — велел Давыдов, оторвав меня от созерцания красоты. — Еще насмотритесь на витражи, если Богу будет угодно.

Мы свернули в ближайший коридор и прошли мимо ряда одинаковых дверей. Я понял, что меня вели в самый дальний флигель. Наконец, после петляний и блужданий по зданию, что внутри было куда просторнее, чем казалось снаружи, мы оказались перед невзрачной двустворчатой дверью.

“УПРАВЛЕНИЕ ПО ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ РАБОТЕ”, — прочитал я скромную табличку.

— Прошу, Михаил Николаевич, — Давыдов потянул на себя ручку и пропустил меня вперед.

Коридор, в котором я очутился, больше напоминал больничный. Стены выкрашены бледно-зеленой краской, на полу — кафель, на подоконниках редких окон — чахнущие цветы в горшках. Вид резко контрастировал с элегантной пафосностью остальной части корпуса.

Видимо, в управлении специально решили поиграть на контрастах и лишний раз напомнить провинившимся студентам, скольких благ они лишались, ступив на дорогу хулиганства.

Давыдов зашел в одну из дверей и через несколько секунд вышел в сопровождении высокой женщины с лицом доярки и комплекцией мастера спорта по академической гребле. И если на пузике Давыдова китель едва сходился по причине неуемного аппетита, но на этой даме форма была готова лопнуть потому, что не могла сдержать напора женской красоты. И мышц. Мышц там было очень много.

— Светлана Александровна, принимайте нового постояльца, — улыбнулся замсоветника и протянул ей бумагу с приказом. — Отдаю этого юношу в ваши нежные руки.

Я нервно сглотнул. Дама, поправив тщательно уложенные кудри, уставилась на меня.

— Фамилия! — рявкнула она так, что с одного из цветков свалился отсохший лист.

— Соколов… Михаил Николаевич. Первый курс.

— Провинность!

— Да это… В бумаге все написано.

Я даже немного растерялся.

— Читать я умею, — хриплым альтом ответила женщина. — Я требую, чтобы ты сам озвучил, за что отбываешь наказание.

Откуда она здесь вообще взялась-то? Что на вид, что по поведению — ну натуральная смотрительница женской тюрьмы. Но ладно, здесь меня не прибьют, так что можно немного и поразвлекаться.

— За приверженность традициям Аудиториума Магико! — осклабился я.

Видимо, мой ответ нарушил какой-то скрипт у нее в голове, потому как гром-баба зависла, молча моргая.

— Голову он стащил из Лабораториума, — пояснил Давыдов. — Зачинщик.

— Аааа… — протянула тюремщица. — Тогда понятно. Соколов, за мной!

Она направилась вперед по коридору, к массивной железной двери с огромным замком-воротом. Давыдов улыбнулся мне на прощание.

— Скука, Михаил Николаевич. Помните о скуке…

Тряхнув головой, я последовал за Светланой Александровной, мощный круп которой едва мог пройти в дверной проем. Впрочем, и головой она почти что задевала свисавшие с потолка лампы. Таких больших во всех отношениях женщин я никогда не встречал. А эта, казалось, могла разогнуть голыми руками подкову…

— Пошел!

Я осторожно протиснулся в полутемный коридор. Гром-баба тут же захлопнула металлическую дверь и сняла с пояса большую связку ключей.

— Сюда.

Я подошел к двери. Железная, с двумя окошками — смотровое, с решеткой, и для приема еды. Миленько. Прямо настоящая одиночная камера.

Женщина распахнула дверь и толкнула меня внутрь.

— Значит, так. Подъем в шесть, отбой в девять. Душ раз в три дня. Форму сними и повесь, роба на кровати. Постельное белье заправляешь и меняешь сам. Еда три раза в день: в семь, тринадцать и восемнадцать. Куришь?

— Нет.

— И славно. Потому что на перекуры не выпускаем. Вопросы?

— Читать можно?

— Только то, что найдешь в комнате.

Миленько. Очаровательнейшее место, однако. Спасибо, Мустафин, прямо-таки царский подгон. Но был во всем этом один жирный плюс — я наконец-то мог выспаться.

— Вопросов не имею, — сказал я.

— Вот и ладненько, — прогудела большая дама и захлопнула перед моим носом железную дверь. — Обед через полчаса.

Я услышал, как заворочался ключ в замке, а через пару секунд она постучала каблуками по коридору. А я оглядел свое временное пристанище.

Мда. Триумф аскезы. Смесь монастырской кельи и одиночной камеры в норвежской тюрьме. Из мебели только кровать, стол и стул, да пустая книжная полка. При входе — вешалка с плечиками — видимо, для кителя. В отсеке ванной комнаты обнаружились унитаз и раковина, а над ней — мутноватое зеркало. Вот и все. Нищенствующий Франциск Ассизский точно бы оценил.

Сняв китель, я подошел к кровати и осмотрел робу. Штаны и куртка грязно-серого цвета, даже заботливо положили нижнее белье и тапки. Тоже серые. Да и вообще все в этой комнате было серым и каким-то безжизненным. Утешало только небольшое окно в верхней трети стены. Естественно, застекленное и

зарешеченное.

— Ну, прекрасно, — проворчал я и принялся переодеваться. Затем натянул постельное белье и заправил кровать, переоделся, умылся…

И сел, не понимая, что делать.

Вокруг царила полная тишина — непроницаемый купол, что накрывал отсек с камерами, не пропускал ни звука. Коридор пустовал, из соседних камер не доносилось ни звука.

И я ощутил… растерянность.

Обычно я вечно куда-то бежал, что-то делал, торопился, едва успевал, еле-еле балансировал, а сейчас… Ощутил себя белкой, выпавшей из колеса. Пустота, тишина, бездействие. Кажется, я начал понимать, о чем говорил Давыдов.

Скука.

Вздохнув, я встал, принялся разминаться. И когда наклонился, заметил выдвижной ящик под столешницей. Потянув его на себя, кисло ухмыльнулся.

Книги здесь все же были. Библия и Устав Аудиториума. Отличное развлечение.

Взяв обе, я завалился с ними на кровать. Ну, немного духовной пищи не помешает. В конце концов, нужно знать матчасть.

Но не успел я пролистнуть и нескольких страниц, как подпрыгнул от голоса, внезапно раздавшегося у меня в голове.

“Пюре не ешь, оно здесь отвратительное”.

“Аня?!” — ошарашенно спросил я.

Грасс расхохоталась в моей голове.

“Ну а кто еще?”

“Так. Стоп. Почему я тебя слышу? Здесь же купол”.

“Потому что я за стеной. Купол блокирует только внешние ментальные связи. Внутри купола можно общаться. Но лучше все-таки поосторожничать и не показывать надсмотрщикам, что мы разговариваем”.

Я едва не выронил книгу из рук.

“Погоди, Грасс. Так тебя тоже засунули в карцер? За что?”

“За то, что спрятала Голову, которую ты спер. И применила сложные заклинания без санкции Аудиториума в неподходящем месте. Но это повод. У меня была возможность тебя сдать, но я этого не сделала и тебе помогла. Так что поздравляю, когда выйдем из карцера, будем героями всего курса. Пусть эта мысль тебя утешает. А пюре здесь и правда блевотное”.

Так… Значит, Грасс тоже залезли в голову и подкорректировали воспоминания, раз она рассказывала, что ее посадили за сокрытие Головы. И воспоминания, судя по всему,

интегрировались очень хорошо.

Хорошая новость — стало меньше шансов сойти с ума, ибо общение у меня все-таки будет. Плохая — из всех замешанных в краже сообщников мне выпал самый стервозный. Характер у этой Грасс был тот еще.

“Давно ты здесь?” — спросил я, отложив книгу.

“Два дня. Из лазарета сразу перевели сюда”.

“А с тобой-то что приключилось?”

“Заклинание сбойнуло. Торопилась, кое-что напутала и чуть сама себя не подорвала. Ничего серьезного, но убежать не смогла… С другой стороны, я хотела славы — я ее получила”.

“Это верно”.

“Но раз уж ты оказался здесь, то планы меняются”.

“В смысле?” — не понял я.

“В прямом”, — огрызнулась Грасс. — “Я не собираюсь торчать здесь всю неделю. И раз мы оказались в этой ловушке вдвоем, то ты поможешь мне отсюда убраться”.

Глава 4

Услышав о побеге, я аж закашлялся и уставился в стену, за которой, по моим прикидкам, находилась Анна Грасс.

“Ань, ты в своем уме?” — возмутился я.

“Вполне”.

“И как ты себе это представляешь? На нас артефакты слежения, двери заперты снаружи…”

“Но есть окна”, — ухмыльнулась в моей голове байкерша. — “Залезь-ка на кровать и выгляни на улицу”.

Насупившись от неудовольствия, я все же поддался любопытству. Стянул тапки, залез с ногами на кровать, осторожно привстал на цыпочки и принялся разглядывать внешний мир.

Какой-то тихий дворик. Видимо, наши камеры располагались на цокольном уровне, потому как нижний край окна был почти на одной линии с землей. Ухватившись обеими руками за узкий подоконник, я подтянулся, чтобы увидеть больше.

А место для возможного бегства в теории было удачное. Пространство вокруг корпуса пустынное — хотя в ночное время наверняка зажгут фонари. Людей здесь не было — наша маленькая исправительная колония располагалась в самой отдаленной части административного корпуса. И, что лучше всего, парк в этом месте подходил совсем близко. Всего каких-то десять метров — и начинались деревья.

Однако оставалось как минимум две проблемы и один большой вопрос.

“Ну допустим, тебе удастся выбраться незаметно”, — обратился я к Грасс. — “Но что прикажешь делать с решеткой и браслетами?”

“С решеткой я разберусь — все же не из самой простой семьи происхожу. В моем роду умеют работать с металлами, так что искривить железяки так, чтобы пролезть, у меня получится. Благо я худая. А вот с браслетом мне поможешь ты, Соколов”.

“Боюсь спросить, каким образом”.

“Слушай, Михаил, ты идиот или прикидываешься?” — теряла терпение байкерша. — “Ну сам головой подумай!”

Да все я прекрасно понял. Она хотела, чтобы я использовал родовую силу. Видимо, для того, чтобы избавить ее от браслета.

Так-то оно так. Я и сам размышлял, что браслет наверняка был настроен только на взаимодействие с Благодатью. Спасибо времени, проведенному в лабораториях с Ядвигой Хруцкой, я теперь чуть больше знал о принципах создания артефактов. И выяснил, что при создании большинства таких игрушек

учитывалась только Благодать, а взаимодействие с родовой силой никто не закладывал.

Судя по всему, наши браслеты были старыми и тоже не учитывали мою “родовуху”. Грасс, будучи артефакторшей, пришла к тому же.

“Значит, ты хочешь, чтобы я использовал свою силу, чтобы снять с тебя браслет”, — озвучил я выводы. — “Но есть одна проблемка: даже если я соглашусь, у меня не получится сделать это на расстоянии. Мне нужен физический контакт с артефактом, чтобы на него воздействовать”.

“Сообразил, молодец. Значит, ты не такой уж и болван”, — отозвалась байкерша в привычной хамской манере. — “Что до возможности подержать меня за ручку, то я над этим работаю. Прямо сейчас”.

“Но я еще не согласился”.

“Полагаю, ты хочешь знать, что я могу предложить взамен?” — усмехнулась девушка. — “Опять торгуешься?”

“А зачем мне рисковать просто так? Здесь не дураки сидят. Если ты проколешься, а шансов проколоться у тебя много, то они сразу поймут, что я тебе помог. Так зачем мне рисковать ради тебя?”

“Буду должна”, — коротко ответила Грасс.

Э, нет, дорогая моя. Так дело не пойдет. Я под колпаком и у ректора, и у куратора. Мне бы по-хорошему отсидеться тихонько да покумекать как следует о том, что делать, дабы жить долго и счастливо. Или хотя бы как просто пережить обучение в Аудиториуме. И я рассчитывал спокойно отсидеть здесь положенную неделю, а затем вернуться к учебе и параллельно продолжать свои тайные делишки.

Затея Грасс ставила мое спокойствие под угрозу. Да и, кроме того, был риск получить еще одну неделю в карцере за рецидив. А могли и вовсе отчислить — в теории. В моем случае это было маловероятно — все же моя шкурка слишком уж заинтересовала руководство Аудиториума. А вот Грасс могли выпереть запросто — у нее никакой особой протекции не было.

Я с удивлением понял, что мне бы этого не хотелось. Хотя бы потому, что эта байкерша настолько отличалась от большинства остальных первокурсников, что казалась мне глотком свежего воздуха. Характер стервозный, манера общения — отвратительная. Зато она била не в бровь, а в глаз, и это на фоне вечных заискиваний слабых перед сильными казалось мне очень человечным.

“Зачем ты хочешь выбраться?” — спросил я, привалившись к стене. — “Только честно”.

И почувствовал плечом какое-то ритмичное шкрябанье с другой стороны. Словно моя соседка что-то ковыряла или отколупывала. Неужели пыталась проделать дырку в стене, чтобы просунуть руку?

“У меня клаустрофобия. Такой ответ подойдет?”

“Нет. Потому что боязни замкнутых пространств у тебя нет. Иначе ты бы раньше это проявила, и вся группа бы заметила. Так что не говори чепухи. Давай честно”.

Шкрябанье прекратилось, и я услышал тихое шуршание. Скрипнули пружины кровати.

“Ладно! Мне нужно выбраться, чтобы успеть кое-что забрать”, — наконец выпалила Грасс. — “Это нужно сделать быстро, пока никто другой не нашел”.

“Что забрать?”

“Соколов, не дави. Уважай мое право на тайны”.

“Ты пытаешься втянуть меня в очередное преступление. Сдается мне, я имею знать, ради чего должен рисковать своей задницей”.

Грасс шумно вздохнула за стеной.

“Ааарррр! Н беси меня! Артефакт! Мне нужно забрать свой личный артефакт. Я потеряла его в ту ночь, когда мы выкрали Пантелеева. Он очень важен для меня”.

“Вот, видишь, не так уж и сложно говорить правду”, — подначивал ее я.

“Конечно, не сложно, когда из тебя все жилы вытягивают”, — сквозь зубы процедила байкерша. — “Ну так что, теперь поможешь?”

Пусть терпит мои мелкие подначки — она сейчас не в том положении, чтобы слишком уж огрызаться.

“Нет, мне маловато информации. Что за артефакт и почему он не может подождать недельку?”

“Говорю же, его может кто-нибудь найти. А если найдет, то… Короче, нельзя, чтобы он попал к кому-нибудь в руки”.

“Компроматом промышляем, мадемуазель?”

“Я не знаю! Я не знаю, что там. Но я должна его вернуть”.

Интересно девки пляшут… Она же только что говорила, что это был ее личный артефакт.

“Не сходится, Анют”.

“Господи, как же ты меня достал! Это око памяти, понял? Я записала свои воспоминания о ночи, когда мы крали голову. Нашла у себя в кителе записку, написанную моей же рукой. У меня есть такая привычка — если я подозреваю, что мне сотрут память, стараюсь записать воспоминания на артефакт и оставляю для себя записку, чтобы потом найти шарик и все вспомнить!

Теперь доволен?”

Я расхохотался. Ах она хитрая лиса! И ведь правда — она вполне могла прихватить с собой из дома артефакт, подобный тому, какой мне давал Корф. Все же Грассы — потомственные артефакторы, а Грасс была далеко не самой слабой представительницей этой специализации. А уж хитрость с записками для самой себя — это было до гениального просто.

Ну Грасс, ну дает…

“Чего ржешь?” — обиженно спросила она.

“Да я не над тобой, расслабься”.

В этот момент двери отсека заскрежетали, и я услышал звук, похожий на стук колес тележки.

— Обед! — Громогласно оповестила большая женщина. — Принимайте порции.

Сперва поднос подали Грасс, затем скрипнуло и мое окошко. Я уже стоял наготове — жрать хотелось неистово.

— Пятнадцать минут на прием пищи, — предупредила надзирательница.

— Ага, спасибо.

Не знаю, чего Грасс была недовольна кормежкой. Нормальная еда. Да, без изысков, зато хотя бы теплая. А горячее, как известно, сырым не бывает. Рассольник, кусок хлеба, колтелы с пюре и стакан компота. Нормальная еда.

Я ел молча и не стал связываться с байкершей. Мне нужно было подумать.

С одной стороны, если Грасс узнает правду о той ночи… То что? Выяснит, что убила Афанасьева. Что я устроил массовое убийство напавших на нас княжичей. Что Ронцов умер и воскрес.

Зная ее импульсивный характер, так себе расклад.

С другой стороны, если ее артефакт с записанными воспоминаниями попадет не в те руки, то вся легенда Аудиториума о дуэли Меншикова и Гагарина развалится. И тогда вуз ожидает скандал. Может, конечно, ректор успеет это отследить и принять меры… А если не успеет?

Словно невидимая петля затянулась на моей шее — так внезапно, что я аж подавился супом. Я почувствовал опоясывающее жжение, словно клятва, данная ректору, пробудилась и требовала моих действий. Зуд был нестерпимым.

Значит, вот как оно работало. Я поклялся защищать интересы Аудиториума. И сейчас, когда размышления привели меня к возможной угрозе универу, невидимый ошейник заставлял меня исполнять клятву защищать вуз.

Что ж, в таком случае будет гораздо проще проконтролировать Грасс — по крайней мере я буду знать, что

она в курсе истинных событий, и смогу на нее повлиять. В конце концов она не круглая дура — поймет, что лучше держать язык за зубами. Это будет и в ее интересах, если она не захочет стать объектом кровной месте рода Афанасьевых.

Да, такой вариант был куда лучше. Другой вопрос — как сама девчонка отнесется к тому, что оказалась убийцей? Тогда она действовала на эмоциях, ярость застелила ей глаза. Но сейчас, когда все улеглось… Да, нужно за ней внимательно следить.

Доев, я водрузил грязную посуду на поднос и поставил его возле окошка.

“Ладно, я тебе помогу”, — обратился я к Грасс. — “Считай, в награду за твою откровенность. Знаю, что это далось тебе непросто”.

“И все?” — удивилась она. — “Ничего не попросишь взамен?”

“Обсудим, когда ты вернешь свой артефакт и считаешь воспоминания. Сейчас просто пообещай, что я буду первым, с кем ты поговоришь о том, что вспомнишь. И что ты вернешься сюда после того, как решишь свою проблему”.

“Странные просьбы”, — ответила Грасс. — “Ты что-то знаешь?”

“Да. Но сейчас ничего говорить не буду. А бумажку свою уничтожь”.

“Уже съела. Даже она на вкус лучше, чем местное пюре”.

Я не удержался и прыснул. Неисправимая девушка.

“Про то, чтобы вернуться сюда, я серьезно”, — настаивал я. — “Если твое отсутствие обнаружат, хана всей затее”.

“Ладно, согласна”, — недовольно проворчала байкерша. — “Найду — и сразу двину сюда”.

Гром-баба вернулась, чтобы забрать подносы. Зыркнув на меня ярко-голубым глазом сквозь окошко, она забрала посуду и захлопнула стальную дверцу у меня перед носом.

Очень любезно. Ладно, зато нас теперь не будут дергать до самого ужина. Можно заняться кое-чем полезным.

“Что ты там ковыряешь?” — спросил я, усевшись на кровати.

“Вчера незаметно стащила ложку. Зачаровала ее простейшими заклинаниями, чтобы браслет не вопил — он орет, если применять воздействие сильнее пятого ранга. И теперь проделываю дыру. Видишь трубу, что идет по стене, где окно?”

Я огляделся. Под кроватью действительно тянулась выкрашенная в цвет стены труба диаметром примерно с мое запястье. Я дотронулся до нее — горячая. Значит, вода.

“Вижу”.

“Так вот, она сквозная, идет через обе комнаты. И ремонт здесь делали спустя рукава. Глянь — она не вмурована в стену,

там оставили пустое пространство”.

Я подобрался к месту, где труба уходила в комнату Грасс, и увидел, что там действительно оставалось немного места — при желании можно было даже что-то разглядеть. Вот эту дыру байкерша и расковыривала заколдованной ложкой.

“Я могу помочь”, — предложил я. — “Можно попытаться аккуратно пробить стену слабым заклинанием”.

“Я не стала рисковать — могу переборщить, и тогда мы здесь всех поставим на уши”.

“А так ты будешь ковырять стену до второго пришествия”, — возразил я. — “Ты ведь торопишься, насколько я понял?”

“Артефакт лучше забрать как можно скорее”.

“Тогда план таков: до ужина проделываем дыру. После отбоя ты вылезаешь. Думаю, я смогу прокинуть на наши камеры непроницаемый купол, чтобы надсмотрщики не услышали твоей возни”.

Грасс молчала, видимо, прикидывая, успеем ли мы все это сделать.

“План мне нравится, но тогда и правда нужно добивать дыру заклинанием. Затем я просуну руку, ты снимешь браслет…”

Я не был уверен, что у меня получится его снять. А вот обезвредить, шарахнув по нему родовой силой, вполне получилось бы. Но сперва придется повозиться со своим, чтобы не поднял тревогу, когда я стану работать с побрякушкой Грасс.

А если я обезврежу оба браслета, то освобожу нам немного пространства для маневра в колдовстве. Например, смогу повесить хороший непроницаемый купол. Это позволит Анне выбраться, не привлекая внимания.

Лишь бы она только сдержала слово.

“Ладно, тогда начинаем”, — торопила Грасс.

“Погоди”.

Я решил сразу же заняться своим браслетом. Все же это была не электроника, которая сигнализировала бы на сервер о выходе из строя. Так что если буду вести себя тихо, никто толком и не заметит, что устройство контроля не работает. А когда выяснится… Что ж, сделаю щенячьи глазки, похлопаю ресницами и скажу, что наверняка это влияние родовой силы. А вот браслет Грасс лучше вырубить так, чтобы позже она смогла его активировать…

“Ты что там делаешь?” — прошипела в моей голове байкерша.

“Ань, умолкни на пять минут. Я работаю. Нельзя отвлекаться”.

К чести Грасс, она тут же оборвала ментальный канал и не

задавала лишних вопросов.

Я положил свободную руку на браслет и воззвал к силе. Много мне было не нужно — здесь требовалось просто направить поток на артефакт таким образом, чтобы он “закоротил” браслет. Как я понял, зачастую потоки родовой силы попросту сбивали алгоритмы с толку. Это мне и было нужно. Остановлю алгоритмы — и браслет попросту превратится в безделушку.

— Господи, даруй Хруцкой многие лета жизни и кучу счастья, — выдохнул я. Как же мне все-таки повезло провозиться с ней в лаборатории. Кто б знал, что этот опыт пригодится так скоро.

Род принял мои объяснения и отозвался на удивление охотно. Я сразу обозначил, что много брать не буду — наоборот, здесь требовалась ювелирная работа с малыми мощностями.

Почувствовав в руках характерное покалывание силы, я осторожно, выверяя миллиметр за миллиметром, направил поток прямиком на яркие глазки змеи, что обвилась вокруг запястья.

Так… Сейчас главное — не переборщить.

Артефакт дернулся на моей руке. Всего на секунду глазки змеи вспыхнули еще ярче. Я направил чуть больше силы — всего на толику. Но этого хватило. Огоньки погасли, а змея выпустила хвост из пасти, и ставший гибким, словно простая цепочка, браслет упал на одеяло.

Я судорожно выдохнул, только сейчас осознав, что каждая мышца тела напряглась. Отлично. Теперь можно работать дальше.

“Я снял свой браслет. И, кажется, вырубил его полностью”, — сообщил я Грасс. — “Теперь займемся дырой”.

Выждав четверть часа на случай, если браслет все же послал Давыдову сигнал бедствия, я приступил к работе. Никто за нами не пришел, не проверял, не отвлекал. Значит, получилось.

С дырой я справился по-своему. Сотворил очень маленькую “Косу” и пустил ее стесывать перекрытия, благо здесь они оказались не каменными, а деревянными, но были пропитаны каким-то очень твердым раствором. Вот его-то моя “Коса” и счищала.

Грасс набралась смелости и тоже начала подтачивать слабенькой “Косой” стену со своей стороны. У нее выходило медленнее, но за час мы управились.

Когда все было готово, я убрал пыль и осмотрелся.

Нет, не заметят. И это тоже было хорошо.

“Проверь, рука пролезает?” — спросил я.

Грасс зашуршала возле пола. Я свесился с кровати и ждал. Наконец она смогла протиснуть пальцы, а затем появилось и ее запястье с браслетом.

“Пришлось засунуть по локоть”, — отозвалась байкерша. — “Тебе будет удобно так работать?”

“А какая разница?”

Я крепче перехватил ее тонкое запястье и осторожно прикоснулся к браслету, направляя поток силы так, чтобы сбить работу алгоритмов, но не уничтожить их. Здесь приходилось действовать еще осторожнее: одно неловкое движение — и браслет бы напрочь испортился.

“Ну что?”

“Не сбивай!” — шикнул я.

Выдавливая силу буквально по капле, я сконцентрировался на змеиных глазках. Так, теперь нельзя допустить того, чтобы они вспыхнули — нужно, чтобы просто медленно погасли, отключая заложенные алгоритмы.

Вспоминая все, чему учила Хруцкая, я слой за слоем отключал все, что там было накручено. Наконец змеиные глазки потухли, и она выпустила хвост из пасти. Я подхватил соскользнувший браслет и вложил в ладонь Анне.

“Готово. Он деактивирован. Как вернешься, надень — это отведет от тебя подозрения”.

“А ты хорош, Соколов”, — хмыкнула Грасс. — “Не думал пойти в артефакторы?”

“Не. Не мое”.

“Жаль. Мы могли бы придумать много интересного”.

“Предпочитаю честный и открытый бой”.

“Одно другому не помеха”, — улыбнулась в моей голове байкерша.

Дверь отсека снова заскрипела. Я услышал глухой стук каблуков гром-бабы.

“Шухер!” — гаркнул я и метнулся к кровати. Нужно было принять скучающий вид, если надзирательница пришла по наши души.

Грасс зашуршала, попыталась вылезти и внезапно зашипела от боли.

“Дерьмо. Кажется, я застряла…”

Глава 5

“Миш, тревога!” — сосредоточенно прошипела в моей голове Грасс. — “Я не могу вытащить руку. Помоги”.

Я торопливо озирался по сторонам. Припал к двери, прислушиваясь к шорохам снаружи. Там, в коридоре нашего отсека с чем-то возилась Гром-баба. Шуршала не то тканью, не то какими-то пакетами…

— Смена белья! — Зычно провозгласила надзирательница и подкатила тележку под мою дверь. — Соколов, давай все грязное.

— Так постельное только что дали…

— По уставу положено, — безапелляционным тоном заявила большая дама. — Так что давай, снимай весь текстиль, завязывай в простыню как в узел и передавай мне.

— Пять минут, Светлана Александровна, — жалобно попросил я, стараясь сделать так, чтобы мой голос звучал беспомощно. — Простите, я еще плох в бытовых вопросах…

— Ну еще бы. Слуг-то здесь нет, — хохотнула женщина. — Но навыки самообслуживания приобрести полезно. Так что давай, жду.

Она громко постучала в дверь камеры байкерши.

— Грасс, тебя это тоже касается. Сдавай все белье. И робу тоже.

Так, пять минут я выторговал. Уже что-то.

А Светлана Александровна оказалась если не мировой теткой, то по крайней мере не законченной стервой. И нам с Грасс не стоило злоупотреблять сносным отношением к себе.

“Миш, мы сейчас проколемся”, — ворчала у меня в голове Анна.

“Спокуха. Я уже иду”.

Хотел бы я сейчас оказаться в ее камере и поржать над идиотской ситуацией, в которой оказалась Грасс. Видел несколько эротических видео, где завязка начиналась примерно в тех же обстоятельствах: симпатичная девушка застревает, этой беспомощностью пользуется ее спутник или случайный гость…

Так, что-то меня понесло. Соберись, Миха. У нас тут ЧП.

Я осторожно опустился на корточки возле дыры. Рука Грасс застряла глубже, чем я думал. Кажется, я даже заметил кровь — видимо, девушка расцарапала кожу в попытках выбраться.

“Придется бить “Косой”, — сказал я. — “Это рискованно. Но там труба, и одно неосторожное движение может устроить потоп. Так что работать придется со стороны, где застряла твоя рука. Я могу тебя ранить”.

“Делай что нужно!”

“Только не кричи”.

“Не буду”, — пообещала байкерша.

Сконцентрировавшись, я призвал силу в правую ладонь. Левой уперся в стену, чуть отстранился от окна, чтобы хоть что-нибудь рассмотреть, и осторожно сотворил малюсенькую “Косу”. Острый как бритва сгусток силы медленно забрался в дыру в стене.

“Повесь на руку “Берегиню” на всякий случай. Хотя все равно зацепит”.

“Нет времени!” — рявкнула мне прямо в мозг Грасс. — “Бей так!”

Ох, суровая девка. Но она была права — за дверью стояла надзирательница, и вряд ли терпение было одной из ее добродетелей.

— Соколов! — Забарабанила в дверь Гром-баба. — Как успехи?

Я дернулся от неожиданности, а Грасс зашипела от боли у меня в голове. “Коса” тоже сорвалась и полоснула ее по руке, прорезав слабую защиту. Я инстинктивно отшатнулся, боясь, что сейчас в лицо польет поток горячей воды из вскрытой трубы, но вроде обошлось.

Фуууух.

— В процессе! — отозвался я и вернулся к дыре.

Так. Времени становилось еще меньше. На филигранную работу возможности нет. И придется резать по живому.

“Терпи, Ань. Сейчас будет больно”.

Она не ответила. Я лишь услышал тихий скулеж, когда “Коса” принялась подтачивать перекрытия и раствор рядом с рукой девушки. Байкерша заскрежетала зубами и тихо зашипела, когда заклинание снова ее зацепило.

“Быстрее!” — подгоняла она. — “Не щади!”

Управляемая силой моей мысли “Коса” сделала еще несколько подтачивающих движений, и Грасс наконец-то смогла выдернуть руку.

“Готово!” — оповестила она.

Я погасил “Косу” и присмотрелся к дырке. Отсюда даже смог разглядеть кусок камеры Грасс. Девушка тут же поднялась на ноги и осмотрела руку.

“Сначала поцарапала, затем обожглась”, — проворчала она. — “Ладно, разберусь с этим сама. Спасибо, Соколов”.

Убедившись, что проблема была решена, я принялся метаться по камере, собирая полотенца, стаскивая постельное белье и на ходу переодеваясь из робы в универскую форму.

Светлана Александровна окончательно потеряла терпение и открыла окошко, через которое передавала нам еду.

— Ну что?

— С пододеяльником провозился, простите, — виновато улыбнулся я, уже завязывая барахло в узел простыни. Одно хорошо — еще в прошлой жизни я стал настоящим мастером спорта по смене постельного белья. Когда Оля заболела и слегла, ухаживать за ней приходилось в основном мне. А там была не только кормежка — приходилось и кровать заправлять, и судно выносить, и учиться делать уколы. Так что к самостоятельной жизни я был более чем подготовлен.

Только вот аудиториумцам знать об этом не следовало.

— Прошу, — я с трудом затолкал объемный узел в окошко.

Гром-баба забрала грязное и тут же протянула мне стопку аккуратно сложенных и пахнувших стиральным порошком полотенец и наволочек.

— А зачем каждый день менять? — Спросил я.

— Санитарные нормы, — со знанием дела ответила надзирательница. — Еще не хватало, чтобы вы какую-нибудь хворь подхватили. А то бывали случаи.

Окошко захлопнулось, а я вернулся к развороченной кровати.

— Грасс. Почему кровь на полотенце? — услышал я глухой вопрос.

Анна что-то прошептала Гром-бабе, на что та согласно ухнула.

— Ладно. Принесу тогда тебе средства.

Понятненько. Грасс тоже умела выкручиваться.

Наконец внезапный визит был окончен, и я позвал байкершу, параллельно занимаясь кроватью.

“Рана сильная?”

“Терпимо. Уже обработала “Мертвой водой”. Заражения не будет. Потом залечу”.

“Помни об уговоре”, — сказал я и завалился на свежую кровать. — “Даже если не добудешь свой артефакт, все равно возвращаешься сюда. Не позже, чем за час до подъема”.

***

Время до отбоя тянулось невыносимо медленно. Давно покончив с ужином, мы с Грасс завалились каждый на свою кровать и скучали. Не знаю, чем занималась байкерша, а я изучал Устав Аудиториума Магико — унылый текст в роскошном алом переплете.

Впрочем, реши я всерьез и надолго остаться в вузе, то книжечку следовало изучить повнимательнее на предмет

всевозможных лазеек. Тот же Мустафин активно использовал устав для влияния на меня, и мне следовало бить противника его же оружием.

От чтения меня отвлек скрежет двери в наш отсек и глухой стук каблуков надзирательницы.

— Отбой, господа провинившиеся! — оповестила она. — Через пять минут отключим свет. Приготовьтесь ко сну.

Я отложил книгу и дополз до раковины, чтобы умыться. Со стороны камеры Грасс тоже звучал шум воды — наверняка девушка старательно делала вид, что подчиняется правилам, дабы усыпить бдительность наших сторожей.

Вытершись, я вернулся на кровать и уставился в окно.

“Готова?” — спросил я Грасс.

“Да. Но выжду полчаса на случай, если придут проверять. Просьба будет — не зажигай “Жар-птицу”. Пусть думают, что мы дрыхнем”.

“Лучше скажи, когда купол вешать?”

“Дам знать”.

Грасс говорила мало и быстро — я уже заметил эту ее особенность. Она всегда так делала, когда над чем-то напряженно думала или работала. Пару раз мы оказались в паре на лабораторной по Прикладному применению Боевой Благодати — и там тоже общались ментально. Грасс отвечала так же односложно.

“Пора. Вешай купол”, — короткая просьба байкерши отвлекла меня от полудремы. Я даже не заметил, как провалился в сон, и подскочил на кровати, скрипнув пружинами. Черт, вот уж не ожидал, что вырублюсь после столь долгого сна… Видимо, организму досталось в ту ночь настолько жестко, что даже пара дней в беспамятстве не смогли восстановить силы.

Это было новое свойство моего организма. С тех пор, как в моих венах поселилась родовая сила, я стал очень зависим от отдыха. Да, порой можно было призвать силу, чтобы оставаться бодрым, но расплачиваться потом за это приходилось вдвое дороже. Не поспал одну ночь на энергетике из “родовухи” — спи сутки без задних ног. И лучше всего сила восполнялась именно во сне.

“Начинаю”, — ответил я и, не вставая с кровати, принялся рассчитывать размеры купола.

Следовало повесить его так, чтобы он захватывал обе наши камеры, но не выходил в коридор. Вдруг надзирательница решит прогуляться ночью и посмотреть, насколько крепко спят ее подопечные? Купол она бы заметила — при всей полезности, неприметным заклинание я бы не назвал. Оно слишком явно

ощущалось всяким, кто был наделен силой.

“Поторопись, Миш”, — просила Грасс. — “Пожалуйста. У меня мало времени”.

Технически у нее была вся неделя, и она могла каждую ночь устраивать вылазку — браслет-то теперь не работал. Но я и сам был бы рад, реши она свою проблему всего за один побег. Все же слишком большой риск, хотя Грасс явно была шкодницей со стажем и знала, как пробираться незаметно куда не следует.

Рассчитав размер купола, я призвал силу и принялся медленно, но основательно конструировать невидимый непроницаемый барьер. Была в этом своя красота. И пусть никто, кроме меня, не видел и даже не мог заметить сплетений силы, но я-то ощущал, насколько прекрасной была эта вязь.

Тонкие силовые ниточки сплетались, соединись и расходились, оплетая нашу комнату, словно замысловатый узор на вязаном свитере. Я даже немного увлекся. Переключил внимание на эстетику — и сам залюбовался своей работой. Такое со мной было впервые. Может, безделье сказалось, или же просто тишина и покой — но именно сейчас я ощутил настоящее удовольствие от работы над заклинанием.

Если раньше я принимал доставшуюся мне силу как неизбежность, и скорее как проклятье, нежели дар, то сейчас я увидел, насколько прекрасным может быть результат моей работы.

“Готово”, — отчитался я перед Грасс. — “Можешь начинать. На всякий случай захватил пару метров перед окнами, чтобы с улицы не услышали шум”.

“Ты ж мое солнышко”, — сладко протянула байкерша, немало меня огорошив. — “Спасибо”.

Да уж, девушка она была странная. Лишь бы целоваться не полезла. Хотя…

Нет, все-таки было что-то в этой Грасс. Что-то, чего мне немного не хватало в Ирке. Легкая безуминка — притягательная и опасная одновременно. Думаю, все дело в том, что Ирэн, при всей своей стервозности поначалу, на самом деле оставалась хорошей девочкой из хорошей семьи. У Ирэн вопреки всем безумствам, что она порой творила, были тормоза.

У Грасс, казалось, тормозная система отсутствовала вовсе. Это привлекало, но… Инстинкт самосохранения вопил мне, что близко связываться с этой девахой не следовало. Про таких, как она, моя бабушка говорила — “бедовая”. Словно магнитом притягивала к себе неприятности и даже ничего для этого не делала.

Но с ней было интересно.

Ладно. Если она добудет свой артефакт и все вспомнит, у меня еще будет возможность пообщаться с ней поближе. И посмотрим, к чему это приведет.

Я привалился к стене и прислушался. Грасс вовсю орудовала силой — наверняка нагаревала прутья решетки и сгибала их так, чтобы получить возможность вылезти. Наконец щелкнула оконная ручка, и я услышал тихий скрежет старых петель.

“Удачи”, — улыбнулся я. — “И не попадись. Если что, докричаться до меня ты не сможешь”.

“Знаю”, — коротко отозвалась байкерша. — “Ну, с богом…”

Судя по звукам, она открыла окно нараспашку, придвинула кровать под узкий подоконник и, подтянувшись, принялась вылезать. Мой “Купол” надежно скрывал все эти звуки от надзирателей.

А теперь оставалось лишь молиться и надеяться на лучшее.

Я ожидал, что не смогу сомкнуть глаз до тех пор, пока Грасс не вернется. Но ошибся — усталость оказалась сильнее меня, и я сам не заметил, как провалился в сон.

***

Пробудил меня укол силы — “родовуха” встала на дыбы и мгновенно встряхнула мое многострадальное тело. Еще толком не проснувшись, я подскочил на кровати и взглянул на часы. Почти полночь. Значит, Грасс отсутствовала уже примерно два часа.

Долго.

Не знаю, где именно она спрятала или потеряла артефакт, но мне казалось, что пары часов на его поиски должно было хватить.

“Ань?” — позвал я, но не получил ответа.

Значит, еще не вернулась.

Почему мне было тревожно? О чем хотел предупредить Род? Сила никогда не дергала меня просто так…

Осторожно выбравшись из-под одеяла, я сунул ноги в тапки и прошел к самой двери камеры. Здесь действие “Купола” заканчивалось — я специально оставил небольшое свободное пространство, чтобы в случае чего подслушать происходящее снаружи.

И, как выяснилось, не зря.

Далеко, за дверями нашего отсека, разразился скандал. Металлическая дверь, что отделяла узников от остальных помещений Управления, была слишком массивной и толстой, чтобы я смог разобрать слова. Но точно слышал ругань.

Один голос принадлежал мужчине постарше, второй — кому-то помоложе, третий — женщине. Возможно, нашей

надзирательнице, хотя здесь наверняка был и другой персонал.

Так-так… Интересно, что же там происходило? Я прислушался к силе и с ее помощью усилил интуицию. Странный трюк, но иногда получалось. И прислушался к внутренним ощущениям.

Это было похоже на чтение эмоций, только из моей камеры нельзя было разобрать, кому какая принадлежала. Я просто почувствовал весь букет.

Злость и ярость вспыхнули перед глазами алой аурой. Причем мне показалось, что это было доминирующей эмоцией, словно каждый из присутствовавших ее испытывал. Ничего удивительного — люди спорили. Сосредоточившись, я увидел другой цвет — желтый. Настороженность. Его было куда меньше, словно только один человек это чувствовал. И еще один — серо-синий, тревожный цвет. Не страх, но напряжение, опасение. Кто-то из троих отчаянно думал, как выкручиваться?

Голова резко заболела, и я оставил попытки выяснить происходящее. Но остался у двери.

Что за споры на ночь глядя? Или у нас были гости?

Шум начал приближаться, и голоса стали более отчетливыми, хотя я все никак не мог определить, кому они принадлежали.

— … Немедленно!

— Протестую! Согласно уставу, во время отбоя беспокоить запрещено. Исключения составляют только нештатные ситуации!

Кажется, эту длинную речь толкнул Давыдов. Больно уж характерные нотки.

— Да все, что здесь творится, и есть одна сплошная нештатная ситуация! — возразил ему незнакомец.

— Как бы то ни было, это может подождать…

Я припал к двери и превратился в одно большое ухо. Спорили прямо возле отсека. И явно пришли по нашу душу. Но кто?

Возле большой двери началась какая-то возня. Черт. Если они сейчас войдут, то заметят пропажу Грасс. Я метнулся обратно под сень “Купола” и буквально заорал, пытаясь дозваться до Ани.

“Аня, у нас ЧП!” — ревел я, но ответа не было.

Проклятье. Дерьмо, дерьмо, дерьмо!

Что я мог предпринять? Как минимум сузить радиус “Купола”, чтобы его не почувствовали снаружи. Мне он сейчас был почти без надобности, а вот осторожно перенести его на область окна в камере Ани… Но сперва нужно было избавиться от гостей.

Я снова прилип к двери. Возня утихла. Кажется, надзиратели увели гостя подальше от отсека. Уже хорошо. Я аккуратно сузил “Купол”.

И едва закончил с этим, как услышал шаги возле своего окна.

Соседняя камера утопала в безмолвии — как ей и было положено. Но в мое окошко тихо постучали.

Я подтянулся на подоконнике и увидел ноги. Женские, худые. Грасс. Она наклонилась, я увидел ее бледное лицо и высоко поднятые брови. Жестом она спросила, можно ли забираться. Я кивнул.

“Снимай купол, все закончилось”, — услышал я голос Ани через несколько минут.

“Успешно?”

“Дааа. И еще — кажется, там кто-то в пух и прах разносит Давыдова и большую тетку. Крики стоят такие, что аж с улицы слышно”.

Я снял заклинание и рухнул на кровать прямо в тапках.

Твою дивизию, неужели удалось?

“Дай мне немного времени, займусь артефактом”, — сказала Грасс.

“Помни об обещании, что мне дала”, — ответил я. Теперь сон как рукой сняло. Быть может, то, что должно было сейчас произойти, и было самым важным во всей это операции. — “Нам нужно будет поговорить. Ты и сама это поймешь”.

Глава 6

Грасс молча оборвала ментальный канал — наверняка сразу же занялась считыванием воспоминаний с артефакта. Я устроился с ногами на кровати и приготовился ждать. Сейчас вся эта затея больше не казалась мне такой уж гениальной. Но переигрывать все равно было поздно.

Лишь бы Анька не потеряла голову от правды и не натворила глупостей.

Она обратилась ко мне быстрее, чем я ожидал. За стеной скрипнула кровать девушки, раздался короткий звук, словно упало что-то маленькое.

“Я видела, что ты сделал. И что сделала я”, — сказала в моей голове Грасс. — “Только не понимаю, почему мы в универском карцере, а не в настоящей тюрьме”.

“Потому что Аудиториуму это невыгодно по определенным причинам”, — ответил я — “Дело решили замять. Считай, тебе чертовски повезло. И никому не говори, что память к тебе вернулась. Даже Малышу. Иначе будут проблемы”.

“Это я уже поняла”, — Грасс снова нервно поерзала на кровати. Теперь благодаря проделанной в стене дыре я очень хорошо слышал все, что делала моя соседка. — “Но сдается мне, чего-то ты не договариваешь, Соколов”.

“Ты уже и так узнала достаточно”, — сухо ответил я. — “Хватит на пару приговоров”.

“Выходит, мы с тобой — убийцы знати… Весьма интересный расклад вырисовывается”.

“Предпочитаю думать об этом как о самозащите”, — ответил я.

“Ну в твоем-то случае — да. А вот я отличилась…”

Не поспоришь. Я действительно защищался, а она… Тогда я списал это на нервный срыв или психоз или как там это по науке называется. Состояние аффекта, в общем. Подумал, что Грасс была настолько шокирована увиденным, что, так сказать, предприняла превентивные меры по обезвреживанию противника.

С другой стороны, убийством Афанасьева Грасс оказала мне большую услугу — ведь незадолго до своей безвременной кончины наш предатель-менталист дал мне понять, что нашел мой тайник. Пока что никто, даже застукавший меня Ронцов, не задавал об этом вопросов. Но если бы Гриша начал болтать…

И меньше всего мне сейчас было нужно, чтобы связь с Корфом всплыла на поверхность.

“Ты как вообще?” — спросил я, привалившись к стене. —

“Как себя чувствуешь после того, как все вспомнила?”

“Психиатром заделался?” — огрызнулась Грасс. — “Может еще картинки с кляксами показывать станешь?”

“Нет. Но ситуация, прямо скажем, выходит из ряда вон”.

Но у Ани явно не было настроения плакаться мне в жилетку.

“Лучше объясни мне другое”, — сказала она. — “Ты что сделал с Меншиковым и его прихвостнями, что они буквально сгорели? Как тебе это удалось?”

А разговор складывался интересно и совершенно не так, как я его представлял. Я-то ожидал, что придется утешать и успокаивать Грасс, а она отнеслась к случившемуся в высшей степени хладнокровно. Даже странно. Ни слез, ни истерик, ни криков. Только вопросы.

Словно не человека убила, а картошку почистила. И куда больше Грасс интересовало не собственное преступление, оставившее кровь на ее руках, а то, что устроил я.

Да уж, эта девица точно отличалась от всех, что я встречал раньше. Хотя, быть может, она просто была в шоке.

“Так что ты там устроил, Соколов?” — не сдавалась Грасс. — “Я должна знать”.

“Зачем?”

“Вдруг мне тоже угрожает опасность? Вдруг ты и меня решишь превратить в кебаб?”

“Когда ты просила снять с тебя браслет, тебя это не интересовало”, — усмехнулся я. — “А сейчас вон как заговорила”.

“Тогда я не знала, что ты устроил массовое убийство княжичей. Кстати, за этот поступок я тебя не осуждаю. Будь у меня возможность избавиться от этих кретинов, я бы поступила так же. Другое дело — я не могу понять, как ты умудрился убить их всех разом. И вспышка такая странная… Что это было за заклинание? И как тебе хватило силы? У тебя ведь четвертый ранг, а у того же Гагарина был второй…”

Вот зараза. Слишком уж хорошо у нее варила голова после возвращения воспоминаний. И вопросики она задавала правильные. Сосватать бы эту девицу на службу Корфу — эти двое точно споются.

“Многовато вопросов, милая”, — я попытался съехать с темы. — “Но если это тебя утешит, вас я трогать не собирался и не собираюсь”.

“Ага. Если б Ронцов не воскрес… Кстати, это тоже очень интересно. Есть комментарии по поводу парня, который решил поиграть в святого Лазаря?”

Я начинал терять терпение.

“Твою шляпу, Грасс! Я на допросе? Или ты все это

вынюхиваешь для кого-то?”

“С чего ты взял?” — мгновенно отреагировала девушка.

“С того, что ты сама ведешь себя странно, и доверять тебе у меня оснований нет. Сперва ты просто заколола Афанасьева, хотя в этом уже не было необходимости. Потом единственная из всех, кто там был, позаботилась записать воспоминания на артефакт. А сейчас устроила мне натуральный допрос. Ты уж извини, но сдается мне, что действуешь ты по чьей-то указке”.

Грасс лишь рассмеялась у меня в голове.

“Экий ты параноик, Соколов. Ну хорошо, объясню. Во-первых, на моих глазах уже убивали, и я знала, что однажды это придется сделать и мне. Во-вторых, Афанасьев оказался предателем, а у меня с ними разговор короткий, и уж тем более слез по нему лить я не собираюсь. Что до артефакта, я объяснила тебе все раньше — не забывай, из какой семьи я происхожу. Конечно, у меня будут тузы в рукавах!”

“Все это не объясняет твоего слишком уж живого интереса”, — проворчал я.

“Мы с тобой в одной лодке, Соколов, хочешь ты этого или нет. Мы оба в этом дерьме по самые уши. И мне интересно, как же так вышло, что мы отделались всего-то карцером? Что Аудиториум аккуратно поджарил мозги кому надо, придумал новую легенду и оставил нас учиться. Наказание, знаешь ли, не совпадает с тяжестью преступления”.

Я тяжко вздохнул. Нет, она от меня не отстанет. Вцепилась бульдожьей хваткой. Да и мне нужно дать ей какую-нибудь версию, чтобы она успокоилась, не стала болтать, но и дальше с вопросами не лезла.

“За нами отныне очень пристально наблюдают”, — наконец ответил я. — “Нужно объяснять, что это означает?”

“Избавь от подробностей, я поняла”.

“Просто прикидывайся дурой, веди себя так, словно ничего не вспомнила — и пронесет. А со временем это забудется”, — успокаивал ее я.

“Не забудется”, — печально усмехнулась Грасс. — “Это Аудиториум, Соколов. То, что они заменили мне воспоминания, не отменяет того, что я сделала. А это означает, что однажды, когда Аудиториуму понадобится моя помощь, мои связи или мое еще что-нибудь, они напомнят о моем поступке. Не сомневайся, с них станется”.

“Значит сделай все так, чтобы они как можно реже о тебе вспоминали”, — ответил я.

“Боюсь, отныне это не от меня зависит”, — грустно ответила Грасс.

Я закрыл глаза, но сон как рукой сняло. Взглянул на часы и внезапно понял, что мы проговорили добрых два часа. Все же требовалось немного поспать. Вроде бы все важное решили, Аня, судя по ответам, собиралась проявить благоразумие. А большего я отсюда сделать не мог.

“Соколов, еще не спишь?” — прервала мои размышления байкерша.

“Пытаюсь заснуть. Чего тебе?”

“Даже не спросишь, почему я все же убила его, хотя могла пощадить? Неужели неинтересно?”

“Это не мое дело”, — ответил я и отвернулся лицом к стене. — “Спокойной ночи, Грасс”.

***

Я проснулся от какого-то неприятного запаха и холода. Морозный воздух кусал меня за щеки, а ноздри раздражала вонь табачного дыма.

Открыв глаза, я тут же посмотрел на часы: пять утра. Час до подъема. А холод и сигаретный дым тянулись из дыры в стене. Ну конечно, кто ж еще…

“Грасс, ты с ума сошла?” — рявкнул я так, что Анька от неожиданности едва не свалилась с подоконника. Что-то грохнуло, зашуршало, и я услышал скрип окна.

“Твою мать! И тебе доброе утро. Чего орешь прямо в мозг?”

“Здесь нельзя курить!”

“Пффф, убегать тоже было нельзя. Я немножко. Всего одну”.

“Завязывай, мне холодно”, — проворчал я и натянул одеяло по самый подбородок.

Грасс, видимо, вняла моей просьбе и, кажется, даже воспользовалась заклинанием, чтобы лучше проветрить камеру. Запустила слабенький “Вихрь”, который мы разучивали на Прикладной Благодати, и пустила ураганчик по комнате.

Я хотел было снова отрубиться, но на этот раз не позволили уже наши надзиратели. Кто-то шаркал по коридору, гремел ключами и возился с дверью нашего отсека.

Что-то они рановато.

— Соколов, подъем! — громкий стук кулака Гром-бабы звучал так, словно она била половником по здоровенной металлической кастрюле. — Просыпайся! К тебе гости.

Я раздраженно стащил одеяло и свесил ноги.

— Не рановато ли для приема посетителей, Светлана Александровна? — проворчал я, но принял вертикальное положение, как того требовал устав.

Дама не ответила. Лишь что-то пробурчала себе под нос и

отперла дверь моей камеры.

— Входите, — она кивнула невысокому человеку, силуэт которого темнел в дверном проеме.

— Благодарю.

— Погодите, свет включу, — спохватилась надзирательница.

— Не стоит утруждаться, — гость зажег “Жар-птицу” и запустил ее под потолок — камера тут же озарилась мягким оранжевым светом.

А я узнал своего визитера.

— Доброе утро, Станислав Янович, — зевнув, поприветствовал я войтоша ректора.

Не спрашивая разрешения, Любомирский прошел к столу, выдвинул стул и уселся напротив меня. Принюхавшись, он улыбнулся.

— Не знал, что вы курите, ваше сиятельство. Советую прекратить. Это пагубная привычка.

— Не я. У меня здесь есть сосед.

— О, наслышан, наслышан…

— Чем обязан визиту в столь раннюю пору? — вскинул брови я и поежился от холода.

Любомирский бросил многозначительный взгляд на надзирательницу и та, поджав губы, захлопнула дверь, оставив нас в наедине. Но я был уверен, что дамочка подслушивала.

— Михаил Николаевич, полагаю, произошло ужаснейшее недоразумение, — с театральными интонациями начал войтош. — Вас не должны были отправлять под стражу. Его высокопревосходительство узнал о вашей участи вчера глубоким вечером и был разъярен. Однако мы решили, что будить вас среди ночи и переводить в Домашний корпус будет не лучшей идеей.

Ах вот оно как. Значит, до Долгорукова дошла информация, и он тут же отправил своего цепного пса по мою душу. Как тебе такое, Мустафин? Один — один, сволочь.

Я не удержался от гнусной ухмылки.

— Значит, вы пришли вызволить меня из заточения?

Любомирский кивнул.

— Разумеется. Негоже человеку ваших талантов и заслуг гнить в карцере как какому-то преступнику-рецидивисту. Я забираю вас немедленно, — он вытянул руку. — Ваше запястье, пожалуйста. Нужно снять ограничительный браслет.

— Но приказ был подготовлен согласно Уставу, — возразил я.

— Боюсь, некоторые сотрудники слишком вольно трактуют некоторые доктрины нашего закона, — кисло улыбнулся войтош. — Однако и этот момент мы уладим. Что до вашего наказания за кражу господина Пантелеева, то, учитывая давнюю

традицию, было решено заменить пребывание в карцере на общественные работы в свободное от учебы время. Итак, ваше сиятельство, руку…

Я виновато улыбнулся и вложил в протянутую ладонь Любомирского расстегнутую змейку браслета. Войтош удивленно вскинул брови.

— Вот как…

— Местные артефакты настроены на Благодать, — объяснил я. — Боюсь, произошел конфликт с моей родовой силой.

Губы ассистента ректора растянулись в слабой улыбке.

— Ну конечно. А вы, стало быть, решили умолчать об этом обстоятельстве.

— Но и попыток бежать не предпринимал, — ответил я тем же чуть насмешливым тоном.

Любомирский спрятал артефакт в карман и кивнул на висевший на вешалке китель.

— Переодевайтесь в форму, Михаил Николаевич. Вы возвращаетесь в Домашний корпус.

Я поднялся и прошлепал до вешалки, как вдруг обернулся.

— Выпускают только меня?

— У вашего сиятельства есть иные варианты?

— Я не единственный отбываю здесь наказание за кражу Головы, — я кивнул в сторону соседней камеры. — Полагаю, будет несправедливо освободить зачинщика и оставить одного из помощников в заточении. Здесь, знаете ли, холодно по ночам. Можно и воспаление какое подхватить. Да и как-то это не по-мужски — оставлять даму в затруднительном положении…

“Соколов, не дави!” — возникла в моей голове Грасс. Ну конечно, она подслушивала. Спасибо дырке, для этого даже не нужно было стараться. — “Тебе и так повезло выбраться отсюда. Не торгуйся! Я справлюсь”.

Ну уж нет. Мне нужно внимательно за ней следить. Поэтому если выйду я, то выйдет и Грасс.

Любомирский изучающе глядел на мое лицо, словно силился прочитать мой замысел. Не знаю, был ли он менталистом и мог ли залезть мне в голову, но характерного жжения от воздействия я не почувствовал.

— Что ж, ваше сиятельство… вы вьете из меня веревки. Вернее, из моего господина, — вздохнул он. — Но на что не пойдешь ради сохранения всеобщего спокойствия… Согласен. Вашу… однокурсницу тоже выпустят сегодня. Прошу, собирайтесь, а я тем временем распоряжусь, чтобы разбудили госпожу Грасс.

— Благодарю, Станислав Янович, — искренне обрадовался

я. — Я это ценю.

— А мы ценим вас, Михаил Николаевич, — ответил Любомирский и вышел за дверь.

Через несколько секунд я услышал стук в дверь камеры Ани.

“Во что ты влез, Соколов?” — на этот раз в голосе Грасс сквозил испуг. — “Что они заставили тебя сделать?”

“С чего ты решила, что они меня заставляли?”

“Не делай из меня дуру! Этот мужик только что весь прямо обнамекался, что ты важен Аудиториуму. А если сложить одно и с другим, получается, что нас отмазывают потому, что у Аудиториума к тебе какой-то особый интерес. Так во что ты влез, Соколов?”

“Я просто защищаю всех вас”, — коротко ответил я. — “Тебя, Ронцова, Малыша и Сперанского. И Штофф. Все, что я делаю — это защищаю”.

Грасс явно хотела сказать мне что-то еще, но я оборвал канал и установил блок. Мне следовало сосредоточиться и быстро переодеться. Да и она пусть помаринуется — может, в ней взыграет благодарность, и девица станет более сговорчивой.

Одевшись и накинув на плечи китель, я толкнул дверь и вышел в коридор. Аня каким-то образом собралась раньше и уже дожидалась меня вместе с Любомирским и Гром-бабой. Браслета на ее руке не было.

Увидев меня, надзирательница шагнула вперед.

— Ваше сиятельство, приносим извинения…

Я взмахнул рукой, велев ей остановиться.

— Вы выполняли приказ. К вам вопросов нет. В отличие от того, кто его отдал, — с этими словами я бросил долгий взгляд на Любомирского. Тот едва заметно кивнул. Надеюсь, понял мой намек. Пусть разбираются сами.

Войтош жестом велел нам с Грасс следовать за ним, и вскоре мы покинули стены Управления по воспитательной работе. Грасс то и дело бросала на меня тревожные взгляды, но я не реагировал. Сейчас было неподходящее время для выяснения отношений.

И едва мы оказались в стенах административного корпуса, я ощутил облегчение. Словно тяжелая ноша свалилась с плеч — оказывается, “глушилка” давила на меня сильнее, чем казалось в камере. Сейчас мир словно заиграл более яркими красками.

Любомирский довел нас до выхода и вручил бумаги.

— Здесь приказ для господина Соколова прибыть на общественные работы в главный корпус.

— А что с Грасс? — спросил я.

— Приказ поступит куратору сегодня до обеда. Госпожа

Грасс, зайдите к Мустафину в указанное время.

Байкерша кивнула, кажется, все еще не веря своей удаче.

— Всего доброго, господа, — едва заметно кивнул Любомирский и направился вверх по парадной лестнице.

Мы с Аней переглянулись.

— Теперь я точно твоя должница, — тихо сказала девушка. — И я непременно замолвлю за тебя словечко, когда придет время.

— Ты о чем?

Но вместо ответа она направилась к выходу. А меня настиг голос Денисова.

“Соколов, чтоб тебя псы загрызли! Куда ты пропал? Я тебя везде обыскался!”

Я аж подпрыгнул, услышав голос бывшего вражины.

“Ночевал в карцере. Долгая история. В чем дело? И какого черта тебе не спится?”

“Я нашел то, о чем мы с тобой говорили. Проверил тайник Меншикова. Записка у меня”.

Глава 7

Грасс остановилась у дверей и нетерпеливо барабанила пальцами по латунной ручке. Сонный охранник, коротавший ночь в будке, вопросительно взглянул на девушку, но ничего не сказал.

“Поговорим позже”, — сказал я Денисову. — “Буду в Домашнем корпусе через десять минут. Нас выпустили”.

“Нас?” — удивился однокурсник. — “Кто еще с тобой?”

“Грасс”.

“То-то я думал, куда она запропастилась… Штофф ее обыскалась. Ладно, увидимся”.

И Денисов мгновенно оборвал ментальный канал. Байкерша окликнула меня и кивнула на выход.

— Идем, — раздраженно бросила она. — Я еще хочу успеть принять душ и почистить форму. Иначе влетит от куратора, а он, судя по всему, теперь и так точит на нас зуб.

— Ага.

Мне, как и ей, не терпелось отсюда убраться. Сейчас в главном холле административного корпуса не было никого, кроме нас и охранника, попивавшего остывший чай из большой кружки. Цветные витражи купола не блистали красотой — зимой в наших широтах поздно, и вся эта цветастая роскошь дожидалась рассвета.

Грасс придержала для меня дверь, и лишь сейчас, взглянув на ее правую руку, я увидел, что все было хуже, чем она говорила.

— Погоди, — задержал ее я на крыльце. — Дай взглянуть.

— Ты что, лекарем заделался?

— Нет. Но кое-что умею.

Грасс хмыкнула, но все же дала мне раненую руку. Видимо, и правда болело сильнее, чем она показывала. Я осмотрел повреждения и цокнул языком. “Мертвую воду” она использовала, но, видимо, второпях немного исказила заклинание. Края раны воспалились.

— Ты не до конца очистила повреждения.

— Ерунда.

— Нет, — покачал головой я. — Возможно, занесла инфекцию. Если сейчас не сделать все правильно, заживать будет долго. А тебе еще пригодятся руки для учебы. Сегодня две пары Прикладной Благодати. Ты же помнишь, что нужно сдать пять лабораторных по заклинаниям для аттестации? И, если я ничего не напутал, тебе осталось еще две…

Грасс насупилась, но руки не отняла.

— Помню. Ладно, если ты у нас самый умный, то давай,

действуй. Только если нас поймают на применении Благодати, сам будешь объясняться с администрацией.

Я усмехнулся. Не поймают. Буду работать на самых низких рангах — так, чтобы смешаться с общим фоном здания. Ибо силой здесь был пропитан каждый кирпич. Восьмой ранг — более чем достаточно.

— Есть, мадемуазель, — козырнул я и приступил к работе.

На самом деле повреждения были плевыми — сделай Аня все правильно, сейчас бы даже не чувствовала ранения. Но поторопилась и получила обраточку за ошибку. Другое дело, что рана и правда мне не нравилась. Я не был настолько сведущ в лекарстве, как тот же Сперанский, но мог отличить беспроблемную царапину от потенциально неприятной.

— Вскрою и залечу заново, — обозначил я план действий.

Грасс раздраженно кивнула.

— Только быстро, — потребовала она. — И давай без всяких нежностей вроде анестезий и прочего.

— Да понял я, понял, что ты у нас склонна к мазохизму.

— Ни к какому мазохизму я не склонна! — возмутилась девушка и покраснела. — Просто хочу сэкономить время.

— Ну да. Ну да.

Первым делом я повесил маленький непроницаемый купол вокруг руки Ани, а затем вскрыл рану заклинанием. Прошелся маленькой “Косой” как бритвой, снимая корочку с раны. Самое сложное во всем этом было сотворить “Косу” внутри купола и не дать одному заклинанию прорезать другое. Так я добился стерильности в полевых условиях.

Грасс зашипела.

— Сама сказала не обезболивать, — сказал я. — Теперь изволь терпеть.

Мне сотворить небольшой анестетик ничего не стоило — нас этому с первых занятий учили на спецкурсе по Лечебной Благодати. Заклинание простое — всего-то связываешь силу так, чтобы ткани онемели, а нервные окончания не реагировали на боль.

— Кто тебя этому учил? — скривившись, спросила она.

— Никто. Сам придумал.

— Смекалистый. Это хорошо.

— Не одна ты у нас умеешь включать голову, — сухо отозвался я и сосредоточился на ране.

Так, теперь рана была обнажена. Я внимательнее осмотрел ее. По-хорошему следовало лучше обеззаразить ее, чтобы вычистить возможную инфекцию. Но перекиси водорода под рукой не было, поэтому я применил “Мертвую воду”. Лишь в Аудиториуме я

узнал, что у базовых заклинаний бывают разные конфигурации. Это было похоже на химическую формулу: поставишь одну черточку в другом месте — и появляется другое вещество.

Вот и сейчас я немного переконфигурировал заклинание, сделав так, чтобы “Мертвая вода” работала сперва на очистку, а затем на закрытие раны.

Аня, следовало отдать ей должное, стойко терпела, хотя я знал, что ощущения были не из приятных. Она вообще не любила показывать слабость — водилась за ней такая особенность. В сочетании с вечным желанием обойти всех, выиграть, соперничать все это превращалось в гремучую смесь и здорово мешало нормально общаться с этой девушкой. Не девка, а кактус!

Но теперь она была посвящена в тайну, что я хранил, и мне следовало привязать ее к себе. А лучшего способа, чем вызвать к себе доверие и благодарность, я пока придумать не мог. Почему-то мне казалось, что Грасс этого не хватало.

— Так, хорошо идет, — сказал я и погасил “Мертвую воду”. Остатки заклинания затянули рану девушки темной пленочкой, что должна была рассосаться. У нас на курсе это называли “живым бинтом”, хотя это не было отдельным заклинанием. Просто один из эффектов. — Теперь последний штрих.

Я сотворил “Живую воду” — небольшой голубой шарик со странной субстанцией внутри. Сила внутри этой оболочки была конфигурирована на усиление регенерации, и мне особенно нравилось лопать эти пузыри. Слишком уж забавно они взрывались. Но усердствовать с этим не стоило — Род не терпел напрасной растраты.

Я поместил шарик “Живой воды” на рану Грасс и лопнул его так, чтобы содержимое пролилось аккурат на рану. Аня вздрогнула.

— Ой, холодная…

— Ага, — отозвался я. — У меня почему-то всегда получаются холодные.

Жидкость быстро впиталась, и я снял защитный купол.

— Готово. Инспектируй лапку.

Грасс внимательно оглядела рану и, удовлетворенно хмыкнув, кивнула.

— Значит, ты у нас универсал, Соколов? И мозги поджарить можешь, и с артефактами справляешься, и лечишь, и калечишь…

Я пожал плечами.

— Кажется, родовая сила дает большое пространство для маневрирования.

— Хотела бы я такой разброс, — вздохнула она и принялась медленно спускаться по ступеням здания. Крыльцо еще не

почистили, и тонкий слой снега хрустел под подошвами ее ботинок.

— Я наслышан, что твой род весьма могущественен в создании интересных артефактов, — сказал я. — Да и твой личный потенциал не раз отмечали на занятиях. Неужели ты недовольна таким раскладом?

Грасс обернулась ко мне с печальной улыбкой.

— Нет, Соколов. Я ненавижу то, чем вынуждена заниматься. Искренне ненавижу. Но специализацию не выбирают. За редкими исключениями. Мне, увы, не повезло так, как тебе.

Это меня удивило. Грасс всегда с такой гордостью отзывалась о своей семье, а с остальными артефакторами общалась даже с некоторой снисходительностью, а то и вовсе смотрела свысока. Мне всегда думалось, что она так себя вела именно потому, что знала истинную цену своим талантам и положению.

А сейчас выходило, что она ненавидела этот дар.

— Как же так, Ань? — нагнав девушку, я поравнялся с ней, и мы вместе пошли по аллее к Домашнему корпусу. — Та же Хруцкая много бы отдала за то, чтобы унаследовать дар твоего рода и узнать его секреты.

Байкерша тихо рассмеялась, а затем внезапно всхлипнула и торопливо вытерла слезу.

— Ты понятия не имеешь, что у меня за семья, — не глядя на меня, ответила она. В ее голосе сквозила злость. — И не дай Господь кому-то узнать.

— Не понимаю.

— Ты знаешь, что я не хотела поступать в Аудиториум? — она подняла на меня глаза. — Родные заставили. Пообещали мне кое-что, но… Когда я провалилась в прошлом году, не сдержали слова.

Я чувствовал невыносимую боль и тоску, которую испытывала Грасс. Она что-то потеряла. Или кого-то. Утратила нечто настолько важное, что это не просто разбило ей сердце и ожесточило, а словно вовсе превратило ее в другого человека. Этот поток эмоций был настолько сильным, что я едва смог вздохнуть.

Черт возьми, эта эмпатия, что шла в комплекте вместе с родовой силой, иногда включалась ужасно не вовремя.

— Что случилось? — тихо спросил я. — Что сделала твоя семья?

Грасс оглянулась по сторонам, достала сигарету и прикурила от простой зажигалки. Решила не рисковать с “Жар-птицей”.

— У отца есть другие наследники, я ведь даже никогда не претендовала на лавры или какой-то особый статус… Просто

хотела спокойной и мирной жизни. Я была готова отказаться и от наследства, и от приданого, и от титулов. И от Благодати…

У меня отвисла челюсть.

— Не понимаю. Ты что, хотела отсечь себя от рода?

Она молча кивнула и затянулась.

— Да. Я кое-кого встретила. Несколько лет назад. Мы много времени проводили вместе — он часто мне помогал и очень хорошо относился. С теплом, понимаешь? Как к нормальному человеку, а не к сосуду с Благодатью. И тогда я была… Не такой, как сейчас.

Так, даже начало этого рассказа мне уже не нравилось.

— Что случилось? — повторил вопрос я.

— Да все как в романах, что читают глупые курицы в оборках, — горько усмехнулась Грасс. — Я влюбилась в простолюдина. Хороший парень. Толковый, умный — поверь, гораздо умнее многих, что родились с золотой ложкой в заднице. Сын одного из слуг. Вырос в нашем доме, окончил колледж с медалью и Золотым дипломом. Потом служил одним из секретарей у моего отца. Но среди всех его достоинств не было главного.

— Благодати, — выдохнул я.

— Именно.

— И вам не позволили быть вместе.

— Я знала, что не позволят. У моих родителей были на меня такие матримониальные планы… Едва мне исполнилось четырнадцать, уже пошли разговоры за кого меня выдать, чтобы получить потомство с интересной силой. Хотели сосватать за кого-нибудь из мощных артефакторов, чтобы укрепить кровь и заполучить связи…

Она говорила это с таким презрением, что я не смел вставить и слова. И в каждой фразе, что произносила Аня, не было ничего, кроме боли, злости и горя.

— В общем, у нас с тем парнем завязался роман, — вздохнула она. — Тайные свидания, мечты о совместном будущем… До самого постыдного так и не дошло, хотя, честно тебе скажу, я была готова и на это. Любовь — она такая… Но о наших отношениях прознали.

Я мрачно улыбнулся.

— Дай угадаю. Дальше был большой скандал, тебя заперли, а твоего возлюбленного отослали подальше?

— Если бы, — усмехнулась Грасс и потушила окурок о сугроб. — Узнали. Скандал был. Меня действительно заперли, но я нашла возможность сбежать.

Ну прямо Наташа Ростова. Только у Толстого вроде та

история тоже как-то не особо хорошо закончилась.

— И сколько тебе было?

— Семнадцать. Только исполнилось. Если бы все получилось, то мне оставалось провести в бегах всего год… А затем меня бы принудительно отрезали от рода. Но у моей семьи длинные руки. Нас нашли, когда мы были на Псковщине. Хотели перебраться в Таллин, а оттуда в Ригу. А там было несколько вариантов, куда отправиться дальше, благо немного денег мы накопили. Но, как выяснилось, прятались мы недостаточно хорошо.

Я не знал, как правильно реагировать на внезапное откровение Грасс. С одной стороны, девчонка повела себя как влюбленная дура. С другой — а кто в семнадцать не был дураком, если случалось влюбиться? И я понимал, что родители хотели защитить дочь от поступка, о котором она могла пожалеть в будущем.

Но в семнадцать все это видится совсем иначе. В семнадцать тебе кажется, что перед тобой раскинулся весь мир. Что твоя любовь будет жить вечно и что в шалаше тоже возможен рай.

У меня в мои семнадцать такого не было — отделался влюбленностью в девчонку, с которой мне ничего не светило, и довольно быстро включил голову. Но Грасс, наверняка воспитанная на романтических книжках, повела себя иначе.

И я не мог ее осуждать. Но и родители ее наверняка были правы.

— Что было дальше?

Аня достала новую сигарету, поежилась от холода и быстро прикурила.

— Меня вернули домой и заперли. Сказали, что отправят учиться в Аудиториум. Надо сказать, что до этого момента семейство не особенно верило в мои способности. А тут, видимо, решили во что бы то ни стало надежно упрятать меня на Каменном острове, откуда не получится сбежать.

— А парень?

— Я долго не знала, что с ним стало. Нам не давали видеться. Я подозревала, что его отослали в какую-нибудь дыру, благо у нас полно имений в заднице мира. Я уперлась и говорила, что не пойду в Аудиториум, что даже не стану позориться с поступлением — ведь все были уверены, что я не пройду. Но затем родители предложили мне сделку. Я поступлю в Аудиториум и отучусь на артефактора. И если после этого чувства сохранятся, я проработаю на семью некоторое время, а затем мне позволят уйти.

— Наверняка они предполагали, что за время обучения помидоры завянут.

— Ага. Только в тот год я не поступила. Семья сочла это позором и расторгла сделку.

— И где он сейчас? Тот парень?

— На Смоленском кладбище, — выпустив дым, ответила Грасс. — Мне сказали, что он повесился. Но я знаю, что это с ним сделали мои родные.

— Откуда?

Грасс достала из кармана кителя маленький шарик.

— Он не был наделен Благодатью, но артефакт записал его последние воспоминания, — тихо отозвалась Грасс. — Это сделали люди моего отца по приказу моей семьи.

Аня стиснула шарик в кулаке.

— Мне очень жаль, — тихо сказал я. — Правда. Прости, что вывел тебя на этот разговор.

— Нет. Я даже рада хоть с кем-то этим поделиться, — губы девушки расползлись в кривой улыбке, а из глаз потекли слезы. — Ты тоже изгой, как и я.

— И ты не заявила?

— Куда? Кому? — горько рассмеялась Грасс. — Кому есть дело до какого-то секретаря? Нет, Соколов. Я не подала вида, что выяснила правду. Но это не значит, что я их простила.

— Так почему ты тогда пошла в Аудиториум? — удивился я. — Сбежала бы и спряталась понадежнее. Можно было попросить протекции… Не знаю, у императрицы… Она вроде милосердная женщина.

Но Грасс лишь покачала головой.

— Нет, Михаил. Одна я бы не справилась. Поэтому я придумала другой план. Играла по правилам, усыпила их бдительность. Даже поступила в Аудиториум — все для того, чтобы они перестали за мной следить и расслабились.

Лицо Грасс изменилось. Она резким движением потушила второй окурок и улыбнулась своим мыслям. Только улыбка эта не сулила ничего хорошего.

— И что дальше? — спросил я.

— Они меня не получат, Соколов. Не выйдет. Одного они не учли, когда отправляли меня сюда. После окончания Аудиториума я смогу самостоятельно решать свою судьбу. И сделаю все для того, чтобы ни один план семьи на мою жизнь не осуществился.

— И что ты придумала?

Грасс сверкнула заплаканными глазами.

— Я ударю их тем оружием, что они сами вложили в мои руки. Я стану не просто артефактором, Соколов. Я тайно подала заявку на кафедру психометрии, прошла отбор, и мою

кандидатуру уже одобрили. Со следующего семестра я начну посещать спецкурс по психометрии, хотя уже и сейчас изучаю литературу и простейшие манипуляции. Психометристы — единственные специалисты, на судьбу которых не могут влиять их семьи. Это отдельная каста со своими законами и правилами.

— Каста людей, что живут очень недолго и зависимы от винамия, — напомнил я.

Грасс фыркнула.

— И что?

— Я к тому, что на одном погибшем возлюбленном жизнь не закончена. Ты очень молода, все впереди. И ты еще сможешь найти другой смысл жизни.

Байкерша привстала на цыпочки и внимательно заглянула мне в глаза.

— О, я его уже нашла, Соколов. Уже нашла…

Глава 8

Я так и не понял, что имела в виду Грасс.

Какой такой смысл она нашла в том, чтобы умереть в сорок лет от обширного инсульта, вызванного передозировкой винамия и износом нервной системы? Да, я понимал, что по ней очень больно ударил поступок семьи. Сам не знаю, как бы поступил, окажись я на месте Грасс. Но я видел одно — боль этой девушки была разрушительна. И кто знает, сколько бед она могла принести окружающим ее людям.

— Ладно, пойдем по комнатам, — сказал я и осторожно взял Аню под локоть. — Здесь вообще-то холодно. Хотя я уже привык…

— Да, здесь быстро закаляешься. Батареи в корпусе ни хрена не топят, да и вода в душе по утрам нередко бывает едва теплая…

Я был рад, что Грасс сама поспешила свернуть печальную тему разговора, и до Домашнего корпуса мы добрались молча. Войдя в общий холл, мы объяснились с вахтером, и я тут же направился к своей лестнице.

— Погоди, — остановила меня Грасс и указала на стенд. — Новые объявления. Дай-ка поглядим…

Я последовал за ней и принялся читать листки.

— Слава богу, — выдохнул я и ухмыльнулся. — Бал отменили.

— Аллилуйя, — с сарказмом произнесла Грасс. — Ненавижу эти сборища.

— А я просто не умею нормально танцевать.

“Но вообще странно”, — продолжила Грасс уже у меня в голове. — “Отменять Рождественский бал только из-за траура по этим погибшим придуркам?”

Я пожал плечами.

“Почему нет? Там все-таки были княжичи. Наверняка Долгоруков хочет таким образом немного умаслить безутешных родственников”.

“Разве что так… Рождественский бал — большое событие. Его бы не стали отменять просто так. Либо чего-то опасаются, либо и правда решили не злить князей”.

— Ладно, я пойду, — сказал я и направился наверх. — Увидимся.

Грасс что-то проворчала мне вслед, и вскоре я услышал ее чеканный топот по ступеням.

Так, нужно рекогносцироваться и понять, что делать дальше. Хорошая новость — ректор за меня вписался. Значит, таки выполняет свои обещания меня оберегать. Плохо было то, что

ректор был далеко, а вот его оппонент Мустафин торчал здесь же, в Домашнем корпусе. И куратор мог придумать кучу способов испортить мне жизнь.

Только понять бы еще, на кой ляд ему это сдалось. У меня с ним конфронтаций не было. Да и с чего он так вызверился, когда узнал, что я стал связан с Аудиториумом? На месте любого куратора я бы обрадовался — минус одна головная боль.

Словом, нужно при удобном случае выяснить, чего там себе надумал Мустафин. И незаметно пересечься с Денисовым. Я пока не был готов объявлять друзьям о нашем с ним перемирии — слишком уж все было шатко. Да и хрен знает как Ронцов мог отреагировать на то, что я спелся с идейным врагом. Ронцов-то теперь бессмертный, может учудить какую-нибудь дурость, если Денисов его заденет…

Иными словами, в карцере было как-то поспокойнее.

Печально улыбнувшись этим мыслям, я осторожно потянул вниз дверную ручку и, стараясь не скрипеть петлями, шагнул в нашу комнату.

— Стой, сучара! — тут же рявкнули на меня.

Я оторопел от неожиданности.

— Стою. Свои, расслабьтесь.

— Миш, ты?

— Ага.

Вспухнула люстра, и я увидел картину, достойную пера карикатуриста.

Ронцов — в трусах, надетой задом наперед майке и одном носке — грозил мне шваброй.

— Витиевато развлекаетесь, товарищи, — усмехнулся я и едва удержался от того, чтобы не заржать. Слишком уж по-дурацки выглядел наш Кощей-Лазарь. — Серег, положь палочку. И на будущее ошкурь ее получше.

— Это еще зачем?

— Занозы доставляют много неприятных ощущений. Особенно если кто-то решит засунуть тебе эту швабру в место, о котором в приличном обществе упоминать не принято. Нельзя угрожать людям просто так. Даже шваброй.

Ронцов вздохнул с облегчением и поставил швабру в угол.

— Ты извини, Миш, что такой прием устроили. Ты ведь пропал. Никто ничего не знал, на стендах ничего не вывесили. Просто был человек — и исчез. Ну мы и перепугались, что и тебя тоже… Того…

— А к Мустафину зайти была не судьба? — хмыкнул я и принялся рыться в вещах, пытаясь найти сменное белье.

— Ага. Его поди застань, — ответил вышедший из ванной

Сперанский. — Весь вечер вчера отсутствовал. Неприемные же часы. Ты где был-то?

— В карцере ночевал.

Лекарь удивленно вскинул брови и даже немного присвистнул.

— Эк тебя… И за что?

— Да все за то же. Меня и Грасс заперли.

— А ее-то зачем?

— Сам не понял. Дескать, могла нас сдать, когда Леньку прятали, но не сдала. Значит, сообщница.

Сперанский озадаченно чесал мокрую репу.

— В таком случае должны были и нас с Серегой запереть. И Малыша…

— Да просто достала она Мустафина. Решил припугнуть, — предположил Ронцов. — Эта девка ж вообще без царя в голове!

Отчаянная — да. Дура — нисколько. И в отличие от многих студентов, у нее действительно была мотивация доучиться в Аудиториуме. Но это знал только я — для остальных Анна Грасс оставалась способной, но ленивой и проблемной лентяйкой.

Я наконец-то откопал в ворохе белья чистый комплект. Последний. Все верно — стирку же пропустил, поскольку все выходные меня не было в корпусе. Придется теперь стираться ночью.

— Надеюсь, я немного пропустил, — сказал я, стаскивая пыльный китель.

Сперанский мотнул головой.

— Не-а. Давай, мойся, чисти перышки — и жрать пойдем.

“Нужно поговорить”, — обратился ко мне ментально Ронцов. Я оглянулся на него и сразу понял, о чем шла речь.

“Обязательно. Надеюсь, ты никому не рассказывал?”

“Я совсем дурень по-твоему?” — оскорбился Кощей. — “Нет, даже Коля не в курсе”.

“Вот и славно. Пусть пока что так и будет”.

Отмывшись и приведя в порядок форму, я наконец-то почувствовал себя человеком. Сперанский передал крем для ботинок, и, начистив обувь до уставного блеска, я повернулся к соседям.

— Готов.

— Слава небесам, — проворчал Ронцов и взглянул на часы. — Есть хочу ужасно. Через пять минут откроется.

В коридоре царило же привычное утреннее столпотворение. Эпическая битва за утюги и гладильные доски, отчаянные вопли в поисках ниток и запасных пуговиц… и над всем этим возвышалась, точно неприступная скала, излучавшая

непоколебимое спокойствие фигура Рахманинова.

— Утречка, — пробасил Малыш и пошел первым, рассекая суетящуюся толпу, точно ледокол.

А еще на нас пялились. Точнее, больше всего внимания досталось мне — я даже удостоился уважительного кивка Денисова. Интересно, что в лесу сдохло? Остальные перваки аккомпанировали нашему появлению благоговейным шепотом.

Ну все, слава окончательно разошлась. Вот и живи теперь с этим, звезда курса.

Интересно, что сейчас творилось на женской половине? И как девчонки встретили хулиганку Грасс?

К моему удивлению, двери трапезного зала оказались закрытыми. Даже свет внутри не горел. Да и толпа страждущих и самых голодных внезапно рассосалась. Лишь Грасс, погруженная в мрачные мысли, одиноко спустилась по ступеням и подошла к нам.

— Чего ждем, мальчики? — натянув привычную стервозную маску, хищно улыбнулась она.

— Неужели закрыто? — скуксился наш лекарь и сверился с вывешенным расписанием. — Вроде все в порядке. Странно…

— Сейчас проверим, — отозвался я. — Если выгонят и дадут по лбу половником — значит, закрыто.

Я потянул массивную ручку на себя, и дверь поддалась. В зале не горели люстры, а длинные столы и лавки утопали в полумраке. Освещалось лишь пространство возле раздачи, где деловито суетились кухарки и разносчики. На нас они словно не обратили никакого внимания.

— Чертовщина какая-то, — прошептал Ронцов, и Малыш согласно кивнул.

— Дражайшие! — окликнул я кухарок. — Кормить сегодня изволите?

Одна из поварих обернулась.

И тут я услышал крик.

— Пора!

Все люстры зажглись одновременно. Свет ярких ламп ожег глаза, что-то загрохотало, застучало, зашумело… Даже хлопнуло несколько раз. Ошалев от этой светомузыки, я инстинктивно активировал “Берегиню” и приготовился защищаться.

— Встречайте героев первого курса! — проревел всочивший на один из столов студент. Кажется, Воронин, староста. — Виват Соколову! Виват Ронцову! Виват Сперанскому! Виват Рахманинову! Виват Грасс!

— Виват! Виват! Виват! — хором прогремели однокурсники и бросились на нас.

Твою мать, так же и дурачком на всю жизнь остаться можно. Увидев наши вытянувшиеся рожи, повара на раздаче расхохотались. Я едва успел погасить “Берегиню”, как толпа однокурсников настигла нас и подхватила на руки. Ронцова и Грасс подкинули так высоко, что те едва не зацепились за люстры. Малыша поднимать не рискнули — слишком тяжелый.

А вот нас со Сперанским эта участь не миновала.

Я несколько раз подлетел к потолку. Глаза застилали какие-то блески и конфетти, пахло дымом от хлопушек.

— Слава и вечная честь героям, обманувшим Аудиториум! — Продолжал подначивать староста. — Да останутся их имена в истории студенчества!

Грасс визжала и бранилась, налету пытаясь подтянуть юбку пониже, чтобы лишить перваков пикантного зрелища. Однокурсники отрывались как могли — наверняка решили таким образом компенсировать отмененный бал.

— Пощады! — взвыл Сперанский. — Ребят, меня сейчас стошнит. Клянусь!

Наконец нас бережно опустили на пол, и я, покачнувшись, улыбнулся.

— Вот это сюрприз. Спасибо, ребят!

— Вам спасибо, — осклабился щеголь Воронин и козырнул. — Благодаря вам наш курс никогда не забудут.

— Хорош буянить, господа! — прикрикнула на нас повариха. — Пошумели — и хватит. А ну, марш за едой!

Из толпы ко мне протиснулась Ирка.

— Ну как, герой?

— Твоя работа?

Ирэн лукаво улыбнулась и подмигнула.

— Подумала, раз вы все равно преуспели, то нужно это отпраздновать. Все равно дальше до самых каникул одна учеба…

— Спасибо, — я приобнял ее и чмокнул в макушку. Большего на людях позволять было нельзя. — Неожиданно приятно.

— Знала, что вам понравится.

— Ага, спасибо тебе огромное, Штофф, — проворчала Анька, безуспешно пытаясь пригладить растрепанные волосы. — Теперь весь курс знает, какого цвета кружева у меня на трусах.

— Красные! — хихикнул Малыш.

Грасс обернулась к нему, показала кулак, и Рахманинов, сделав вид, что испугался до тахикардии, приложил здоровенные ладони к груди.

— А я думал, черные будут…

— Малыш, я тебя прибью, — шикнула на него байкерша, но глаза у нее были веселые. В кои-то веки я видел, что она

радовалась.

Голод взял верх, и ор наконец-то угомонился. Студенты выстроились в очередь к раздаче, и я с удивлением обнаружил на своей тарелке двойную порцию.

— Восстанавливай силы, герой, — усмехнулась повариха и протянула мне тарелку с яичницей и аж четырьмя колбасками.

— Вот от души! Спасибо!

Все же были в этом хулиганстве свои очевидные плюсы…

Наша поредевшая группа расселась за стол.

— Интересно, нас теперь перекомплектуют? — спросила Ирэн, пока я за обе щеки уплетал горячий завтрак.

Денисов ел молча, то и дело поглядывая на нас с Ронцовым. Остальные оживленно обсуждали возможное будущее группы — даже Грасс в кои то веки вступила в дискуссию. Демонстративно молчала лишь Марианна Перовская — красотка, лишившаяся княжеской свиты с моей легкой руки.

— Вряд ли станут что-то менять в группе, — рассуждал Сперанский. — А вот в общаге могут и переселить… У нас одно свободное место, у Денисова вообще три освободилось…

— Да можете вы наконец заткнуться?!

Перовская грохнула кулаком по столу так, что зазвенела вся посуда.

— Девяти дней не прошло, а вы уже прыгаете, скачете, хлопушки взрываете! — задыхаясь от возмущения, кричала она.

Денисов попытался успокоить взбесившуюся девушку, но было поздно — у Перовской началась натуральная истерика.

“Ир, уведи ее”, — попросил я подругу. — “Меня она все равно не послушает. Здесь нужна женская душа”.

“Она и меня не послушает. Это ж Перовская”, — пробормотала в ответ Ирэн. — “Но попробую”.

Ирка отложила приборы, поднялась, обошла стол и обняла бившуюся в слезах Перовскую. Что-то зашептала ей на ухо, поглаживая по волосам. Не знаю, что именно сказала Ирка, но Перовская замерла, долго глядела остекленевшими глазами в одну точку, а затем позволила Ирэн себя увести.

“Мы в туалет”, — сообщила подруга. — “Умою ее и приведу в порядок. Сделай так, чтоб вас здесь не было, когда мы вернемся”.

“Хорошо”.

Не ожидал, что Марианна сорвется. Меня обуяли противоречивые эмоции. С одной стороны, собаке — собачья смерть. Княжичи сами нарвались. С другой… Перовская вряд ли что-то знала о том, что приключилось той роковой ночью. И она имела право на скорбь.

Если я все понял правильно, между ней и Забелло было нечто

большее, чем дружба. И даже если опустить комментарии относительно вкуса Перовской и качеств Забелло, она лишилась близкого человека. Следовало уважать чужое горе.

Хвала небесам, хотя бы Ирка обладала навыками успокаивать потерявших разум от скорби женщин. У меня это получалось не так хорошо.

— Думаю, нам пора, — Ронцов поднялся из-за стола. — Все равно кусок в горло не лезет.

Сперанский тоже понес свой поднос в окошко для грязной посуды, а я задержался, играя в гляделки с Денисовым.

“Записку покажешь?” — спросил я ментально.

“Не здесь. Не хочу, чтобы остальные пялились. В библиотеке через пять минут”.

“Принято”.

Я залпом допил обжигающе горячий и до зубного скрежета сладкий кофе и, сдав посуду, вышел на воздух. Нужно было проветрить голову.

Грасс появилась на крыльце с сигаретой в руках.

— Больше не прячешься? — спросил я.

— Прячусь. Отойду за угол. Через пятнадцать минут пара.

— Ага.

Вдохнув напоследок свежего морозного воздуха, я вернулся в корпус и направился в библиотеку. Денисов ждал меня у входа.

— Перовская в порядке? — спросил я.

Константин неопределенно покачал головой, но помрачнел.

— Не очень. Если не возьмет себя в руки, боюсь, придется обращаться к лекарям. Или даже к мозгоправам, чтобы хоть немного ослабили воспоминания. Не ожидал я, что это так по ней ударит. Первые пару дней вела себя тихо, а сейчас ее понесло.

— Каждый по-своему справляется с горем.

— В том и дело. Она не справляется.

— Дай ей время, — ответил я. — Для тебя все эти Меншиковы с Афанасьевым были никем. А у Перовской с Забелло, судя по всему, была своя история.

— Давай к делу, — Денисов вошел в двери библиотеки и тут же направился в один из маленьких читальных залов.

Я прихватил пару свежих газет для вида уже скорее по привычке — запах типографской краски вызывал воспоминания о Матильде. Я надеялся, она благополучно добралась и устроилась в Букуреште.

Денисов плотно закрыл за мной дверь, зажег настольную лампу и вытащил из-за пазухи сложенный вчетверо листок бумаги.

— Плотная, дорогая, — сказал я, помусолив ее в пальцах.

Денисов кивнул.

— Но не гербовая. Думаю, итальянская, особая для писем. И писали дорогой перьевой ручкой.

— Откуда ты знаешь?

— Сразу видно деревенщину. Уж прости, Соколов. Если долго и много работаешь с документами, то узнаешь дорогую канцелярию на ощупь. Тут видно, что перо дорогое. И чернила черные.

— Значит, наш любитель эпистолярных загадок — некто обеспеченный, — заключил я.

— Причем весьма и весьма.

В записке не было сказано ничего интересного. Все то, что пересказал ранее Денисов. По сути, оповещение о том, что на Константина и компанию обратили внимание. Поручение ждать знака… И все. Даже странно.

Я разочарованно вздохнул. Не знаю, что я рассчитывал увидеть или выяснить, но ближе к разгадке не стал. Разве что наклон почерка был интересный. Не похож на женский, но и для обычного мужского был несколько вычурным. Словно писавший испытывал удовольствие от процесса выведения букв.

Секретарь? Вряд ли.

— Ну, записку ты увидел, — нетерпеливо сказал Денисов. — Что дальше?

Я улыбнулся внезапному озарению.

— Можно попробовать выяснить, кто ее писал, с помощью психометрии.

Константин округлил глаза.

— С ума сошел? — громким шепотом возмутился он. — Я не понесу ее спецам Аудиториума!

— У меня есть свой специалист. Начинающий, но весьма талантливый, — осклабился я. — Полагаю, ему это будет интересно. Точнее, ей.

Глава 9

Денисов вырвал записку из моих рук.

— Нет! — зашипел он. — Не нужно привлекать к этому кого попало!

— Это не кто попало, а твоя одногруппница, — возразил я. — Грасс. И то если она согласится.

Лицо вражины вытянулось.

— Грасс идет на психометриста?! Да ладно?

— Ага, — кивнул я. — Сам в шоке. Но она настойчива в своих стремлениях. А еще за ней должок…

Денисов замолчал — лишь сверлил меня тяжелым взглядом.

— Нет, Соколов. Плохая это идея вмешивать сюда еще и Грасс. Она здесь совсем ни при чем. Это плохая, очень-очень плохая идея.

Ну это как сказать…

— А какие еще варианты? — огрызнулся я. — Наша задача — выйти на Темную Аспиду и понять, кто и кого там дергает за ниточки. Ну или хотя бы сузить круг поисков. И у нас есть только две зацепки — записка и личность того человека, о котором ты не можешь ничего рассказать из-за блока.

Денисов тяжко вздохнул и, отодвинув стопку забытых кем-то книг, уселся прямо на письменный стол.

— Только один вариант у нас остался, — ответил он. — Я договорился с библиотекарями и до утра торчал здесь. Искал фотографии, упоминания. Пытался найти хоть что-то про того человека.

— И, видимо, безуспешно, — предположил я.

— Да. Вообще в этих залах информации о преподах и администрации немного. Возможно, все важное хранится в архиве административного корпуса. Там же, где и личные дела.

— Допустим. Но туда нам не пробраться. В Домашнем корпусе охрана смотрит на наши ночные бдения спустя рукава — старшекурсники то и дело шастают друг к другу. Но просто так нас в административный не пустят. Тем более в архив. Для этого нужен серьезный повод.

Денисов растрепал светлые вихры.

— Есть еще одна нехорошая новость. Не знаю, что за блок на меня поставили, но… Кажется, у нас мало времени на поиски. Мне с каждым днем все труднее вспомнить лицо того человека. Вроде бы и помню, а как начну вызывать в памяти его образ, так и ухватиться не за что.

— Это скверно. Но если увидишь его, узнаешь?

— Не знаю, — пожал плечами Константин. — Сейчас — наверное, да. А через неделю…

— Значит, самый надежный вариант — записка, — подытожил я.

— Ага. А по поводу поисков фотографий — я хотя бы здесь я все перерыл. Уже минус одна локация. Но не уверен, что мы успеем пробраться в архив. Да и опасно это — засветимся.

Я рассеянно кивнул и по привычке оглядел библиотечный зал.

— Точно здесь все обыскал?

— Не зли меня, Соколов. И имей уважение. У меня есть причины копать особенно тщательно. Погибли мои… Нет, не друзья. Но мы были из одного круга. Выяснить, кто толкнул их на смерть — для меня дело чести.

У меня, впрочем, тоже были причины. И странное дело — когда речь заходила о Темной Аспиде, почему-то клятва, что я дал Аудиториуму, молчала. И это не укладывалось у меня в голове.

Мне-то казалось, что ультраконсервативная в отношении Благодати Темная Аспида была прямым наследием Аудиториума. В конце концов, именно с Аудиториума началось централизованное обучение владению Благодатью. Это был не просто храм знаний о нашей сверхъестественной силе — Аудиториум был их колыбелью. Лучшие ученые, талантливые преподаватели — все служило развитию Благодати и науке ее применять. Развивая эту мысль дальше, можно было предположить, что Темная Аспида действовала в интересах Аудиториума.

И оттого было особенно странно, что клятва не перекрыла мне дыхалку, когда я сунулся в это дело. Неужели замыслы Темной Аспиды отходили от “генеральной линии партии”? И если так, то у нас получался совсем уж интересный расклад.

Есть Темная Аспида — ультраконсерваторы и радикалы от аристократов.

Есть Орден Надежды — ультрановаторы и радикалы от простолюдинов. Этакие народовольцы, повернутые на равноправии во владении Благодатью.

И есть Аудиториум — учрежденный императорами, поддерживаемый венценосной фамилией и… Где он стоял? Посередине? Левее или правее на этой странной шкале?

И самое главное, если клятва, что непостижимым образом знала то, чего не знал я, не отреагировала на мой интерес к Темной Аспиде, значит, эти товарищи либо представляли угрозу для моей альма-матер, либо вообще не затрагивали интересов

Аудиториума. А это тоже странно — ведь их выходки совершенно точно влияли на вуз.

Короче говоря, чем дальше я во все это лез, тем интереснее запутывался клубок. Понять бы еще, как так вытащить из него все нитки, чтобы распутать, а не затянуть лишние узлы…

— Эй! Соколов, чего завис? — Константин потрепал меня по плечу. — Ты вообще в порядке?

— Нормально. Просто задумался.

Я тряхнул головой, отгоняя размышления. Денисову лучше не знать, насколько глубоко я во всем этом барахтался.

— Значит, все же рискнем с запиской, — сказал я. — Не уверен, что у Грасс есть причины охотиться за Темной Аспидой, но она должна мне услугу.

— Болтливая?

— Нет. Тайны она хранить умеет.

— Точно?

— Теперь ты меня не зли, Костик, — я угрожающе понизил голос. — Если говорю, что не разболтает, значит, не разболтает.

— Ну, в Афанасьеве ты тоже был уверен…

А вот здесь мне крыть было нечем. Действительно, Гришу в предательстве никто так и не заподозрил. И ведь отлично же шифровался наш менталист — никто, даже слегка параноидальный Сперанский, ничего не заподозрил. А за Колей водилась манера ненавязчиво контролировать друзей — куда пошел, почему задержался… Извращенное проявление заботы или же просто привычка приглядывать за братом и сестрой.

Ну с Афанасьевым в большей степени был мой промах. Я стал лидером нашей маленькой группы. Не стремился, само так вышло. Но я накосячил, хотя должен был хотя бы попытаться проверить каждого.

Впрочем, после драки кулаками не машут.

— Не думаю, что у Грасс есть тайные мотивы, — сказал я. — Но точно знаю, что она вряд ли откажется от возможности попрактиковаться в будущей специализации.

— Я возьму с нее клятву, — предупредил Денисов.

— Да пожалуйста.

— Если не согласится клясться, ничего не будет.

— Да понял я, понял! Расслабься уже.

Денисов глянул на часы и чертыхнулся.

— На пять минут опоздали. Бежим на пару. Приведи сюда Грасс после занятий.

***

Анна Грасс потушила сигарету о сугроб и щелчком отправила

окурок в урну. Тот, описав идеальную дугу, угодил прямехонько в цель.

— Куда, говоришь, пойдем?

— В библиотеку, — ответил я.

— У меня планы.

— Подождут полчаса твои планы. Надо поговорить в тихой обстановке.

Грасс с недоверием выгнула подкрашенную бровь.

— Соколов, говори прямо. Чего надо?

— Дело есть. Возможно, опасное. И нужна именно твоя помощь.

“Как психометриста”, — добавил я ментально.

Глаза девушки приняли форму пятикопеечной монеты.

— Во-первых, я еще даже не пошла учиться на эту специализацию, — начала она, но я жестом ее перебил.

— Ты сама говорила, что уже кое-что изучаешь. Надеюсь, этого хватит.

— Это не единственное препятствие. Я не хочу, чтобы о моих планах выяснилось раньше времени. Если моя родня прознает, могут просто насильно забрать из Аудиториума.

Я вздохнул и привалился к стене. Грасс сидела на низкой оградке, а я, сволочь такая, отвлек ее от никотиновой медитации. Ничего, переживет. Курить вредно. Впрочем, психометристам без разницы — винамий убивает быстрее никотина.

— Я не собираюсь тебя подставлять, Ань, — ответил я. — И тайну твою сохраню. После того, что ты рассказала…

— Еще жалеть меня вздумай!

— Я не жалею. Я сострадаю. Жалость унижает, а сострадание означает готовность поддержать. И унижать тебя жалостью я никогда не стану. Ты заслуживаешь гораздо большего.

Анька подняла на меня глаза, и я увидел на ее лице смятение.

— Значит, ты меня… Уважаешь?

— Так ведь есть за что. Стервозная ты баба, но у меня после Ирэн и ее знойной тетушки уже иммунитет к женским выкрутасам. Хочешь, чтобы тебя видели грубиянкой и оторвой — твое право. Я вижу в тебе умного и талантливого человека, только очень грустного.

Грасс мрачно улыбнулась. Потянулась было за второй сигаретой, но передумала и спрятала пачку в кармане.

— Начинаю понимать, что в тебе нашла Ирка. Языком чесать ты горазд. Впрочем, пока что ты ни разу не нарушил своих обещаний. Если обещаешь сохранить мою тайну, то идем.

Она поднялась с оградки и пошла за мной, на ходу

подтягивая высокие гольфы. Грасс они доходили до середины бедра, и в сочетании с очень короткой юбкой смотрелось все это весьма соблазнительно. Симпатичная девчонка, хотя я и не жаловал ее готический боевой раскрас.

— Хватит пялиться, Соколов, — беззлобно проворчала Анька. — Нравится — лучше лишний раз комплимент сделай.

— Зачетные ноги, — отозвался я.

Грасс тихо рассмеялась.

А пока что все складывалось более-менее прилично. Если Денисов даст слово сохранить тайну Аньки, то она в ответ поклянется не болтать о записке и Темной Аспиде. Неплохо бьется, и все в плюсе.

Я распахнул дверь малого зала и по-джентельменски пропустил даму вперед. Грасс тут же зажгла несколько настольных ламп, а я отодвинул для нее стул. Ухаживать — так ухаживать. Я уже почти забыл о тонкостях этикета, которым меня обучала Матильда — здесь, в Аудиториуме, парни перед девушками не расшаркивались. Ибо “для науки все равны”, как говорил его высокопревосходительство ректор.

Лишь бы только Анька не восприняла все это как ухаживание.

Дверь тихо открылась, и в малый зал скользнул Денисов. Увидев его, Грасс ощетинилась, словно бешеная кошка.

— Он что здесь забыл? — прорычала девушка.

Они с Денисовым молча сверлили друг друга глазами. Грасс покраснела от гнева так, что ее румянец был виден даже под слоем пудры. Да и Денисов, хоть и был более сдержан, но тоже инстинктивно сжал кулаки. Не знаю, что эти двое не поделили, но сейчас казалось, что поднеси между ними спичку — и та вспыхнет.

— Соколов, объясни, какого рожна здесь делает этот кретин, — потребовала Анька.

— Могла бы и повежливее, — спокойно ответил Денисов. — Дело у меня к Соколову. И к тебе.

Грасс резко обернулась ко мне.

— Так это ради него ты меня сюда притащил? И ты хочешь, чтобы я помогала ЕМУ?

— Не ему, — ответил я. — Нам. Ребят, объясните, почему между вами столько… напряжения?

Денисов отмахнулся.

— Долгая история. И никакого отношения к делу не имеет.

— Да ладно? — хмыкнула Анька. — Что, не хочешь вспоминать, как полез ко мне, а я тебя огрела вазой?

— В который раз говорю — я это сделал потому, что отец хотел устроить то сватовство.

Так-тааак… Вот он, побочный эффект всякого замкнутого общества. Перекрестное опыление, все друг друга знают. Слухи разносятся мгновенно, а репутацию может испортить какая-нибудь безделица.

Я уже откровенно наслаждался сценой.

— Верно понимаю, что родители решили вас познакомить, а ты к ней полез и получил за это вазой?

Денисов хмуро кивнул.

— Примерно так. И заметь, Ань, я никому об этом не рассказывал.

— Ну еще бы ты так опозорился, — огрызнулась девушка.

— Так, успокоились оба! — я встал между ними, словно рефери, и раскинул руки в стороны. — Что было, то было. И, как я понимаю, ни у кого ни к кому, по сути, претензий-то и нет.

— За исключением того, что мне потом голову штопали, — хмуро ответил Денисов.

Грасс сверкнула глазами.

— Не мог придумать варианта получше, чтобы отделаться от меня?

Я уже был готов выть. Ну серьезно, неглупые ж люди. Соображали когда надо. И вот из-за таких идиотских обидок…

— Как дети малые, ей богу, — сказал я и обернулся к Аньке. — Прошу помнить, что ты мне должна услугу в ответ на ту, что я тебе оказал. И я хочу воспользоваться твоими навыками психометриста. Если тебе так удобнее, считай, что услугу оказываешь лично мне.

Грасс насупилась, но понемногу успокаивалась. Ну и бешеная же девка. Катастрофа, а не девка!

Денисов несколько раз вдохнул и выдохнул.

— Я же предупреждал, что это плохая идея, — сказал он и вытащил из кармана записку. — Но вариантов нет. Аня, взгляни. Ты сможешь понять, кто писал эту записку?

Грасс осторожно, на полусогнутых ногах подкралась, вырвала записку из рук Константина и принялась изучать.

— Сложно сказать. Я все же пока что самоучка — только книги читала и отчеты о лабораторных работах.

— Но теоретически ты понимаешь, как это сделать? — Спросил я.

— В теории все мы гении… Тут вот в чем закавыка может случиться. Сильный и опытный психометрист может различать слои информации по типу энергии, что осталась на объекте. Например, есть ложка. Ложкой ел граф, ложку чистила служанка, ложку уронил сын графа. Психометрист при нужных условиях сможет понять, кто и что делал с ложкой.

— А ты?

— А я со своими скромными познаниями в лучшем случае считаю какие-то образы. Часто первыми приходит информация о том, чья энергетика соприкасалась с объектом дольше всего. И это может быть совсем не автор письма.

Мы с Денисовым переглянулись.

— Долго ты ее пи себе носишь?

— Ну… в кармане. Дотрагивался редко. А другие — не знаю.

Понятно. Значит, успех затеи под большим вопросом, даже если у Грасс получится.

— Можно попробовать усилить результат, — подумав, сказала Аня и вернула записку Денисову. — Но мне нужен менталист для лучшей фокусировки и винамий.

— С менталистом проблем не будет, — ответил я. — У меня, думаю, получится. А вот порошок…

— Я достану.

Мы с Аней одновременно уставились на Константина.

— Откуда? — удивился я. — Он же баснословно дорогой.

— Откуда — это уже моя забота. И достану я совсем немного — на это уйдут почти все мои сбережения, и до самых каникул я буду сосать лапу.

Грасс кивнула.

— Много мне не нужно. Но это на время сделает меня сильнее, и я смогу заглянуть глубже. Возможно, смогу различить слои. И все равно не ждите от меня слишком многого — я не профессионал.

Денисова такой расклад удовлетворил.

— Хорошо. В таком случае пообещай, что все это останется в тайне.

— Я прочитала записку, — отозвалась Грасс. — Костя, на кой черт тебе сдалась Темная Аспида?

— Из-за них погибли мои друзья. И я хочу найти тех, кто это затеял.

Грасс лишь мельком взглянула на меня.

“Он не знает?” — спросила она ментально.

“Нет”.

“Даже не знаю, хорошо это или плохо. Опасную игру ты затеял, Соколов”.

А то я не знаю! Но я хотя бы был уверен, что записка не приведет ко мне.

— Значит, так, мальчики, — Грасс оперлась руками о стол и поочередно взглянула на нас. — С вас менталист, винамий и записка.

— Винамий достану сегодня вечером, — пообещал Костя.

— Отлично. И еще нам потребуется помещение для работы. Закрытое, где никто не станет нас отвлекать — ритуалы сложные, а сбиваться мне нельзя. Лучше всего, если там будет довольно высокий фон заклинаний, чтобы нас не засекли артефакты слежения. Такое место найдется?

Я вспомнил наши с Ядвигой подвиги в Лабораториуме и то, как там сифонила Благодать буквально изо всех щелей.

— Найдется, — улыбнулся я. — Думаю, у меня получится договориться.

Грасс кивнула своим мыслям и направилась к выходу.

— Как все подготовите, дайте знать. А я пойду рыться в записях.

***

— Только управьтесь до шести вечера! — предупредила Ядвига Хруцкая и отперла дверь своей лаборатории. — Если Дед вас здесь застукает, будет беда. И не трогайте мои реагенты!

Мы с Денисовым и Грасс переглянулись.

— Ядвига, ты — чудо! — расшаркивался я.

— Юдо! — Проворчала артефакторша и застегнула рабочий халат на все пуговицы. — Я буду на первом этаже. Нужно кое-что расплавить. Если что, зовите. И постарайтесь не спалить это здание. Я тут уже обжилась.

— Спасибо, красотка, — улыбнулась Грасс и подтянула ремень сумки, из которой торчали тетради и книги.

Хруцкая исчезла, а мы расположились внутри хорошо знакомого мне кабинета.

— По ящикам не лазать! — предупредил я Денисова. Тот с презрением взглянул на забытый контейнер с недоеденной лапшой быстрого приготовления. — Лучше помоги мне повесить “Купол”.

Костя впрягся и подпитал мое заклинание.

— Силы береги, — сказал он. — Тебе еще Аню поддерживать.

Грасс тем временем вытащила все свои заметки, еще раз пробежалась по записям и протянула руку Денисову.

— Принес?

— Да. Теперь я беднее Ронцова.

— Ничего, тебе полезно, — огрызнулась девушка и согнула пальцы. — Давай сюда.

Денисов протянул ей совсем маленький пакетик. На его дне лежало всего несколько кристалликов самого дорогого для одаренного вещества.

— Мало, — нахмурилась Грасс.

— На этот пакет можно накормить весь курс!

— Ладно. Надеюсь, хватит.

Грасс осторожно открыла пакетик и высыпала кристаллики себе в рот. Через пару секунд ее глаза окрасились красным.

— Времени мало, — хрипло сказала она. — Давайте сюда записку.

Глава 10

Денисов взирал на метаморфозы Грасс с суеверным ужасом. Да и я, признаюсь, малость напрягся — не каждый день увидишь, как глаза человека словно заливает кровью. Выглядело жутко, особенно когда они начали светиться алым…

Грасс зашипела, словно в спазме, задрала подбородок и выгнула спину. Хрустнули шейные позвонки, по ее рукам пробежала дрожь. Но когда она опустила голову, ее глаза стали привычного цвета.

— Черт возьми, ну и забористая же хрень…

Мы с Денисовым уставились на нее с искренним беспокойством.

— Ты в порядке? — спросил он.

— Да. Давайте записку, я готова, — шепотом сказала она. — Прошу, ребят, быстрее. Мне очень сложно концентрироваться. Соколов, встань позади меня и держи руки на моей голове — прокинь ментальный канал. Мне понадобится твоя сила.

— Родовуха точно подойдет? — засомневался я.

Грасс посмотрела на меня как на умалишенного.

— Такие вопросы следовало задавать раньше. Но все должно получиться — я не встретила упоминаний о конфликте типов сил. Как бы то ни было, сейчас и проверим. Сюда, Миш, бегом.

Грасс опустилась на пол, села по-турецки, а я занял место позади нее так, что даже не пришлось напрягать руки — пальцы сами касались ее макушки.

— Теперь молчите и выполняйте все, что я говорю, — велела она.

Девушка в последний раз скользнула взглядом по разложенным на полу конспектам ритуала, взяла в руки записку и закрыла глаза, чтобы лучше сконцентрироваться. Я воззвал к ментальному потоку, отделил от него тоненький ручеек искрящейся разноцветными вспышками силы и аккуратно, словно мостик, пробросил его от себя к Грасс.

Забавно, что сейчас я, стоя с открытыми глазами и наблюдая все происходящее в реальности, видел и то, что происходило на силовом уровне. Одна картинка накладывалась на другую, как чертежи на кальке. Рановато у меня открылась эта особенность.

Преподаватели называли ее “двойным зрением”. Оно представляло собой что-то вроде адаптационного механизма тела и мозга одаренного к применению силы. Когда начинаешь использовать ее слишком часто и переходишь к усложненным заклинаниям, приходится удерживать в голове слишком много

факторов. И у многих одаренных происходила невольная визуализация заклинаний в режиме реального времени.

Правда, нам преподы обещали такие спецэффекты курсе на третьем. Как обычно, я несколько обогнал программу…

Денисов полностью замкнул на себе купол, оставив на мне только ментальную поддержку Грасс. Он внимательно следил за каждым движением мышц на лице психометристки, и я видел, что он всерьез беспокоился. Но вот о чем сильнее — об успехе нашей затеи или о здоровье Аньки — я так и не понял.

“Попытайся отслеживать ее состояние”, — попросил он меня ментально, чтобы не сбивать настрой с девушки. — “Винамий — дрянь очень серьезная. Хуже любого наркотика”.

Я прислушался к ощущениям. Пока что Анька была в порядке — я не чувствовал ничего, кроме ее сосредоточенности. И, кроме того, она словно отгородилась от нас. Видимо, для того, чтобы лучше сконцентрироваться на задаче.

“Попробую. Но она закрылась. Могу считать только физические показатели”.

“Уже хорошо. Следи, чтобы не случился припадок. Если начнется, сразу выводи ее из этого состояния. Просто обрубай все каналы”.

Я удивленно взглянул на Денисова. А парень-то только что набрал еще пару очков в моих глазах.

“Вижу, ты много знаешь о винамии”.

“Насмотрелся вдоволь, во что превращаются те, кто любит им злоупотреблять”, — коротко ответил он и оборвал ментальный канал.

Да уж. Судя по тону Константина, следовало попытаться отговорить Грасс от идеи стать психометристкой. Если все было так серьезно и опасно, следовало поискать для нее другие варианты, как обвести семью вокруг пальца. Грасс мне нравилась — не так, как Ирка, но она была неплохой девчонкой. И чем больше я узнавал о винамии, тем меньше мне хотелось позволять ей уничтожить свою жизнь. И Денисов, судя по его взгляду, думал о том же.

Плечи Аньки дернулись, она тряхнула головой, но не открыла глаз. Денисов напрягся. Я взглянул на руки девушки из-за ее плеча. Записку окружало необычное сияние, никогда прежде такого не видел.

Алька растопырила пальцы и сложила ладони так, словно обхватывала ими что-то шарообразное. Но никакого шара не было — была лишь записка, охваченная вихрями разноцветных потоков силы. Они переливались, словно бензиновая пленка на луже или как мыльный пузырь на ярком свету. Наверняка эти радужные

разводы были потоками силы разных рангов, что касались объекта.

И самое интересное было то, что Аня не касалось руками ни записки, ни этого импровизированного шара — он словно завис в воздухе между ее ладонями. Зрелище красивое, необычное и немного страшное. Мне почему-то стало не по себе.

Грасс застонала, болезненно сморщилась, и мы с Денисовым переглянулись.

“Соколов, проверь, пожалуйста”.

Я осторожно потянулся к девушке. Закрылась наглухо. Не пробиться.

“Температура повысилась, остальное не вижу”.

“Плохо. Может перегреться”.

“А если я ее чутка подморожу?”

“Не надо. Не вмешивайся — можешь сбить своим заклинанием ее работу”.

“И что тогда делать?” — раздраженно спросил я, напрягаясь от каждого стона девчонки.

“Ждать. Если поплывет — тогда вытаскиваем”.

Не нравилось мне все это, ох не нравилось. И хуже всего, что случись что с Анькой, винить я буду только себя — это ведь я предложил использовать психометрию. Но на тот момент я понятия не имел, какую цену придется заплатить.

Лишь бы Анька оказалась благоразумной и не стала превращать эту задачу в суицидальную миссию.

Внезапно девушка вскрикнула, дернулась и резко распахнула глаза. Защитный купол поглотил ее вопль. Я увидел, как вспыхнули колдовским зелено-алым пламенем ее руки — всего на миг, и огонь тут же погас. Радужный шар, охватывавший записку, лопнул, словно мыльный пузырь, и бумажка медленно опустилась на пол.

Аня повалилась назад, и я, резко опустившись на четвереньки, придержал ее за плечи.

— Вот же дерьмо… — прохрипела девчонка и закрыла глаза.

— Аня! — Оставив купол висеть, Денисов подбежал к однокурснице. — Аня, слышишь меня?

Она лениво приоткрыла один глаз и слабо взмахнула рукой.

— Не ори, пожалуйста. И так голова раскалывается.

— Ты как? В порядке? Что-нибудь еще болит?

— Все болит, — Грасс попыталась подняться, но я надавил ей на плечи и не позволил. — Это ж винамий. Он отравляет каждую клетку. Соколов, отпусти меня.

— Ага, щас тебе. Сиди.

Оставив Денисова ее придерживать, я метнулся к вешалке и

стащил оттуда все рабочие халаты и даже невесть откуда взявшуюся тяжелую старую шинель. Сделав из этого подобие лежанки, кивнул Денисову, и тот осторожно перенес нашу героиню на мягкую подстилку.

— Могли бы так не заморачиваться, — устало улыбнулась Грасс. — Но спасибо, джентльмены.

— Что-нибудь можно сделать, чтобы привести тебя в чувство? — Спросил я.

Денисов мотнул головой.

— Ну разве что можешь поставить рядом тазик, когда ее вывернет наизнанку. А так ей нужно просто хорошенько выспаться. Тело само выведет винамий через несколько дней. Ну, насколько сможет.

— Да не нужен тазик, — хрипло ответила Анька. — Не настолько скрутило. Порошка-то было мало. Здесь есть вода? Пить хочу.

Я кивнул и метнулся к чайнику, в котором Хруцкая кипятила воду на свои дошираки. Протер, наполнил стакан и подал Аньке.

Осушив его залпом, девушка, казалось, немного ожила.

— Короче, господа, есть две новости.

— Давай с хорошей, — попросил я. — Для разнообразия.

— Я сделала все правильно. У меня получилось кое-что увидеть.

— С чем я тебя и поздравляю, юная психометристка, — не то искренне, не то с сарказмом ответил Денисов. — А вторая новость?

— Подтвердились мои опасения относительно опыта и силы. Помните, я говорила, что умелый психометрист может считать различные слои информации и даже выяснить хронологию событий?

— Да.

— Так вот, я не из таких, — виновато улыбнулась Грасс. — И понятия не имею, чем вам поможет то, что я увидела.

— Не томи, Ань, — поторопил Денисов. — Чем быстрее расскажешь, тем быстрее мы проводим тебя в комнату. Тебе нужно отоспаться.

В подтверждение его слов Грасс широко зевнула.

— В кои-то веки я с тобой согласна. Так вот. Судя по всему, бумага, которой пользовался автор послания, лежала на его письменном столе очень долго. Несколько месяцев. Потому что я почти не увидела лица автора, зато в деталях рассмотрела обстановку его кабинета…

Я спрятал лицо в ладонях. Твою-то мать! Ну чем мне поможет описание кабинета? Мне нужно лицо, лицо!

— А еще что-нибудь удалось считать? — С угасающей надеждой спросил Денисов.

— Меншикова видела. Тебя видела… А вот про кабинет — там интересно. Странность одну заметила. Рука, что писала, была в перчатке из тонкой кожи, как будто человек предполагал, что его попытаются отследить, и пытался не ставить следов своей энергии. Ведь известно, что сильнее всего она концентрируется в ладонях…

— Так что тебя смутило?

— Манжеты и рукава. Руки-то в перчатках, а вот форма у него аудиториумская, — Грасс серьезно посмотрела на нас обоих. — Кто бы ни писал эту записку, он носит форму нашего универа. И это, ребята, мне не нравится. Вы во что влезли?

— Сама понимаешь, во что, — уклончиво ответил я. Грасс прекрасно знала, что Меншикова и компанию подбила на покушение Темная Аспида, но даже сейчас старательно разыгрывала неведение перед Денисовым. Вот уж кому и правда стоило задуматься о карьере дознавателя или разведчика.

Анька приняла сидячее положение и положила покрасневшие руки на колени.

— И еще одна деталь. Когда я получила образ кабинета, он показался мне каким-то не таким. Словно это новый корпус. Там мало мебели, нет лепнины на потолке. Все как-то… попроще.

Денисов задумчиво почесал репу.

— Здесь есть новые корпуса. И есть еще здания на Полигоне. И еще Летний практический лагерь… Таких мест достаточно.

Грасс слабо пожала плечами.

— За что купила, за то и продаю, мальчики. Так что не уверена, что моя возня вам сильно помогла.

— Почему же, — задумчиво ответил я. — Теперь мы знаем больше, чем знали вчера. И есть кое-какая причина сузить поиски.

— Конкретики никакой, — вздохнула Анька. — А я люблю, чтобы все было четко и понятно.

Я не удержался от смеха. Правда, вышло натянуто и нервно. Я-то уже давно смирился с тем, что конкретики во всей этой поисковой затее будет мало. Почти никто не говорил откровенно, не раскрывал всех планов. Все затаивалось, пряталось, заминалось. Да и я сам в лучшем случае получал четко поставленную задачу и мыслил тактически, а вот до стратегических замыслов меня не допускали.

Оно и понятно — для того же Корфа я был всего лишь одним из агентов, которого забросили в Аудиториум и делали ставки на то, сколько я продержусь, прежде чем меня раскроют и отправят на тот свет.

Ректор тоже привязал меня, да и то больше из необходимости держать мою необузданную силушку под контролем и возможности поизучать редкий дар. И уж разумеется, что черта с два дедуля Фрейд посвятит меня в свои замыслы.

Радамант тоже говорил загадками. Помогал эпизодически, заставлял думать головой и самому копаться во всех этих делах, словно рассчитывал, что я сам приду к какому-то важному выводу. Да и семья что-то не договаривала, когда речь заходила о моем появлении в этом мире.

Порой мне казалось, что я словно шел в темноте по катакомбам, с каждым поворотам лишь углубляясь в сеть темных лабиринтов. И чем дальше заходил, тем меньше шансов у меня было выбраться на поверхность. Но и остановиться я уже не мог — каждое промедление и потеря бдительности могли стоить жизни.

А еще за мной шли другие люди — те, кто понятия не имел о том, в чем я замешан, но которые мне доверяли. И это было самое хреновое. Рисковать своей головой еще куда ни шло, а жизнями молодых ребят, каждого из которых могло ожидать светлое будущее — это уже совсем другие ставки.

— Можешь описать кабинет в подробностях? — попросил Денисов. — Вдруг ты заметила какие-то запоминающиеся детали. Может картины или фотографии или фамильные гербы…

— Думаю, будет проще считать ее память, — предложил я. — Просто перетянем образы из головы Аньки, чтобы она больше обо всем этом не думала.

Грасс поочередно взглянула на нас обоих и вздохнула.

— Неприятная это процедура. Не люблю. Но хуже, чем было четверть часа назад, уже не станет. Но учтите, что у меня высокие природные ментальные барьеры, и даже я не всегда могу на них влиять.

Я кивнул.

— Знаю. Особенность многих артефакторов. Защищает от фона при работе.

— Ишь какой умный стал, — ухмыльнулась Анька и протянула мне стакан. — Только сперва еще водички мне принеси. Сушит так, что готова пить из Невы.

Пока Грасс помаленьку приходила в чувство, а я возился с чайником, Денисов наспех прибрался — сложил все книги и конспекты Грасс в сумку, убрал следы нашего присутствия. Но купол пока не снимал — и правильно. Мы еще не закончили.

Я подал стакан Грасс, и она снова выпила всю воду залпом.

— Черт возьми, — ворчала она. — Ощущения, как будто я всю ночь пила что-то крепкое и плясала на барной стойке. А я

ведь вообще не пью…

— Все еще хочешь стать психометристом? — оскалился Денисов.

Грасс невозмутимо пожала плечами и отставила стакан.

— За все в жизни нужно платить. Ничего, привыкну. Ладно, — она подобрала под себя ноги и протянула мне руку. — Давай ты первый, Соколов. У тебя быстрее получится. Считывай только с поверхности и голову мне не ломай, а то сама тебя дурачком сделаю.

Ну это вряд ли — у меня родовая защита все же посильнее будет. Но вредить Грасс я не хотел. Сам не любил влезать в головы, особенно когда дело касалось не разрушительных заклинаний — там-то пофигу, главное — врага обезвредить. А вот с более тонкими ментальными манипуляциями я всегда работал с большой опаской.

Прикоснувшись к руке Грасс и потянувшись к ее разуму, я ощутил, как она всеми силами старалась снять ментальные защиты. Кое-что из “щитов” было рукотворным — девчонка явно была неплохо подкована в вопросах безопасности головы. Их она сняла быстро. А вот природные блоки… Ух, таких я еще не видел.

Это была не родовая сила, не наследственность. Но сила сидела над ее черепушкой мощно и плохо пропускала воздействие. Здесь брать нахрапом было нельзя — пришлось с ювелирной точностью выискивать зазоры между слоями естественных блоков и не снимать, а буквально протискиваться сквозь них.

Анька зашипела.

— Аккуратнее, Соколов. Больно же.

— Прости. Стараюсь как могу. Я все-таки не настоящий менталист.

— Постарайся побыстрее. Так-то мне всегда больно — такова расплата за сильную природную защиту. Это же как на живую резать…

Я убавил силу в два раза, стараясь действовать быстрее. Пусть сниму не все воспоминания, но Анька хотя бы не пострадает. Наконец я добрался — передо мной возникли образы последних воспоминаний: лаборатория Хруцкой, книги, конспекты, шарик записи воспоминаний… Вот! Нашел.

Мне в голову хлынул поток считанных психометрических образов. По восприятию они сильно отличались от обычной памяти. Простые воспоминания были цветными и очень живыми, а психометрические казались записанными на старую выцветшую пленку.

Я зажмурился и заскрежетал зубами, но старался не

дергаться и просто пустил все эти образы в свой разум.

— Стой! — рявкнул надо мной Денисов. Я почувствовал, что он тряс меня за плечи и пытался вырвать ладонь Ани из моей руки. — Остановись! Ей плохо!

Я распахнул глаза, мгновенно выпустил руку Грасс. Анька билась в припадке. Закатив глаза, она дергалась, словно ее било током. Руки и ноги плясали вразнобой, грудь тряслась, зубы отбивали чечетку.

— Дерьмо!

— Ты что с ней сделал? — Рычал Денисов.

— Ничего, — буркнул я, отпихивая парня от Ани, и тут же воззвал сразу к двум потокам — целебному и ментальному. Соединил оба, сплел в изящную вязь и, приложив руки к вспотевшему липкому лбу Грасс, направил силу прямо ей в голову. — Держись, Анют. Давай. Хорошо, что блоки сняты…

— Что мне делать? — спросил за моей спиной Денисов.

— Ничего. Ты боевик, а ей нужна другая сила.

Конвульсии прекратились, и девушка тихо сползла на пол. Денисов бережно подхватил ее и снова положил на импровизированный лежак.

— Что это было? — поднял на меня глаза он.

— Скорее всего менталка не выдержала нагрузки. Очень похоже на перегруз. Вообще странно: судя по ее защитам, она должна была выдержать нормально. Возможно, винамий так сработал.

Анька застонала и медленно открыла глаза.

— Я в порядке, — тут же сказала она. — Просто вырубило.

— Тебя не просто вырубило. У тебя чуть проводка не перегорела, — нахмурился Денисов.

— Поспать надо… Образы хоть считали?

Хороший вопрос. Денисов оборвал процесс передачи, и кое-что могло спутаться или пропасть.

— Погодите, проверю.

Я закрыл глаза и обратился к воспоминаниям, начал разбирать их, словно ленты пленки. Вот, стопка дорогой итальянской бумаги, руки в перчатках из светлой оленьей кожи, очень стильная перьевая ручка…

Стоп.

Часы. И кожаный диван у стены. Я не мог отделаться от ощущения, что уже где-то видел эти часы и помнил этот диван. Я прокрутил еще воспоминания — то, что смогла запомнить Грасс, хотя наверняка образов было больше. Скромная обстановка, хотя вся мебель была дорогая.

Я был здесь, в этом кабинете, когда проходил испытания на

Полигоне.

И кабинет принадлежал Павлу Антиоховичу Зурову — советнику ректора по вопросам вступительных испытаний.

Связному Корфа в Аудиториуме и человеку, который помог мне сюда поступить.

Глава 11

Ошарашенный озарением, я медленно сполз на пол рядом с Аней.

Твою мать. Это было как серпом по яйцам. Зуров — который помог мне поступить, прикрыл меня перед Аудиториумом и сотрудничал с Пистолетычем, оказался…

Кем?

Да может в этом сраном Аудиториуме хоть кто-то играть честно?!

— Соколов, ты чего? — всерьез забеспокоился Денисов. — Тебя что ли тоже накрыло?

— Нет-нет… Просто немного выдохся, — отмахнулся я и уставился в одну точку. Самые нехорошие мысли и предположения полезли в голову сами собой. Но сейчас было неподходящее время, чтобы устраивать мозговой штурм.

Сначала требовалось привести Грасс в чувство. Ей, в отличие от меня, действительно было хреново. Все симптомы опустошения налицо.

— Ладно, не будем рассиживаться, — я поднялся, ухватившись за стену, и подал руку нашей артефакторше. — Идти сможешь?

Аньку, казалось, немного оскорбил этот вопрос.

— Конечно! — Задрав нос, ответила она и тут же попыталась встать.

Но едва она приподнялась, как ноги ей отказали, и она едва не рухнула обратно на шинель. Кое-кто оказался излишне самоуверенным.

— Нет уж, поведем тебя под руки, — безапелляционным тоном заявил Денисов. — Дотащим до самой комнаты и сдадим на руки соседкам. Чтобы проследили за тобой и точно уложили спать.

— Ага, а с ложечки покормить меня не хочешь, — огрызнулась девушка.

Денисов сокрушенно вздохнул. Да-да, товарищ, она невыносима. Ты еще только на самый кончик этой фигни присел…

— Аня, сейчас не тот случай, чтобы язвить, — изо всех сил стараясь сохранить самообладание, увещевал ее Константин. — Сама видишь — тебе досталось сильнее, чем ты ожидала. Спорить здесь не о чем — это факт, и ничего постыдного в этом нет. Наоборот, чудо, что ты вообще в сознании…

Голос Денисова подействовал на Грасс успокаивающе, и

девушка наконец-то подала ему руку.

— Вот, — улыбнулся он. — Сразу бы так.

Тем временем я вернул халаты и шинели на вешалку, прихватил сумки Ани и позвал Хруцкую.

“Ядь, мы закончили. За собой прибрали”.

“Славненько”, — весело отозвалась третьекурсница. — “Потом расскажешь, какую Пиковую даму вызывали?”

“Посмотрим. У нас не все получилось так, как планировали. Но твоя лаборатория невредима”.

“Отлично. Тогда запри кабинет и ключ спрячь в щели дверного косяка. Справа увидишь зазор. Я здесь застряла, не могу отойти”.

“Сделаю”.

Распрощавшись с Хруцкой, я присоединился к одногруппникам и помог Денисову вывести Аню из здания. Она с трудом перебирала ногами, да и при каждом прикосновении к ней я чувствовал, что ее силы были на исходе.

Ничего, доведем, а там можно будет и подумать…

Пока мы шли, я связался с Ирэн и попросил ее встретить Аньку на этаже женской половины. Нам там появляться не запрещали, но не хотелось, чтобы пошли сплетни — а сплетниц на курсе было полно. Так и Грасс, и нам будет спокойнее. А уж Ирка справится, она всегда была ответственной.

“Так-так, Мишенька”, — тон Ирки не сулил ничего хорошего. — “Соизволь уточнить, при каких это обстоятельствах ты оказался вместе с Грасс и Денисовым? Ну ладно Анька, я еще могу понять. Но вы же с Костей вечно цапаетесь так, что пух и перья летят… На пять минут вас оставить нельзя. Что же такое случилось?”

В историю с записками я решил Ирку не посвящать. У нее и так полно забот, и эти интриги ни к чему. В отличие от меня, Ирэн фон Штофф училась блестяще и много. Очень много.

“Сам не знаю, как так вышло. Анька же на артефактора идет — столкнулись в Лабораториуме. Ей стало нехорошо. Перетрудилась, видать”.

“А Денисов?”

“Встретили по дороге. Он не такое уж и говно — сам вызвался помочь”.

Эта история, казалось, удовлетворила Ирэн. Хотя и не полностью.

“Ты точно ничего от меня не скрываешь?”

“Скрываю, конечно. У всех свои секреты”.

Ирка усмехнулась у меня в голове.

“Иногда ты меня невероятно бесишь, ты знаешь?”

“Вовсю работаю над тем, чтобы не давать тебе заскучать”.

Что у меня всегда получалось, так это технично съезжать с нежелательных тем полушутками. Чаще всего прокатывало как по маслу, хотя та же Ирка умела вцепиться так, что не отвертишься. Видать, у госпожи Штофф сегодня было хорошее настроение.

— Ребят, просьба есть, — прервала мое общение с Ирэн Анька. — Малышу не говорите. Он за меня вечно переживает. А я не хочу, чтобы он отвлекался. У него и так с учебой беда. Пусть готовится к аттестации.

За все это время я так и не понял, какие отношения связывали Малыша и Грасс. Порой они глядели друг на друга почти что влюбленными глазами, но я ни разу не видел их обжимающимися. Малыш как умел защищал ее от ошибок, а Анька… Анька пыталась научить Рахманинова быть хитрее. То и другое у обоих не получалось.

— Не скажу, — пообещал я. — Только и ты отоспись как следует. Главный подвиг ты уже совершила.

Грасс невесело усмехнулась, взглянула на меня и в этот момент споткнулась о валявшуюся на расчищенной дорожке ледышку. Денисов ловко ее подхватил.

— Осторожнее, мадемуазель.

— Галантничать изволите, сударь?

Денисов, казалось, слегка смутился.

— Я просто умею быть благодарным.

Мы как раз подошли к ступеням Домашнего корпуса. Уже давно стемнело, и на роскошном крыльце зажглась ночная иллюминация. В дополнение к ней здание украсили праздничными рождественскими огнями и фигурками. Сиявшие волшебным огнем елки, звезды, снежинки и прочие атрибуты зимних празднеств придавали этому месту ощущение уюта.

Со стороны Аудиториум и правда казался милым и приятным местом, а эта приверженность старомодным традициям лишь прибавляла вузу шарма. Но лишь со стороны. Я увидел происходящее с изнанки. И мне не понравилось.

Ирка встретила нас в одном лестничном пролете от этажа первокурсниц. Увидев бледность Грасс, моя подруга всерьез распереживалась.

— Господи, Аня! Что случилось?

Байкерша лишь отмахнулась.

— Немного не рассчитала силу. Я ж не Соколов, чтобы черпать из бездонной бочки. Но иногда об этом забываю, — виновато улыбнулась она, превосходно разыграв сожаление. — Ириш, мне бы поспать. Поможешь?

— Конечно.

Ирка напоследок наградила меня полным подозрений взглядом. Неужели хваленая женская интуиция все же давала ей поводы для сомнений? Но пусть так — ничего она от меня не добьется. По крайней мере до тех пор, пока я не распутаю хотя бы одну из частей клубка. А там, кто знает, может меня и вовсе уберут из Аудиториума.

Когда девчонки скрылись за углом на своем этаже, мы с Денисовым вернулись на свою половину.

— Соколов, ты выглядишь так, словно что-то понял или выяснил, — тихо сказал он, поднимаясь по лестнице.

— Пока не хочу торопиться с выводами. Нужно кое-что проверить.

Я взглянул на часы. После ужина еще успею смотаться в библиотеку. Пусть Денисов говорил, что перерыл там все, но наверняка он не пользовался услугами неодаренных секретарей. А я мог осторожно попросить биографии и фотографии нескольких дворян, среди которых будет и Зуров…

Вот и проверим, тот ли кабинетик я узнал в образах.

***

Черно-белый принтер выплюнул последний лист. Совсем еще зеленый секретарь в мундире со знаками отличия низшего чина осторожно утрамбовал стопку бумаги и протянул мне.

— Господин… Здесь есть небольшая заминочка…

— Я слушаю.

— Дело в том, что данная информация не относится к обязательной программе обучения. А за предоставление дополнительной информации, пусть и из открытых источников, взимается небольшая плата согласно пункту Устава…

Я взмахнул рукой, призывая секретаря остановиться.

— Я понял. Сумма?

— Двадцать копеек за услугу по поиску и информации в открытой базе и ее компиляции… И Десять копеек за бумагу и чернила, — любезно улыбнулся служащий. — Итого тридцать копеек.

Господи, а разговоров-то было!

— Для удобства учащихся мы предоставляем отсроченные платежи. Это означает, что все заказанные услуги записываются на ваш счет, а в конце семестра вы или ваша семья сможете оплатить все единоразово. Вас устроит такой вариант?

Ну еще бы.

— Разумеется, — кивнул я.

— И на чей счет записать услугу?

— На счет графа Денисова, пожалуйста, — широко улыбнулся

я. Ничего, если Костя хочет поиграть в сыщика, пусть делает это за свой счет. Пусть его понты пойдут на благое дело.

Секретарь сделал пометку в компьютере, продублировал запись в огромном гроссбухе и даже поставил какую-то печать. А затем, преисполненный гордости за выполненную работу, протянул мне листы.

— Милости прошу, господин. Желаете изучить материалы в читальном зале?

Я оглядел помещение библиотеки. Было уже поздновато для научных изысканий, и лампы горели всего возле пяти столов.

— Да, благодарю.

Согнув листы вдвое, я направился к дальнему столу, расположенному так, что сидящий в углу мог обозревать все пространство, а сбоку или сзади подойти было попросту невозможно. Чертова паранойя начала проявляться во мне даже в таких мелочах.

Потянув цепочку зеленой лампы, я устроился за столом и для вида разложил все распечатки. На деле мне нужна была только одна — с информацией о роде Зуровых в целом и краткой биографией и фотоснимком самого Павла Антиоховича.

Зуровы — древний русский дворянский род.

Род внесён в VI часть родословной книги Тверской и Новгородской губерний.

Родоначальник помещик Вологодского уезда Иван Зуров († 1670). В Боярской книге в 1692 году записан его сын, московский дворянин, помещик Вологодского (1670) и Тверского (1675–1684) уездов Михаил Иванович Зуров († 1735).

Я пропустил описание герба и перешел к перечню известных представителей рода:

Зуров Антиох Владимирович (1765–1809) — герой Константинопольской битвы, награжден Осколком (1799) с правом родового наследования.

Зуров Елпидифор Антиохович (1798–1871) — сенатор, генерал-майор, Тульский губернатор.

Зуров Александр Елпидифорович (1837–1902) — генерал-лейтенант, Петропольский градоначальник.

Зурова Мария Александровна (1862–1918) — фрейлина.

Зуров Павел Антиохович (1803–1887) — генерал-майор, генерал-лейтенант.

Зуров Николай Павлович (1955) — сенатор

Зуров Павел Антиохович (1980) — Советник ректора

Петропольского Аудиториума Магико по вопросам Вступительных испытаний.

Да уж, род влиятельный. И в армии отличились, и в Сенате посидели, и даже одну из дочерей фрейлиной пристроили. Наш Павел Антиохович на фоне именитых предков смотрелся даже как-то скромненько.

Но это лишь на первый взгляд.

Если верить Зурову и Корфу, то Антиохович сам вышел на Корфа и пожелал содействовать деятельности Тайного отделения. Именно Зуров поспособствовал тому, чтобы я прошел испытания — и не просто прошел, а как следует запомнил, что на них происходило. А после того, как я переехал на Каменный остров, Зуров ни разу не объявился.

И это логично — стационарное рабочее место Антиоховича было на Полигоне. Полагаю, сюда он заявлялся далеко не каждый день. А раз так, то логично, что Денисов не смог его высмотреть — сложно узнать того, кого нет.

Пока складывалось. Но мне не давала покоя другая дилемма.

Если именно Зуров писал записки Меншикову и Денисову от имени Темной Аспиды, то какого черта ему сотрудничать с Корфом?

Вариант первый — записки — это подстава. Но для чего? Убрать Меншикова и остальных? Да кому они нужны? Да, вредные сволочи, но убивать-то зачем?

Вариант второй — Зуров действительно был связан с Темной Аспидой. И тогда резонный вопрос — на кой черт он пошел к Корфу? Хотел сдать кого-то из своих? Или пытался выведать что-то у Тайного отделения в интересах Аспиды?

Я собрал листы в одну стопку и склонился над столом, обхватив голову руками. Час от часу не легче. Секретарь, подыскавший для меня сведения о дворянских фамилиях, сочувствующе улыбнулся, когда я встретился с ним взглядом. Видимо, подумал, что я пришел в отчаяние от объема учебных задач.

“Костя, это Соколов. Занят?” — обратился я к Денисову ментально.

“Учусь. А что?”

“Спустись-ка в библиотеку. Хочу тебе кое-что показать”.

“Попозже нельзя?”

“А если я скажу, что возможно нашел нашего автора записки и установил его личность?”

“Через пять минут буду”, — коротко сообщил Денисов и обрубил канал.

Я взял для вида пару книг и положил прихваченный из комнаты конспект, усиленно создавая вид старательного грызуна гранита науки. Не прошло и обещанных пяти минут, как запыхавшийся Константин открыл двери читального зала. Увидев меня, он направился прямиком к моему столу.

“Разговаривать будем только ментально”, — предупредил я. — “Сам знаешь, почему”.

Денисов воровато огляделся по сторонам и, убедившись в том, что за нами никто не подглядывал, немного расслабился.

“Что нашел?”

Я спрятал лист с портретом Зурова в книгу и, раскрыв ее, подал сообщнику.

“Взгляни на листок. Он подал вам знак?”

Денисов раскрыл книгу, аккуратно развернул лист… Я увидел, как расширились его глаза, как вытянулось лицо.

Но он не смог ничего сказать — ни голосом, ни ментально. Денисов побледнел, его руки сами собой потянулись к горлу — заклинание снова перекрыло ему дыхалку.

“Не пытайся говорить”.

Он выхватил у меня из рук карандаш и попытался что-то накарябать в тетради, но вместо букв получились нечитаемые каракули.

— Нет, — прохрипел он. — Не могу… Не получается.

— И не получится.

В глазу Денисова лопнул сосуд — маленькое кровавое пятнышко разлилось по белку. Так, пора с этим заканчивать, иначе заклинание убьет его к чертовой бабушке.

“Не пытайся говорить. Поставим вопрос по-другому. Я прав? Денисов или Николаев? Кого выберешь?”

Он непонимающе на меня уставился. Из его носа капнула кровь. Проклятье. Менталка у него и правда была совсем слабенькая. Закрыли по полной.

“Что?”

“Д — денисов? Или Н — Николаев?” — повторил я, сопроводив слова жестами.

И тут его наконец-то осенило.

“Понял. Денисов! Денисов!”

Я устало откинулся на спинку стула, а сам Константин едва не сполз под стол. Нашарил в кармане платок, вытер нос и поморщился.

“Господи, я и не думал, что будет так тяжело…”

“Ага”, — отозвался я. Хотел было добавить что-то вроде добро пожаловать в мой мир, но удержался. Все-таки было не время для издевательств.

Я захлопнул книгу и убрал лист за пазуху.

Значит, господин Зуров… Я не ошибся.

“И что теперь?” — придя в себя, Денисов уставился на меня кровавы глазом. Тот еще красавчик.

Я пожал плечами.

“Мы до него не доберемся в любом случае. Он сидит на Полигоне, а нас туда вывезут в лучшем случае летом”.

“И то скорее всего в тренировочный лагерь погонят. Работа в поле для студентов проходит там”, — ответил Денисов. — “Значит, это тупик?”

“Прямо сейчас мы бессильны. Но со временем можем что-нибудь придумать”.

Я поднялся, собрал вещи и кивнул в сторону выхода. Денисов молча последовал за мной.

На свой этаж мы поднимались молча — теперь, когда имя выяснилось, говорить стало как-то и не о чем, хотя и хотелось. Пропасть была слишком сильна, и подружиться мы не успели. Одно радовало — теперь вряд ли Денисов станет мне по-серьезному вредить.

— Спасибо, Соколов, — Константин подал мне руку, и я ответил крепким пожатием. — Ты молодец. Хорошо справился. До сих пор не могу понять, как ты его вычислил.

— Случай помог, — ответил я и направился к своей двери.

Мне требовалось написать письмо тетушке Матильде. Я уже прикинул, как намекнуть на Зурова, чтобы не раскрывать имен напрямую — кто знает, может даже переписку перехватывают, а я не в курсе.

К моему везению, ни Ронцова, ни Сперанского на месте не оказалось. Я бросил на кровать вещи и тут же полез в тайник. Попробую написать все быстро.

Рука нашарила знакомую щель в стене и на удивление легко в нее прошла. По моему позвоночнику пробежал липкий мерзкий холодок.

Ни книги, ни зачарованной ручки в тайнике не было.

Глава 12

— Твою мать…

Я нашарил фонарик под подушкой — крайне полезная для учебы вещь, если после отбоя отключают свет, а использование “Жар-птицы” не поощряется. Особая модель, рассчитанная на одаренных. Благодать его не глушила.

Дрожащими руками включил свет и снова залез под кровать. Я точно помнил, что накануне кражи Головы все было на месте. А потом Афанасьев…

Дерьмо. Предатель-менталист не просто прознал о моем секретике, но и спер подарки Корфа.

И в таком виде — с фонарем во рту, в коленно-локтевой позе и с глазами филина, посаженного на кол, меня застукал вошедший Сперанский.

— Надеюсь, ты моешь пол, — невозмутимо сказал лекарь. — Тебя не затруднит протереть и под моей кроватью?

Я окончательно вылез, выплюнул фонарик и выключил свет. Лохматые рыжие брови Коли удивленно приподнялись.

— А, не моешь… Жаль. Потерял чего?

— Да так… — я устало опустился на свою кровать и обхватил голову руками.

Ситуация, прямо скажем, патовая. Если Афанасьев успел передать мое тайное барахлишко администрации Аудиториума или кому-то из этой проклятой Темной Аспиды, то мне крышка. Правда, насчет Аспиды я сомневался — все же если с ними связывался только Зуров, то Афанасьев просто не имел возможности с ним пересечься. А вот насолить мне как следует и отдать находку аудиториумским мог вполне. В распоряжении Аудиториума были весьма талантливые психометристы, которые точно не нуждались в винамии.

Да уж. Всем уликам улика. Глянут один разок — и сразу вычислят наши с Корфом шпионские игры. И тогда у меня точно будет отсюда одна дорога — в “двухсотом”.

— Михаил!

Я вышел из оцепенения только тогда, когда Сперанский смачно шлепнул меня по щекам.

— Миша! — повторял он. — Что с тобой? Ты здоров?

— Физически или душевно? — усмехнулся я, хотя сейчас было точно не до смеху.

Коля оглянулся по сторонам, чертыхнулся себе под нос и начал водить руками вдоль моего тела — диагностировал, наплевав на ограничения. Впрочем, гайки закручивали в

основном по части применения боевых заклинаний. Лекарям все же дозволялось немного подколдовывать.

— Вроде здоров, — задумчиво протянул Сперанский и отступил на шаг. — Но на тебе лица нет. Что стряслось?

Как бы так тебе ответить, дружище, чтоб стало понятнее? Я в жопе? Мне кабздец?

Вместо этого я поднял глаза на лекаря.

— Да все об Афанасьеве думаю. С Денисовым сегодня столкнулся, он все задается вопросом, как Гриша вообще оказался в компании Меншикова.

Сперанский налил стакан воды и уселся на свою кровать.

— Мне это тоже показалось странным, — признался он. — Но он вообще иногда странновато себя вел.

— Разве? — удивился я. — По-моему, наоборот, всегда был бодр и весел. Болтал без умолку, всякие дурацкие идеи предлагал. Самый нормальный студент из нашей комнаты.

Коля рассеянно крутил полупустой стакан в руках.

— Не знаю… Может это просто я напридумывал…

— Давай-ка с этого места поподробнее, — попросил я.

— А смысл? Гришу не вернешь. Даже нам не дано воскрешать людей.

Сперанский все это время держался молодцом. Даже слишком — хранил полную невозмутимость и делал вид, что случившаяся трагедия его не заботила. Мне даже сперва подумалось, что ему не только подтерли память, но и над эмоциями поработали. Либо что это был побочный эффект от ментального вмешательства.

Но нет, Коля все-таки переживал. Просто слишком глубоко закопал эмоции. С одной стороны, такой подход я уважал — не пристало мужчине истерить. Но Сперанский уж слишком закрылся. А традиционного русского средства психотерапии — бутылки водки и баночки огурчиков — у меня под рукой не было.

И все же следовало как-то помочь парню. Правда, из меня был тот еще психолог.

— Коль, ты-то уж точно не виноват, — осторожно сказал я. — Ты ничего не мог сделать. Сомневаюсь, что там вообще можно было помочь. Рассказывали, что там так шарахнуло, что… Все мгновенно случилось.

— Да знаю, — отозвался лекарь. — Но от этого как-то не легче.

— Оно и не должно быть легче. Твой друг погиб.

Друг, который сдал всех нас с потрохами последователям непонятного общества. Может и хорошо, что Сперанский этого не помнил.

— Ну, не сказать, чтобы друг… Просто я впервые сталкиваюсь так близко со столь… дурацкой смертью. А ведь я лекарь, мне положено быть готовым к тому, что всякий, за кого я возьмусь, может умереть. Почему-то все думают, что наделенный Благодатью целитель может исцелить что угодно. Но это не так, Миш. Чудеса случаются, но далеко не всегда. И мой прежний наставник — не Матильда, другой. Когда у меня открылся дар целителя, он едва ли не начал обучение с того, что вбил в мою голову главную мысль.

Я подался вперед.

— Какую?

— Что я всегда буду ходить рядом со смертью. Меня водили в больницы и морги — привыкать, работать, тренироваться… Но я еще никогда не видел, чтобы столько молодых ребят погибли вот так, по собственной глупости.

— Ты уже видел смерти в Аудиториуме, — напомнил я. — Когда упал купол во время Смотра.

— Это был теракт, — покачал головой Коля. — Это другое. К подобным вещам я как раз приучен. Не привычен, но приучен. А Гриша, Меншиков и остальные… Ну черти они еще те были, но не заслужили же.

Естественный отбор в действии. Или очень грамотно спланированная акция, зачинщик которой задумал невесть что…

— Мне просто не дает покоя вопрос с Гришей, — сказал я. — Можешь рассказать, что тебя смутило в его поведении? Может если я разберусь и что-нибудь пойму, то угомонюсь.

Сперанский кивнул.

— Ну раз так… Ты-то не мог заметить — постоянно пропадал в Лабораториуме на своих отработках. И я тебя винить не могу — поставь надо мной старшей Хруцкую, я бы тоже бежал помогать ей со всех ног.

— К делу, Коль, — взмолился я. Голова ужасно раскалывалась, а от напряжения шею свело так, что я едва мог шевелиться. Нервы, чертовы нервы. Убьет тебя эта работенка, Миха.

Лекарь отставил стакан в сторону и взглянул в темное окно.

— В последние дни Гриша начал куда-то уходить. Мог пропасть ненадолго, а возвращался всегда как ни в чем не бывало. Вроде девчонка у него появилась, но он не особо о ней болтал — джентльмен хренов. Я особо не расспрашивал — я ж ему не нянька. Пару раз замечал, как он смывался из комнаты ночью, но всегда возвращался до подъема. Мне подумалось, что с какой-нибудь девицей тайком обжимался. Просто странно, что он ни слова о ней не рассказывал. Ты же знаешь, у Гриши язык был

как помело.

И правда странно. Афанасьев волочился за каждой юбкой и не упускал возможности похвастаться перед нами своими амурными подвигами. А тут молчал.

— А где он вообще бывал в последние дни? — спросил я, тщательно подбирая слова. Хотелось, чтобы мои вопросы не вызвали подозрения у лекаря.

Сперанский задумчиво потер подбородок.

— Да нигде особо. На занятиях, в библиотеке, в общем зале с остальными готовился… А, ну и еще его припахали помогать в оранжерее.

— У нас здесь еще и оранжерея есть? — удивился я.

Коля вымученно улыбнулся.

— Точно, ты же и это пропустил. Короче, наши господа лекари и артефакторы порой с растениями развлекаются. Есть целая ботаническая лаборатория по исследованию влияния Благодати на растения. Флорариум называется. Вот с его обустройством и помогали.

— Странно. Гриша же всегда лентяем был.

— Видать, проникся цветочками, — пожал плечами Николай. — Хотя там особо и не спрашивали. Отрядили десять человек и погнали работать.

— А кто еще был?

Сперанский призадумался.

— Девчонки в основном. Но помимо Гриши точно был Денисов.

Ну, уже что-то. Хотя и не самый лучший вариант.

Коля тем временем взял себя в руки, собрался и посмотрел на часы.

— Скоро отбой. Надо бы успеть ополоснуться перед сном. Серегу не видел?

— Вроде учится, — ответил я. — Собирался заниматься после ужина.

Сперанский первым отправился в ванную, а я тем временем обшарил все вокруг кровати Афанасьева. Ничего. Ни тайников, ни заначек. Либо тщательно вычистили, либо менталист оказался умнее и ничего не прятал в своей комнате.

Но если именно он стащил мои пожитки, то должен же был где-то спрятать. В каком-нибудь неожиданном месте, где точно не станут искать. Например, в комнате у Меншикова. Или в библиотеке. Или во Флорариуме.

Вариантов было много, и я решил начать с малого.

“Извини, но это опять я”, — обратился я ментально к Денисову.

“Соколов, я понимаю, что хорош собой. Но если что, я по женщинам. Да и ты вроде бы…”

“Окстись, шутник. Есть дело. Ты же был на работах во Флорариуме?”

“Допустим. А ты что, ботаникой заинтересовался?”

“Выключи уже мудака и поговори нормально”, — терял терпение я.

“Так скажи нормально, чего тебе надо”.

“Можешь завтра показать, где вы работали и что делали?”

“Зачем?”

“Надо”.

Денисов вздохнул в моей голове.

“Ладно, если уж тебе так свербит. Покажу. Завтра ко второй паре, встретимся после завтрака. И учти, Соколов, мы не друзья. Это последняя услуга, что я тебе оказываю”.

***

Я барабанил кулаком по дереву так, словно пришел выбивать долги.

Дверь распахнулась, и на пороге возникла сонная физиономия Денисова.

— Привет, Костя, — широко улыбнулся я. — Позволь-ка войти.

— Я же сказал тебе, что покажу Флорариум после завтрака.

Я бесцеремонно отпихнул единоличного жителя комнаты и ввалился внутрь. Три кровати были пусты, и новых соседей к Денисову еще не заселили.

— Дверь закрой, — велел я. — Быстро.

Видимо, моя рожа была настолько серьезной, что Костя не стал пререкаться и даже задвинул щеколду.

— Объяснись, Соколов. И да. Доброго утра.

— Тайники у вас здесь есть? — без предисловий спросил я. — Ты же все обыскивал, когда искал записку. Ничего не находил?

Вражина, казалось, даже растерялся от моего напора.

— Соколов, что происходит?

— Отвечай на вопрос. Это важно. У меня кое-что украли, и я подозреваю, что могли спрятать здесь. Или в оранжерее.

Денисов, казалось, был окончательно сбит с толку. Настолько, что неправильно застегнул пуговицы на рубашке.

— С чего ты решил, что здесь? — удивился он.

— Потому что спер Афанасьев, а он общался с вашими.

— И что сперли?

— Книгу.

Денисов недоверчиво ухмыльнулся.

— Что ж за книжка такая, раз ты так трясешься?

— Подарок очень дорогого мне человека, — огрызнулся я. — Я готов простить эту шалость покойнику, но очень хочу вернуть собственность.

Вражина посмотрелся в зеркало, выругался и принялся заново возиться с рубашкой.

— Михаил, ты серьезно? Книги в нашей комнате?

— Значит, не находил, — предположил я.

— Не-а. Заначку коньяка и сигарет нашел. Две бутылки и блок “Золотого листа”. А вот книг, уж извини, здесь отродясь не держали.

У Денисова не было причин мне лгать. Наоборот, думаю, он был бы рад поскорее от меня избавиться, чтобы не отвечать на дурацкие вопросы однокурсников. Все прекрасно знали о нашей конфронтации.

— Жаль, — ответил я. — Тогда после завтрака в общем холле.

***

Покончив с едой, Денисов встретился со мной глазами и кивнул на выход.

— Подойду в библиотеку через полчаса, — сказал я Ронцову. — Начинайте подготовку без меня.

Проигнорировав вопросы одногруппников и удивленные взгляды Ирэн, я поспешил за Константином.

— Бегом, — сказал он. — У меня полно долгов перед аттестацией. Менталку никак сдать не могу. Нужно готовиться.

— Может я помогу? — на ходу предложил я.

— Избавь. Лучше попрошу Штофф.

Ну да. Удачи в этом непростом деле. Ирка и меня-то с трудом натаскивала, пока я не научился взаимодействовать с родовой силой, а Денисов в отношении ментальных практик был и вовсе чурбаном.

— Надумаешь — скажи.

— Не хочу быть твоим должником, — отозвался вражина. — Особенно твоим.

Эта баранья упертость начинала меня забавлять.

— А тебе не приходило в голову, что не всякое доброе дело требует ответной услуги?

Не сбавляя шага, Денисов покосился на меня.

— В моем мире всякое деяние требует ответных действий.

— Хреновый у тебя мир, Костя.

— Твоему тоже не позавидуешь, слабокровка.

Я резко остановился.

— Слушай, если хочешь получить по морде, так и скажи. Я не

против. Подеремся, ты пар выпустишь — может тогда снова станешь вменяемым человеком. Понимаю, все по-разному справляются со стрессом и утратами, а друзей у тебя резко поубавилось…

— У меня нет друзей, — хмуро отозвался Денисов.

— И зря. Милейшие люди. Советую обзавестись парочкой хотя бы к выпуску.

Денисов двинулся на меня, на ходу закатывая рукава.

— Соколов, ты сейчас доиграешься…

Я лишь улыбнулся.

— Спокойно, Костя. Я тебя не боюсь. И советую рукоприкладством не злоупотреблять — у меня сильная природная защита. Род может шарахнуть в ответ без моего ведома, и тогда будем всем курсом отскребать тебя от всех поверхностей. Ты знаешь, я могу. Особенно в голову.

Денисов наградил меня мрачным взглядом, но, кажется, драться передумал.

— Это все к чему, — продолжил я. — Тебе больно. Ты злишься. В том числе и на то, что твои друзья — мертвые идиоты. Но если и правда хочешь выяснить, кто отправил их на смерть, то сперва научись разговаривать с людьми нормально.

Вражина молчал несколько секунд, а затем кивнул в сторону выхода.

— Идем. Времени мало.

Флорариум располагался между двумя учебными корпусами. Изящная и легкая конструкция из стекла и металла сверкала за зимнем солнце так, что резало глаза. Уголок тропиков среди мерзкого петропольского климата.

Войдя, Денисов быстро поздоровался с какой-то кудрявой дамой в рабочем комбинезоне. Перекинулся с ней парой фраз, и она позволила нам пройти.

— Вот здесь мы работали, — он указал на пахнувший землей и чем-то сладковато-фруктовым уголок оранжереи. — Ставили новые ярусы, таскали мешки с землей и кадки под кустарники.

Я внимательно осмотрелся. Здесь было сыро, и книга могла быстро прийти в негодность. Если Афанасьев оставил мои пожитки здесь, то наверняка рассчитывал быстро перепрятать. А подходящих мест для тайника здесь было достаточно.

— Мальчишки, что-то потеряли?

Кудрявая дама отложила тяпку и помахала нам из соседнего ряда.

— Да вот один студент книгу где-то оставил, — обворожительно улыбнулся Денисов. А ведь мог, когда хотел, зараза такая. — Мечется теперь, ищет…

Женщина помахала рукой.

— Идите-ка сюда, покажу одну находку. Только к черным листьям не прикасайтесь — они ядовитые. Жжется до волдырей. Нашли мы тут на днях кое-что, да в таком месте, что нарочно не придумаешь… Кадки переставляли, когда цветы пересаживали…

Не успели мы подойти, как работница вытащила из стеллажа небольшой холщовый мешок с гербом Аудиториума. Мы в таких сдавали и получали постельное белье.

— Взгляните-ка, не ваше ли часом? — женщина протянула нам мешок.

Я кивнул с благодарностью и развязал тесьму. На ощупь было очень похоже на мое барахло. Что-то твердое и прямоугольное, что-то тонкое и продолговатое, острое…

— Оно! — я развернул мешок и достал книгу.

Моя. И книга, и ручка. Аллилуйя.

Денисов озарил Флорариум самой чарующей из всего арсенала своих улыбочек.

— Покорнейше благодарим, сударыня! Вы просто нас спасли…

— Ну слава богу, — улыбнулась в ответ дама и отошла на другой ряд.

Я достал книгу и решил проверить, остались ли в ней мои записки. Да и вообще неплохо бы понять, все ли было с ней в порядке.

И в этот момент из страниц вывалилось несколько листов. Не записки — фотографии.

Денисов поймал две в воздухе, но еще несколько упали на грязный от земли пол.

— Твое? — он протянул мне фотокарточки и усмехнулся. — Что, выпускной альбом делаешь?

— Не мое. Дай-ка сюда.

Я просмотрел все фотографии и перевернул каждую. Денисов, Ронцов, Меншиков, Забелло… Все погибшие, плюс мы с Ронцовым и Костей. Причем фотографии не официальные аудиториумские, а более старые, еще с довузовской жизни. И каждая карточка была подписана с обратной стороны — фамилия, имя, дата рождения.

Денисов удивленно уставился на меня.

— Если не твои, то чьи тогда? И зачем?

Глава 13

Хороший вопрос, Костя. Хороший вопрос…

Я снова перелистнул фотокарточки. Портреты словно надергали из разных источников. У Меншикова фотка была взята явно из выпускного альбома. Денисов — в форме гимназиста. Ронцова явно фотографировали в ателье. Моя фотография… Моя была сделана еще тогда, когда в этом теле был прежний Миша.

Одна из карточек показалась мне слишком толстой, и я увидел, что это слиплись две — Казимира Забелло и Марианны Перовской. Значит, Перовская тоже была среди объектов интереса. И одна из немногих, кто выжил.

Денисов смотрел на меня с большим подозрением.

— Точно не твои?

— Нет, — раздраженно ответил я. — К тому же здесь и моя карточка есть. Не самая удачная, к слову.

Покопавшись в памяти прежнего Миши, я понял, что именно эту фотографию прикладывали к документам, которые мы подавали в Аудиториум. У нас вообще не было принято много фотографироваться, так что эта карточка была почти везде. И она была единственной, какую сделали за год.

Думай, Мих. Личное дело, документы для Аудиториума, карточка больницы, пропуски… могла ли Оля выложить эту фотку в сеть? Теоретически, да. Она-то могла пользоваться электронной связью.

Я убрал фотографии в книгу и хотел было уже сунуть ее в мешок, как вдруг на самом его дне нащупал еще кое-что. Какой-то маленький круглый предмет.

Сам не знаю, что меня дернуло, но я почему-то решил не лезть за ним с голой рукой, а вместо этого присел на землю и осторожно вытряхнул предмет.

— Что там? — навис надо мной Денисов.

— Сместись чуть влево, — попросил я. — Свет загораживаешь.

Едва вражина отодвинулся, мы оба увидели блестящий стеклянный бок шарика.

— Неужели Око? — предположил Константин.

— Может быть. А может и “флешка”.

— Что? Не понял.

— Артефакт записи воспоминаний, — пояснил я, отругав себя за отсутствие осмотрительности. — Знаешь о таких?

Денисов стащил с бортика какой-то грядки кусок материи и обернул предмет в тряпицу.

— Знать-то знаю. И еще из регламента по технике безопасности помню, что лучше не касаться таких штуковин без перчаток.

И он был ой как прав. Значит, в который раз интуиция меня не подвела. Вот как чувствовал, что не следовало торопиться.

— Точно не твое? — даже с каким-то подобием надежды переспросил Денисов.

— Нет же! На какие шиши, по-твоему, я могу себе это позволить?

— И правда. Ладно.

Мы с Денисовым обменялись тревожными взглядами.

— Пойдем отсюда, — шепнул он. — Не нравится мне все это.

Я молча кивнул. Мы поднялись, Денисов спрятал шарик в карман, а я сложил оставшиеся пожитки в мешок. Кудрявая дама помахала нам тяпкой на прощание и вернулась к своим черным ядовитым растениям.

— На кой черт ему понадобилось Око? — размышлял Денисов, когда мы вывалились из жаркой оранжереи на холодный зимний воздух.

— Если это вообще Око, — напомнил я. — Проверить-то легко…

— Не буду я эту хреновину трогать. Вдруг ловушка.

Я поднял глаза на одногруппника и усмехнулся.

— Ты погляди, наш Денисов заразился паранойей.

— Шути сколько хочешь. Но чем дальше мы раскапываем, тем страннее кажется вся ситуация.

— Думаешь, Афанасьев был связан с Темной Аспидой? — спросил я, забросив мешок на плечо.

— А почему нет? Ведь это именно он науськал вас попытаться выкрасть Пантелеева из Лабораториума. Он подстроил то, что должно было случиться… А потом внезапно Андрей и остальные погибают. Вместе с Афанасьевым.

— Хочешь сказать…

— Что выглядит это все так, что Афанасьева специально заслали поближе к вам, чтобы он организовал… покушение, будем называть это так. Заметь, он оказался сперва в вашей отборочной группе, затем вас поселили вместе. Все для того, чтобы вы сдружились…

— Это могло быть совпадение.

Денисов нервно рассмеялся.

— Соколов, ты дурак или притворяешься? После всего этого ты еще веришь в совпадения?

— Допустим, — рассуждал я. — Кто-то дал ему задание к нам приблизиться. Зачем? Чтобы убить нас с Ронцовым?

— Если это была Темная Аспида, то они могли пожелать вашей смерти. Но что-то пошло не по плану, и тот, кто во всем этом заинтересован, мог одним махом избавиться и от неудачливых исполнителей, и от паренька, который помог все организовать, — Константин провел пальцем по шее. — И все. Концы в воду. Ищи-не ищи.

В словах Денисова, как бы ни было обидно это признавать, все же просчитывалась логика. Другой вопрос — у меня никак не укладывалось в голове то, что нас с Серегой хотели убрать только потому, что мы считались позором дворянского общества. Слишком уж слабая мотивация как по мне.

Чтобы организовать такую операцию, нужно ну очень сильно хотеть от кого-то избавиться. В данном случае — от нас. Или же была задача спровоцировать нас на какие-либо действия.

А что если заказчик сего мероприятия подозревал о наших с Ронцовым особых способностях? Если предположить, что так и было, то остается два варианта. Первый — кто-то посчитал нас угрозой и пожелал устранить, хотя в случае с Ронцовым это стало физически невозможно. Второй — кто-то подозревал о наших особых талантах, но хотел получить подтверждение.

И в том и в другом случае я был вынужден защищаться и раскрыл себя перед Аудиториумом.

Как же меня начинала бесить вся эта история. Куда ни ткнешься, за какую нитку ни потянешь — вываливаются все новые загадки и никакого развития.

Нужно что-то сделать. Возможно, как-то спровоцировать этого заказчика. Если предположить, что от нас все же пытались избавиться, то попытка должна повториться. Правда, теперь, когда заказчик имеет представление о том, на что мы способны, ему придется ой как постараться…

И вряд ли новый удар нанесут так быстро. Нет, теперь за нами будут наблюдать.

Денисов медленно брел, утюжа хорошо утоптанную дорожку ботинками.

— Что теперь делать с шариком? — спросил он. — Есть мысли?

— Можно показать артефактору. Возможно, та же Хруцкая сможет определить по фону, что за задача у этого устройства.

— Сможешь организовать?

— Думаю, да, — кивнул я. Ядька любила решать головоломки. — Но меня беспокоит еще кое-что.

— Фотографии?

— Ага. Зачем они Афанасьеву?

— Полагаю, для того, чтобы знать нас в лицо. Если он был

кем-то подослан, то это логично.

— Сжег бы тогда.

— Может не успел?

Я пожал плечами.

— Не знаю. Правда, не знаю, Костя. У меня в голове не укладывается, что Афанасьев оказался засланным казачком.

А из него вышел шпион даже покруче меня. Никто ничего не заподозрил. Парень был прирожденным актером. Либо же кто-то слишком хорошо его натаскал. А ведь Гриша в той заварушке почти не вступал в бой и держался подальше. Может тогда он просто выполнял задачу столкнуть нас с княжичами? Потому и не полез в драку — берегся. И если бы не череда случайных обстоятельств и неуемный нрав Грасс…

К слову об Ане. Я вспомнил о фотографиях — засаленных, немного затасканных. Значит, Афанасьев не раз их доставал и мусолил в руках. А это означало, что на фотокарточках могла остаться энергия, и можно было попробовать считать образы…

Руки чесались снова попросить Аню об услуге, но я не хотел подвергать ее риску. Во-первых, у нас закончился винамий, а красть его из Лабораториума я бы не стал — подведу под удар Хруцкую и Дедулю. Оба еще пригодятся.

Во-вторых, Аню сильно потрепал ритуал психометрии. Хорошо, если восстановит резерв через пару-тройку дней. Нет, Грасс вмешивать больше нельзя. А других психометристов у нас не было.

— Так свяжешься со своей подружкой? — отвлек меня от рассуждений Денисов.

— Ты уже и об этом прочухал?

— О том, что ты водишь дружбу с красоткой-третьекурсницей? — усмехнулся вражина. — Об этом весь поток судачит. И не стыдно тебе при живой-то Штофф?

— Мне нечего стыдиться. Мы интересны друг другу исключительно в научном контексте.

— Ага. Ага…

Болван. Ну да ладно. Сейчас было не до пререканий и споров.

Я сверился с часами. В библиотеку к подготовке я опоздал — опять прилетит по башке от Сперанского. И снова лекарю придется прикрывать мою задницу и делать доклад самому. Я уже в третий раз сливался с совместной подготовки и знал, что терпение Коли было на исходе.

Но выяснить, что за игрушку прятал Афанасьев, сейчас было важнее.

“Ядь, доброго утра!” — постаравшись вложить в ментальный посыл побольше веселья, поприветствовал я артефакторшу. —

“Свободна?”

“Смотря для чего”, — сонно ответила третьекурсница. — “Доброе”.

“Хочу показать тебе один артефакт. Нашел тут в барахле товарища. Взглянешь?”

“Пока не выпью три чашки кофе, и не проси”.

“Я тебе сам его сварю и подам в постель, если пообещаешь глянуть в течение часа”.

Хруцкая усмехнулась в моей голове.

“Нет уж, избавь меня от необходимости отстирывать свежее белье от кофейных пятен. Через десять минут в Лабораториуме. Тащи туда свою безделушку”.

Я оборвал ментальный канал и обернулся к Денисову.

— Ну что, пойдем в гости к владычице артефактов. Прямо сейчас.

Вражина удивленно на меня уставился.

— Так просто? Всего-то взял и договорился?

— Говорю же, Костя, иметь друзей не только приятно, и иногда еще и выгодно. Обзаведись парочкой людей, которые готовы помогать тебе не потому, что у твоего отца дохрена бабла, а потому, что они тебя уважают и ценят. Уверяю — совершенно новые ощущения.

— Опять ты заладил…

— А что? Раз уж мы снова работаем вместе, я не откажу себе в удовольствии покапать тебе на мозги. Все равно ты ничего не сможешь мне сделать, — ухмыльнулся я.

— Сволочь ты, Соколов.

Денисов громко засопел и стал похож на дракона: из его носа выходили две струйки пара. Я оглянулся, чтобы прикинуть, как быстрее добраться до Лабораториума.

И в этот момент увидел позади нас какого-то мужика с лопатой.

Заметив меня, он отвернулся и притворился занятым уборкой сугроба.

Показалось?

Я ускорил шаг, ничего не сказав Денисову. Лишь когда мы обошли пруд и свернули на дорожку к Лабораториуму, я снова резко обернулся. Мужик перемещался вслед за нами. Снова заметив меня, он оперся на лопату и закурил. Дескать, отдыхал от работы.

Ну да. Ну да.

— Костя, за нами хвост, — поравнявшись с однокурсником, тихо сказал я. — Дворник с лопатой. Интересно, тот же, что и в прошлый раз?

Денисов покосился на меня, но оборачиваться не стал. Лишь когда мы переходили мост, он задержался на лестнице и осторожно обернулся.

— Отсюда не видно. Но вроде похож. Они же все в спецовках…

— Может тогда в Лабораториум в другой раз? — засомневался я.

— Поздно. Он уже понял, куда мы идем.

Увы, это было правдой. Здесь не было других зданий, кроме обители артефакторов. Одно хорошо — этот дворник не сможет проследить за нами внутри Лабораториума. Но если он следил за нами достаточно долго, что должен был знать, что я общался с Хруцкой.

Иными словами, я опять рисковал подставить девушку.

“План такой. Идем в Лабораториум, делаем все, что задумали, потом отыскиваем этого любителя подглядывать…”

“И выясняем, что ему от нас нужно”, — с готовностью согласился Денисов.

“Только это нужно сделать рядом с Лабораториумом. Если придется бить по нему боевыми заклинаниями или менталкой, то мы быстро спалимся перед администрацией”.

Вражина кивнул.

“Значит, придумаем, как его отвлечь. Или, наоборот, привлечь”.

Лабораториум уже был открыт, а в холле витал аромат сладких духов Хруцкой — значит, она уже была на месте. Денисов, в прошлый раз прошмыгнувший сюда с бокового входа, с интересом разглядывал интерьер старого здания. Я потянул его за плечо и поволок к лестнице.

Хруцкая встретила нас уже при полном рабочем параде — волосы заплетены в косу и тщательно убраны под косынку, темный плотный халат застегнут на все пуговицы, а на руках — тонкие перчатки. На столе дымилась чашка, источая аромат растворимого кофе.

— Привет, господа первокурсники, — улыбнулась она, продемонстрировав ровные крупные зубы. — Показывайте, с чем пожаловали.

Денисов немного замешкался в дверном проеме, и мне пришлось буквально пропихнуть его в кабинет. Не знаю, какое магическое воздействие оказывала на него Хруцкая, но в ее присутствии он словно робел и тупел на пару пядей лба. Причем Константин был далеко не единственным — я давно заметил, что Хруцкая обладала почти сверхъестественной способностью приковывать к себе взгляды как парней, так и девчонок.

Уж не работа ли это какого-то хитрого артефакта? С этой умницы сталось бы.

Я поставил на рабочий стол мешок, вытащил книгу и спрятал за пазуху.

— Он внутри. Шарик. Похож на Око, но мы не уверены, — пояснил я. — Перчаток нет, в руки не брали.

Ядвига отхлебнула пару глотков из чашки и вывернула мешок.

— Так-так… Хм.

Она взяла со стола щипцы и осторожно обхватила ими маленький шарик.

— Похоже на кварц, — заключила она, подняв артефакт на свет. — Кварц обладает способностью не только впитывать энергоинформационный фон, но и излучать его. Второе сложнее, но это возможно. Поэтому мы выплавляем стекло для артефактов с содержанием кварца. Но здесь… Так, погодите.

Хруцкая хмыкнула каким-то своим мыслям, положила артефакт и подошла к какому-то аппарату, больше напоминавшему плод любви старой ручной кофемолки и газоанализатора. Дернув несколько рычагов, Ядька запустила неведомый аппарат и открыла дверцу.

— Что это? — озвучил мои мысли Денисов.

— Анализатор. Помогает определить состав материалов в заготовке. Сейчас просветим его и посмотрим, верны ли мои предположения…

— К чему склоняешься?

— Фон у этого артефакта очень активный. Слабый, но активный. Такое бывает только у ряда специализированных артефактов. Обычно фон как раз стараются снизить или вообще по возможности убрать, чтобы артефакт не засекали устройства слежения. Но здесь все наоборот… — Ядвига ловко ухватила щипцами шарик, поставила его внутрь анализатора и закрыла дверцу. — У него словно нет активного алгоритма, но он буквально “вопит” о себе. И в зависимости от того, какой материал использован, я смогу прикинуть, для чего он нужен.

Хруцкая дернула один из рычагов, и матовое стекло крышки ящика окрасилось ярким белым светом. Что-то затрещало, закрутилось внутри, словно лопасти маленького вертолета.

А затем я услышал давно забытый звук матричного принтера — помнил его еще с тех времен, когда мама посылала меня оплачивать счета в “Петроэлектросбыте”. Вот и сейчас меня аж дернуло от этого мерзкого скрежетания, а аппарат выдал узкую ленту с какими-то символами и буквами.

Ядвига выхватила ее и поднесла к свету.

— Природный горный хрусталь особой чистоты, — она обернулась к нам. — Я была права.

— И что это значит? — Озадаченно спросил Денисов.

Ядвига улыбнулась.

— Природный горный хрусталь используют в артефактах, которые должны работать автономно долгое время и без возможности подпитаться от силы носителя. Например, если мы делаем простейшее Око, то оно содержит только примитивные алгоритмы и питается от энергии объекта. Это как лампочка. Подключил к сети — загорелась. Выкрутил — погасла. Для простых “глазиков” можно спокойно использовать лишь часть кварца. Но если нужна автономная работа, придется раскошелиться на природный горный хрусталь. Он лучше всего удерживает энергию. Иногда неделями, а то и месяцами в зависимости от сложности алгоритма и заряда.

— Понял. Здесь у нас артефакт, который предназначен для того, чтобы работать без питания, — повторил я, укладывая в голове услышанное. — Для чего их используют?

— Как вы сами понимаете, вариативность применения огромная. И если бы не столь активный фон, я бы не смогла ответить. Но вам, господа, повезло. Эта хреновина орет так, что его невозможно не заметить. И орет весьма характерно для устройств слежения, — Ядвига постучала щипцами по столу. — Вы, господа, принесли мне активный маячок.

Глава 14

У Денисова отвисла челюсть, и он, приоткрыв рот, ошарашенно пялился на дверцу анализатора.

— Устройство слежения? Но… Откуда?

В отличие от однокурсника, я уже мало чему удивлялся и просто уставился на артефакторшу.

— Разве поле Аудиториума не глушит маячки, Ядь? Ведь даже ментальная связь не пробивается за пределы территории…

Хруцкая улыбнулась.

— Дельное замечание, коллега, — с нотками своего начальника-профессора ответила она. — Это и правда хороший вопрос. Для того, чтобы на него ответить, нужно знать, как работают подобные устройства.

Костя потихоньку отходил от шока и провел руками по лицу. Не ожидал, да? Добро пожаловать в мой мир, братишка.

— Чертовщина какая-то… Зачем ему маячок?

— Об этом позже, — оборвал его я. — Ядь, расскажи, пожалуйста, как все устроено.

— Рассказать-то расскажу… — Хруцкая, ловко орудуя щипцами, перенесла артефакт и уложила его войлочную подстилку на столе. — Но сперва вы поделитесь, где достали такую игрушку. Штуковина не сказать, чтобы совсем сложная, но первокурсники такие вещи точно делать не умеют… Да и назначение у нее весьма специфическое. Утолите-ка мое любопытство, господа.

Мы с Денисовым переглянулись, и он слабо пожал плечами, предоставляя мне решать, что говорить.

— Нашел в вещах погибшего друга. Убирали комнату и случайно обнаружили.

Хруцкая стряхнула пылинку с халата и уселась на стол.

— И правда, тогда хороший вопрос, зачем она ему понадобилась. Ваш товарищ был артефактором?

— Нет, — ответил Денисов. — На менталиста шел.

— Интересно… Значит, кто-то должен был научить его пользоваться таким маячком. Ну да ладно. Сейчас все поймете, — она схватила со стола старую газету и толстый красный карандаш. — Уж извините, нарисую на чем попало…

Ядька принялась чертить очень простую схему. Два кружка, между ними две стрелки, как маршрут из пункта в А в пункт Б и обратно. И пересекла рисунок ровно посередине вертикальной пунктирной линией. Первый кружок она подписала буквой “Альфа”, второй — “Бета”.

— Знаете, как работает радио? — Хруцкая оторвала взгляд от рисунка и уставилась на нас.

Я кивнул.

— В общих чертах. Есть радиопередатчик, в котором формируется сигнал определенной частоты — на него накладывается то, что нужно передать. Сигнал модулируется и излучается антенной в виде радиоволн. — Ядвига кивнула. — А на приемной стороне модулированный сигнал принимается антенной и поступает в радиоприемник. Ну и там еще надо отфильтровать сигнал с нужной частотой, детектор должен восстановить модулирующий сигнал. Еще могут быть всякие помехи…

Хруцкая замахала руками.

— Ладно-ладно, я поняла, что ты в курсе. Не мучай своего спутника лишней информацией. А то у бедняги сейчас голова взорвется.

Денисов, надо сказать, и правда приуныл. Даже удивительно. Мне-то казалось, что каждый школьник должен был знать, как устроен радиоприемник — мы так вообще их на лабораторных собирали, а у меня была обычная общеобразовательная школа… Правда, в моем мире. Здесь программа все же отличалась.

Да и, судя по комплекции Денисова, видать, у него вместо естественных наук явно был бокс или какая другая борьба.

— Артефакты, работающие на прием и передачу, действуют по схожим принципам, — сказала Ядвига. — С той лишь разницей, что принимающей стороной может быть как артефакт, так и одаренный человек. На самом деле вы пользуетесь подобием этого принципа, когда общаетесь ментально. Если разложить процессы Благодати на составляющие, то на то и выйдет.

Ну да. Только вот с точки зрения физики я не мог объяснить, каким образом работала Благодать.

Хруцкая провела карандашом по стрелочке.

— Представим, что радиоволна — это сигнал. То есть то, что передает информацию. Радиоволны делятся на диапазоны: от субмиллиметровых до сверхдлинных, и для каждого диапазона характерны свои особенности распространения. Например, чем больше длина волны и чем меньше частота, тем больше волна способна огибать преграды.

Денисов жадно глядел на лист и рассеянно кивал.

— Значит, сигнал маячка — это как радиоволна.

— Примерно. И если проводить аналогию с радиопередатчиками, я бы сказала, что тот артефакт, который вы притащили, работает на малых расстояниях.

— Пожалуйста, можно без технических подробностей, — взмолился Денисов. — Чуть попроще для тупых боевиков вроде меня.

Самокритично, однако. С другой стороны, вменяемый взгляд на собственные слабые стороны заслуживал уважения.

Ядька снисходительно улыбнулась.

— Ладно, яхонтовый мой. Попроще — так попроще. Короче, парни, не знаю, кто и зачем дал вашему товарищу этот маячок, но работает он на обозначение местоположения. В него заложен только один алгоритм — передавать сигнал на определенной частоте. Он ничего не записывает, не сохраняет. Просто обозначает себя. Причем артефакт достаточно мощный, чтобы его можно было обнаружить на территории Аудиториума, но недостаточно сильный, чтобы его могли засечь за пределами острова.

А вот это уже наводило на кое-какие мысли. Значит, артефакт Грише был нужен для того, чтобы обозначить какое-то конкретное место на острове. Другой вопрос, как именно менталист собирался его использовать.

Первое, что пришло мне в голову — что Гриша хотел передать кому-то барахло, которое у меня стащил. Он же раскусил, что я пользовался книгой для шифрования сообщений. И, видимо, решил передать кому-то эти вещи. Но лично встречаться побоялся или это было невозможно, поэтому спрятал все в мешок и сунул маячок, чтобы наверняка нашли.

Да только вот мы с Денисовым подоспели быстрее…

Хорошая новость: если кто-то дал Афанасьеву маячок, значит, кто-то за ним следит. И, возможно, будет его искать.

— Кстати, раз уж мы выяснили все про эту безделушку, смело заверю вас, что ее можно трогать, — добавила Хруцкая. — Здесь не нужны никакие особые средства защиты.

Денисов все равно с опаской поглядывал на находку.

— Ядь, а как сигнал принимается? Алгоритм настроен на определенный фон, и его можно уловить, если знать, какой?

— Ну да, как с частотой. Ты когда радио слушаешь, настраиваешь же частоту любимой станции. Или когда по рации общаешься, переходишь на определенную. Здесь то же самое.

— А мы можем узнать, на каком потоке работает этот маячок?

— Теоретически — да. Но зачем тебе?

— Если знать “частоту”, можно ведь на нее настроиться и перехватывать сигнал?

Ядвига резко посерьезнела.

— Миш, давай честно. Ты хочешь выяснить, кто на другой

стороне?

— Да, — не стал отпираться я. — Но тебя в это вмешивать не хочу.

Ядвига удивленно приподняла брови, но комментировать ничего не стала. Умница. Еще одна причина любить Хруцкую — это то, что она не лезла не в свое дело. Информацией делилась охотно, но была достаточно умна или же просто тактична, чтобы не выпытывать подробности.

— Слепок фона ты и сам сможешь считать, — подумав, ответила артефакторша. — Для этого нужно взять артефакт в руки, проанализировать фон и настроить менталку на него. Но должна предупредить, что это будет отнимать у тебя силы. Тебе ведь придется постоянно сидеть на этом “канале”.

Я кивнул.

— Понял, спасибо.

— Еще вопросы, господа?

Денисов покачал головой.

— Думаю, мы и так выяснили достаточно, — сказал он и кивнул на дверь. — И, боюсь, нам пора на пару.

Ядвига завернула маячок в тряпицу и передала мне.

— Найдешь еще что-нибудь интересное, приноси. Я люблю диковинки. И ты, Миш, понадобишься мне на пару часов в конце недели. Нужно проверить кое-что с алгоритмами для… Ну, для того проекта.

— Конечно, — улыбнулся я. — Для тебя — в любое время.

Хруцкая наградила нас обворожительной улыбкой и настойчиво подтолкнула к двери.

— Все, на сегодня хватит. У меня полно работы. Проваливайте.

Едва мы оказались в коридоре, а перед нашими носами захлопнулась дверь кабинета, Константин тут же потащил меня к выходу — я еле успел сунуть маячок в карман.

— Идем. Нужно поговорить.

Еще как.

Вывалившись на холод, я поежился и, обернув тесьму мешка вокруг запястья, сунул начавшие зябнуть руки в карманы.

— Нужно отдать маячок администрации, — решительно заявил Денисов. — Вся эта история начинает меня пугать. Передадим куратору или еще кому-нибудь…

Насчет куратора я сомневался. Сам по себе этот маячок был малоинформативен. И, что хуже, не давал никакого понимания, за чью команду играл Афанасьев. Он мог быть и засланцем Аудиториума, и рекрутом Аспиды, и еще кем угодно. Но ясно было одно — Афанасьева отправили по наши души. Причем мне

отчего-то казалось, что особенно это касалось меня.

Рассказать Денисову всего я не мог — не хотел оглашать историю с книгой. Поэтому отговорить его оказалось трудновато.

— Я бы пошел в Аудиториум позже, когда на руках будет больше сведений и хоть какая-то конкретика, — осторожно начал я. — Да, они могут изучить маячок и попытаться как-нибудь выйти на принимающую сторону. Но мы можем и спугнуть дружкой Афанасьева, если сейчас разовьем бурную деятельность.

— С чего ты решил, что спугнем?

— С того, что этот маячок — недальнобойный, ты же слышал Хруцкую, — раздраженно ответил я. — Значит, тот, кто работает с Афанасьевым, должен находиться на территории Аудиториума, чтобы уловить сигнал. Не тупи, Костя!

— Не обязательно, — нахмурился вражина.

— Но этот некто точно должен иметь возможность попасть на территорию Аудиториума, — настаивал я.

— Есть еще один вариант — Афанасьев спрятал маяк, чтобы вы не нашли его в комнате, но собирался использовать его позже. Не факт, что вообще на территории Аудиториума. Может хотел подкинуть кому-нибудь перед поездкой на каникулы. Или хотел, чтобы его нашли…

Да, такая вероятность существовала. Но я знал то, о чем не был в курсе Денисов. Нет, Гриша явно торопился сбагрить мою книжечку. Если бы он не собирался ничего предпринимать, то не стал бы потрошить мой тайник. А раз стащил, значит, хотел передать вещественные доказательства моей работы на Корфа. Потому что это было главной уликой в пользу моего шпионажа. Для всего остального пришлось бы вскрывать мне память, а это сделать стало ой как непросто.

Правда, черта с два бы Афанасьев догадался, что задания мне давал именно Корф — в книге не было упоминаний. Если, конечно, Афанасьева не проинформировал кто-то, кто меня раскрыл. Тогда хреново. Но в это верить не хотелось.

— Короче, пока не будем никуда нести маячок, — сказал я. — Поиграем по их правилам. Вернем мешок на место, я только заберу свои вещи.

Денисов взирал на меня с сомнением.

— Хочешь поймать щуку на живца? А справишься?

— Ага.

— И думаешь, после гибели Афанасьева кто-то придет?

— Ну маяк-то работает. Рано или поздно его могут засечь местные. И тогда начнутся вопросы. Будь я на месте сообщника Григория, я бы подчистил все концы. Я хочу вернуть барахло на место и последить за теми, кто наведается, чтобы его забрать. Так

мы сможем вычислить фигуру на той стороне. И вот уже с этим можно идти к руководству. У меня есть выход на помощника ректора, он нас выслушает.

Денисов округлил глаза.

— И когда это ты успел?

— Мало сплю, много бегаю. Так что, план утвержден?

— Ну, может ты и прав. У меня нет опыта в таких делах, — пожал плечами Денисов. — Но порой я начинаю жалеть, что влез в это.

— Вылезать поздновато, но у тебя еще получится. Если хочешь, сотру тебе память…

— Нет, — замотал головой вражина. — Я дал обещание, что все выясню. И я должен его выполнить.

— Devotion turns dangerous when armed with rules of faith, — процитировал я строчку из песни одной панк-рок группы.

Денисов удивленно моргнул.

— Чего? Это по-английски?

— Да. “Преданность становится опасной, вооруженная канонами веры”. Это я к тому, что не стоит тебе разбрасываться клятвами и обещаниями, Константин. Дворянское слово дорогого стоит, но далеко не все ситуации требуют таких жертв. Я тоже думаю, что мы влезли в какое-то очень неприятное дерьмо, но…

— Но ты тогда зачем продолжаешь копать?

Я улыбнулся. Как бы ему сказать…

— Я хочу защитить Ронцова и остальных. Кроме меня, некому. Я их друг, и они мне верят.

Денисов очень странно на меня взглянул. В глазах этого качка с физиономией арийского солдата читалось… уважение?

— Благородно. Знаешь, Соколов, несмотря ни на что, с тобой приятно работать.

Я не удержался и тихонько рассмеялся.

— Скажи, Костя, а если мой род внезапно вернет себе Осколок. Ну, допустим, совершит моя семья какой-нибудь великий подвиг, и сам император нас им одарит. Что тогда? Я все равно буду в твоих глазах второсортным аристократишкой?

— А разве тебя заботит, что я о тебе думаю?

— Мне интересен ход твоих мыслей. Пытаюсь понять, как думают люди вроде тебя. Это полезно.

Денисов пожал плечами.

— Если император решит, что твой род достоин такой чести, то кто я такой, чтобы оспаривать его волю?

Вот как. Значит, Костик у нас был предан императору всей душой. Что ж, похвально. На месте Его величества я бы таких ребят ценил.

— Но ты же в курсе, что в утрате Осколка виноват мой прадед. И я, и мой отец и даже мой дед — все патриархи оказались заложниками ошибки предка. В твоих глазах дети должны отвечать за деяния предков?

— Таков мир, Соколов, — с печалью отозвался Денисов. — Его законы жестоки, но это наш мир. Справедливости и равенства не существует, это все сказки. Люди не равны и не рождаются равными. Хорошим часто не везет, а плохие получают все. Ошибка одного нередко губит сотни. Встречают по одежке, титулу и репутации. И мы с тобой ничего не сможем сделать, чтобы все это изменить. И чем быстрее ты это поймешь, тем больше шансов, что сможешь выплыть и вытащить свой род из затруднительного положения.

Вот что мне все же нравилось в этом парне, так это его непробиваемая честность. Всегда нес именно то, что было на уме. Не стыдился убеждений, не юлил. Рубил правду-матку так, что щепки летели.

— Тогда идем обратно во Флорариум, — улыбнулся я. — Будем делать закладку.

— Что делать?

Я отмахнулся.

— Пролетарский жаргон. Не вникай.

— Странный ты, Соколов, — открывая калитку, сказал Денисов. — Хоть и из обедневшего рода, но явно неплохо образован. В радио соображаешь, по учебе быстро все схватываешь, стихи английские цитируешь…

Я чуть не прыснул. Да-да. Стихи великого канадского “поэта” Билли Тэлента. Хотя песня и правда хороша.

— И что?

— А потом выдаешь какие-то перлы, смысла которых я понять не могу. Словно ты из другого города приехал.

— Можно и так сказать, — отозвался я. — Много общался с простолюдинами, понабрался всяких глупостей… Так, стоять.

Денисов резко затормозил позади меня. Скрипнул снег под ботинками.

— Видишь? — понизив голос, я кивнул в сторону деревьев, где в роковую ночь прятался Малыш, охраняя пути отхода. — Тот мужик с лопатой.

— Да. Вижу. Ну так что, брать его будем?

Я прикинул расстояние. От нас до таинственного незнакомца в рабочей робе было метров тридцать. Все бы хорошо, но бежать придется по глубоким сугробам, а где-то там еще и пряталась низкая оградка с пиками — можно было легко на нее напороться.

— Идем в сторону Флорариума. Пусть плетется за нами, —

решил я. — Как выйдем на удобную для бега дорожку, постараемся его перехватить.

— Пару пропустим.

— Хрен с ней.

Денисов тяжко вздохнул, и мы торопливо направились в сторону оранжереи. И в этот момент в мою голову прорвался голос Сперанского.

“Миша, етить твою налево! Где тебя черти носят?”

“Я занят”.

“Ты и должен быть занят! Но здесь, на докладе!”

“Попросись прийти последним. Скажи, я застрял в лазарете”, — взмолился я. — “Я приду, обещаю”.

“А ты и правда в лазарете? Что-то случилось?”

“Нет, конечно. Я по другому делу бегаю. Потом расскажу. Но всем растрепли, пожалуйста, что мне стало нехорошо и голова закружилась”.

“В этот раз ты не отвертишься”, — не сдерживая ярости, предупредил лекарь. — “Быстро все доделывай и пулей в аудиторию!”

Он исчез из моей головы так же внезапно, как и возник. Мы с Денисовым тем временем добрели до мостика, и как раз в том месте, где дорога изгибалась почти под прямым углом, смогли обернуться.

Мужик шел за нами по ровной утоптанной тропинке. Непринужденно курил, закинув лопату на плечо, словно просто прогуливался и выискивал плохо утрамбованные сугробы.

— Пора, — шепнул я Денисову.

Боевик резко развернулся и ринулся на преследователя.

Глава 15

Все случилось очень быстро, но время для меня замедлилось.

Денисов, казалось, обезумел. Рванул с места, словно гепард — удивительно шустро для здоровяка его комплекции.

Следивший за нами мужик замешкался с секунду-другую, но, поняв намерение моего спутника, выронил окурок, отшвырнул лопату и устремился в противоположном от Денисова направлении.

Значит, и правда бродил тут по нашу душу, зараза такая.

Я тоже побежал — но, увы, ни длины моих ног, ни скорости не хватало, чтобы догнать хотя бы Денисова. Серьезно, этому парню надо было идти не в Аудиториум, а к Олимпиаде готовиться. Правда, я не был уверен, что в этом мире возродили Олимпийские игры…

— Стой, сволочь! — орал Денисов, перелетая через сугробы как через барьеры. — Стой, а то хуже будет!

“Дворник” тоже оказался не промах — припустил так, что расстояние между ним и Денисовым не особо сокращалось. Да еще в довершение ко всему свернул с широкой расчищенной аллеи и пустился через парк. Не знаю, как у него это выходило, но в снег он почти не проваливался. В отличие от Денисова — Константин увязал почти на каждом шагу, отчего ругался все громче и злился все сильнее.

Я бежал за ними, но, добравшись до места, где они свернули в сугробы, попытался сориентироваться и прикинуть, куда именно мог удирать наш преследователь. Ну, в конечном итоге все равно он от нас никуда не денется — все же мы были на острове. Но вот спрятаться где-нибудь… Судя по всему, территорию Аудиториума он знал получше нас.

Вконец осатаневший Денисов прибавил в скорости — возможно, воспользовался заклинанием усиления, но и мужик в спецовке хорошо оторвался. Я пустился в обход.

“Знаешь, что там дальше за местность?” — спросил меня ментально Константин.

“Нет. Еще не бывал там”.

Вдали за за деревьями мелькали какие-то низкие одноэтажные постройки. Возможно, даже каменные и старые — на бегу я не мог как следует их разглядеть. Что там находилось, я не знал. Что-то очень давно заброшенное и огороженное невысоким заборчиком. У нас в этом районе корпусов не было, и мы с парнями так и не добрались до изучения здешних мест, хотя и собирались.

“Где тебя носит?” — орал мне в голову Денисов. — “Нагоняй!”

Легко сказать. Увы, тело, в котором я оказался, не отличалось великими спортивными достижениями. И хотя я пытался привести себя в порядок, со всеми этими приключениями толком и не успел даже как следует начать.

Чертыхнувшись, я все-таки активировал “Берегиню”. Ну заметят, ну по башке надают — дальше что? За “Берегниню” не отчисляли. Зато теперь бег пошел куда быстрее. Тело словно стало вдвое легче, а ноги будто сами отпружинивали от земли.

Тем временем Денисов умчался за деревья к каменным зданиям — я видел лишь мелькавший среди берез темно-красный мундир. А мужика в робе заметить не смог.

“Кость, где он? Видишь?”

“Да. Здесь какое-то странное место. Заброшенное. Осторожнее, тут можно на что-нибудь напороться под снегом”.

Одна прелесть зимней погони — на снегу остаются следы. С неба сейчас ничего не сыпало, и я был уверен, что мы выследим негодяя.

Наконец я подбежал к покосившемуся забору и огляделся. Я подошел с другой стороны, и Денисова отсюда не видел. Зато перед моим взором предстали ветхие каменные домишки, похожие не то на сараи, не то на старые кладовые. Крыши много где прохудились, да и стены были уже не первой крепости.

Проваливаясь в сугробы по колено и костеря шпиона, я добрался до ворот — ржавых, косых, как и все здесь, наполовину сползших с петель. Зато их решетка была удобной для того, чтобы перелезть.

Сугроб смягчил падение. И оказавшись в небольшом дворике, я понял, почему это место показалось Денисову странным.

Здесь люто фонило. Я очень ярко ощутил присутствие остатков чужой силы. Словно некогда здесь был очень мощный всплеск или выброс, а следы этого взрыва давали о себе знать до сих пор. И сила эта была… Не мирная. Если даже глухого к фону Денисова проняло, то меня, можно сказать, огрело прямо по ушам.

Этот фон пробивал даже сквозь “Шлем”. Несмотря на минусовую температуру, меня пробило на пот, на лбу выступила испарина, а к горлу подкатила тошнота.

Что же здесь случилось?

Сам не понимая, что мною двигало, я разгреб ногой снег до земли, опустился на корточки и дотронулся голой рукой до замерзшей черной корки. Словно интуиция заставляла, молила меня это сделать, и я подчинился.

Перед глазами все вмиг потемнело, хотя я и различал силуэты построек. Уши заложило, дыхание перехватило. Казалось, я оказался на другой стороне хорошо знакомого мне мира — но это была серая и безжизненная сторона.

— Расскажи мне, — шепнул я и положил вторую ладонь на землю. — Расскажи, что здесь случилось.

И место ответило.

Не образами, не звуками — ощущениями. Я почувствовал, что это место было уже давно мертво, но умерло оно не само по себе. Погибло в мощном рукотворном силовом всплеске. В ушах отдались немые крики гибнувших растений и зверей — здесь применили что-то настолько мощное, что даже материя не выдержала.

Я чувствовал скорбь этого места, его одиночество и печаль. Знал, что еще не скоро сюда ступит нога человека, чтобы возродить эти здания и вдохнуть в них жизнь. И еще я откуда-то знал, что случившееся было необходимо. Что если бы эту силу не выпустили, произошло бы нечто куда более страшное.

Интересно.

“Соколов, твою налево! Шуруй сюда! Он в доме спрятался!” — голос Денисова вывел меня из этого краткого транса.

Тряхнув головой, я оторвал руки от ледяной земли и шатаясь, поднялся на ноги. Денисов был примерно в сотне метров от меня — у противоположной стены забора, среди сугробов и руин. Он помахал мне рукой и жестом поторопил.

“Чего возишься?”

“Да место здесь и правда странное”, — ответил я, на ходу усиливая “Берегиню”. В этом месте лучше перебдеть, чем недобдеть.

“Что-то заметил?”

“Точно не скажу. Выяснил лишь то, что некоторое время назад здесь что-то шарахнуло так сильно, что удивительно, как деревья за забором остались целы”.

“Это не относится к нашей теперешней задаче”, — проворчал Константин, когда я поравнялся с ним. — “Он здесь”.

Константин указал на следы, уходившие в одноэтажный каменный дом. Покосившаяся дверь сохранилась, и к ней вели следы мужских ног.

“Возможно, он вооружен, и, боюсь, не лопатой”.

“Может и вовсе одаренный”, — ответил я. — “Вешай защиты”.

Денисов кивнул и принялся наколдовывать все, включая “Шлем”. Над ментальной защитой, правда, ему предстояло как следует поработать — я такую бы сбил за пару щелчков, даже не запрашивая силу из источника. Совсем Денисов ментально

слабенький. Это его однажды и погубит. Либо оно, либо это его извращенное благородство.

“Иду первым”, — сказал я и, усилив защиту, шагнул к двери.

“Может лучше я? Я боевик. И я физически покрепче буду”, — возразил Денисов.

Ага. Крепче-то крепче, только его на испытаниях это не спасло.

“Если он шарахнет по тебе менталкой, то вместо догонялок я буду заниматься тем, что стану приводить тебя в чувство”, — ответил я. — “Нет. Без обид, но держись-ка ты позади”.

Я ожидал, что Денисов примется спорить и настаивать. Но парень, подумав с пару секунд, кивнул.

“Хорошо, идешь первым”.

Не знаю, какой из него получился бы полководец, но пока мне думалось, что Денисов мог стать неплохим солдатом.

Вызвав “Жар-птицу”, я рванул на себя дверь и сразу же запустил шарик света внутрь.

— Что за…

Денисов оглядывал помещение из-за моего плеча. Деревянные перекрытия маленького домика сгнили и обвалились, превратив все пространство в один большой полутемный зал. Окна были наспех заколочены, и свет пробивался с улицы через щели в палец толщиной. Пол был усыпан обломками сгнившей мебели, остатками стройматериалов, битым стеклом и кучей другого мусора.

— Где он, мать его за ногу? — прорычал Денисов, безумно вращая глазами.

Хороший вопрос.

В этом зале никого не было. Только куча хлама и досок на полу. Других дверей я тоже не обнаружил. Но и мужик в робе как сквозь землю провалился.

Мы быстро переглянулись.

— Он точно сюда зашел?

— Конечно! — оскорбился мой сообщник. — Я же не совсем слепой. Сюда он зашел, в эту дверь. Я сам видел!

— Тогда как…

Может ему отвели глаза ментальной атакой? Но тогда я бы заметил следы, что вели в другой дом.

Денисов тихо ругнулся под нос, выбежал наружу и, судя по звуку его шагов, обошел дом вокруг. Вернулся он быстро.

— Следов нет. Он точно здесь.

— Значит, он либо умеет телепортироваться, либо…

Мы с Денисовым одновременно уставились на пол. Возможно, мусор — не просто мусор…

— Какие-нибудь звуки из дома доносились?

— Вроде что-то шуршало, — неуверенно ответил Константин. — Я не рискнул идти в одиночку.

И молодец. Денисов не знал о моем пугающем ранговом потенциале, но на себе прочувствовал мощь моих ментальных атак. Лезть без меня было бы ошибкой.

— Все правильно сделал, — ответил я. — Хорошо, что дождался.

У меня сложилось впечатление, что наш шпион точно знал, куда бежать. Не зря же он так шустро припустил именно сюда. Не знай я о надежном убежище, то не полез бы в это место. Наоборот, метнулся бы к основным корпусами там бы смешался с кучей таких же облаченных в одинаковые робы служителей. Днем их полно возле каждого корпуса — чистят, убирают снег, что-то носят… Идеальные невидимки.

Значит, здесь что-то было. И было в этом доме.

Тайный ход?

— Поднимай мусор с пола, — велел я Денисову. — Особенно то барахло, где меньше пыли. И присмотрись к снегу — он мог его нанести на обуви.

Денисов коротко кивнул и принялся оглядываться, на ходу сотворяя более яркий световой шар.

— Вон! — он указал на куски чего-то похожего на рубероид, сваленного возле стены. — Там снег. Но я там не топтал.

— Я тоже.

Не сговариваясь, мы синхронно метнулись туда. Денисов взялся своими мощными лапищами за кусок рулона и одним движением откинул его в сторону.

Лаз. Обитая металлическими скобами деревянная дверь в подпол.

— Все понятно.

Денисов тут же принялся его открывать. А мужик-то должен быть сильным, чтобы откинуть такую крышку и не родить ежа. Или одаренным.

“Костя, осторожно”, — предупредил его я. — “Возможно, наш шпион и правда не так прост”.

“Да я уже это понял”.

Перед нами возникла темная дыра. Я пошарил рукой и не обнаружил лестницы. Придется прыгать. А как тогда выбираться, большой вопрос.

Не успел я поделиться с Денисовым этими опасениями, как вражина сиганул вниз. Приземлился на ноги, крякнул и поднял голову на меня.

— Тут невысоко. Если что, можно подпрыгнуть и ухватиться.

Полезай.

Я оглянулся по сторонам. Со мной все еще был многострадальный мешок с не менее многострадальными вещами. Оставлять их здесь я поостерегся — кто знает, где мы вылезем. Так что обернул тесьму еще надежнее вокруг запястья и сполз вниз.

Денисов зажег “Жар-птицу”, и мы осмотрелись.

Путь уходил вниз под приличным уклоном. Стены каменные, без плесени. Все промерзло. Значит, основные катакомбы располагались ниже.

— Не похоже на погреб, — тихо сказал Денисов. — Многовато места.

“Общайся только ментально. И да, это не погреб. Полагаю, это вход в катакомбы”.

“Так они что, и правда существуют?”

“Да. И для нас это сейчас очень плохая новость, Костя. Катакомбы настолько старые и запутанные, что без проводника не разобраться. И еще здесь есть кое-какие… опасности”.

“В смысле?”

“Живет здесь что-то или кто-то, кто может нас сожрать”.

“Соколов, неудачное время для страшилок”.

“Я и не пугаю. Сам видел глаза тех существ. Я уже был в катакомбах”.

Денисов резко ко мне обернулся.

“Это когда?”

“Потом расскажу. Короче, здесь совершенно реально навалить кучу от страха. И точно так же реально недосчитаться конечностей после прогулки по этим коридорам. Нам туда лучше не соваться”.

Хотя я бы не был так категоричен. Прокрутив в голове нашу прошлую прогулку по подземелью до хором ректора, я вспомнил, что с обеих сторон вход непосредственно в катакомбы преграждали очень мощные двери. Здесь же был простой деревянный люк.

Если в подземелье действительно обитали какие-то опасные твари, то ректор непременно позаботился бы о том, чтобы надежно заделать все ходы. И что-то мне подсказывал, что дедуля Фрейд или его предшественники именно так и сделали. В конце концов, на кону жизни студентов.

Так что, возможно, прямо сейчас нам еще ничего не угрожало. По крайней мере со стороны тварей.

“Идем, но осторожно”, — сказал я. — “Никуда не сворачиваем, двигаемся медленно. Через каждые десять шагов вешаем световой шар, чтобы найти дорогу обратно”.

“А как же опасность?” — поежился в полумраке Денисов.

“Не думаю, что нас сейчас загрызут. Иначе и мужик бы туда не полез”.

“Справедливо. Но если что, я рассчитываю на твою помощь”.

“Не сомневайся”.

Денисов зажег еще один огонек “Жар-птицы” и пустил его в паре метров перед собой, усилив свет на максимум. Стены здесь немного отличались от тех, что я видел возле других входов. Казалось, эти были чуть новее. На шероховатых краях камней блестел иней.

Одна радость — крысиного писка и плеска воды мы пока не слышали.

Шли медленно — Денисов осторожничал, а я не подгонял. И так риск. Через каждый десять шагов я оставлял огонек позади нас и то и дело оборачивался, проверяя, не погасли ли заклинания. Самоуничтожиться они должны были где-то через час, и я надеялся, что мы успеем вернуться.

Денисов резко остановился.

“Развилка. Как думаешь, куда он пошел?”

“Хороший вопрос. Оставляем здесь огонек и сворачиваем. Если что, вернемся”.

Мы прошли примерно сотню шагов и уперлись в тупик. Возможно, здесь когда-то был лаз, но его завалило. Там, где должен был располагаться люк, валялась куча земли, обломков и камней. Замуровали, точнее, забаррикадировали выход качественно. Нет, здесь наш шпион выбраться не мог.

И это означало, что мы потеряли еще больше времени.

Возвращались к развилке бегом. Затем снова монотонные огоньки через каждые десять шагов. Уклон стал более пологим, но воздух здесь почему-то ощущался не таким холодным, как на поверхности. А может это “Берегиня” сглаживала ощущения.

Денисов остановился и жестом поднял “Жар-птицу” выше.

“Смотри!”

Я поднял глаза и увидел написанные мелом символы греческого алфавита и стрелку, что указывала вперед по длинному коридору.

ΛΠΔ

“Что это?” — Денисов пялился на три заглавные буквы. — “Какая-то аббревиатура?”

“Может быть что угодно. Указатель на какое-то конкретное место, например. А как расшифровывается, понятия не имею”.

“Может что-то техническое? Ну, пишут же всякое на домах…”

Я всматривался в эти буквы и тихо бесился от ощущения, когда вроде бы догадка вертится в голове, но осознать и

сформулировать ее не получается.

“Идем дальше”, — торопил Денисов. — “Если туда указывает стрелка и нет знака опасности, то можно пройти”.

Нет, это точно не было знаком опасности. По-гречески предупреждающие символы обозначались иначе. И все же было что-то знакомое, что-то вертелось на языке…

“Погоди, Костя”.

Я отступил на пару шагов и снова уставился на буквы.

Я знал, что это. Знал! Но не мог вытащить это из головы.

А потом понял.

Лямбда. Пи. Дельта.

Если прочитать их звуками, получится “Льпид”. Если добавить гласные, получится ΕΛΠΙΔΑ. Что по-русски обозначало “надежда”.

Я дернул Денисова за плечо.

“Бежим по стрелке. Быстро. Но осторожно”.

“Ты понял, что это?”

“Да. Тебе не понравится. Зато, кажется, я знаю, по чьему велению за нами следил этот мужик”.

Мною овладел совершенно непривычный темпераменту азарт охотника. Кажется, я еще ни разу не был так близок к выполнению задания Корфа.

Глава 16

Денисов остановился так резко, что я не успел затормозить и вперился носом ему в спину. Больно.

“Какого черта?” — возмутился я. — “Ты чего?”

Вражина медленно повернулся, и свет “Жар-птицы” окрасил его щеку оранжевым.

“Что ты знаешь?” — он схватил меня за грудки и придавил к стене. — “Не держи меня за идиота! Я вижу, что ты говоришь мне гораздо меньше, чем тебе известно!”

Плохое время и место он выбрал для выяснения всех подробностей.

“Ты допрашиваешь не того”, — огрызнулся я, вырываясь из захвата. Денисов ойкнул, когда я вывернул ему руку и освободился. — “Нужно торопиться. Этот мужик сейчас уйдет!”

Константин явно метался между желанием допросить меня с пристрастием и пуститься в погоню за нерадивым снегоуборщиком. Я не стал предоставлять ему выбор и рванул вдоль по коридору, на ходу зажигая все новые осветительные огоньки.

“Быстрее!” — прорычал я ему в голову. — “О том, что мне известно, поговорить можно и позже”.

Я услышал за спиной тяжелую поступь вражины. Медленно, он шел слишком медленно, словно все еще сомневался.

“Почему я должен тебе верить, Соколов?”

“Потому что у тебя нет выбора”, — ответил я и оборвал ментальный канал.

Наконец он все же перешел на бег и быстро меня нагнал. Пока мы бежали, тихо топая по скользкому полу подземелья, я судорожно думал, что мог рассказать Денисову так, чтобы не подставить его под больший удар и чтобы он от меня наконец-то отстал.

Он точно знал об Ордене Надежды. Но слышал байки и прочие россказни о бунтовщиках. Возможно, связывал с терактами, в которых пострадали аристократы. И если он поймет, что мы нарвались на их след, может вообразить себя героем-ищейкой и все мне испортить.

Ведь моя задача состояла в другом — я должен был не только получить неопровержимое подтверждение существования этого сообщества, но и выяснить, кто именно в нем состоял.

Денисов мне в этом был не помощник. Слишком горяч и скор на расправу. Ну прямо Аня Грасс, только в штанах.

Я затормозил возле еще одной развилки и снова увидел

символы Эльпиды. Стрелка указывала налево. Кивнув Денисову, я тут же сорвался, на ходу обновляя “Берегиню”. Вражина не отставал и пыхтел мне в спину, намекая на то, что бежать мог бы и побыстрее.

На всякий случай я сосредоточил немного силы в левой руке. Правая у меня была атакующая, левая — защитная. В случае, если наш дворник задумает выстрелить или еще как-то применить силу, смогу защититься. А там посмотрим.

В этот момент чуйка дернула меня так, что ноги остановились сами.

“Стоять!” — скомандовал я. — “Молчим, не дышим”.

Перед нами был поворот под прямым углом, а за ним… Я что-то чувствовал. Трудно было объяснить, но интуиция подсказывала, что мы почти его достали.

И что он это знал.

Я замер, прислушиваясь к каждому шороху. Пол здесь был мокрым, да и со стен исчез иней — возможно, мы пробрались под один из корпусов. Я даже не слышал — чувствовал дыхание этого человека. Прерывистое, нервное — но он пытался его выровнять, чтобы не выдать себя.

“Кость, осторожно. Он прямо за углом”.

Денисов кивнул и, усилив “Берегиню” шагнул вперед, держа над рукой зажженный “Колобок”. Мое нутро снова скрутило так, что я едва не поперхнулся.

“Костя, стой!” — заревел я, но было поздно.

Денисов уже высунулся за угол. И в этот момент прямо под его ноги упало что-то мелкое — лишь на долю секунды блеснуло гладким бочком. Раздался звук разбитого стекла. И в следующий миг что-то темное и бесформенное метнулось к Денисову, облепило его ноги и, поднимаясь наверх, принялось прожигать его защитное заклинание.

Я рванул к парню, концентрируя силу в руках. Левой рукой выставил “Покров”, а правой оттолкнул Денисова обратно за угол.

— Аааа!! — завыл Денисов. — Жжет! Сними ее с меня.

Силуэт того мужика метнулся дальше по коридору и свернул за угол направо. Я замер всего на секунду, соображая, бежать ли сразу за ним или сперва помочь Косте.

— Соколов… Помоги… Пожалуйста.

Да твою же мать!

Я развернулся к Денисову и обомлел. Такой штуке нас еще не обучали. Действительно, это было похоже то ли на гудрон то ли на мазут — какая-то темная тягучая жижа обволокла почти всю фигуру парня, поднимаясь все выше к голове. Словно темные

щупальца, она обхватила его и душила, забираясь в ноздри, уши и рот.

Ну и мерзость.

— Это еще что такое? — оторопел я, копаясь в воспоминаниях. Нет, ничего подобного ни мне, ни прежнему Мише не встречалось.

— Шоб я внал! — мямлил Денисов, отплевываясь от этой темной дряни. — Фними ее! Фними!

Дерьмо. Понять бы еще, что это за хреновина. Я принюхался — пахло и правда чем-то горючим и химическим. Значит, с "Жар-птицей" лучше не рисковать. Но раз нельзя жечь, значит, будем замораживать.

— Кость, стой мирно, — велел я, концентрируя в руках силу для "Морозилки". На самом деле это заклинание называлось "Морозко", но студенты, как обычно, все переиначили.

Я понятия не имел, при какой температуре могла замерзнуть эта жижа, но предположил, что если она все же затвердеет, у меня получится сбить ее с Денисова. Более удачных вариантов мне в голову не пришло.

Ну дворник, ну паскуда такая! Значит, все же одаренный? А раз одаренный, то еще и ряженый? И откуда тогда такие познания в редких заклинаниях?

Хотя что-то разбилось. Значит, артефакт? О таких склянках я слышал — можно было подобрать интересные сочетания исходных субстанций и заклятий, чтобы создать интересные и весьма смертоносные коктейли…

Но на первом курсе такому не учили. Это давали уже на специализации по артефактории.

Денисов держался стойко, но все равно стучал зубами, когда я принялся замораживать жижу. Субстанция перестала распространяться, но и замерзала неохотно.

— Ффе рафно ззет, — хрипел вражина. — Как крапифа, только ефли ее уфилить во фто крат.

Интересное явление. Кислота? Яд? Что же туда намешали? Ладно, разберемся.

— Холовно…

Ну простите, ваше сиятельство. Сейчас не до ювелирных решений. И так пришлось торопиться.

— Извини, сейчас будет еще хуже, — предупредил я и шарахнул "Морозилкой" на полную, стараясь при этом не проморозить до костей самого Денисова. Те части его лица, до которых еще не добралась жижа, покрылись инеем. Глаза парня остекленели и стали похожи на две льдинки.

Я остановился и убрал руки. Блин, не убить бы его, спасая.

Этот не Ронцов — не воскреснет.

Провел руками вдоль тела страдальца — жив, сердце билось, но к полу он примерз намертво.

А затем я сделал то, о чем мечтал уже давно.

Усилил кулаки и принялся мудохать Денисова, сбивая с его тела осколки замерзшей жижи. Черные твердые куски, похожие на обсидиан, падали на пол с тихим стуком.

— Нннна, сволочь! — Разошелся я, отбивая все больше кусков, чтобы освободить сообщника.

— Х… хфатит…

Денисов дернулся, отпрыгнул в сторону и принялся тереться спиной о шершавую стену, сбивая остатки со спины.

— Признайся… Ты это специально, да? Все, чтобы меня избить?

Я не удержался от улыбки.

— Совместил приятное с полезным.

— Козел ты, Соколов.

— Я вообще-то тебя спас.

Стряхнув с него последние остатки замерзшей субстанции, я поднял с пола один кусок, завернул в носовой платок и отправил в мешок.

— Зачем? — спросил Денисов. — Прожжет же.

— Посмотрим. Покажу нашей подруге. Вдруг что подскажет. Пришел в себя?

— Ага.

На самом деле ни разу он в себя не пришел. Константин выглядел напуганным, ошарашенным, да и трясло его от холода так, что впору было влить в него литр адмиральского чая и отправить потеть под толстое одеяло на всю ночь. Но времени возиться с ним не было.

— Ожоги есть?

— Ничего серьезного, — отозвался Денисов.

— Точно?

— Точно! Бежим!

Ну, я спросил. Моя совесть была чиста. Мы снова рванули по коридору, и я на бегу показал, куда свернул наш диверсант. Денисов обновил “Берегиню”, но я заметил, что защита светилась бледнее. Либо решил сэкономить силы, либо у него заканчивался резерв. А ведь еще до самой драки не дошло. Что ж, по крайней мере мне не привыкать отбиваться в одиночку.

— Как же меня задолбал этот Wolfenstein! — проворчал я под нос и прилип к стене.

“Чего?”

“Да так. Просто бухчу”.

Сложно и опасно пытаться объяснить сюжет игры людям, в мире которых не было Второй Мировой.

Вдалеке тяжело грохнул металл. Что-то заскрежетало. Мы переглянулись и ускорили шаг.

Приблизившись к новому повороту, я сразу выставил “Покров” — на случай, если в запасе у нашего дворника остались другие сюрпризы. Но ничего. Сняв барьер, мы побежали дальше.

И сразу же столкнулись со следующей проблемой.

Коридор упирался в здоровенную железную дверь. Не такую мощную, какая предваряла вход в наиболее опасные участки катакомб, и все равно это была крепкая железная дверь.

Денисов витиевато выругался. Таким оборотам позавидовали бы и ребята с Путиловского завода.

— Согласен, — отозвался я, изучая дверь. — Именно туда, причем всех его родственников.

— И что делать? — покончив с экспрессией, уставился он на меня.

Я пожал плечами.

— Либо вышибать дверь, либо возвращаться к лазу. Причем быстро, пока помним дорогу.

Денисов решительно мотнул головой.

— Вышибаем.

— Может быть опасно. Мы понятия не имеем, что находится за этой дверью. И кроме того…

— За ней мужик, который облил меня той черной хренью! — рявкнул Денисов так, что катакомбы ответили многоголосым эхом. — Вышибаем!

Не спрашивая меня, он принялся формировать большой “Колобок”. Ну, с выбором заклинания он не ошибся — против металла они работали лучше всего. Но я сомневался, что у Константина хватит сил. Дверка-то была не из простых.

Денисов шарахнул заклинанием по двери. Металл застонал, в месте, куда угодила сердцевина шарика, осталась глубокая вмятина.

— Мешочек подержи, — я сунул в руки Косте свои пожитки и сосредоточился на заклинании. Черпать из источника не стал — рановато клянчить у предков. Сам справлюсь.

Вдох, выдох, концентрация. Руки зазудели и затряслись от обилия силы, жаждавшей выхода. Я сформировал идеальной формы “Колобок”, и его молочно-белый свет залил пространство коридора, а заодно и высветил дверь. Я увидел следы мела на створке — словно здесь было что-то написано, но это впопыхах стерли.

Уж не очередное ли напоминание об Ордене Надежды? Если

так, то мы нагрянули прямо по адресу. Другой вопрос, кто или что ждало нас за этой преградой?

Но отступать было поздно. Я отправил “Колобок” в полет.

“Кость, зажмурься”.

Заклинание метнулось прямиком в ту же вмятину, которую сделал Денисов. Дверь содрогнулась, зашипел металл, затряслись каменные стены, а по сводам прокатился рокот.

“Готово”, — козырнул я. — “Береги обувь”.

Двери, можно сказать, не осталось вовсе. На ее месте зияла дыра, и лишь раскаленный металл наличников напоминал о том, что нас не хотели впускать.

Мне в нос ударил запах гари. Поначалу я подумал, что от заклинания, но когда из расщелины на нас повалил жирный темный дым, мы бросились в стороны.

“Ядрена вошь… Соколов, это какой ранг сейчас был?”

“Большой. Там что-то горит”.

Держа наготове новый “Колобок” и прикрывая нос воротником, я рванул внутрь. И как раз вовремя — мужик в спецовке, лишь мельком на нас оглянувшись бросил в огонь какую-то стопку бумаг.

Пламя взметнулось, окатив нас снопом искр. Не мешкая, дворник схватил канистру и бросил в нас.

— Осторожно! — крикнул я, но Денисов успел увернуться.

Бензин. Этот запах я ни с чем не спутаю. Проклятье.

— Ну держись, тварина! — отплевываясь от огня и дыма, Константин перепрыгнул низкую стену огня и помчался за дворником. Тот толкнул на него стол, и Денисова сбило с ног.

Я оставался в дверях, пытаясь разглядеть в этом аду хоть что-то. Помещение было круглым, потолок казался чуть выше, чем в коридоре, словно здесь некогда сходилось несколько подземных ходов. Но теперь вход был только один — и мы его вынесли заклинанием. Остальные выходы были заложены камнем.

— Не уйдешь! — Денисов поднялся, перемахнул через стол и снова бросился за дворником.

Мужик вел себя странно. У него была возможность попытаться оттолкнуть меня и сбежать. Но вместо этого он метался по круглому залу, старательно бросая в огонь все, что попадалось под руку. Или так казалось лишь на первый взгляд.

В пламя летели бумажки, какие-то деревянные предметы, склянки… Стеклянные флаконы взрывались в огне, и пламя от них вздымалось до самого потолка. Воняло чем-то едким, аж глаза резало.

Он уничтожал доказательства. Или улики.

Дерьмо.

“Лови его, я потушу огонь”, — обратился я к Денисову.

“Ага. Легко сказать”.

Мне тоже пришлось кисло. Погасить занявшееся от какого-то химиката пламя было непросто даже одаренному. Другая природа, и соединить этот огонь с той же “Жар-птицей” не получалось.

Залить водой? Могу уничтожить записи — чернила растекутся. Но лучше мокрые улики, чем улики, превращенные в пепел.

Я воззвал к источнику и быстро преобразовал силу в “Водяного”. Первое, что пришло на ум, хотя и не самое удачное. Со стихийной Благодатью я пока что работал плохо. Над огнем возник пузырь воды, и по моей команде он прорвался, залив пламя.

Ага. Поди погаси так просто.

Рот и горло саднило. Я надышался этой дряни и чувствовал, что долго здесь пробыть не смогу. Никакого сквозняка — все валило только через единственный выход.

Денисов гонялся за на редкость прытким дворником — тот умудрялся уворачиваться от “Кос” и даже швырял в Костю какими-то мелкими, но острыми шипиками. Один вонзился в мою защиту и увяз. Я мельком взглянул на него — зачарованный. Возможно, наш дворник не был одаренным — иначе сейчас уже бы применил силу. Но у него точно был одаренный друг-артефактор…

Я вытаскивал из огня остатки бумаг и артефактов, больше заботясь о записях. Кое-что сгорело наполовину, фотографии пузырились и стали нечитаемыми. Огонь не гас, и я увидел в основании кострища ту же темную жижу. Значит, правильно я сделал, что не стал убирать ее “Жар-птицей”.

— Ну сучара!

Я услышал звук ударов, что-то рухнуло, покатилось — Денисов умудрился схватить дворника и мутузил его от души.

— Погоди! Убьешь! — рявкнул я, пытаясь сбить пламя с еще одной папки. — Вытаскивай его наружу!

Денисов еще раз съездил пойманному шпиону по лицу и поволок в коридор. Я оглянулся, нашел свой мешок — ну конечно, Денисов забыл о нем в пылу сражения — собрал те немногие бумаги, что смог спасти, и сунул внутрь.

Легкие разрывало. Вытащив мужика, Денисов прислонился к стене и пытался откашляться.

— Хр…. Ха-тьфу! Что же за яд там горел…

Я в это время бросил мешок на пол и склонился над мужиком.

— Ты перестарался, Константин.

Лицо шпиона было в крови — бровь разбита и свисала над глазом, губы растрескались, изо рта текла кровь — видимо, минус пара зубов. Один глаз стремительно заплывал, но второй смотрел прямо на меня.

— Опоздали, — улыбнулся мужик алой улыбкой. — Ничего вы не найдете.

— Зачем ты следил за нами? — Денисов оттолкнул меня и принялся трясти мужика.

— Костя, стой! Надо выбраться отсюда, потом допросим.

— Нет, он скажет все сейчас!

Да твою же мать. Ничего он не скажет, если Денисов продолжит угощать его лещами.

— Кость, тихо. Остановись. Если он помрет, то мы ничего не узнаем. Дай мне его осмотреть.

Вражина неохотно отодвинулся, давая мне пространство для работы.

Шпион снова оскалился.

— Ну и компанию ты себе выбрал, Соколов. Вот уж от кого не ожидал.

Я пропустил сарказм мимо ушей.

— Как тебя зовут? Имя!

И в этот момент позади нас что-то грохнуло. Взрыв был такой силы, что с потолка посыпалась крошка, а сквозь проем из зала вылетели горящие головешки. Мы с Денисовым инстинктивно отпрыгнули и выставили барьеры.

— Что за…

Я снова подполз к мужику.

— Костя, у нас проблема.

Денисов обернулся на меня.

— Уверен, что лишь одна?

— Он мертв.

Даже сквозь толщу сажи было видно, что вражина побледнел.

— Как… Он же только что…

Я указал на нож в груди. Не знаю, из какого ботинка этот подлец его вытащил, но ему хватило тех нескольких секунд, чтобы нас облапошить.

Шпион смотрел на меня все той же алой улыбкой — вымазанные в крови зубы скалились на меня с триумфом победителя.

— Да чтоб оно все… — Денисов тихо опустился на пол рядом со мной. — Спасти можешь?

Я покачал головой.

— Нет. Он знал, куда бить.

— Проклятье…

— Что все это значит?!

Я вздрогнул, услышав до боли знакомый голос. Медленно повернул голову и увидел последнего человека, которого хотел бы встретить при таких обстоятельствах.

Охваченный ярким сиянием “Берегини”, на нас взирал куратор Мустафин в сопровождении двух вооруженных сотрудников охраны.

Глава 17

— Подняли руки и отошли от него! — скомандовал один из бойцов и для пущей убедительности взял Денисова на мушку.

Увидев оружие, Костик побледнел пуще прежнего. Автомат был явно зачарованный. Издалека походил на отечественный “Корд” из моего мира, но явно улучшенный не только Благодатью. Черт знает, что на него могли навернуть артефакторы. Может даже мой барьер не спасет.

— Господа, прошу без глупостей, — сухо проговорил Мустафин. — Делайте, что велят.

Мы с Денисовым одновременно подняли руки и отошли от трупа. Я бросил взгляд на свой мешок.

Проклятье. Еще не хватало, чтобы куратор нашел записи и маячок.

Второй боец быстро подобрался к трупу, проверил пульс, зрачки, дыхание — и покачал головой.

— Все. Покойник. Без шансов.

Мустафин тихо выругался.

Подхватив мое барахло, он попробовал было заглянуть в зал, откуда все еще валил дым, но быстро отказался от этой затеи.

— Вызывай сюда спецбригаду и сообщи Окуневу, пусть всем здесь займутся, — велел он второму бойцу.

— А с этими что делать? — спросил тот, что держал нас на мушке.

— Вывести отсюда к чертовой матери. Да и самим лучше не задерживаться. Судя по вони, горит химия. Мы без оборудования, долго без вреда не протянем.

Убраться отсюда было отличной идеей. Не знаю, сколько я вдохнул этой дряни, но мозги у меня понемногу начали плыть. В глазах то темнело, то двоилось, а то и вовсе начинали плыть радужные круги. Дышать становилось совсем тяжко. Казалось, еще немного — и я выплюну легкие.

Рядом со мной повалился на пол Денисов — видимо, вдохнул больше моего, и отравленный дым доканывал его быстрее.

— Да шевелитесь вы Христа ради! — рассвирепел куратор. — Павел, помоги ему.

Я взмахнул рукой.

— Я… Я могу…

— Молчать, Соколов. Лучше пока придумай, как будешь все это объяснять.

Он был прав. Со стороны и для непосвященного все это смотрелось более чем очевидно и совершенно не в нашу пользу.

Двое студентов с известной на весь Аудиториум скверной репутацией забрались в подземелье, устроили полный разгром и в довершение ко всему убили человека.

А когда в моих вещах найдут бумаги, которые так стремился уничтожить наш покойный дворник, когда поймут, что шарик — маячок…

Поздравляю, Миша, тебя либо запишут в революционеры, либо просто в убийцы. И у Денисова, к слову, будет гораздо больше шансов отмазаться — все же его консервативные взгляды были известны всему курсу. А вот я… Миша Соколов с перечеркнутым гербом — почти что идеальный кандидат в народовольцы.

Опять же, для непосвященных. Да только будут ли разбираться?

И если революционеры прознают о случившемся, а они непременно прознают, то я буду идеальной кандидатурой на то, чтобы все на меня свалить. Прекрасно. Просто прекрасно.

Меня повело в сторону, я ударился плечом о стену. Саданулся больно, но чувствовал я себя настолько хреново, что почти не почувствовал удара. Лишь мышца запульсировала.

— Павел, Валерий, выводите этих двоих на воздух, — распорядился Мустафин. — Дождитесь меня на улице. И глаз с них не спускайте. Чуть дернутся — сразу стреляйте.

— О как, — ухмыльнулся я.

Боец схватил меня за шиворот и поволок в боковое ответвление коридора.

— А куратор?

— Еще вдоволь с ним наговоришься, студентик, — пообещал безопасник.

Денисова тоже подняли, встряхнули, и бесцеремонно поволокли прочь. Мустафин остался вместе с трупом и моим мешком. Я успел заметить, как он принялся развязывать тесемки и обыскивать мое барахло.

Дерьмо. Дерьмо. Дерьмо!

Даже сейчас, с угасающим сознанием, я понимал, что это конец. Если только…

Я пытался докричаться до помощника ректора. Орал, хрипел, пробивался, но словно метал горох в стену. Войтош не отвечал — закрылся так плотно, что даже у меня не получилось пробить блок.

Отчаявшись, я принялся звать самого ректора. Дикая, безумная дерзость — но и ситуация отличалась от штатной. И снова такой же блок. Совещание у них какое-то что ли? Или просто повесили “Купол”? А может и вовсе сейчас отсутствовали

в Аудиториуме — тогда ясно, почему у меня не получалось с ними связаться.

Предприняв еще одну безуспешную попытку докричаться до Любомирского, я окончательно сник. Значит, придется прорываться самим. Да только как?

Пока нас тащили, Денисов успел очнуться, но только для того, чтобы опорожнить желудок. Тащивший его боец едва увернулся от струи рвоты.

— Отравились химией, — констатировал один из них. — Ну да, там же вентиляции толком и нет…

— Главное, чтобы и нас не скрутило, — ответил второй. — Мы ведь тоже без респираторов были. А то заблюем все коридоры.

Стены, камни, плиты пола и проемы мелькали у меня перед глазами, но сил запомнить дорогу не было. Я только понял, что нас вели какой-то другой дорогой — здесь было теплее, да и огоньков, что мы развешивали с Денисовым, я не заметил.

В голову пришла шальная мысль собрать остатки силы, может даже обратиться к источнику и раскидать их всех. Но что потом? Получится ли выбраться из Аудиториума? И даже если повезет, как быть дальше? Задание Корфа я не выполнил, на меня повесят убийство, а может и не одно припомнят, аудиториумцы смогут вычислить меня по крови и найдут где угодно.

Да, какое-то время у меня получится отбиваться. Но они найдут рычаги воздействия и вынудят меня сдаться. Или и вовсе уничтожат.

Нет, если побегу сейчас, лишь дам им больше возможностей обвинить меня во всех смертных грехах. Нужно оставаться и пытаться выкручиваться. Чего бы это ни стоило.

— Разрешите вопрос? — прохрипел я, украдкой обернувшись к своему конвоиру. Тот покрепче перехватил автомат, и охваченное яркими всполохами дуло устремилось на меня.

— Спрашивай.

— Куда вы нас ведете?

— Прямо сейчас — проветриться и отдышаться. Затем на допрос.

— И кто будет допрашивать? Мустафин?

— Скорее всего.

Как раз в этот момент мы подошли к узкой лестнице и принялись подниматься. Здесь на стенах горели магические светильники, и я смог разглядеть своего сопровождающего. Еще молодой мужик, лет тридцать с небольшим. Но уже с темными кругами хронической усталости под глазами.

— Если хочешь совет, парень, то лучше обойдись без фокусов, — сказал конвоир. — У меня приказ стрелять, а эти

пули пробивают любой барьер. Попробуете хитрить — сделаете лишь хуже.

— Я не собираюсь ничего вытворять. И вас гробить не хочу. Вы здесь ни при чем, — ответил я.

Конвоир усмехнулся.

— Экое благородство, ты погляди.

— Знаю, все выглядело как…

— Не мне рассказывай, сиятельство. Я человек подневольный. С Мустафиным общаться будешь.

Я кивнул. Ну что ж, спасибо и на этом. Отношение если не доброе, то хотя бы сносное. Могло быть и хуже. Впрочем, наверняка безопасникам доставляло удовольствие конвоировать двух потенциально опасных одаренных. Так и шли — не рыпались ни те, ни другие. Одно хорошо, что Денисову было настолько хреново, что он даже не пытался возражать.

Не знаю, какими тайными тропами вели нас конвоиры, но мы умудрились выбраться на поверхность прямиком из подвала старой котельной, что располагалась между двумя учебными корпусами.

— Это мы были в верхних катакомбах? — Спросил я, чтобы хоть как-то скоротать время в ожидании Мустафина. — Не в тех, где нужно ходить с особой осторожностью?

Безопасники удивленно переглянулись.

— Все верно, — ответил тот, что держал Денисова. — Это короткие пути. Они не связаны с глубинными.

Мой конвоир кивнул.

— Глубинные вообще наполовину затоплены, на треть разрушены. Когда в прошлом веке восстание было, там много чего обвалилось. До сих пор фонит так, что даже неодаренным в тех местах становится не по себе. Кое-что перестроили, но…

— Паш, хорош, — оторвал безопасника коллега. — Незачем им знать. И так вон влезли…

Денисов опять блевал, облокотившись о ствол дерева. Мне к горлу тоже подкатывала тошнота, но выворачивать желудок наизнанку было нечем — не успел я как следует поесть.

— Разрешите другу помочь? — попросил я. — Лекарским заклинанием…

— Не положено.

— Ну сами видите, досталось ему!

Бойцы, казалось, чуть смутились, но стояли на своем.

— Извини. Пока нельзя. К нему вызовут лекарей. В крайнем случае мы медпомощь окажем.

Уже стемнело, но я смог разглядеть римские цифры с рангами на их нашивках. Седьмой и восьмой. Ну да, кое-что

сделать смогут, но по верхам. Снова зашевелилось навязчивое желание вырубить всех троих и дать деру, но я уговорил себя стоять.

Мне не помогут ни Корф, ни Фрейд.

Значит, нужно договариваться с Мустафиным. Нужно дать ему что-то, что может его заинтересовать или хотя бы отсрочит приговор.

Нужно просто выиграть немного времени…

Со стороны выхода послышался шорох и скрежет затворяемой двери. Через несколько секунд на улице показался Мустафин — злой как черт и мрачный, как герой Брюса Уиллиса, от которого только что ушла жена.

— Окунев со своими на подходе, — сказал он и кивнул на Денисова. — Этого сперва в лазарет. Под капельницы или сразу "Водами" пусть лечат — на их усмотрение. Валерий, отведи его. Станет сопротивляться…

— Да я… ног не чувствую, — откашлявшись, Костя сгреб снег и утрамбовал последствия своего конфуза. — Какое… сопротивляться?

Боец по имени Валера быстро подхватил Денисова и потащил к лазарету. Причем повел не в Домашний корпус, а в другую сторону. Интересно. Неужели Мустафин хотел пока что скрыть случившееся?

— А этого куда? — спросил второй боец про меня.

— О, с Михаилом Николаевичем мы побеседуем в приватной обстановке. Останься здесь, дождись Окунева с бригадой. С Соколовым я разберусь сам.

На лице безопасника читалось сомнение.

— Уверены? Ведь если убийца…

"Попробуешь хоть что-нибудь выкиуть, хоть единый фокус — и за тобой будет охотиться весь Петрополь", — раздался в моей голове голос куратора. — "Твоего ректора сейчас нет на острове, и никто тебе не поможет. Не вынуждай меня спускать собак".

Я молча кивнул. Мустафин улыбнулся.

— Михаил Николаевич не в том положении, чтобы еще и усугублять его. Верно, ваше сиятельство?

— Разумеется, я все понимаю.

— Чудно. Идемте.

Мустафин взвалил на плечо мой мешок и направился к аллее. Я едва поспевал за ним — сказывалось отравление едким дымом. Куратор понимал, что сейчас я уже не побегу. Он это знал, я это знал — вот и шли мы…

Не в Домашний корпус, где располагался его дежурный кабинет. И не в административный. Мустафин вел меня в Грот.

Грот представлял собой фантазию архитектора парка на тему пещеры, только был украшен рукотворными элементами. Располагался он возле берега Малой Невки, почти у слияния с речкой Крестовкой. Иными словами, в самой заднице острова.

Тише и безлюднее места придумать было сложно.

Все это время, а шли мы долго, он молчал. И лишь когда мы, по середину икр проваливаясь в снег, забрались в грот, Мустафин одной рукой повесил плотный купол, а второй зажег шарик “Жар-птицы”. Совсем рядом, в десяти шагах, ненавязчиво фонили ограничительные барьеры.

На каменный стол грота упал мой мешок.

— Я так и не понял, за какую команду ты играешь, Михаил, — без предисловий сказал куратор.

Я улыбнулся и без разрешения опустился на каменную скамью. Это я зря — можно было отморозить все хозяйство, но держаться на ногах уже просто не было сил.

— Значит, откровенничаем? — устало улыбнулся я.

— Это сейчас в твоих интересах. Рассказывай, почему я нахожу человека, которого приставил охранять Денисова, с ножом в груди?

Внутри меня словно что-то оборвалось. На улице и так был хороший минус, но меня резко пробрало холодом до самых костей.

— Что вы сказали? Это он так ОХРАНЯЛ Денисова?

— Да, черт возьми! — рыкнул куратор. — После той ночи, когда Петрополь лишился нескольких княжичей, я приставил своего человека приглядывать за Денисовым!

— Господи… Но зачем?

Мустафин терял терпение.

— Соколов, ты совсем идиот? Он единственный из возможных членов Темной Аспиды, кто тогда выжил! Он и Перовская.

Я оцепенело пялился на мешок, пытаясь свести все ниточки.

— Но ведь Денисов отказался от… приглашения Аспиды, — наконец ответил я. — Он не участвовал.

— Но он получил записку. И он знал о том, что замышлялось против вас с Ронцовым. Знал и никого не предупредил. Требовалось проверить, настолько ли он благороден, каким хотел казаться. Потому к нему и приставили человека.

— Значит, вы знаете о послании Аспиды, — заключил я.

Мустафин неопределенно кивнул.

— Знаю лишь, что оно было и дошло до адресатов. И еще что вы с Денисовым развернули бурную деятельность, наивно полагая, что ваше, прости Господи, расследование останется в

тайне! А теперь у меня труп с ножом в груди, пожар в подземелье и огромная головная боль от вас двоих!

Вот это поворот… Но тогда все становится еще интереснее. Если тот мужик был послан Мустафиным приглядеть за Денисовым, то какого черта он раскрылся? Или понимал, что если я влезу ему в голову, то выясню много интересного об Ордене Надежды? В том числе и расположение убежища революционеров.

Звучало логично — мозг я и правда мог ему сломать и поджарить. И до правды бы докопался. И если бы нашел убежище нетронутым, то у меня на руках наверняка оказался бы компромат на вес золота.

Значит, поэтому дворник сперва пытался улизнуть от нас в катакомбах, а когда не получилось и он понял, что мы плотно прищемили ему хвост, то решил избавиться от улик. И заодно и себя выпилил — чтобы никто точно ничего не выяснил.

Блестящий пример самопожертвования. Еще и разыграно как по нотам. Сволочь.

Но если этот дворник состоял в Ордене Надежды, а его послал Мустафин….

Так, Миша, пока помалкивай. Если мы додумались до того самого, отсюда можно запросто не уйти живым. Мустафин знал мой потенциал силы. И если он сейчас вел себя наедине со мной так уверенно, значит, имел надежный способ от меня избавиться.

И я пошел с козырей.

— Тагматис Эльпидас. Ваш человек состоял в Ордене Надежды, — сказал я, глядя Мустафину прямо в глаза.

Сейчас я ставил на карту то немногое, что у меня было. Но других вариантов не видел. Пан или пропал.

Лицо куратора дрогнуло. Лишь на миг, но я понял, что попал в самую мякотку.

— Мы с Денисовым стали искать вместе, потому что он хотел выяснить, кто из Темной Аспиды толкнул его друзей на смерть. Я помог ему — потому что считаю Темную Аспиду угрозой. Денисов мне не друг, но наши интересы совпали. Он поделился тем, что знал, мы начали копать… Но пока что не особо преуспели. А потом заметили слежку. Ваш человек не особенно скрывался.

— Дальше.

— Мы погнались за тем человеком. Он скрылся в катакомбах. Пытался нас обмануть, но мы его раскусили. Уже в подземелье он пытался нас остановить, но… вы знаете, я много чего могу. В общем, у него не вышло. И тогда он бросился в тот зал, который вы нашли разрушенным. Поджег там все и успел убить себя.

Мустафин слушал мой рассказ с каменным лицом, но я

видел, что он напряженно думал. Явно пытался прикинуть, что со мной делать, ибо накопал я немало.

— Почему ты считаешь, что он из Тагматис Эльпидас?

— Потому что к убежищу вели знаки. Я их расшифровал, и это позволило нам его догнать. Он и правда старался оторваться. Просто не учел, что я люблю ребусы.

Продолжая ковать железо, пока было горячо, я вытряхнул содержимое мешка. На стол посыпались обгорелые листы, пара целых склянок, несколько обглоданных пламенем, но все еще читаемых фотографий. Но я искал не это.

Нашарив маячок, я передал его Мустафину.

— Это наследство Афанасьева. Он был вашим?

— Нашим?

— Савва Ильич, ну мне-то теперь не пиз… — я осекся. — Хватит лгать. Тот дворник погиб, чтобы не выдать вас и ваших сообщников. Я порой тот еще дурак, но не полный же кретин.

Мустафин едва сдержался, но все же сохранил лицо.

— Ты не сможешь доказать.

— Я и не собираюсь никому ничего рассказывать, — улыбнулся я. — Вашу тайну я не выдам. Многие постулаты Ордена Надежды находят отклик в моей душе, и мешать я вам точно не стану. Но сейчас важно не это. Афанасьева в ваших рядах точно не было?

Куратор мотнул головой.

— Нет. Даже никогда не рассматривали.

— В таком случае у нас с вами большая проблема, — я указал на артефакт. — Это маячок. И кто бы его ни отслеживал, сейчас он знает, что мы здесь.

Глава 18

Глас разума внутри меня истерично верещал о том, что я совершил огромную ошибку. Теперь Мустафин знал, что я его раскрыл. Знал о том, что я нашел убежище Ордена Надежды — наверняка одно из многих. Не могли же они так рисковать, собрав все яйца в одну корзину. И все же того, что мы с Денисовым нарыли, вполне могло хватить для начала больших разбирательств.

А еще Мустафин знал, что ректор питал ко мне особый интерес и наверняка догадывался, что меня посадили на кровный поводок. Зато стало понятно, почему куратор отказался делиться со мной информацией после того, как меня увели на разговор к Долгорукову той роковой ночью.

И сейчас все стало еще опаснее. Я торчал на кукане у Аудиториума, но при этом слишком много знал об Ордене Надежды. И еще во мне было достаточно богатырской силушки, чтобы дать отпор в случае нападения. Трудно представить большую головную боль для господина куратора…

Мустафин покрутил в руках маячок.

— Говоришь, нашли у Афанасьева? В вещах?

— Ага. Но не в комнате. Он сделал тайник. И вместе с маячком там лежали еще и эти фотографии, — я порылся в барахле и вытащил из книги спрятанные снимки. — Очень странный набор. И все — мои одногруппники.

Куратор чуть усилил яркость светового шара и принялся листать снимки.

— Погибшие княжичи, ты, Ронцов и Денисов. И правда, странная компания.

— И вроде там еще Перовская должна быть, — добавил я. — Но она-то жива и во всем том безобразии не участвовала.

Интересно, а могло так получиться, что Марианна тоже получила то “приглашение”, но отказалась? Или, например, ее отговорил Забелло. Странно, что она оказалась единственной из той княжеской шайки, кого вся эта история вообще не коснулась. Поговорить бы с ней, поспрашивать. Но со мной она бы точно не стала откровенничать. Кроме того, ей тоже могли завязать язык, как и Денисову.

— Из всего этого списка мы приглядывались только к вам с Ронцовым, — расщедрился на подробности Мустафин. — Думаю, не стоит объяснять, почему.

— Потому что мы изгои. Мой род опозорен, а Серега и вовсе бастард. С ущербными вроде нас вам проще работать.

— И не только поэтому.

Ага. Еще я валю второранговых студентов-менталистов родовой силой, а Ронцова невозможно убить. Мы оба — прекрасные кандидатуры для различной подрывной деятельности. Может поэтому мной так в свое время заинтересовался Радамант? Косоликий-то специально отпустил меня погулять-побегать, чтобы я на своей шкуре ощутил все грани отмороженности имперской аристократии.

Эх, знай Корф, в какое пекло я угожу и какие таланты раскрою, хрена лысого он бы отправил меня в Аудиториум. Сперва как следует промыл бы мне мозги и вбил в голову “генеральную линию партии”, чтобы не поддавался соблазну примкнуть к инакомыслящим. И уж затем отправил бы сюда. И то не факт, что все прошло бы гладко.

Однако сейчас я оказался настолько противоречивой фигурой, что ни одна из всех этих сторон не знала, чего от меня ожидать. С одной стороны, это плюс. С другой — мне обеспечено слишком навязчивое внимание.

— Ладно, с нами все ясно, — я оперся локтями о каменную плиту стола. — Куда больше меня сейчас беспокоит вопрос с Афанасьевым. Вы можете высказать о нем хоть какие-нибудь предположения?

Мустафин положил фотокарточки на стол и скрестил руки на груди.

— Возможно, засланец Аудиториума. Или наблюдатель от Темной Аспиды — его могли ангажировать еще до поступления. Или Афанасьев был здесь по поручению органов государственной безопасности.

Я вздрогнул.

— Тайное отделение?

— Не разыгрывай невинность, Соколов. Ты должен понимать, что у тайного отделения к нам особый интерес. И раз уж речь зашла об этом… Насколько мне известно, тебе помогал с подготовкой к поступлению сам знаменитый Корф, — пронзительные глаза куратора, казалось, сверлили мне череп. — Это так?

Я пожал плечами.

— Да, у нас с ним была пара встреч. Он помог мне попасть к Матильде фон Штофф на обучение. Это ни для кого не секрет. Моя семья воспользовалась связями и с помощью Корфа убедила госпожу Штофф принять меня в Лебяжьем. Там я познакомился с Ириной, племянницей Матильды Карловны, и тройняшками Сперанскими. Мы вместе готовились к Испытаниям. Корф в этом процессе не участвовал, всем руководила Матильда Карловна.

Если хотите, можете прочитать мою память.

Мустафин презрительно фыркнул.

— Если тебя завербовало Тайное отделение, то они уж точно позаботились о том, чтобы подсунуть всякому любопытному нужные воспоминания. Имперские ищейки пойдут и не на такое.

— В таком случае вы должны подозревать не только Афанасьева в возможной работе на Отделение, но и меня.

Мустафин печально усмехнулся.

— Я рассматриваю и такой вариант.

— Тогда что же нам делать дальше? Точнее, что вы собираетесь со мной делать, раз я раскрыл вашу причастность к Тагматис Эльпидас?

— Это очень хороший вопрос, Михаил.

Куратор принялся измерять шагами небольшое пространство грота. Моя задница одеревенела от холода, а яйца, казалось, и вовсе втянулись внутрь. Но я уже не мог торопить окончание этой встречи. По сути, от того, как я себя поведу сейчас и что скажу, решится моя судьба.

Мустафин должен был мне поверить.

— Я хочу работать с вами, — тихо сказал я, и Мустафин резко остановился.

— Боюсь, ты не осознаешь, о чем просишь. Даже если бы я доверял тебе, все равно требовал бы трижды подумать.

А вот сейчас нужно было особенно осторожно подбирать слова.

— Я не говорю, что намерен стать частью Ордена и не требую взять меня в свои ряды. Ректор взял мою кровь, и вы понимаете, что это значит.

— Просто взял кровь или заставил принести клятву?

— Кровь и клятва. Правда, слишком уж в общих словах. Ее довольно легко обойти, если в должной степени владеть собой и формулировать намерения правильно.

Мустафин кивнул.

— Дальше будет хуже. Поначалу всех держат на длинном поводке. Но чем больше тайн ты узнаешь, чем сильнее будешь становиться, тем большую опасность начнешь представлять для Аудиториума. И поводок станет понемногу укорачиваться. С каждым годом, с каждым заданием ты будешь все сильнее привязываться к своим хозяевам, и чем дальше, тем сложнее будет разрушить эти невидимые узы.

Когда Мустафин говорил все это, в его голосе сквозило не желание запугать меня. Нет, он не пугал. Он говорил об этом так, словно сам все это прочувствовал и пережил.

— Вас тоже связали клятвой? — Догадался я. — Но тогда как

вы смогли…

Куратор приставил палец к губам.

— Тссс… Есть способ. Есть ритуал, что позволяет снять это воздействие, даже если не удастся заполучить отнятую кровь. Но я не могу открыть его тебе.

Что ж, сама возможность разорвать снять этот рабский ошейник уже радовала. Но для того, чтобы Мустафин согласился это сделать, он должен был доверять мне. И это доверие мне предстояло заслужить.

— Но я могу помочь вам в борьбе с Темной Аспидой, — сказал я. — Мне удалось кое-что накопать о человеке, который связывался с Меншиковым и Денисовым. Он писал им записки, и нам удалось выяснить, кто он. Я готов назвать вам имя в качестве жеста доброй воли с моей стороны.

В темных глазах куратора вспыхнул настоящий интерес, но смешанный с недоверием.

— Как у тебя это вышло?

— Помог один начинающий психометрист. Пришлось раскошелиться на винамий. За это, к слову, следует поблагодарить господина Денисова.

Аньку я раскрывать не хотел. Ни Аньку, ни Ядвигу. Нечего еще и их втягивать в это по самые гланды. И хорошо, что я умудрился вовремя вывести из игры Ирку — узнай она хотя бы о половине того, что здесь творилось, устроила бы бурю.

— Значит, ты готов дать нам имя одного из Темной Аспиды… В обмен на что?

— Ни на что. Говорю же, Савва Ильич. Мне кажется, сейчас неподходящее время для внутренних дрязг и выяснения кто кому друг. Есть Темная Аспида, которая пыталась убить меня и моего друга. Возможно, они заинтересуются Денисовым, если уже не заинтересовались. Константин… Мудак он, но с принципами, и я его ценю и уважаю.

Куратор покачал головой и усмехнулся.

— Кто бы мог подумать… Соколов защищает юношу, который у всех на виду клялся сжить его со свету.

— Обстоятельства изменились. Аудиториум умеет научить людей командной работе, — едко улыбнулся я. — Есть еще один важный момент. Клятва, которую я дал Аудиториуму, не препятствует моим поискам Темной Аспиды. А клятва интересная — обычно она не дает мне действовать, если есть риск серьезно навредить Аудиториуму. Выходит, Темная Аспида замышляет нечто такое, что в перспективе может пошатнуть и эти стены.

Мустафин наконец-то перестал маячить у меня перед глазами и уселся на каменную скамью так, что я мог видеть его

вполоборота. Хищный профиль, восточный, но там явно была интересная смесь кровей.

— Ты мог донести эту информацию прямиком Долгорукову, — глядя прямо на меня, сказал куратор. — Они бы разобрались не хуже нас. Почему же ты решил отдать ее Ордену Надежды?

— Потому что я противник столь радикального классового разделения, — искренне ответил я.

Увы, не мог прочесть лекцию о том, как повернулась история в моем мире. Но я точно знал, что такого кровавого побоища в этом мире видеть не хотел. Хоть здесь можно было попытаться решать назревшие проблемы миром.

— Странно слышать это от человека, который и Благодатью-то толком не наделен.

— Значит, я мыслю более трезво, ибо совершенно не заинтересован в оной ввиду родового дара. Да, моей семье пришлось туго из-за утраты Осколка. Да, дворянское общество смотрит на наш перечеркнутый герб с презрением. Но мы все-таки еще неплохо устроились. Тому же Ронцову пришлось бы куда хуже, родись у его отца побольше законных детей. Я ведь тоже не из теплицы вылез — насмотрелся и наслушался историй о том, как Благодать способна испортить людям жизнь. Одни жалеют, что ею обладают, другие — озлобленно мечтают о недостижимом. Однако я выступаю за решение вопросов мирными методами. Любая форма терроризма мне претит.

Мустафин слушал меня очень внимательно. Казалось, взвешивал каждое мое слово. Из меня, конечно, был тот еще декабрист, да я и не успел толком подготовиться к возможному собеседованию в Тагматис Эльпидас. Так что работал с тем, что было.

— Ладно, — наконец вздохнул куратор. — Будем считать, в какой-то степени ты убедил меня в том, что с тобой можно попробовать сотрудничать. Голова у тебя работает, раз ты смог выйти на мой след. Это обнадеживает и пугает одновременно. Слишком уж ты прыткий, Соколов.

— Положение обязывает. Когда стоишь в самом конце списка аристократии, клювом не щелкаешь.

Мустафин усмехнулся.

— Пожалуй.

Я собрал со стола обгорелые бумаги и фотографии и, стараясь даже не глядеть на добытые с таким трудом трофеи, передал Мустафину.

— Это ваше. Забирайте. А еще лучше — уничтожьте прямо сейчас. Ни я, ни Денисов не успели их посмотреть. За это

ручаюсь. Что до имени…

Куратор поднял руку, приказывая мне молчать.

— Рано. Буду с тобой честен. Считай, это моя благодарность за твой щедрый жест.

— Слушаю.

— Если та информация, что ты нам дал, окажется верной по итогам всех проверок… Возможно, тебя и Ронцова будут рады видеть в наших рядах. Особенно рады будут те, кто выступает за мирный исход конфликта. После борьбы с Темной Аспидой мы хотим сосредоточиться на отстаивании наших интересов в обществе и Сенате. И просвещенные дворяне, которые разделяют наши интересы, очень помогут.

Я кивнул.

— Но?

— Но. Всегда есть “но”, — мрачно продолжил куратор. — Даже если у тебя получится оказаться среди нас, не думай, что долго останешься с чистыми руками. А как только замараешь их, вернуться к прежней жизни не сможешь. На тебе будет висеть столько всего, что хватит на несколько пожизненных на каторге.

Я не выдержал и расхохотался.

— Это вы мне рассказываете? Боюсь, меня поздно просвещать. После той ночи…

— Я хочу сказать, что подобное повторится и не раз. Приходится защищаться от врагов, защищать тайны… Все это ведет к кровопролитию. Если ты к этому не готов, значит, на этом наш разговор закончится. Я даже не стану спрашивать у тебя имя — просто попрошу своего помощника поработать с твоей памятью.

Я огляделся по сторонам.

— Значит, с вами группа поддержки? То-то вы так легко остались со мной наедине.

Мустафин улыбнулся.

— У нас имеются способы и возможности обезвредить даже тебя, Михаил. У тебя роскошный потенциал, и родовая сила во многом универсальнее Благодати. Но и у этого дара есть слабые места.

А вот это было интересно. Что он имел в виду? Ладно, сейчас все равно речь не об этом.

— Я понимаю, что это кровавый путь. Мне это не нравится, но иначе никак, и я это осознаю. Если будет возможность избежать лишних жертв, я буду выбирать этот путь. И ни в чем подобном тому, что вы устроили на Смотре, я участвовать не стану.

Лицо Мустафина исказилось гримасой презрения.

— Это были не мы.

— Ой ли?

— Нас подставили. Это были не мы, клянусь.

— А на мою семью тоже не вы тогда напали? Там, на кладбище. Да и вообще неплохо так прорядили по списку.

— Той операцией руководил не я, — отрезал куратор. — И, если тебе интересно, я был против. Но некоторыми из нас движет не желание сделать мир немного справедливее, а жажда мщения. Месть ослепляет и превращает здравомыслящих людей в озлобленных радикалов.

Миленько. Значит, Орден Надежды и внутри не так сплочен, как может показаться. Что ж, известное явление — любая социально-политическая структура рано или поздно сталкивается с внутренними разногласиями. Выходит, мне нужно выяснить, кто из них еще более-менее вменяемый, а кто — отбитый на всю голову. И, судя по всему, Мустафин принадлежал к нормальным.

А вот информация о том, что тот ужас на Смотре устроила не Эльпида, была весьма интересной. И если это и правда была подстава, то на удивление искусная. Ох, дядюшка Корф, сколько новостей я приволоку тебе в котомке…

— Но вернемся к насущным проблемам, — Мустафил взглянул на часы и, поднявшись, навис над столом. — Есть несколько условий, выполнив которые ты сможешь стать частью Эльпиды.

— Внимаю.

— Первое — ты должен доказать, что тебе можно доверять. Твой щедрый жест я оценил. Имя?

— Павел Антиохович Зуров. Советник ректора по вопросам Вступительных испытаний, — ответил я. — Он писал записку и связывался с княжичами и Денисовым.

— Благодарю. Однако этого недостаточно. Тебе потребуется оказать нам еще одну услугу. Дело непростое. И если справишься так, что мы останемся удовлетворены, твоя кандидатура будет рассмотрена кругом. Если ее утвердят, то с тебя снимут кровавые оковы.

Я кивнул.

— План ясен. Что я должен сделать для того, чтобы меня начали воспринимать всерьез?

— Это тоже своего рода испытание, Михаил. И учти, отныне за тобой будут наблюдать так пристально, что попытка сообщить об этом разговоре пресечется моментально. Если попытаешься доложить ректору, тебя обработают мои помощники и отправят в тюрьму за несколько убийств — мы подсуетились и добыли подтверждения о случившемся той ночью. Или же мы просто

отдадим тебя на растерзание князьям. Это тоже довольно легко устроить. Иными словами, не советую юлить.

— Сейчас-то зачем стращаете? — огрызнулся я.

— Для того, чтобы ты уяснил — этого разговора бы не случилось, не имей мы действенных методов на тебя повлиять.

Кругом одни шантажисты. Что Корф, что эти — те же яйца, но вид сбоку.

— Так что я должен делать?

Мустафин вытащил из внутреннего кармана фотокарточки, пролистал, выбрал и протянул мне одну.

— Ты должен избавиться от этого человека. То, что он знает и видел, представляет для нас угрозу.

Со снимка мне широко улыбался Константин Денисов.

Глава 19

— Да вы, мать вашу, издеваетесь?! — рявкнул я, вырвав фотографию из руки куратора. — Мало вам смертей за этот год? Сперва Смотр, потом княжичи…

Что-то обожгло меня между лопаток с такой силой, что я захлебнулся словами от резкой боли. Лицо Мустафина не дрогнуло — он лишь чуть прищурил глаза и с неподдельным интересом наблюдал за моими мучениями.

Казалось, в спину вонзили раскаленное копье. Боль пронзила позвоночник и мгновенно растекалась по нему во все концы тела, лишая меня возможности двигаться и дышать. Я скрючился, повалился на каменный стол и бессильно хватал ртом воздух. Но сколько ни глотал его, никак не мог насытить легкие. Спина горела, на грудь словно положили пудовую гирю. Сердце было готово сбежать отсюда, проломив ребра…

— Я ведь предупреждал, Михаил. Не нужно глупить и проявлять грубость, — Мустафин склонился надо мной и провел ладонью по спине. Боль тут же уменьшилась, и я наконец-то смог говорить.

— Я… Я… Хррр… Да не собирался я нападать!

— Орать тоже было необязательно.

Не знаю, что он сделал, но боль ушла так же внезапно, как и нагрянула. Я оперся ватными руками о камень, а затем, поймав равновесие, привалился лбом к заиндевевшей стене грота. Вот… вот так, так было хорошо… Ох ты ж черт…

— Что вы со мной сделали? — не отрывая головы от источника живительного холода, спросил я.

— Использовали несовершенство родовой магии.

— А конкретнее?

— Ну уж нет, Михаил, — усмехнулся куратор. — Всех карт я тебе не раскрою. Иначе мы с тобой перестанем быть друг другу полезными.

— Справедливо.

Я отлип от стены и поднял с вымощенного гранитными плитами пола фотокарточку Денисова — выронил, когда меня скрутило той жуткой болью.

— Итак, повторю свой вопрос более спокойно. Вы уверены, что смерть еще одного студента пойдет вам на пользу? — Спросил я и спрятал фотографию в нагрудный карман. — Чем больше народу погибнет в стенах Аудиториума, тем сильнее здесь закрутят гайки. Думаю, это не пойдет на пользу вашим интересам.

Мустафин тем временем создал еще один огонек “Жар-птицы” и отправил его к лежавшим на столе бумагам — тем, что я спас из огня. Все же решил последовать моему совету и уничтожить улики. Жаль, ни я, ни Денисов не успели их хотя бы пролистать. Огонь пожирал один лист за другим, фотографию за фотографией, и вскоре на столе осталась лишь горстка пепла да мешок с торчавшей из него книгой.

Ну хотя бы про книжку он не спросил.

— Я сказал, что Денисов представляет угрозу для нашего дела.

— Ага, и что мне нужно от него избавиться, — огрызнулся я. — Может я, конечно, слишком привык к творящемуся вокруг меня безумию, но под “избавиться” я понимаю “убить”.

Мустафин слегка пожал плечами.

— Он знает дорогу до одного из убежищ и сможет ее показать. Он видел моего помощника и знает, что за ним следили. Он видел смерть моего помощника, видел, что он уничтожал улики. Полагаю, не стоит объяснять, насколько это опасно для Эльпиды.

— Но убивать его незачем, — настаивал я. — Можно стереть память.

— А ты справишься, Михаил? — Приподнял бровь куратор. На его лице играла насмешливая улыбка.

— Полагаю, вы плохо осведомлены о моих способностях.

— Отнюдь. И поэтому должен тебя предостеречь. Полное стирание отдельных элементов памяти и дальнейшее замещение пустот искусственными воспоминаниями — очень тяжелая задача. Этому посвящено отдельное направление в специализации менталистов. И этому искусству они учатся месяцами, а затем годами оттачивают мастерство.

— Знаю, — отозвался я.

— В таком случае ты должен понимать, что есть последствия применения силы, что будут пострашнее быстрой смерти. И раз уж ты у нас такой гуманист, взвесь все как следует. Я не одобряю лишнего кровопролития, но порой это самый гуманный выход.

Ага. Охренеть какое человеколюбие.

Денисов не заслужил от меня ножа в спину. Меня и так немного мучила совесть из-за того, что я использовал его в своих интересах и не рассказал правду о гибели Меншикова и остальных. Но я делал это не столько для того, чтобы спасти свою шкуру, сколько для того, чтобы помочь Аудиториуму замять скандал. Потому и разыгрывал весь этот маскарад, хотя, по моему мнению, Константин уже заслужил право выяснить правду.

И вряд ли он бы стал мстить за гибель княжичей. Меншиков и

остальные оказались жертвами собственных глупости, тщеславия и амбиций. На их слабостях грамотно сыграли, а Афанасьев просто столкнул нас лбами — и тоже погиб за это.

Денисов же не желал смерти ни мне, ни Ронцову. И сейчас должен был пострадать из-за собственных принципов. Говорил же я, что они не доведут его до добра…

— Я все же попытаюсь решить вопрос без кровопролития, — заявил я, глядя Мустафину прямо в глаза. — Если не удастся, тогда придется взять грех на душу.

И то, если Род позволит. Я не хотел портить родовую карму убийством невинного человека. Да, с большой натяжкой можно было подвести эту мокруху как работу на благо, но я и сам в это не верил. А если сам не веришь, то и родичей не убедишь. Они чуяли обман и слабость за версту.

Мустафин кивнул.

— Хорошо. Но я тебя предостерег, и ныне совесть моя чиста. — Он указал мне на мешок. — Собирай вещи, мы возвращаемся. Мне еще предстоит навестить твоего товарища.

— Еще вопрос.

— М?

— Когда… Когда дело должно быть сделано?

— Пока он не начал говорить. Долгоруков в Москве, вернется послезавтра. Если Денисов распустит язык, то к его возвращению…

— Успею, — оборвал я. Много говорить об этом не хотелось. — Значит, вот ваше испытание. Замараться в крови и пойти против совести?

— Всякий, кто служит кому-то или чему-то, со временем сталкивается с необходимостью пожертвовать чем-то ценным, — вздохнул Мустафин. — Это сложный выбор. Ставить дело выше собственных чувств — обязанность всякого, кто желает стать частью Эльпиды. Впрочем, не обольщайся. В любой структуре, будь то Тайное отделение или служба Аудиториуму, требуют того же. Мы всегда будем чем-то жертвовать, Михаил.

Ага. И Денисов не стал жертвовать. Денисов пошел на поводу у совести, но так ли ему это помогло в итоге?

— А чем пожертвовали вы? — дерзнул спросить я.

Куратор нахмурился, обжег меня тяжелым взглядом, но я выдержал.

— Об этом в другой раз, — ответил он и снял непроницаемый купол. — Поторопимся.

Мы вышли на берег Малой Невки. Отсюда были хорошо видны огни вечернего Петрополя. Город щедро украсили к Рождеству — мост обвивало такое количество светящихся

гирлянд, что, казалось, над водой парила волшебная дорога. Ряды фонарей тянулись по всему Каменноостровскому проспекту, но с острова я видел лишь ряды светящихся точек. Потеплело, повалил мягкий пушистый снег, и в городе воцарилась почти сказочная атмосфера.

Почему-то именно сейчас мне вспомнилась Оля. Это были мои собственные воспоминания, еще из старого мира. Когда я повел ее на новогоднюю ярмарку, угощал здоровенными свежими пряниками с кучей глазури, поил крепким сладким чаем. Помню, купил тогда ей игрушку — плюшевого щенка с голубым бантиком на шее. С ней она уехала в больницу тогда, в последний раз…

— Михаил?

Я вздрогнул от голоса Мустафина.

— Что, Савва Ильич?

— Тоскуешь по дому? Ты на этот город глядишь как волк на лес.

— Можно и так сказать, — уклончиво ответил я. Вот уж перед кем я не собирался изливать душу, так это перед куратором. — Ничего, скоро каникулы. Повидаемся.

— Если справишься с моим поручением, возможно, на каникулах появится новое задание.

— Многовато у меня становится факультативов.

— Ты сам изъявил желание, — усмехнулся куратор. — Или уже передумал?

— Нет.

Я ускорил шаг. Промерз до хруста инея между булок, но холодный воздух и снег хотя бы привели меня в чувство. Видимо, родовая магия давала определенные преимущества и в исцелении — я излечивался от повреждений немного быстрее остальных. Это объясняло, почему Денисов терял сознание, а я мог держаться на ногах. И все же мне хотелось поскорее оказаться в тепле.

Ужин я уже и так пропустил, так что придется перебиваться припасенным в заначке сухпайком и кипятить чай в конце коридора. А перед этим меня точно поймает Сперанский и отчитает за очередной прогул и подставу с докладом.

Наконец мы вернулись к корпусам — Мустафин направился прямиком к Домашнему.

— Денисова перевели в наш лазарет, — пояснил он. — Я связался с лекарем. У твоего друга серьезное отравление химическими веществами. Лежит под капельницей.

— Как он?

— Усыпили, продержат без сознания какое-то время. Он бредил.

— Слышал, при отравлении такое бывает.

А еще Мустафин мог приказать усыпить Денисова из опасения, что тот начнет болтать. Мало ли какой бред может нести человек с интоксикацией, но куратор явно хотел перестраховаться. Хитер, зараза. Вовсю пользовался отсутствием ректора в Аудиториуме. И угораздило нас с Константином забраться в катакомбы именно в этот момент…

— Зайти к нему можно? — спросил я.

— Лучше завтра. Утром, пораньше. В восемь как раз будет пересменка у дежурных. Там есть зазор в пятнадцать минут, когда они передают друг другу дела в кабинете.

Я кивнул. Намек понял. Значит, нужно пробраться в момент пересменки, пока Костя еще пускает слюни под капельницей и пока врачам не до пациентов. С учетом того, что поместили его в Домашний корпус, то пробраться в лазарет труда не составит. В крайнем случае можно попробовать очень аккуратно отвести глаза свидетелям на низком ранге. Разберемся.

Когда мы вошли в большой холл, Мустафин кивнул мне.

— Утром после завтрака зайди ко мне. От тебя потребуется объяснительная, и будут еще кое-какие формальности.

— Конечно.

“О том, где были, ясное дело, никому не болтать”, — добавил он ментально.

“Разумеется”.

“И постарайся уложиться в срок”.

Мустафин развернулся и бодрым шагом направился к лестнице, что вела в общее крыло. Я же скользнул взглядом по стендам в поисках новых объявлений.

И новости не заставили себя ждать.

— Дерьмо, — выдохнул я, увидев список должников.

И хотелось бы обозвать Сперанского нехорошими словами, но он был прав. Доклад читал только от своего лица, меня сегодня на защите не было, поэтому я оказался в списке “хвостатых”. Не сдам тему до тридцатого декабря — не уеду на каникулы.

В Аудиториуме с этим было строго, особенно для первокурсников. Проштрафился и набрал долгов — лишаешься привилегии на отдых.

— Что, тоже рискуешь праздновать Рождество здесь? — кто-то ткнул меня сзади в спину. Я обернулся и увидел парня из соседней группы. Кажется, Дмитриевич.

— Ага.

— Главное, еще больше хвостов не набрать. С одним-то разберемся…

У меня, по самым скромным прикидкам, это был уже третий долг, и я всерьез рисковал не уехать домой. А ведь обещал Ирке,

что заеду к ней в гости на каникулах. Она так вообще приглашала нас с Олей погостить на пару-тройку дней. Оно и понятно: без Матильды в Лебяжьем наверняка будет тоскливо.

Да и у меня была шальная мысль пригласить ее к нам в Ириновку на Рождество — у нас, конечно, все было куда скромнее, зато по-семейному. Я упомянул об этой идее, когда писал Оле, и сестра обещала поговорить с отцом. Правда, совместные празднования — это уже переход немного на другой уровень отношений. В Аудиториуме мы старались не светиться с нашей привязанностью, но…

Ладно. Сперва надо сдать долги, а там разберемся. Если умудрюсь подчистить все хвосты, что само по себе будет чудом, то уже никакое семейное празднование не будет страшно.

Я распрощался с Дмитриевичем, тот рассеянно кивнул.

Поднимаясь по лестнице, я пытался придумать правдоподобную причину, по которой пропустил занятия. И если Ронцова ввиду его природной наивности еще можно было провести, то со Сперанским номер не пройдет. Разве что придется сказать полуправду и много о чем умолчать…

Скрип дверных петель выдали меня, когда я потянул ручку на себя. В комнате еще горел яркий верхний свет. Ронцов развалился на кровати с тетрадками и книгами, Сперанский сидел за столом…

Вместе с Ирэн.

— Добрый вечер, Миша, — сухо сказал Коля и кивнул на стол. — Проходи.

Я постарался принять самый непринужденный вид. И, кажется, только еще больше взбесил этим друзей. Ирка поджала губы, а Сперанский нахмурился. Ронцов оторвался от конспектов и приветливо мне улыбнулся. Ну хоть этот всегда рад меня видеть.

— По какому поводу у нас гости? — спросил я, запирая дверь. На столе стояли только чайные предметы в медных подстаканниках. — И с каких пор к нам пускают девчонок?

Ирэн, сидевшая ко мне вполоборота, резко развернулась.

— Не те вопросы ты задаешь, Миша, — прошипела девушка. — Ты хоть понимаешь, что натворил?

— Ну, я в списке должников. Это еще не катастрофа.

— Это твой третий долг! — не выдержал Сперанский. — До Нового года осталось пять дней! Нам сегодня всей группой пришлось унижаться, чтобы упросить Клинского дать тебе шанс пересдать доклад!

Ирэн стиснула кулаки так сильно, что костяшки пальцев побелели. Вдохнула, выдохнула и достала с полки еще одну

чашку.

— Садись, Миш. Нужно поговорить.

— Ребят, я все понимаю. У меня проблемы с успеваемостью, но…

— У тебя не с успеваемостью беда, а с посещаемостью! — продолжал метать молнии Коля, пока Ирка возилась с чайничком и заваркой. — Ты постоянно пропускаешь занятия. Вечно пропадаешь так, что с тобой не связаться. А потом торчишь до утра с книгами, не высыпаешься и спишь на парах! Чудо, что у тебя всего три “хвоста” с таким режимом.

— Коль, я все успею сдать. Вот те крест! — обещал я. — Если хочешь, слово дворянина дам. Я знаю, что у нас были большие планы на каникулы, и подводить вас не хочу.

— Да не в этом дело, Миш, — Ирэн налила мне полную кружку ароматного травяного чая, и я с наслаждением вдохнул насыщенный чуть горьковатый запах. Только сейчас, обхватив нагревшийся подстаканник обеими ладонями, я осознал, насколько же замерз. — Мы беспокоимся за тебя. И не понимаем, что происходит. Ты ведь ни с кем не делишься.

— Я рассказываю вам все, что можно рассказать, — отхлебнув немного обжигающего напитка, ответил я.

Разумеется, их это не удовлетворило. Сперанский нахмурился пуще прежнего.

— Извини, но сегодня мы припрем тебя к стенке.

— Ну попробуй.

— Ершишься. Что ты скрываешь, Миш? Куда ты постоянно пропадаешь?

— Сначала помогал Хруцкой в Лабораториуме, и после того, как отработал повинность, порой захожу к ней помочь. Она интересуется влиянием родовой силы на артефакты.

Ирэн кивнула.

— С Ядвигой я говорила. И еще она сказала, что ты приходил к ней с Денисовым и Грасс. Я расспросила Аню, но…

— Что, послала?

— Послала. Это же Грасс. Но куда сильнее меня удивило то, что ты спелся с Денисовым. Вас ведь обоих сегодня не было на докладе. Где вы были?

Я медленно допивал чай стараясь выиграть время.

— Вы что, нашли способ выбраться из Аудиториума? — внезапно спросил Сперанский.

— Это ты с чего взял?

— С того, что недавно Денисов выложил очень крупную сумму за какую-то колдовскую хреновину. Некоторые старшекурсники промышляют тем, что делают зачарованные

разрешения на выход с территории.

— Ага, и он бы со мной так легко поделился подобным добром, — съязвил я.

— Вот это и удивительно, — Сперанский подался вперед и вперился в меня злыми зелеными глазами. — Что могло объединить двух известных врагов?

Я молчал. Ирэн украдкой налила мне еще чаю, и я присосался к спасительной кружке. Что мне им сказать? Что мы выполняем определенные поручения от Мустафина?

“Не говори им про ту ночь”, — донеся до меня чуть глуховатый голос Ронцова. — “Мы же пообещали ректору, что никто пока что ничего не узнает”.

“Не скажу. Про это — не скажу”.

— Ну так что? — Ирэн скрестила руки на груди и откинулась на спинку стула. — По-хорошему говорить не хочешь?

— Хочу, — почему-то слова давались мне с большим трудом. То ли чай так подействовал, то ли в комнате было слишком натоплено, но меня почти мгновенно разморило. Прошибло на пот, аж рубашка промокла, руки и ноги налились приятной тяжестью… — Хочу. Но… Не могу.

— Это поправимо.

Сперанский и Ирэн переглянулись, и он ей кивнул.

— Работает. Приступай, Ирина.

Кажется, я начал сползать со стула на пол, но Коля успел подхватить меня. Тут же подоспел Ронцов — и вдвоем они отволокли меня на кровать.

— К… к чему? — Чем дальше, тем сложнее мне становилось ворочать языком. Сон навалился на меня, как тяжелое одеяло, вылезти из-под которого не было сил. Сознание утекало, а разум проваливался в манящую тьму. — К чему приссс…ступать?

Ирэн нависла надо мной, и я едва различил ее смазанную улыбку. Перед глазами все плыло.

— Прости. Но если не хочешь рассказывать, тогда ты все мне покажешь, — сказала она.

Глава 20

Я попытался вырваться. Барахтал руками и ногами, наивно полагая, что это поможет. Для меня каждое движение было тяжелым, словно я греб по воде, преодолевая ее сопротивление. Но на самом деле я почти не шевелился. Тело совсем не слушалось.

Что же они подмешали мне в чай? Не могло быть такого, чтобы меня так легко срубило. Да, устал и надышался горящей химии и дыма, но… Нет, нет, это чаек был непростым…

— Не надо… — прохрипел я, отчаянно цепляясь за реальный мир. Тьма наступала, наваливалась на меня и тащила за собой в кромешный мрак. — Нельзя…

— Ребят, может все же повременим?

Кажется, это был голос Ронцова. И пусть он не знал всей моей истории, но ему хватило уже того, что случилось той ночью и последующего договора с ректором.

— Поздно.

А это, видимо, был Коля. Ну сволочь Сперанская, не ожидал я от тебя такого. Что, любопытство загрызло? Или просто проявились собственнические замашки?

Лишь Ирина не высказалась ни за, ни против. Я почувствовал ее прохладную ладонь на своем лбу.

— Пожалуйста, закрой глаза, — тихо сказала она. — Я постараюсь быстро… Прости меня. Прости…

Дура!

— Ты… ты не понимаешь…

Не знаю, что за вещество было в чае, но я ощущал себя словно под странным наркозом. Сперва меня обездвижило физически, а затем начало парализовывать и разум. Ужасное ощущение, словно ты застываешь во времени и пространстве, все осознаешь, но ничего не можешь сделать — только испытывать эмоции.

Я как мог отбивался от мрака, но он победил меня, окружил и поглотил. Я оказался во тьме — не страшной, но и не сказать чтобы сильно дружелюбной. Почему-то мне подумалось, что нечто подобное люди испытывают на грани смерти или в коме. Я в ад и рай не верил, так что да, наверняка меня ожидала только тьма.

Но не успел я к ней привыкнуть, как яркий белый свет прорезал мрак на лоскуты, ворвался в это необъятное пространство и резанул мне по глазам. Я инстинктивно зажмурился и даже потянулся по привычке к лицу, чтобы

прикрыть глаза ладонями, но…

Я был духом. В той самой форме, какую принимал, когда меня поглотил источник. Я снова себя не ощущал.

Свет становился все ярче, он словно прожог меня насквозь, и наконец все пространство окрасилось уже знакомым мне молочно-белым сиянием. Передо мной стремительно вырастало родовое древо, на “небе” висел яркий белый шар Источника.

— Я что, дома? — попытался пошутить я, но понял, что все мои мысли здесь выражались вслух.

Толпа бледных духов беспокойно шевелилась и бормотала. Все они быстро приближались ко мне, окружали. И чем ближе подходили, тем громче становился их ропот.

— Опасно! — передо мной возник дух прародителя — того самого деда, который часто говорил со мной от лица остальных предков.

— Сам знаю.

— Не только для тебя. Для них опасно! Дети полезли в шкаф для взрослых!

— Да знаю я, знаю! — выкрикнул я. — Что делать прикажешь? Я ведь даже шевельнуться не могу! Они меня опоили!

— Глупые отроки…

— Ага. Хотели, как лучше, а получилось, как всегда, — процитировал я крылатую фразу Черномырдина. — Раз уж вы меня на ковер вызвали, то посоветуйте, как выкручиваться.

— Мы к тебе воззвали по иной причине, Михайлушка, — от толпы духов отделился тонкий женский силуэт в старомодном пышном платье. — Поручение тебе дали грешное. Нельзя тебе друга убивать.

— Константин мне не друг, — ответил я.

Дама, казалось, улыбнулась.

— Конечно, друг, Михайлушка. Думать ты можешь что угодно, но от нас свое сердце ты не спрячешь. А сердце не обманет. Задружились вы, соколики. Повоевали, посоревновались да вот и сошлись не в радости, а в беде. Но даже кабы у вас не сладилось с Денисовым, все равно морить его — грех большой. Невинный он, хоть и дурень каких еще поискать.

Я кивнул.

— Это я и сам знал.

— Знал да сомневался, — улыбнулась дама-дух. — Вот тебе предостережение. Коли заморишь его насмерть, то род наш ослабишь. Нельзя этого делать. А ежели все же совершишь сию хулу, то добра не жди. Не один пострадаешь — аукнется всему семейству.

— Да я и так собирался ему просто память затереть. От

такого не умирают. Правда, чтобы такую сложную вещь сотворить, придется к силе источника обратиться. Сам не сдюжу.

— Не сдюжишь, Михайлушка. Ну да на благое дело мы поделимся. Чай, для таких случаев и копим.

Дама развернулась, проплыла вперед и слилась с толпой. Не знаю, кто это был из моих прабабок, но, судя по фасону платья, носила она его в середине Девятнадцатого века. Тогда у нас уже был Осколок. Можно сказать, в те годы началось золотое время рода Соколовых. Возможно, то была сама Мария Петровна — единственная из нашего рода, кто попал во фрейлины к императрице.

— Про Денисова я все понял, — пришлось повысить голос, чтобы перекрикнуть взволнованное бормотание духов. — Убивать не буду, обещаю. Могу поклясться, если вам так будет спокойнее.

— Не клятвами, но делами ценен человек, — ответил дед. — Но покамест ты не давал повода тебе не верить. Так что коль задумал голову чистить тому мальчишке, то полощи давай. Но сперва тебе нужно вернуться — пока твоя зазноба беду не накликала.

Это да, Ирка могла. Причем, как водится, из самых благородных побуждений. Благими намерениями все знают, куда дорого выстлана.

— Помогите, — попросил я. — Дайте немного силы, чтобы сдюжить с отравой. Если успею очнуться, пока они не залезли глубоко в память, то все может и обойдется.

— Ну так чего ты титьки мнешь, а? — прикрикнул на меня дух. — Пошел вон!

Неизвестно откуда поднялся сильный ветер. Меня, бестелесного и легкого, точно жухлый лист, подхватило резким порывом, закрутило, подняло, подкинуло…

Белый свет стал понемногу гаснуть, но на смену ему приходил не мрак. Я начал ощущать свое тело — сперва это было ощущение, словно суешь ногу в неразношенный ботинок. Но дух все плотнее сливался с телом, и, наконец, я был готов распахнуть глаза.

Но сперва решил прислушаться — и к происходившему, и к собственным ощущениям.

— Ну что там? — спрашивал Коля. — Получается?

— Плохо. У него довольно сильная ментальная защита от природы. Такое я только у менталистов и артефакторов видела… Раньше было проще к нему залезть. Видимо, с тех пор, как он начал активно использовать силу, развились и природные механизмы защиты.

Не знаю, сколько я пробыл в беспамятстве — мне казалось,

что прошла целая вечность, но на деле я возвращался в мир гораздо быстрее. Но сколько бы я ни провалялся, кажется, успел очнуться вовремя.

Голова трещала от вмешательства чужеродной силы. Я чувствовал, как Ира пыталась протиснуться сквозь слои ментальных отгородок. И выходило у нее и правда не очень.

— Поторопись! — велел Коля.

— Охренел? — возмутилась девушка. — Это же Миша, а не мешок картошки. Если я ему хотя бы немного наврежу, никогда не прощу ни себе, ни тебе! И больше не смей подгонять меня, особенно под руку!

Она прибавила силы и даже шумно засопела от напряжения. Один из слоев рухнул, я не выдержал и поморщился. Ну давай, милая, лезь дальше. Я встречу тебя кое-чем интересным, чтоб не повадно было.

Вообще меня, конечно, возмутил их поступок. Да, со стороны я и правда вел себя странно, а когда спрашивали, либо отмалчивался, либо отбрехивался. Тоже, в общем-то не самый лучший способ поддерживать дружбу. И все же лезть в башку — это уже перебор, я уже молчу о том, что работу Ирки могли засечь местные артефакты слежения. Коля и Ирэн не могли этого не знать. И все же рискнули.

Значит, либо друзья мне не доверяли или в чем-то подозревали, либо их кто-то надоумил опоить меня и попробовать считать воспоминания. Как бы то ни было, сейчас мы поймаем кое-кого за руку и как следует проучим.

В процессе ментального взаимодействия был один изъян — тот, кто пробивался в память другого человека, концентрировал слишком много усилий на то, чтобы вломиться. И оставлял неприкрытым ментальный тыл, если так можно выразиться. У опытных менталистов имелись способы себя защитить, но Ирка, несмотря на все таланты и усердие в обучении, все еще оставалась первокурсницей. И хитростям своей специализации еще не обучилась.

Полезно все-таки общаться со старшекурсниками. Не зря прогуливал пары.

— Так… — прошептала Ирка надо мной. — Кажется, пошло…

Стараясь не ухмыляться от своей задумки, я начал плести образы, которые собирался внедрить. Пусть думает, что считывает мои воспоминания. Главное — завладеть ее вниманием, заставить смотреть “кино”, а там можно и поиздеваться.

Сперва были мысли показать ей что-нибудь возмутительно-порочное или мерзко-страшное, но Ирку бы такая фигня не проняла. Повопила бы, поругалась — и все. Мне же нужно было

нечто, от чего волосы не поседеют и что запомнится надолго.

Был у меня один гарантированный вариант заставить ее подпрыгнуть до потолка…

Сначала я показал ей обычную дневную рутину — образы учебников, трапезы, метания в коридорах по аудиториям… Затем сплел весьма правдоподобный образ нашей с Денисовым прогулки по парку. Для удобства и достоверности взял за основу реальные воспоминания, как меня и учили.

Забавно, что я ощущал присутствие Иры в этом “кино”. Она была не просто зрителем, а словно сама присутствовала на съемочной площадке среди массовки. Это означало, что она довольно глубоко погрузилась в чтение образов.

Значит, пора.

Она шла за нами с Денисовым, подслушивала нашу болтовню. Мы медленно брели по аллее к круглому перекрестку, в центре которого была установлена статуя богини Афины — в Аудиториуме почитали Античность.

А затем мы с Денисовым резко разошлись в разные стороны, и Ирэн оказалась лицом к лицу…

С Матильдой.

— Что ты себе позволяешь? — крикнула на племянницу баронесса. — Мало того, что нарушаешь правила внутреннего распорядка, так еще и перед артефактами светишься как ель украшенная! Ты вообще в своем уме, Ирина?

Младшая Штофф вскрикнула, не ожидав такого поворота. А Матильда у меня получилась просто роскошная — не зря вдоволь нагляделся на ее экстравагантные модные образы. В обтягивающем платье, с уложенными, как у голливудской звезды ретро-кино волосами и в шляпке с сетчатой вуалью, и накрашенными яркой помадой губами, она метнулась к Ирине.

— Позорище!

Ирэн обмерла от страха.

— Тетушка… я…

— Молчать! Этому ли я тебя учила? Для этого потратила прорву времени на твою подготовку? Чтобы Аудиториум слал мне гневные письма с перечислением твоих провинностей?

— Тетушка, как ты…

— Не имеет значения, как я узнала! И ладно бы полезла к кому-нибудь попроще, но к Соколову? Ты хоть понимаешь, что он может тебя в порошок стереть при желании? Говорила я, что нечего тебе с ним близко якшаться, говорила же!

— Тетушка, я просто очень за него волнуюсь. Мне кажется, что он влез во что-то очень плохое и опасное. А ведь я его… Ну, дорог он мне.

Ирэн плакала — в проекции и наяву. Мне на лоб упала горячая слезинка, и я отчего-то ощутил себя последней сволочью. Кажется, слегка передавил.

— Брысь из его головы и больше себе подобного не позволяй, — смягчился образ Матильды. Баронесса ткнула длиннющим мундштуком ей в грудь, и девчонка ойкнула. — Михаил молчит не просто так. И ты помалкивай, даже если что-то подозреваешь. А если все же хочешь выведать правду, то, черт тебя дери, включи голову и подожди с расспросами до каникул, пока вы не окажетесь в безопасности.

Ирэн вытерла слезы и кивнула.

— П-прости, тетушка.

— Брысь отсюда. И пиши мне почаще. Мне нравится читать твои письма.

Я ощутил, как Ирэн принялась медленно выходить из проекции. Слои моих защит вставали на место одна за другой, как в луковице. Я все еще не открывал глаз — решил доиграть сцену до конца.

Ирэн окончательно вернулась в реальность и всхлипнула.

— Что ты видела? — спросил Сперанский.

— Ирин, ты в порядке? — а это уже был Ронцов.

— Да… Мне хорошенько ударили по рукам. Либо это очень мощная самообучаемая защита, либо… В общем, больше не просите меня это делать. Это ошибка.

— Так ты ничего не выяснила? — помрачнел Коля.

— Мне сказали одну фразу… Что Миша молчит не просто так. И я думаю, что нужно и правда оставить его в покое, пока не разберется с долгами. Если захочет, на каникулах расскажет.

— Как знал, что надо было просить кого-нибудь другого, — почему-то Коля здорово расстроился, узнав, что Ира не преуспела. — Ты влюблена. Чувства всегда ослабляют менталиста.

— Я не могла вломиться в полную силу! — прошипела девушка. — Нас бы засекли! Не хватало еще объясняться с куратором.

Сперанский долго молчал.

— Ладно, — вздохнул он. — Попробуем поговорить еще раз на каникулах. Сейчас и правда главное, чтобы он сдал.

Я незаметно открыл глаза. Ребята переглядывались с Ронцовым и не увидели, что я очнулся.

— Я работаю на Аудиториум, — сказал я, и все трое подпрыгнули как ошпаренные. — Выполняю кое-какие поручения ректора. И рассказать о них не могу, потому что дал клятву. Будьте спокойны — вас это не коснется. Никому ничего не

угрожает.

Сперанский бросил взгляд на Ирку.

— Ты же сказала, что он пару часов проспит.

— Ну… Ошиблась, как видишь. — Ирэн подалась ко мне. — Прости меня, пожалуйста. И Колю с Сережей. Это и правда была очень плохая идея…

Я нехотя кивнул. Знал ведь, что эти дурни хотели как лучше и заботились обо мне, но все равно было обидно.

— Вы хотели знать — я сказал, — хмуро ответил я. — Это не ложь. А интерес во мне у Аудиториума потому, что они хотят изучать родовую силу. Еще вопросы?

Ребята покачали головами. Лишь Ронцов глядел на меня с легким страхом, словно боялся, что я сболтну лишнего. Надо бы поговорить с парнем, успокоить. А то он, вон, аж извелся весь.

— Тогда я спать, — в подтверждение своих слов я широко зевнул. — Денек был тот еще, а завтра много дел по учебе.

Ирэн поднялась и направилась к выходу.

— Спокойной ночи.

— И еще, — я уселся на кровати и по очереди смерил каждого взглядом. — Такой несусветной глупости я от вас не ожидал. Особенно от тебя, Ирина. Ты же знаешь, кто и что я. Еще раз попытаетесь меня опоить и влезть в голову без разрешения, будут проблемы. Причем не я их вам обеспечу, а сила, которую я в себе ношу. Вам сегодня очень повезло, что защита не посчитала вас серьезной угрозой.

***

Я пристально наблюдал за движущейся стрелкой на больших часах перед дверями лазарета. Вот она сместилась на двенадцать, и в глубине отсека послышался хрустальный звон.

Пересменка. Мое время.

Окутав себя низкоуровневым куполом, я бесшумно отворил дверь. Сменщица уже зашла и как раз переодевалась в помещении для персонала. Затем они начнут передавать друг другу дела и попьют чаю — на все это уйдет около четверти часа.

Мало, слишком мало времени, но на большее я рассчитывать не мог.

Денисова я нашел быстро — он валялся в одиночной палате, первой по коридору. Дверь была открыта. Войдя, я плотно закрыл ее за собой и уставился на спящего Константина.

Хорошо, что они держали его под седативными — от руки тянулась трубка к мешочку с капельницей. Я взглянул на объем — ушло меньше половины. Значит, быстро не зайдут, но придут обязательно.

Не теряя времени, я сел на кровать и положил руки на лоб Денисову.

— Прости… друг.

Мне было странно так называть человека, с которым мы еще месяц назад были готовы разодрать друг другу глотки. Чудны деяния твои, боженька. Но Денисов и правда оказался не таким уж и плохим парнем. Да и наше совместное расследование показало, что он был надежнее, чем казался. Словом, из него еще мог получиться нормальный человек.

И жаль, что моя работа с его памятью сотрет весь этот прогресс.

Я потянулся к источнику и зачерпнул горсть из нужного потока. Связал боевую и ментальную силы, чтобы быстро пробить его и без того хилую защиту. А затем начал быстро перебирать его воспоминания, словно листал фотоальбом.

Выбирая одно за другим, я вычищал их — торопливо, стараясь успеть. Кое-что смог заместить, иные пробелы оставил как есть. Все равно спишут на отравление едким дымом. Может и хорошо, что в этой работе была некоторая небрежность.

Занятый работой, я не заметил, как отворилась дверь.

— Молодой человек!

Я вздрогнул. С пальцев сорвалось больше силы, чем я рассчитывал — она вылилась вся. Денисов чуть дернулся, но, видимо, в него вкачали столько успокоительного, что рефлексы оказались очень слабыми.

— Юноша! — На пороге стояла женщина с лицом стареющей простушки, в руках она держала поднос с градусниками. — Я вас даже не сразу заметила… Напугали. Вы что здесь делаете?

Мне пришлось резко отнять руки. Проклятье. Я не доделал все до конца, не проверил, что вышло. Не заместил часть образов, как собирался. Она пришла на шесть минут раньше…

— Зашел проведать друга, — ответил я, поднимаясь с кровати. — Я его одногруппник. Ребята волнуются. Решил, будет лучше, если зайду я, а не вся толпа.

— Ага. Но наследили вы так, молодой человек, словно и правда вся группа приходила. Ну стоит же корзина с бахилами у входа…

— Простите великодушно. Если дадите швабру, все уберу.

Женщина отмахнулась.

— Санитарка придет и уберет. А вы, юноша, приходите в часы посещения. Ваш друг очнется не раньше, чем через…

Договорить она не успела. Денисов открыл глаза и протяжно застонал.

— Пить… Пить, пожалуйста…

Медсестра нахмурилась и взглянула на капельницу.

— Странно… Должен был спать. Ладно, сейчас позову лекаря.

Она ушла, а Денисов попытался сесть. Игла чуть не вывалилась из катетера, и я успел ее придержать.

— Спасибо… А вы кто? — Константин вытаращился на меня и принялся шарить рукой по телу. — Больница?

— Костя, все хорошо. Это я, Миша Соколов.

— Какой еще Соколов? Я… Я вас не знаю.

— Однокурсник твой, из Аудиториума. Ты в лазарете, вчера надышался отравленного дыма при пожаре. Тебя отправили в лазарет. А я пришел тебя проведать.

Глаза Денисова стали еще круглее — казалось, они вот-вот вылезут из орбит.

— Аудиториум? Это — Аудиториум?

— Да… — я похлопал себя по нашивке с гербом универа, начиная подозревать неладное. — Почему ты так удивлен?

— Потому что какой еще Аудиториум? Я же гимназист. Константин Денисов, десятый класс, второе полугодие…

Глава 21

Денисов растерянно оглядывался по сторонам.

— Михаил… Верно ведь? — Я кивнул в знак согласия. — Простите, но я и правда ничего не понимаю. Вы говорите, что я учусь в Аудиториуме?

— Все так. Первый курс. Я твой одногруппник.

Константин нахмурился, даже зажмурил глаза — явно пытался вспомнить хоть что-то. Но вскоре он снова уставился на меня с виноватой улыбкой.

— Прошу извинить, ваше…

— Сиятельство. Михаил Николаевич.

Он скользнул взглядом по маленькому гербу рода Соколовых, который я носил приколотым на груди кителя.

— О, так вы тот самый Соколов, — интонации Денисова резко поменялись, и в них я начал узнавать старое-доброе денисовское презрение к слабокровным и бастардам. — И что, мы с вами друзья?

— У нас, скажем так… Общие интересы, — осклабился я.

Денисов быстро потерял интерес к беседе.

— Я желаю видеть лекаря.

— Он сейчас придет. Сестра как раз за ним пошла.

Костик кивнул и демонстративно уставился в окно. Ах же сучий ты потрох, Денисов. Сколько времени и сил вбухано, чтобы сделать из тебя благонадежный социальный элемент, а сейчас все похерили.

Точнее, я похерил. Сам виноват. А ведь Мустафин меня предупреждал. Правда, я не думал, что смогу стереть так много воспоминаний — опасался просто сделать Денисова дурачком.

Что ж, в какой-то степени так даже лучше. Можно сказать, от Денисова я избавился. И если память к нему не вернется, чего не должно было случиться, то Орден Надежды свое получил. Костика, видимо, оставят на второй год. Не станет же Аудиториум заново подвергать его Испытаниям…

— Чего вы ждете? — Денисов с раздражением обернулся ко мне.

— Лекаря. Хочу знать, насколько случившееся с тобой серьезно. Я тоже пострадал при том пожаре. Возможно, и мне нужен осмотр.

Денисов явно намеревался отвесить очередную презрительную грубость, но в этот момент в палату вплыла невысокая сухая женщина с туго затянутыми в узел седыми волосами. Выглядела она при этом живо и моложаво, а глаза ее

лучились характерным для многих лекарей теплым светом. Впрочем, выражение лица лекарки дружелюбия не внушало. Суровое впечатление дополнял длинный шрам, протянувшийся от уха до подбородка.

— Господа, — она поприветствовала нас коротким кивком головы и уставилась на меня. — А этот кто?

— Соколов. Тоже вчера на пожаре был, — быстро ответил я. — Денисов, оказывается, считает себя гимназистом.

— Ну, судя по успеваемости, в гимназии ему пока что самое и место, — проворчала лекарка.

Теперь, присмотревшись внимательнее, я ее узнал. Она вела какие-то занятия на специализации по Исцеляющей Благодати. Фамилия еще у нее была странная. Бойлер? Мюллер? Вроде немецкая.

— Подождите в коридоре, Соколов, — распорядилась дама. — Судя по всему, вы точно понимаете, где находитесь. Чего не скажешь о вашем товарище.

— Он мне не товарищ, — тут же ответил Денисов.

Ну началось…

Не отвечая на очередной денисовский выпад, я просто вышел и затворил за собой двери, но внимательно прислушивался к происходящему внутри. Судя по тихим шорохам, лекарка провела быструю диагностику при помощи Благодати.

— Жизненные показатели… в норме. Пульс слабоват, да и дыхание поверхностное, но в пределах нормы. Насыщенность кислородом… приемлемая.

— Иоганна Павловна, вот карточка, — это вмешалась медсестра. — Взгляните. Возможно, перенесенные заболевания могли дать толчок потере памяти.

Зашелестели листы бумаги — лекарка быстро изучала анамнез Денисова. Вскоре, судя по звуку, карта полетела прочь.

— Нет, ничего, что могло послужить предпосылкой. Вообще вполне вписывается в картину тяжелого отравления. Взглянуть бы на токсикологический анализ того, что там горело…

— Так еще ж не присылали… Если вообще пришлют. Мустафин туда Окунева отправил.

— Тогда без шансов. Окунев не болтает и подробностями не делится. Значит, будем лечить по классическому протоколу.

Денисов заерзал на кровати.

— Что это значит? — глухо спросил он. — Я хорошо себя чувствую. Хотите, прямо сейчас поприседаю и пробегусь?

— Еще чего! — шикнула на него лекарка. — Лежите, сударь. Вам положен строгий постельный режим и диетическое питание. А также ряд препаратов для поддержки организма после

процедуры восстановления…

— Как ваши витаминки вернут мне память? — ярился Костик.

— Память, если она не утрачена навсегда, вам вернет лишь время, господин Денисов, — резко оборвала его Иоганна Павловна. — И если вы желаете упустить эту возможность, конечно, давайте, побегайте мне здесь кроссы, подтягивайтесь на карнизах, скачите по коридорам!

— Простите, я…

— Полагаю, вы не до конца понимаете, что случилось, — судя по интонации, лекарка принялась стращать нерадивого пациента. — Из-за своего шила в заднице вы оказались здесь, на больничной койке. Вас принесли без сознания, вы едва не впали в кому — мы чудом успели применить Благодать и вытащить вас. На то, чтобы очистить ваш организм от ядов, ушло несколько часов. Но, судя по всему, вы пробыли в месте пожара слишком долго, и яд повлиял на ваш мозг. Благодарите Господа, что у вас из памяти выпал год жизни. Могли остаться дураком до конца своих дней!

Денисов долго молчал, но, наконец, снова зашуршал на кровати.

— Исчерпывающе и доходчиво. Прошу прощения, Иоганна Павловна. Каковы шансы, что память восстановится?

— Понятия не имею — вот вам мое экспертное заключение. Чтобы это выяснить, нужно соблюдать режим, наблюдать прогресс. Возможно, следует показаться опытному лекарю-менталисту, специализирующемуся на вопросах лечения мозга. Я смогу поделиться нужными контактами. А сейчас, господин Денисов, просто отдыхайте. И спите как можно больше — сон способствует восстановлению.

Лекарка зашагала к двери, и я метнулся к противоположному концу коридора, сделав вид, что скучал в ожидании.

— А с вами что, Соколов? — без предисловий Иоганна Павловна направилась ко мне. — Какие жалобы?

— Усталость, утомляемость, плохой сон.

— И давно?

— С момента поступления в Аудиториум, — улыбнулся я.

Лекарка понимающе усмехнулась.

— Это вы еще до распределения по специализациям не добрались. Вот где начнется ад и Дакия! Ладно, давайте серьезно, Соколов. Вы же вчера тоже были в том пекле?

Я кивнул.

— Да. Но Денисов застрял в самом эпицентре, где как раз горели разные химикаты и реагенты. Мне показалось, что артефакторские.

Дама покачала головой.

— Скверно. Там могло быть что угодно — от безвредных солей до страшных ядов. А некоторые вещества становятся токсичными при нагревании… Вы-то по правде как себя чувствуете?

А вот это был хороший вопрос. Я уже настолько привык к этой постоянной усталости, к напряжению и вечной нервотрепке, что перестал замечать сигналы организма. Тащил все на силовых резервах, а любимой мантрой стала присказка “в гробу отоспимся”.

— Если и отравился, то не сильно, — заверил я. — Так, тошнит немного, аппетит пропал. Ну и устал я как собака — конец аттестации, хвостов набрал. Признаюсь, я не самый старательный ученик.

Иоганна Павловна кивнула на дверь.

— Весьма зря, Соколов. Если то, что я о вас слышала, является правдой, вам нужно особенно тщательно налегать на обучение. И дело здесь не в силе, которую должно обуздать, а в защите окружающих от нее.

Неужели и до нее дошли какие-то слухи? Впрочем, эта дама не выглядела напуганной. Если честно, я сомневался, что на свете вообще существовало что-нибудь способное ее напугать. Вид у нее был уж больно характерный для врачей, что прошли через очень многое.

— Зайдите-ка все же ко мне. Осмотрю на всякий случай. Бог знает, что там горело. Лучше перестраховаться.

Я взглянул на часы. Почти девять. Черт.

— У меня пара через четверть часа. Управимся?

— А то, — Иоганна Павловна улыбнулась, и вокруг ее глаз собрались паутинки морщинок. Она распахнула передо мной дверь и поторопила. — К черту этикет и формальности. Заходи, студент.

В кабинете царила аскеза. Чисто, как в операционной. На письменном столе все было разложено строго по порядку — ни одной лишней детали. Возле окна из-за ширмы выглядывала идеально застеленная белой простыней кушетка — видимо, то была смотровая часть.

А на стенах я увидел строгие рамки с дипломами и наградами и письмами. Иоганна Павловна Бюлер, оказывается, была отмечена особой императорской благодарностью за спасательную миссию в Дакии.

Военный лекарь. Интересно. И правда, должна была пройти через ад, особенно если работала в период, когда там поднялось Второе восстание.

— Прошу, — Бюлер взмахнула рукой в сторону ширмы.

— Так раздеваться-то не надо…

— Нет уж, давайте по протоколу, ваше сиятельство. Марш за ширму. Раздеваемся до трусов. Носки можно оставить.

Я тяжело вздохнул и зашел за ширму. Быстро скинув одежду, я махнул Бюлер:

— Готов.

Как выяснилось, диагностика с использованием Благодати могла быть более чем тщательной. Нас еще не учили таким приемчикам, но лекарка умудрилась ощупать меня всего, ни разу не прикоснувшись к телу. При этом мои ощущения были вполне реальными, словно она пядь за пядью исследовала каждую мышцу и кожные покровы.

А потом я ощутил на себе примерно то же, что больные гастритом выносят на процедуре ФГДС. Только, опять же, Бюлер проделывала все это без прикосновений. А вот ощущения были так себе. Словно мне в рожу вцепился лицехват и пытался превратить меня в Чужого.

— Кхе… Хрр… Тьфу ты! — Отплевывался я, когда экзекуция прекратилась. — Предупреждать же надо, Иоганна Павловна!

— Прошу прощения, — без тени раскаяния улыбнулась дама. — Нужно было обследовать желудочно-кишечный тракт. Там могли остаться следы токсинов.

— Надеюсь, в простате яд не мог отложиться? — съязвил я.

Бюлер едко улыбнулась.

— А что, она вас беспокоит? В столь юном возрасте это может означать большие проблемы. Полагаю, нужно все же осмотреть…

— Я ПОШУТИЛ!!!

Бюлер с каменным лицом отошла к письменному столу.

— Одевайтесь, Соколов.

— Каков вердикт? — быстро напяливая форму, спросил я.

— Хвала небесам, вам досталось значительно меньше, нежели Денисову. Полагаю, проблем с памятью быть не должно, — она принялась строчить что-то на небольшом клочке бумаги, затем поставила несколько печатей и протянула мне. — С этим рецептом подойдите после обеда в Аптеку. Она располагается на первом этаже лекарского корпуса. Вам выдадут нужные лекарства для поддержания организма.

— А без них никак?

Бюлер подняла на меня усталые глаза.

— Соколов, вы в рубашке родились, не иначе. Ваша сила не только поддерживает вас, но и мешает. Чтобы непрерывно держать ее под контролем, нужно постоянно тратить много энергии. А у вас высокий дар и, как я понимаю, проснулся он

недавно. Разумеется, вы будете выматываться. А тело есть сосуд для вашей силы и души, и его нужно беречь. Поэтому пейте таблетки и закрывайте долги по учебе. А на каникулах давите подушку изо всех сил. Это ясно?

— Доходчиво. Благодарю, — я взял рецепт и сунул его во внутренний карман кителя. — А насколько все серьезно у Денисова?

— Пока сложно сказать — у меня мало сведений, чтобы составить полноценное заключение. Но должна отметить, что подобные нарушения памяти — явление не самое оптимистичное. Ваш товарищ серьезно пострадал, хотя и не признает этого. И восстанавливаться ему придется долго.

— Значит, академический отпуск?

— Больничный. Если память вернется хотя бы частично, он сможет вернуться к учебе. Если же нет… Возможны варианты. Все будет зависеть от того, как он будет соображать. В любом случае я буду настаивать на том, чтобы Денисова отправили на каникулы досрочно. Быть может. Понадобится помощь лекаря, специализирующегося на ментальных вопросах. Словом, пока одни “если”. И рада бы вас обнадежить, но нечем.

— Спасибо и на этом. Ребята будут переживать, а так я хоть смогу утолить их любопытство.

— Только не бегайте к нему всей толпой. От этого все равно не будет проку, — Иоганна Павловна взглянула на часы. — А вам, Соколов, следует поторопиться, если не хотите опоздать.

Распрощавшись с Бюлер, я побежал на пару, на ходу застегивая последние пуговицы.

И только я приблизился к дверям Аудитории, как меня догнал ментальный зов Мустафина:

“Жду тебя в кабинете после обеда”.

***

Мустафин запер дверь и мгновенно повесил плотный непроницаемый купол. Я ждал его возле стола и, получив разрешение сесть, расположился в кресле для посетителей.

— Как успехи с поручением? — куратор устроился напротив меня.

— А то вы не знаете.

— Опять изволите огрызаться, ваше сиятельство. Нехорошо.

Я вздохнул и развалился в кресле. Ну вот чего он мне яйца выкручивает, а? Знал же, что раз я пообещал, то сделаю. Знал и про то, что я с ночи и весь день носился по Аудиториуму как ошпаренный, пытаясь получить аттестацию по всем возможным предметам.

Один хвост, к слову, закрыл. По иронии долг висел по “Введению в Артефакторию” — все время болтался в Лабораториуме с Хруцкой, а сам умудрился продолбать две лабораторные и несколько домашек по предмету, который успел неплохо изучить на уровне азов. Причем на практике. Оставалось лишь уговорить преподавателя взглянуть на пару артефактов, которые я, пользуясь случаем, сделал в кабинете Ядьки. И закономерно получил зачет.

— Полагаю, вам уже сообщили о состоянии Денисова, — я подался вперед, неотрывно пялясь в глаза куратору. — И о его восприятии себя.

— Сообщили. Но мне было интересно, когда ты сам меня обрадуешь.

Я всплеснул руками.

— Как видите, радую.

— Сдается мне, кое-кто слегка переусердствовал. Мог просто стереть нужную часть воспоминаний, а не весь год.

— Так вышло. И вам уж точно от этого вреда не будет.

— Это как посмотреть. Если до Денисова доберется толковый менталист, он сможет засечь, что провалы в памяти были рукотворными. А с учетом связей, которыми обладает род Денисовых, уверяю, менталист до твоего дружка доберется. А дальше…

— Ну доберется, и что? — набравшись наглости, я широко улыбнулся. — Он засечет лишь то, что над его памятью кто-то работал. И если этот менталист не из Романовых, то он не сможет понять, чьих рук дело это было.

Мустафин холодно улыбнулся.

— Допустим.

— А дальше просто — Аудиториум зачищал память всем, кто проходил Третье Испытание. Да и после этого могли подтирать нужное. Ментальная защита у Денисова от природы слабая, а после таких воздействий стала и вовсе дырявой. Поэтому любой менталист скажет, что отравление могло лишь ускорить неминуемые проблемы с головой. А дальше их будет заботить лишь то, как заставить Костю пережить минувший год экстерном и вернуться в Аудиториум. И во всех случаях до вас не доберутся. Все, эта ниточка оборвана.

Закончив, я устало обмяк в кресле. Вероятно, Бюлер была права — мне и правда следовало попить таблеточки, что она прописала. Силы словно выливались из меня как из кувшина с дырявым дном. Отдых. Мне нужен был нормальный отдых…

Куратор кивнул и сложил ладони домиком.

— Молодец. В отличие от Денисова, голова у тебя и правда

варит. Это хорошо.

— И что дальше? Ваше поручение я выполнил, причем поизящнее, чем могло получиться в самом крайнем случае. Каков теперь ваш шаг, Савва Ильич?

Мустафин задумчиво меня разглядывал — блуждал глазами по моему лицу, словно пытался прочесть в нем что-то, чего я сам не понимал.

— Поручение выполнено, верно. И меня удовлетворил результат. А дальше, Михаил, все просто — ты ждешь от меня новостей. Если твои деяния впечатлят моего патрона… И если ячейка согласится тебя принять, что ж… Снимем с тебя ошейник. Но ты ведь понимаешь, что, сняв один, тут же наденешь другой?

Ага. И еще неизвестно, какой лучше.

Не многовато ли ошейников на одной шее? Корф, Аудиториум, теперь эти… Как долго я смогу плясать между ними, не раскрывшись? И как далеко смогу уйти, когда это произойдет?

— Понимаю, — тихо отозвался я. — Вы, главное, поводок без шипов выбирайте. А то у жестокого хозяина и собака кусачая.

Мустафин криво усмехнулся.

— Ты мне отчасти нравишься, Соколов. Наглый, дерзишь, ходишь по тонкому льду. Посмотрим, чем ты сможешь быть полезен. И впредь внимательнее выбирай друзей. Впрочем, отныне мы будем внимательнее за тобой приглядывать.

Глава 22

— И снова неверно! — преподаватель швырнул мне исчирканный красными чернилами листок. — Переделывайте, Соколов.

Господи, да что на этот раз неправильно?

Я поймал лист на лету, тяжко вздохнул и углубился в изучение ошибок. Преподаватель Теории применения Благодати откинулся на спинку кресла и окинул скучающим взглядом аудиторию.

— Ну, кто еще готов? — спросил он.

Проштрафившиеся “перваки” все как один поджали хвосты и с подчеркнутым рвением принялись калякать решения задач.

— Нет смельчаков, да? — усмехнулся препод. — Хотя, быть может, вы и правы, что не торопитесь. Соколову, вон, скорость не помогла.

Яков Алексеевич с говорящей фамилией Козловский был своего рода легендой Аудиториума и одной из главных страшилок младшекурсников. Теория применения Благодати сама по себе была предметом нелегким — сплошные формулы, символы, расчеты. А в интерпретации Козловского она становилась и вовсе невыносимой. Лекции он вел нудно, задавал много, а на зачетах и экзаменах драл так, что штаны трещали.

Случалось, что даже круглые отличники выползали от него в слезах и с отметкой “уд” — привет, испорченный выпускной табель с оценками.

Ирка каким-то чудом заработала “хорошо” и была на седьмом небе от счастья. Чтобы охочая до высоких баллов Штофф — и радовалась “четверке”? Это и правда многое говорило о Козловском.

Теперь я попал в жернова его стандартов оценки, и приходилось мне туго. Сперва нужно было получить допуск — сдать все рефераты и доклады, показать переписанный от руки конспект всех лекций, предоставить исчерпывающее объяснение каждому прогулу… И лишь после этого можно было выйти на сдачу.

С отмазками по каждому прогулу помог Мустафин — в кои-то веки от сотрудничества с куратором был толк. С недоделанными рефератами и докладами помогали Ирка и Сперанский — у этих двоих предмет шел хорошо. А вот конспект пришлось строчить самому — собирал заново свои записи, переписывал содержание пропущенных лекций, все подчеркивал по линеечке и уделял особое внимание полям. Требования к оформлению здесь могли

дать прикурить ГОСТу.

— Соколов, вам все ясно по замечаниям? — видимо, заскучавший препод решил поразвлекаться и снова докопался до меня.

На его высокомерной роже играла нахальная улыбка, и у меня чесались кулаки. Так и хотелось врезать! В моей прошлой жизни тоже попадались такие преподы, причем чаще всего они были весьма принципиальными в вопросах взяток. Только честная сдача, только хардкор. Что-то подсказывало, что и Козловскому унижение студентиков было дороже злата.

— Да, все ясно, — кивнул я, пробежавшись глазами по ошибкам. — Разрешите решить заново?

— Извольте. Только на этот раз постарайтесь все же подумать, Соколов.

Вот черт лысый! Ладно, я сам виноват. Не учился как следует до аттестации — расплачивался за это сейчас.

Я принялся переписывать правильные начала формул и сверился с задачами в билете. Так, одна ошибка была исключительно по невнимательности. Принцип выбрал верный, но посчитал неправильно. А вот вторая задача…

Законы, по которым рассчитывалось применение Благодати, имели мало общего с привычными мне физикой и алгеброй. В этом и была сложность для понимания — трудно утрясти в голове то, что не можешь до конца осознать. И даже моя собственная сила здесь не помогала, ибо родовой дар работал по иным законам.

Как же меня раздражал этот предмет! Я уже в третий раз переделывал решение и чуял, что и эта попытка не станет последней. Случалось, Козловский отпускал последних студентов и в два часа ночи…

Один из студентов поднялся и робко направился к столу преподавателя с листком в руках. Козловский кивком указал на стул подле себя и принялся изучать записи. Даже не отрываясь от собственной задачи, я услышал характерный скрип ручки по бумаге.

— Здесь неверно, — проворчал препод. — Вторую даже смотреть не буду. Переделывайте.

Едва не плача, студентик вернулся восвояси. Я же принялся заново рассчитывать конфигурацию поражающей силы взрывного “Колобка” на расстоянии десяти шагов.

И в этот момент дверь аудитории распахнулась.

Мы удивленно повернули головы на звук. Козловский поднялся, готовясь окатить вошедшего тирадой о нарушениях этикета, но захлебнулся словами, лишь едва разглядел гостя.

Войтош ректора Станислав Янович Любомирский озарил аудиторию сдержанной улыбкой.

— Добрый день, господа, — обратился он. — Приношу извинения за внезапное вторжение. Яков Алексеевич, позвольте вас на пару слов.

Козловский слегка побледнел, а на лбу у него выступила испарина. Напрягся? Так тебе и надо, душегуб хренов. На всякого найдется управа.

— Конечно, — препод направился к дверям и шикнул на нас. — А вы работайте! И учтите: списывание вас не спасет!

Не знаю, о чем они с войтошем беседовали в коридоре, но до меня донеслось несколько возмущенных возгласов. И, судя по всему, принадлежали они Козловскому. Еще через минуту двери аудитории снова распахнулись, и внутрь влетел разъяренный препод.

Войтош остался в дверях.

— Соколов! — рыкнул Козловский.

— Я!

— К столу. Покажите, что накарябали.

Я удивленно уставился на недописанную задачу. Первую поправил, а по второй не успел закончить расчет. Только расписал формулы и логику вычислений.

Козловский уже очутился за столом и нервно щелкал авторучкой.

— Ну же, — торопил он. — Шевелитесь.

Ну ладно. Неужто войтош явился по мою душу? Иначе почему сразу Соколов?

Я положил лист перед преподавателем и сел на свободный стул. Козловский пробежался взглядом по первой задаче.

— Здесь верно. Пересчитали корректно. Принимается.

— Вторую я не успел…

— Шшш! Сам разберусь.

Он беззвучно шевелил губами, проговаривая написанные мной формулы.

— Ну наконец-то. Не досчитали, но додумались применить подходящий алгоритм. Ладно, в конце концов вы здесь не арифметику сдаете. Будь это экзамен, поставил бы “четверку” с длиннющим минусом. Но поскольку у нас аттестационный зачет, будем считать, что вы его получили.

С этими словами Козловский вытащил мой зачетный бланк и размашисто расписался в нужной графе.

— Соколов, вы свободны, — сказал он, протянув мне плотный лист с таблицей оценок по предметам. — Вас ожидают в коридоре.

Я слегка поклонился.

— Благодарю, Яков Алексеевич.

“Вон с глаз моих!” — проворчал он у меня в голове. — “Благодарите своих высоких благодетелей. В ином случае черта с два вы бы так легко от меня отделались!”

— С наступающим Рождеством, — сладко улыбнулся я. — И счастливого Нового года!

На это Козловский ничего отвечать не стал. А я вышел в коридор под завистливые взгляды оставшихся студентов.

Любомирский встретил меня дежурной любезной улыбкой.

— Рад встрече, ваше сиятельство, — он плотно закрыл двери аудитории и взмахнул рукой в сторону выхода. — Прошу прощения за то, что помешал вашему зачету, но вопрос неотложный.

— Я должен вас благодарить за счастливое спасение, — с не менее любезной улыбкой ответил я.

Любомирский улыбнулся чуть теплее.

— О, Яков Алексеевич склонен лютовать с младшекурсниками. Раньше даже присказка ходила: “Сдал теорблаг — можешь жениться”.

Я рассмеялся. В моем универе так говорили про сопромат. Забавное совпадение.

— Чем же я обязан вашему визиту, Станислав Янович? — я шел рядом с войтошем, стараясь не отставать. Походка у него была бодрая. — Должен признаться, не ожидал встречи так скоро.

— Мой господин желает вас видеть. Меня прислали сопроводить вас на аудиенцию у его высокопревосходительства.

Вот как. Без приглашений, без предупреждений.

Что-то случилось? Или ректор прознал о моих заигрываниях с Орденом Надежды? Или возникли вопросы по поводу пожара?

Вариантов много.

— Весь в вашем распоряжении, — я слегка склонил голову. — Благо только что я окончательно аттестовался и закрыл все долги.

— Прелестные новости, ваше сиятельство. Поздравляю. Первая аттестация — всегда весьма волнительный период. В таком случае поторопимся. Его высокопревосходительство готов принять вас немедленно.

В конце коридора мы встретились с двумя охранниками, очевидно, служившими личной свитой войтошу. Правда, на этот раз мужики были другие. Понятия не имею, зачем Любомирскому было это воинственное сопровождение, но меня оно не особо напрягало.

Покинув учебный корпус, мы вышли к крытой стеклянной

галерее в административный. Эту часть здания, где сидели большие шишки, я еще не видел. Галерея парила над землей на высоте третьего этажа, и даже пол здесь был стеклянным.

Сперва я шуганулся — показалось, что сейчас упаду.

— Не бойтесь, ваше сиятельство, — улыбнулся войтош. — Это особое закаленное стекло. Даже если вся ваша группа примется здесь прыгать, ни единой трещины не появится на этом полу.

Я осторожно ступил на прозрачную плиту, потихоньку перенес вес — выдержало. Любомирский уверенно ступил на стеклянный пол и продолжил как ни в чем не бывало.

— Смелее, ваше сиятельство. Нас уже ждут.

Сколько еще фокусов и архитектурных решений таил этот Аудиториум? Я немного освоился на стеклянном полу, хотя все равно мне было не по себе. Но галерея вскоре закончилась, и мы оказались в роскошных коридорах Административного корпуса.

— Нам на самый верх.

Коридоры, лестницы, снова коридоры и, наконец, последняя лестница — и мы оказались в приемном холле перед массивными двустворчатыми дверями из резного дуба. На обитом алым бархатом диванчике съежился Ронцов. Увидев меня, парень вскочил.

— Миша! Так тебя тоже…

— Ага.

— Подождите здесь, господа, — распорядился Любомирский. — Я доложу о вас.

Войтош скрылся в кабинете, охранники заняли места по разные стороны дверей, а мы с Ронцовым переглянулись.

“Ты в курсе, зачем мы здесь?” — ментально спросил я.

“Понятия не имею… Сам удивился, когда меня сорвали с трапезы”.

“А меня — с зачета по теорблагу. К чему такая срочность?”

Желай Фрейд хотел что-то разузнать о пожаре в катакомбах, вызвал бы лишь меня. Ну моет попытался бы порыться в голове у Денисова. Но Ронцова там не было, и Серега точно ничего не знал.

Вряд ли дело было и в Ордене Надежды — о Сереге Мустафин лишь упоминал, но, насколько я знал, никто еще не вел с ним работы. Да и характер у Ронцова был несколько нервозный. Он бы точно как-то выдал поведением или словами о том, что его пытаются завербовать.

Тогда что?

“Не знаю, Миш”, — Ронцов и правда выглядел озадаченным. — “Но сейчас выясним”.

Резные двери начали медленно открываться, и перед нами

возникло лицо Любомирского.

— Вас готовы принять, — шепнул он нам. — Аудиенция неформальная, но помните об этикете.

Еще интереснее. Войтош явно на что-то намекал, но на что? Ладно, отступать уже некуда. Сейчас все прояснится.

Любомирский остался снаружи, а мы с Серегой осторожно ступили на роскошный персидский ковер, подходивший к самому порогу. Обстановка здесь была подобающей человеку столь высокого статуса: всюду антикварная мебель, шторы из дорогой ткани ручной работы, на стенах — картины именитых мастеров.

— Проходите, господа, — раздался радушный голос ректора из глубины кабинета. — Не робейте.

Мы прошли дальше, мимо стеллажей и застекленных шкафов с драгоценными фолиантами, и оказались в основной части. Здесь, подле весело пылавшего камина, стоял Владимир Андреевич Долгоруков собственной персоной и какая-то женщина.

— А вот и наши самородки, — широко улыбнулся Фрейд. Видимо, снова решил играть роль доброго дедушки. — Знакомьтесь, милостивейшая государыня, Михаил Соколов и Сергей Ронцов.

Женщина обернулась к нам, и я узнал ее. Даже ни разу не видев ее в жизни, мне хватило лишь одного взгляда на эту даму, чтобы понять, перед кем мы предстали.

Великая княгиня Ксения Константиновна, сестра императора. Я много раз видел ее портреты в Аудиториуме — ведь она была патронессой этого места.

— Ваше Императорское Высочество, — я склонился так низко, как мог.

Ронцов, видимо, тоже сообразив, повторил мой жест.

Великая княгиня усмехнулась.

— Ох, они всегда так робеют, Владимир Андреевич. Словно увидели божество. Прошу, господа, не гните спины. Вас сюда пригласили не для этого.

Мы выпрямились, все еще боясь лишний раз вдохнуть. Ксения Константиновна, чуть покачивая бедрами на высоких каблуках, направилась к нам и протянула мне первому руку в шелковой перчатке. Ну что ж, будем целовать ручки.

— Вот видите, юные господа, я совсем не кусаюсь.

Казалось, наше смущение откровенно ее забавляло. Ну и ладно, с меня не убудет.

Она оказалась старше, чем ее изображали на парадном портрете. Лет сорок пять, а может и старше — полагаю, Романовым были доступны процедуры, позволявшие дольше

сохранить молодость.

Но даже годясь мне в матери, Ксения Константиновна была еще ого-го. Стройную и подтянутую фигуру облегало строгое, но явно дорогущее платье. Светлые волосы Великой княгини были затянуты в пучок. Главными акцентами была брошь с гербом Аудиториума и аккуратные серьги в цветах ее Дома — с черными, желтыми и белыми камнями.

— Такие юные, — улыбнулась Ксения Константиновна и взглянула на ректора. — Владимир Андреевич, я не подвергаю сомнению ваш опыт и квалификацию, но вы уверены, что они справятся?

Мы с Ронцовым снова обменялись удивленными взглядами, но говорить не решились — так не полагалось.

— Я не зря назвал обоих этих молодых людей самородками, — ответил Фрейд. — Их уникальные особенности открылись еще на первом курсе, это верно. И потенциал еще надлежит развить. Самородки всегда надлежит должным образом огранить прежде, чем явить свету. Но, уверяю вас, милостивейшая государыня, эти господа еще смогут вас удивить.

— В этом я не сомневаюсь, — Великая княгиня отошла обратно к камину и отпила из наполовину пустого бокала глоток какой-то темно-синей жидкости. — Что же, юные господа, сперва расскажите о себе. То, что считаете нужным. Начнем с вас… Соколов.

Я немного смутился. С ее влиянием Великой княгине могли предоставить всю подноготную моего рода до десятого колена. Выходит, это была какая-то проверка?

— Михаил Соколов, сын графа Николая Владимировича Соколова, — начал я. — Был средним, но после гибели старшего брата на службе в Дакии стал наследником. Изначально имел десятый ранг Благодати, но после того, как проснулась родовая сила…

— Постойте, Михаил Николаевич, — взмахнула рукой Великая княгиня. — Когда у вас открылся дар родовой силы?

— После гибели старшего брата. В сентябре этого года.

— Занимательно. А у старшего брата, выходит, этого дара не было?

— Именно так, милостивейшая государыня.

— Что ж, полагаю, род счел вас более достойным наследником. Слышала, родовая сила славится своенравностью.

Я не сдержал легкой улыбки.

— Эти слухи правдивы. За мощь приходится расплачиваться постоянным контролем. И есть еще ряд нюансов.

— Также я слышала, что вы уже имели неосторожность

отпустить контроль, — светло-зеленые глаза женщины, казалось, глядели мне прямо в душу. — Ведь именно после этого его высокопревосходительство взял вас на карандаш…

Ах вот оно что. Значит, Фрейд уже успел ей наболтать. Тогда ясно, что здесь делал Ронцов — его дар и правда был уникальным.

— Да, имел место инцидент, — сухо ответил я. — Я стыжусь той ошибки.

— Насколько мне известно, вы защищали свою жизнь и жизни своих друзей, — мягко возразила Великая княгиня. — Почему же вы стыдитесь?

— Потому что я позволил силе стать разрушительной. Опытный одаренный обезвредил бы врага, но оставил бы его в живых и сдал надзирающим органам. Я должен был поступить именно так.

Ксения Константиновна поправила зацепившуюся за прядь волос сережку и кивнула.

— Я услышала достаточно. Благодарю, Михаил Николаевич. Теперь я желаю услышать господина Ронцова.

Серега оторопел. Пришлось даже шикнуть на него ментально, чтобы вышел из ступора. Оно и понятно — Ронцов впервые видел представителя императорской фамилии так близко.

— Сергей… Сергей Андреевич Ронцов, внебрачный сын князя Андрея Семеновича Воронцова…

Великая княгиня поставила бокал на каминную полку и подошла к Сереге.

— Очевидно, вы его любимый бастард, раз он хлопотал о вашем поступлении в Аудиториум. Впрочем, в его положении я бы тоже задумалась над подстраховкой. Ведь на кону такие богатства, а законные наследники не выделяются ни умом, ни здоровьем…

Ронцов рассеянно кивнул.

— Все верно, милостивейшая государыня. Я — запасной вариант.

— Полагаю, князь еще не знает о вашей уникальной особенности?

— Нет… Если только его высокопревосходительство не счел нужным сообщить.

Улыбка Великой княгини стала еще шире. Она взяла ладони Ронцова в свои.

— Я здесь для того, чтобы дать тебе надежду, маленький бастард. И не просто надежду — будущее. Возрадуйся же, юный Ронцов. Твоя последняя единокровная сестра скончалась, — она сжала затянутыми в перчатки пальцами руки парня и обернулась

к нам. — Приветствуйте же будущего князя Воронцова.

Глава 23

Великая княгиня победно улыбнулась.

— Поздравляю, Сергей Андреевич. И, разумеется, примите мои глубочайшие соболезнования по случаю кончины вашей сестры.

Серега моргал и силился что-то сказать, но лишь открывал и закрывал рот, словно вытащенная на воздух рыба.

— Елена… Что ее убило? — наконец выдавил из себя Серега. — Она ведь провела целое лето на целебных водах во Франции…

Ксения Константиновна, не отрывая пальцев от ладоней парня, печально вздохнула.

— Увы, ваша сестра не дождалась своей очереди на исцеление силой Великого Осколка. Мы уже утвердили списки, все было согласовано, даже дату назначили, но… Недуг, что поразил потомство вашего отца, передался по наследству от его законной супруги. Увы, после возвращения вашей сестры в Петрополь болезнь начала прогрессировать слишком быстро. Лекари не ожидали столь резких ухудшений, да еще и пошли осложнения на сердце. Простите, Сергей Андреевич. В этом есть часть нашей вины. Мы не успели передвинуть Елену Андреевну в самый верх списка…

По щеке Сереги скатилась одинокая слеза. Он застыл словно истукан, и даже лицо парня словно окаменело. Только глаза — красивые глаза, доставшиеся от красавицы-актрисы — выдавали всю его боль.

— Лена… Леночка была единственной из них, кто принимал меня за брата, — тихо сказал он, и его голос сорвался. — Она ведь до последнего спрашивала обо мне, иногда даже писала письма. Такие светлые, на надушенной бумаге. И всегда писала что-то доброе, согревающее. Такая чистая душа… Почему? Почему она?

— Господь часто забирает невинных первыми, — Великая княгиня приложила руку новоиспеченного наследника к сердцу. — Но утешьтесь тем, что ныне она среди ангелов.

Серега кивнул, но скорбь явно застелила ему глаза. Он ведь никогда не стремился заполучить отцовские деньги и статус. Наоборот, боялся, что этот момент однажды наступит. Боялся, что не справится с ответственностью, все испортит, промотает состояние и покроет имя отца позором. Ведь его никто не учил управлять имениями, вести дела, выбирать советников и поверенных… Для Ронцова даже Аудиториум был чем-то за

гранью привычного. А тут баснословное состояние старшей ветви рода Воронцовых оказалось всего на расстоянии вытянутой руки.

Кошмар сбылся.

Другой вопрос, почему именно Великая княгиня принесла эти вести? Если уж она снизошла до такой аудиенции, значит, точно имела какой-то личный интерес. Понять бы, какой.

Поняв, что Серега все еще был немного не в себе, дама обменялась многозначительными взглядами с ректором и, взяв парня за руку, подвела его к гостевому креслу.

Сергей послушно опустился на обитые бархатом подушки и рассеянно принял из рук ректора стакан с чем-то янтарным на донышке. Видимо, дедушка Фрейд решил в порядке исключения угостить несовершеннолетнего коньяком. Что ж, новости и правда такие, что без тридцати граммов не разберешься.

— Полагаю, вас объявят наследником на каникулах. Князь еще не делал официальных заявлений, поэтому и я прошу вас держать эти вести в тайне, — мягко говорила Ксения Константиновна, и ее голос действительно звучал как утешительная колыбельная для разрыдавшегося дитя. — Жаль, что столь благая весть пришла об руку с горем. Но, увы, так устроена жизнь. Невозможно получить многое, не попрощавшись с чем-то дорогим сердцу. Увы, вам, Сергей Андреевич, пришлось слишком рано столкнуться с этой суровой истиной.

Ронцов залпом осушил бокал и даже не поморщился. Казалось, он и вовсе не отличил спиртное от воды.

— Понимаю, — глухо отозвался он. — Пусть отец делает все, что посчитает нужным. Я приму любое его решение и готов помочь ему по мере возможностей.

— Вам представится такой шанс на каникулах. Насколько мне известно, его сиятельство проведет Рождество в Петрополе. Готовьтесь к тому, что из Аудиториума вас будут забирать его люди.

Серега кивнул.

— Да-да… Конечно…

Мне казалось, он до конца не понимал смысла происходящего. Даже странно — о сестре Елене он упоминал, но никогда не болтал много. Пытался уберечь ее от сплетен? Думал, она будет стыдиться, если остальные узнают об их общении? Черт его знает. Но сейчас, видя неприкрытое горе Ронцова, я почувствовал, насколько он дорожил этой дружбой.

Великая княгиня обернулась ко мне и кивнула на свободное кресло.

— Михаил Николаевич, прошу, присядьте. Мы подошли ко второй части, ради которой я отчасти сюда и прибыла.

Я опустился в кресло, чувствуя себя неуютно перед возвышавшимися над нами ректором и Романовой. Но высокие чины предпочти стоять, а я помалкивал и делал то, что они хотели.

— Итак, господа, я уже знаю, сколь великолепными и уникальными способностями вы наделены, — сдержанно улыбнулась Ксения Константиновна. — Это, несомненно, большая находка для Аудиториума, патронессой которого я являюсь. Но, как мне думается, вас ожидает куда более яркое будущее, чем одни лишь эксперименты с вашей силой в лабораториях.

Ронцов понемногу приходил в себя — видимо, порция крепенького все же немного его встряхнула. Я же внимательно глядел на Великую княгиню. Чего греха таить — смотреть на нее было приятно. Воплощенные элегантность и величие.

Ректор скромно помалкивал подле камина, предоставив гостье солировать.

— И поскольку я лично заинтересована в ваших успехах, хочу заверить вас, Сергей Андреевич, и вас, Михаил Николаевич, в своем расположении. Вы можете рассчитывать на мое покровительство за пределами Аудиториума, и я готова лично представить вас свету как моих протеже.

Я поперхнулся слюной. Это было неприлично, но слова Романовой и правда удивляли. Объявить во всеуслышание о том, что покровительствуешь бастарду и слабокровке, пусть и с родовой силой — это надо было иметь стальные яйца. Даже представительницу рода Романовых не минуют сплетни. Говорить будут очень тихо, но обязательно будут.

Ксения Константиновна наградила меня снисходительной улыбкой.

— Вас это удивляет, Михаил Николаевич?

— Именно так, милостивейшая государыня. Довольно… смелое заявление.

— Экстравагантные выходки больше присущи моему младшему брату Александру, однако и я всегда отличалась твердостью нрава и творческим подходом, — ответила Великая княгиня. — Впрочем, ваше удивление мне понятно. Вы — наследник рода с почти угасшей Благодатью. Вас не считают ровней даже те, кто узрел возможности вашей родовой силы. Увы, сознание многих аристократов слишком узко. Я же предлагаю вам свою помощь, ибо по-настоящему талантливые и уникальные личности не должны прятаться в тени.

Я кивнул.

— Ваша протекция дорогого стоит, милостивейшая государыня. Это привилегия, заслужить которую очень сложно. И

я хотел бы понимать, почему вы готовы на это пойти. Ведь ничто не дается просто так. Тем более покровительство столь важной персоны.

Ксения Константиновна бросила взгляд на Долгорукова. Ректор пожал плечами с видом “а я же говорил”.

— Его высокопревосходительство предупреждал меня, что вы, Михаил Николаевич, довольно щепетильны во всем, что касается договоренностей. Не будь вы одарены силой, вам была бы прямая дорога в юристы. Там очень ценится внимание к деталям.

Я пропустил легкую колкость мимо ушей. Пусть развлекается за мой счет, мне не жалко. Лишь бы уже наконец выложила, какого рожна ей от нас с Серегой понадобилось.

— Хорошо, господа, — кивнула женщина. — Буду с вами предельно откровенной. Полагаю, вы были свидетелями того, что устроили революционеры из “Ордена Надежды” на Смотре? А семья Михаила Николаевича и вовсе пострадала от их действий на собственной земле.

Серега рассеянно кивнул и с сожалением взглянул на пустой бокал.

— Да, жуткие зверства, — ответил он.

— Но зверства, совершаемые под удобными лозунгами, — добавила Великая княгиня. — Весьма соблазнительными лозунгами. Ведь согласитесь, как заманчиво для простого человека звучит обещание одарить Благодатью всех способных и достойных простолюдинов. Сколь многие желают стереть границы между одаренной могуществом аристократией и простыми подданными…

— Должен сказать, не всегда они так уж и неправы, — вмешался я. — Увы, далеко не все представители нашего сословия ведут себя подобающе. Там, где должно показывать пример благочестия и милосердия, защищать и оберегать, некоторые аристократы идут вразнос. Плюют на законы и делают все, что захотят, будучи уверенными, что их статус позволит все спустить им с рук. При всем неприятии методов террора я не могу сказать, что конфликт назрел на пустом месте.

Великая княгиня удивленно приподняла бровь.

— Интересные речи вылетают из вашего рта, Михаил Николаевич.

— Я не сказал ничего противозаконного. Меня тоже заботит то, какими нас видят простолюдины. Я убежден, что в одаренных они должны видеть опору и защитников, а не угрозу. И до тех пор, пока они не начнут нам доверять, революционеры, террористы и прочие ордена никуда не денутся.

Ректор нахмурился.

— Опасно, Соколов.

— Почему же? — улыбнулась Романова. — Пусть юноша говорит. Я скорее предпочту услышать мнение такого человека, нежели прочитать очередной вылизанный отчет своей команды исследователей общественного мнения. В словах таких, как Соколов, гораздо больше смысла. Продолжайте, Михаил Николаевич.

— Да я, собственно, основную мысль и выразил, милостивейшая государыня. Считаю, что не кнутом их надо пороть и не гайки закручивать. А дать людям понять, в чем заключается наша ценность для них. И почему именно мы, а не сферический Вася Пупкин в вакууме должен обладать Благодатью. Как только они осознают эту ценность, поймут, почему в нас нуждаются — придет почет и уважение. Но это, конечно, самый сложный и долгий путь. Сажать революционеров в Шлиссельбург и делать из них героев народа, конечно, куда проще и дешевле.

Я и сам не заметил, как меня понесло. Видит бог, не собирался я оперировать такими формулировками, но язык молол быстрее, чем варила голова. Долгоруков спрятал лицо в фэйспалме, Серега окончательно очухался и глядел на меня с суеверным ужасом.

Лишь Ксения Константиновна внимала мне с неподдельным интересом. На ее лице не было ни возмущения, ни гнева, ни презрения. Либо она великолепно владела собой, либо и правда восприняла мою болтовню всерьез.

— Вы гораздо занимательнее, чем кажетесь на первый взгляд, Михаил Николаевич, — сказала она, когда я оборвал свою тираду и судорожно вздохнул, осознав, что сейчас наговорил как минимум на одно дисциплинарное взыскание. — Не тревожьтесь, я никому не выдам ваших убеждений. Да и, если быть полностью откровенной, я сама во многом с вами согласна. Однако, увы, я не являюсь советником императора в вопросах социальной политики. Пока что меня не слышат. Надеюсь, со временем это изменится. Все, чего я желаю — успеть переубедить правительство до того, как всех нас поднимут на вилы.

— Но как мы сможем вам в этом помочь? — робко спросил Серега. — Милостивейшая государыня, мы ведь просто…

— Бессмертный будущий князь Воронцов и граф, родовая сила которого способна конкурировать с моей Благодатью? — усмехнулась женщина. — Вы, дорогие мои, через несколько лет станете элитой нашего сословия. При умелом наставничестве, покровительстве нужных людей и стечении определенных обстоятельств. И я очень хочу видеть вас на своей стороне, если

идеи революционеров окажутся чрезмерно популярны.

Серега хлопал длиннющими, почти девчачьими ресницами, пытаясь уложить в голове сказанное Романовой.

— Значит, вы рассматриваете нас как защитников своего Дома? — спросил он. — Выходит, вы готовы помочь нам сейчас, чтобы потом, если обстановка накалится, мы пришли на помощь вам?

Что-то подсказывало мне, что дело было несколько серьезнее. Вот хоть убей, но не думал я, что даме, черпающей силу от Великого Осколка, понадобится защита таких ребят, как мы с Ронцовым. Нет, из нас действительно можно было слепить телохранителей, но это как забивать гвозди микроскопом. Какие еще сюрпризы таила мутация Ронцова, я не знал, но о себе точно мог говорить, что моя родовая сила была способна на большее.

Правда, лишь в том случае, если я выпутаюсь из этой детективно-раздведовательной истории живым.

— Примерно так, Сергей Андреевич, — ответила Великая княгиня. — Однако я склонна рассматривать вопрос несколько глубже. Вы оба можете обрести большой авторитет среди аристократии — ваши связи, деяния и репутация заставят зазнаек вас уважать. Но в то же время вы останетесь теми, кого презирали и не считали ровней.

— Предполагаете, что простолюдины почувствуют к нам симпатию? — ухмыльнулся я. — Дескать, мы были изгоями, а затем вознеслись благодаря истинному таланту?

Ксения Константиновна пожала точеными плечами.

— Почему нет? Если государь станет отмечать таких, как вы, и народ увидит, что правители медленно поворачиваются к нему лицом. Это, как вы верно подметили, долгий процесс. Но всякую реформу следует начинать постепенно. Методы Петра Алексеевича Первого сейчас, боюсь, неуместны.

Ну что ж, становилось немного яснее. Значит, мы с Серегой — просто подходящие кандидатуры для демонстративной пиар-акции императорского дома. Если подумать, мы и правда вписывались в эту концепцию как нельзя лучше: один — ублюдок, второй — слабокровка, получивший дар за заслуги рода.

Они ведь непременно раструбят, что родовая сила такой мощи открывается лишь у тех семей, кто вел праведную жизнь на благо рода. И это само по себе будет характеризовать меня как славного парня. И то, что я добьюсь влияния даже без Осколка, может кое-кого вдохновить. Ну а Серега станет символом надежды для простолюдинов. Полукровка, получивший уникальный дар именно из-за подобной связи — что может быть лучше?

Да, на какое-то время людям этого хватит. Но за подобной демонстрацией непременно должно последовать послабление в драконовских законах. Иначе радоваться Ксении Константиновне долго не придется…

К слову, сдавалось мне, что император не был особо в курсе затеи своей деятельной сестрицы. Неужели с нашей помощью она намеревалась вынудить венценосного брата обратить внимание и начать уже чесаться в этом направлении? Если так, то проект был более чем рискованным. Знавала история императорских сестриц, изолированных в монастырях за излишнее вольнодумство и неуместные амбиции.

Хотя что я терял? Или что терял Серега?

Ничего.

— Разрешите вопрос, милостивейшая государыня? — Я подался вперед и без стеснения взглянул женщине прямо в глаза.

Великая княгиня слегка выгнула тонкую бровь и благосклонно кивнула.

— Утоляйте любопытство, ваше сиятельство.

— Почему вы считаете, что обстановка накалится? Верно ли я понимаю, что у вас есть основания опасаться новых акций и бунтов?

— Боюсь, это так. До меня доходят тревожные сведения, — Великая княгиня нервно побарабанила пальцами по каминной полке. — Тайное отделение давно бегает за таинственным могущественным организатором сего террористического безобразия. Увы, безуспешно. Судя по их предыдущим деяниям, каждая новая акция обещает быть более масштабной. Они громко начали и вряд ли остановятся. И то, что революционеры сейчас затаились, заставляет меня полагать, что они лишь копят силы для следующего удара. Отчасти поэтому был отменен Рождественский был в Аудиториуме — мы хотели избежать рисков и новых жертв. А ведь к Аудитоиуму революционеры питают особую слабость… Поэтому да, Михаил Николаевич, у меня есть все основания полагать, что дальше станет только хуже.

Ксения Константиновна заломила руки. Этот жест показался мне несколько театральным, но, быть может, она и правда принимала ситуацию слишком близко к сердцу. В конце концов, все это создавало угрозу и ее семье, и власти, которой обладали Романовы. А если на фоне этих волнений некоторые роды вспомнят, что являются более древними, более богатыми или могущественными… Что ж, тогда нас и правда не ждет ничего хорошего.

— Итак, юные господа, — Ксения Константиновна подошла к нам с Ронцовым и протянула каждому руку. — Я предлагаю вам

свою дружбу и поддержку на всех уровнях. Но и взамен прошу немало. Будет сложно, особенно в самом начале. С вами будут говорить сквозь зубы, от вас будут воротить нос. Придется хорошенько поработать, чтобы утереть эти носы. Но когда у нас все получится… Вы станете новым лицом имперской аристократии. Вы согласны пройти со мной этот путь?

Глава 24

Серега кивнул первым.

— Да, милостивейшая государыня, — он прикоснулся губами к ее руке. — Я с радостью приму вашу протекцию и помогу вам в задуманном деле.

Что ж, ничего удивительного, что Ронцов так легко на это пошел. Все же мы, Соколовы, никогда не играли на первых ролях — жили себе преспокойно, занимались делами, изредка попадали в Сенат и ко двору.

А вот князья Воронцовы уже не одну сотню лет ярко блистали на придворном небосводе. Куда ярче, чем мы. И Серега это понимал. Ему как никогда потребуется поддержка Романовой, едва он сможет выходить в свет.

Впрочем, я тоже толком ничего не терял от этого сотрудничества. Разве что оно предполагало некоторого рода публичность, а я не особо любил светить лицом. Хотя уже и так прославился своими выходками на весь Аудиториум, так что пора уже и привыкнуть.

Значит, добро.

— Я принимаю вашу протекцию, Ксения Константиновна, — я вторил Сереге и тоже поцеловал ее руку. — Взамен обещаю помочь вам в достижении ваших благих целей.

Великая княгиня слегка улыбнулась, услышав мои последние слова.

— А если я попрошу вас принять участие в неблагом деле?

— То вам следует учитывать, что Род либо не позволит мне это сделать, либо после выполнения такой просьбы я ослабну, — ответил я. — Родовая сила накладывает свои ограничения — я не могу использовать ее в деяниях, что могут навредить будущему моей семьи. И это, боюсь, никак не обойти.

— Что ж, я непременно учту это занимательное обстоятельство, Михаил Николаевич. Итак, господа, договоренность состоялась. Поздравляю всех нас.

Ронцов удивленно моргнул.

— Как? Не будет освящения клятвы Благодатью? Должен же быть договор, клятвы и прочее…

Ксения Константиновна понимающе улыбнулась.

— Этим я и отличаюсь от многих коллег. Я старомодна. Мне не нужно вешать ошейники, чтобы заручиться вашей преданностью. Я верю в силу дворянского слова, порядочность и благородство. Мне достаточно того, что вы дали обещание. Со своей стороны я также обещаю выполнить договор. И если в

нужный момент не получу вашей благодарности и помощи… Что ж, вы лишитесь моей протекции. А что за этим последует, можете нафантазировать самостоятельно.

Я тихо хмыкнул. Справедливо. Великая княгиня — птица слишком высокого полета. Захочет испортить жизнь — справится без Благодати. Несколько слов, сказанных нужным людям — и вот перед тобой закрываются двери, перестают приходить долгожданные письма и приглашения…

Соколовы прекрасно знали, как это бывает. Слишком хорошо знали.

Ректор, все это время безмолвно наблюдавший за этой сценой, деликатно кашлянул. Женщина обернулась к нему с теплой улыбкой.

— Я не забыла, Владимир Андреевич, — она снова обернулась к нам. — И раз уж я добралась до Аудиториума, то не смогу отказать себе во встрече со студентами. По случаю грядущего Рождества я запланировала небольшой сюрприз для учеников нашего великого заведения. За ужином вам объявят о том, что в Бальном зале для вас кое-что подготовлено. Увы, я не могла позволить попечительскому совету рисковать с организацией бала, но лишать юных и порядком уставших от учебы людей заслуженного отдыха тоже считаю жестокостью. И я надеюсь увидеть в Бальном зале и вас, юные господа. Приводите друзей. Будет весело.

Великая княгиня заговорщически нам подмигнула и внезапно сделалась такой… человечной, близкой. Не знаю, как этой женщине удавалось мгновенно менять атмосферу вокруг себя. Она то источала недосягаемый класс, элегантность и царственность, то вдруг резко излучала почти материнскую заботу, тепло и казалась такой родной…

Да и вообще Ксении Константиновне был присущ некий неуловимый магнетизм. Не тот парижский шарм, что воспевают в кино, не яркая красота, а, скорее, особое обаяние. Вроде бы и говорила она довольно просто, и держалась без высокомерия, но ни на секунду не позволяла забыть, кто здесь был выше всех. И ее хотелось слушать, ловить каждое слово.

Странное ощущение. Мне пришлось даже тряхнуть головой, чтобы немного прийти в себя и подумать о чем-то, кроме этой примечательной во всех отношениях женщиной.

— А сейчас вы свободны, — добавил ректор. — Как раз успеете привести себя в порядок к ужину.

Мы с Ронцовым быстро поняли намек. Оба одновременно поднялись и, откланявшись, попятились к выходу. Ксения Константиновна напоследок наградила нас чарующей улыбкой и

пригубила свой странный синеватый напиток.

Едва двери закрылись за нами, мы с Серегой оба привалились спинами к стене — ноги перестали нас держать.

“Это точно не сон?” — спросил Ронцов ментально, лишь мельком взглянув на вытянувшуюся по струнке охрану.

“Нет, Серег. Не сон”.

“Даже не знаю, радоваться ли или плакать”.

“Ну, слезы тут точно никак не помогут. Хотя твою сестру, конечно, жаль”.

“Ладно, прорвемся”, — Ронцов первым отлип от стены и шагнул вперед по коридору.

Любомирского нигде не было видно, но мы бы и сами смогли найти дорогу. Я задержался у прохладной твердой поверхности на пару мгновений, поморщился, ощутив, что вся спина промокла от холодного пота — все же струхнул я знатно.

Теперь в моем веселом многоугольнике связей и долгов появилась еще одна острая грань.

***

Сперанский в очередной раз посмотрелся в одно из зеркал и поправил ремень парадной формы.

— Да красавчик, красавчик, расслабься уже, — усмехнулась Ирка. — Все девчонки твои.

— Ага, если бы, — проворчал лекарь.

Объявление о загадочной вечеринке застигло студентов врасплох во время трапезы. Нам дали час на подготовку — нужно было почистить парадные кители, намарафетиться и нагуталинить туфли. Девчонки даже успели накрутить локоны.

— Интересно, что там будет? — гадал Малыш, возвышаясь над нашими одногруппниками. — Что-то как-то все внезапно. Совсем не в духе Аудиториума.

Грасс усмехнулась, обнажив ровные зубы. Они резко контрастировали с ее темной помадой. Королева готов в этот раз разошлась по полной — и даже надела юбку неуставной длины. Если это вообще можно было назвать юбкой — скорее, очень широким поясом, едва прикрывавшим ее зад.

— Да что угодно может быть, — отозвалась байкерша. — Может решили напоследок выделить отличников. Может сделают какое-то важное объявление. Ну или просто поздравят с наступающими праздниками.

Мы с Ронцовым переглянулись. Ребятам мы ничего не рассказали о встрече с Великой княгиней. Решили, что афишировать ее протекцию пока рановато. Да и ребятам хотелось сделать сюрприз — сдавалось мне, что патронесса Аудиториума

точно не обделит любимых студентиков весельем. А вот каким оно будет…

— Господа обучающиеся, внимание! — прогремел усиленный эхом огромного холла голос распорядителя. Галдеж понемногу стих, и голос продолжил. — Просьба входить учебными группами. Первыми идут первокурсники!

Самый большой зал Аудиториума, который студенты между собой называли “Бассейном” за вытянутую форму и сине-белую цветовую гамму убранства, распахнул перед нами двери. Вернее, их хотелось назвать воротами — до того огромными они были.

— Малыш, видишь что-нибудь? — Коля вставал на цыпочки, но никак не мог разглядеть, что творилось впереди. Я даже не стал пытаться — просто крепче держал руку Ирэн, чтобы не потеряться в возможной давке.

— Да черт его знает, — ухнул Рахманинов, крутя головой. — Вроде дыма какого-то напустили. Или облака… Ничего не разобрать.

Первые группы вошли внутрь, и наконец очередь дошла до нашей, самой маленькой на курсе. После гибели Княжичей и Афанасьева, да еще и вынужденного больничного Денисова нас осталось совсем мало. Только преподы радовались — теперь можно было уделять больше внимания каждому студенту. Чем они вовсю и пользовались.

— Ох ты ж боже мой! — воскликнула Ирэн, когда мы шагнули на синюю ковровую дорожку. — Какая красота!

— Это все точно настоящее? — Шедшая позади нас Грасс оглядывала пространство с нескрываемым скепсисом.

Здесь было чему удивиться и восхититься. Весь “Бассейн” превратили в настоящий зимний сад — не те оранжереи, что устраивали богатеи в своих домах, а настоящий сад, только окутанный снегом.

Все здесь выглядело волшебно — даже я засмотрелся. По обеим сторонам от ковровой дорожки выросли синие канадские ели, тут же рядом с ними цвели белоснежными хлопьями яблони, нежные розовые цветы вишни робко выглядывали из-за зеленеющих веток. А за ними, чуть дальше, благоухали лиловая сирень и жасмин.

Каждое дерево было украшено чем-то искристым — ветви сверкали яркими всполохами, словно были усыпаны блестками. А сверху на нас падал снег. Вот почему Малыш не смог ничего разглядеть — снежинок было так много, и они кружились в танце, погружая зал в сверкающий туман.

Температура здесь держалась комнатная, но лежавший на полу и ветвях елей снег не таял. Неужели все это было сотворено

при помощи Благодати? И на какой специальности учат таким фокусам?

Ирка заложила локон за ухо и жадно разглядывала убранство.

— Боже мой, какая прелесть…

— Это ментальная работа или еще что-то?

— Это — самая сложная форма иллюзии, — восхищенно говорила моя подруга. — Многослойная динамическая трансляция — ее увидит всякий, кто обладает зрением. Это невероятно, просто запредельно сложно. И требует огромной силы. Меньше, чем со вторым рангом, нечего и пытаться…

Значит, вот какой сюрприз приготовила для нас Великая княгиня. Что ж, с ее возможностями и близостью к Великому Осколку и правда можно не заморачиваться на подготовку убранства мероприятия. Навел такую иллюзию — и все выпали в осадок.

Мы прошли дальше, и перед нами раскинулись ряды столов с вполне неиллюзорными лакомствами: маленькие тарталетки с икрой, канапе и бутербродики с различными деликатесами, салаты в малюсеньких, на зубок, корзиночках из теста… И бокалы с шампанским — в честь праздника нам разрешалось немного игристого.

Я подхватил два бокала и протянул один Ирке. Она с улыбкой приняла его и взяла меня под руку.

— Как красиво и романтично… Не думала, что для нас устроят что-то подобное.

Интересно, а у меня получилось бы навести подобную иллюзию наяву? Вроде ранг позволял, но я до конца не понимал порядка действий — все же искусству ментальных практик нас пока учили лишь поверхностно. Да и не факт, что Род даст силу на такие игрушки. Но попытаться стоило. Хотя бы ради того, чтобы еще раз увидеть, как загорелись глаза Ирины.

Пока остальные студенты потихоньку заходили и рассредотачивались по “Бассейну”, мы медленно прогуливались меж цветущих деревьев. Казалось, даже зал стал больше. Студентов было много, не менее пяти сотен, но никто не толкался, и среди этих волшебных зарослей даже можно было затеряться.

Ирэн поставила пустой бокал на столик и внимательно на меня уставилась.

— Ты помнишь о своем обещании?

— Про Новый год? Да, мы с Олей приедем. Я написал ей и дал команду готовиться к поездке в Лебяжье. А Сперанские все будут?

— Обещали. Я очень соскучилась по Боре и Поле. Так что нас там прилично наберется. Скучать не будем.

Я кивнул.

— Жаль, с Матильдой не свидимся.

— Это да… Я так жду летних каникул, чтобы поехать к ней в Букурешт. Если получится… — Ира робко подняла на меня глаза. — Ты поедешь со мной?

Я улыбнулся. Ирка всегда очаровательно краснела, когда дело доходило до выражения чувств. Внешне вся такая неприступная и сосредоточенная на деле, а копнешь глубже и увидишь мягкую натуру с нежным сердцем.

— Конечно, я хочу поехать, Ир. Только не знаю, как на это отреагирует твоя тетушка. Все же если мы поедем парой и без сопровождения… Могут возникнуть разные неловкости.

Подруга лишь отмахнулась.

— Разберемся. Главное — я получила твое согласие, — она приобняла меня, и мы отошли под сень цветущей яблони. — Мне очень не хватает наших осенних прогулок. Там, в Лебяжьем, не было лишних глаз и ушей, можно было спокойно… Ну, ты понял.

Для меня воспоминания о подготовке сейчас казались такими давними. С тех пор случилось столько всего, что, казалось, и прошлая жизнь была лишь сном. Но Ира была права — я на самом деле тоже скучал по размеренности и спокойствию Лебяжьего. По его понятному режиму, несгибаемому дворецкому Василию и веселому смеху тройняшек Сперанских.

Было бы здорово вернуться в это прошлое на каникулах.

— Пойдем танцевать! — Ирка потянула меня в центр зала, где, поднимая с пола искристый снег, кружились пары.

— Ты же знаешь, я в этом плох.

— Не зря же я тебя учила, — подначивала подруга. — Давай, Миш. Хуже, чем было в самом начале, точно не спляшешь.

Ладно, пусть это будет ее праздник. Ирэн так искренне радовалась этой внезапной вечеринке, что я не решился ей возражать. Пусть хотя бы сейчас насладится всей этой красотой.

Кружа ее в вальсе, я то и дело поглядывал по сторонам. В какой-то момент мне показалось, что я заметил знакомую фигуру Великой княгини на верхней галерее. Женщина наблюдала за празднеством сверху, как хозяйка торжества ждет подходящего момента для эффектного появления.

Но она так и не предстала перед нами — предпочла остаться в тени и наблюдать за радостью своих подопечных на расстоянии.

Отплясав с Ириной три танца, я слегка выдохся и направился к столу, где еще оставалось шампанское.

— Позволишь украсть твою даму?

Я обернулся и столкнулся лицом к лицу с Колей. Сперанский выглядел смущенным. Я бросил вопросительный взгляд на Ирку.

— Если дама не против, то благословляю вас на пляску.

Ирэн звонко расхохоталась, отпила из моего бокала пару глотков и с готовностью протянула руку Сперанскому.

— Ну давай, покажи, чему тебя учили гувернеры!

Они присоединились к танцующим, а я наконец-то смог перевести дух. Закинув в себя пару тарталеток и какие-то бутербродики на шпажках, оглянулся по сторонам в поисках более тихого места. Музыка лилась отовсюду — видимо, это тоже была тонкая иллюзия, но мне хотелось тишины.

Возле дверей я заметил распорядителя.

— Прошу прощения, — обратился я. — Дозволено ли выходить и возвращаться из зала?

— Разумеется, — благосклонно кивнул мужчина. — Перекуры и дела уборные никуда не денутся.

— Благодарю.

Едва я вышел в коридор, мне в глаза ударил яркий свет электрических ламп. В зале освещение приглушили, создав атмосферу волшебной ночи, и мои глаза отвыкли. Я зашипел и проморгался несколько секунд.

Мимо меня пролетело что-то темное и лохматое — и лишь по длине юбки я понял, что эта была Грасс. Она, казалось, совсем меня не заметила, но резко остановилась, глядя куда-то поверх голов вышедших передохнуть студентов. Лицо у нее было хмурое, если не сказать печальное. Вроде тушь потекла…

Так-так. Кто обидел нашу будущую психометристку?

Я тихо подошел к ней и осторожно тронул за плечо.

— Все в порядке?

Грасс вздрогнула и резко обернулась. Ее лицо смягчилось, когда она узнала меня, но на улыбку девушка не расщедрилась.

— Не совсем, — сухо ответила она.

— Помочь могу?

Она отвела глаза.

— Не знаю.

— Ты курить? — предположил я.

— Ага.

— Пойдем, с тобой постою. Заодно успокоишься и расскажешь, кто тебя взбесил.

— Не взбесил. Расстроил. Но давай, идем на черную лестницу. Там “старшаки” курят. Лень на крыльцо выходить.

Вообще-то за курение в здании нас гоняли и наказывали. Но Грасс на такие условности плевала с высокой колокольни.

Она провела меня в самый конец коридора, попетляла по

проходам и свернула к выходу на лестницу. Едва мы открыли дверь, на нас повалил дым — старшекурсники успели накурить так, что можно было топор повесить.

Анька отточенным движением достала сигарету и прикурила от зажигалки.

— Ну так что стряслось? — спросил я, прислонившись к лестничным перилам. — Кто расстроил-то?

Байкерша выдохнула тонкую струйку дыма и печально усмехнулась.

— Малыш. Ты же знаешь, что у нас с ним довольно близкие отношения?

— Ага. Но их характер для меня до сих пор загадка.

— Ну сначала он просто взял надо мной шефство. Я ему сестру напомнила. А у него прямо инстинкт — защищать все, что меньше и физически слабее его.

— То есть любую девчонку и Ронцова, — рассмеялся я.

Анька вымученно улыбнулась.

— Вроде того. Но на мне его что-то конкретно так переклинило. Сперва у нас и правда были братско-сестринские отношения. Помочь там, поболтать, поддержать. Ну, дружба, короче. Но в который раз я убеждаюсь, что дружбы между мужчиной и женщиной быть не может.

— Ну ты как-то слишком категорично говоришь. Мы с Ядькой, вон, вполне спокойно дружим.

Анька выгнула бровь.

— А теперь скажи мне, если бы Штофф не было, вы бы с Ядькой тоже ограничились только дружбой? Ты видел, как эта рыжая полька на тебя смотрит?

— Ядвига — вообще девушка странная. Я ее интересую как объект изучения. Другой вопрос, что Ядьку заводит наука… Так что нет, это плохой пример. Да и с тобой мы, вон, как-никак, а подружились. И вроде никто ни к кому клинья не подбивает.

Грасс потушила сигарету, спрятала окурок в карманную пепельницу и тут же потянулась к пачке.

— Так что с Малышом-то в итоге?

— Ну что-что? Признался он мне в чувствах, а мне все это сейчас до… Ну, ты понял. Ты же знаешь мою историю. А с Малышом либо серьезно, либо никак. Не хочу я перед ним хвостом крутить. Поразвлекаться без обязательств хочется, но Малыш… Ты же его знаешь. Слишком он добрый и простой, он же привяжется, будет ходить за мной как теленок. В общем, отказала я ему.

Ох блин. И старался я всеми силами отвертеться от всех этих отношенческих разборок, но не вышло. Теперь вот работал

внештатным психологом.

— И как он воспринял? — спросил я, помогая Грасс прикурить.

— Нормально. Я ему объяснила, он понял. Расстроился, но без трагедий. А вот я теперь себя последней сволочью чувствую. Он ко мне со всей душой, а я…

— А ты опять отталкиваешь людей, которым нравишься, — улыбнулся я. — Как меня отталкивала, когда я предлагал помощь. Как Ирку посылаешь, когда она пытается тебе помочь…

— Знаю, — тихо отозвалась Аня. Так тихо, что болтовня куривших на пролет ниже старшекурсников почти заглушила ее голос. — Но бороться с этим трудно.

— А надо. Нельзя всю жизнь никого к себе не подпускать. Человеку нужен человек. И надо разрешить себе ошибаться, потому что ошибки будут. И это нормально. Люди делают друг другу больно, так бывает. Но эта боль — ничто по сравнению с тем, когда ты находишь человека, которому можешь доверять.

Аня слушала меня молча — сморгнула слезинки, и растекшаяся тушь прочертила темную дорожку на ее щеке. Она выдохнула дым и, не докурив, затушила сигарету.

— А тебе я могу доверять? — тихо спросила она, приближаясь ко мне вплотную.

— Наверное. Зла я тебе точно не желаю и предавать тебя не намерен.

Она подошла совсем близко — мне в нос ударил тяжелый восточный аромат ее духов, смешанный с табаком. Аня смотрела мне прямо в глаза, и я не мог понять, что именно она задумала. Я задержал дыхание, когда она прикоснулась пальцем к моим губам.

— Тогда, быть может, ты и правда сможешь меня понять…

Не успел я даже моргнуть, как она впилась своими губами в мои. Я инстинктивно отпрянул, но лишь треснулся спиной о перила — позади меня была пустота лестничной шахты. Грасс обвила мою шею руками, и я с трудом от нее оторвался.

— Ань, Аня, погоди. Ты мне нравишься, но…

— Молчал бы ты, Соколов, — улыбнулась она и снова устремилась ко мне.

И в этот момент я услышал звон разбивающегося стекла. Мы с Грасс одновременно повернулись к двери.

У входа стояла Ирэн. Под ее ногами поблескивали осколки бокала и шипела растекавшаяся лужа шампанского.

Глава 25

— Ира!

В широко распахнутых глазах девушки стояли слезы. Дрожащей рукой она смахнула их, а затем… Молча, ни слова не сказав, развернулась и медленно вышла в коридор.

Я дернулся, но Грасс схватила меня за рукав.

— Спокойно, Соколов. Сперва подумай, что ей скажешь.

Анька не улыбалась, но в ее глазах плясали черти. Уж не по ее ли наводке Ирка здесь появилась? Иначе как она смогла так быстро меня отыскать, да еще и в курилке?

— Твоя работа? — Я резко развернулся к Грасс и сам не понял, как схватил ее за горло.

Байкерша криво улыбнулась.

— Желай я вашего расставания, сделал бы все куда тоньше, — прохрипела она. — И из солидарности уж точно постаралась бы сделать так, чтобы Штофф сильно не страдала. Руки убери, иначе сейчас полетишь с лестницы.

Что-то острое уткнулось мне в живот. Я бросил взгляд вниз — что-то тонкое и металлическое вроде иглы или какой-то длинной шпильки.

— Я серьезно, — сказала Грасс, надавив сильнее. — Ты мне и правда симпатичен, Соколов. Но посмеешь меня хоть пальцем тронуть — пожалеешь.

Я отпустил ее шею, но лишь потому, что времени на разборки и пререкания с Анькой у меня не было. Следовало догнать Ирку, пока та не ушла далеко. Я должен был все ей объяснить! И выяснить, было ли все это подстроено. Больно уж вся эта сцена отдавала бразильскими сериалами, которые так любила моя бабушка. И я чувствовал во всем этом женскую руку.

Грасс могла попытаться просто со мной развлечься — с нее сталось бы, да и шампанское лилось сегодня рекой. Но кто решил воспользоваться этой слабостью?

Ладно, о бабских интригах подумаем после. Я развернулся, в несколько прыжков оказался у выхода и распахнул двери.

— Удачи! — крикнула мне вслед Анька.

Ну стерва! Еще и издевается. Правда, и я тоже хорош — мог бы понять, что она решила повеселиться за мой счет. Грасс давно сорвало крышу на почве смерти ее возлюбленного, и сейчас она даже собственной жизнью не дорожила, позволяя себе любые безумства.

Но моя-то башка где была? Должен ведь был пресечь все эти шашни.

Вместе со мной в коридор ворвалось облако густого табачного дыма. Не провел на лестнице и десяти минут, а китель уже провонял куревом так, что придется его вешать за окно на ночь.

Безумно оглядываясь по сторонам, я схватил первого попавшегося студента.

— Видел здесь девушку? Блондинка, кареглазая, первый курс…

Парень, оказавшийся второкурсником, смачно рыгнул, обдав меня ароматом шампанского.

— Ага… Туда пошла, — он взмахнул рукой направо.

— Спасибо.

Я резко отпустил студента и тот, опасно покачнувшись, привалился к стене. Видать, кое-кто сегодня не рассчитал сил. Волшебная сила пузырьков — она такая…

Свернув за угол, я увидел в самом конце длинного коридора тоненькую фигурку Ирки. Припустив со всех ног, я едва не запнулся о ковер, выругался, снова перешел на бег.

— Ира! Ира, стой!

Она замедлила шаг, даже остановилась на одну секунду, а затем торопливо пошла прочь. Да твою ж мать! Я снова бежал, подавив соблазн ускориться при помощи “Берегини”. Увидят — по головке не погладят.

Хотя сейчас-то какая уже разница?

Окутав себя полупрозрачным сиянием заклинания, я быстро добежал до конца коридора, врезался в вальяжно прогуливающуюся парочку и, бросив короткое “Простите”, рванул дальше.

Ирка почти добежала до “Бассейна”, но я вовремя успел ее нагнать. Перед огромными дверями в зал толпились вышедшие отдышаться плясуны, и мне пришлось снять заклинание, чтобы не косились.

— Ира! Пожалуйста, остановись! — рявкнул я так, что все в холле повздрагивали и удивленно на меня уставились.

Она замерла. Стояла все так же спиной ко мне, но теперь хотя бы не убегала. Вдохнув побольше воздуха, я обошел ее.

— Я все объясню. Просто выслушай.

Ирэн подняла на меня глаза. Темные от обиды и ярости, но слез в них уже не было. Лишь яркий румянец на щеках выдавал ее волнение.

— А ведь меня предупреждали добрые люди, что добром все это не кончится, — тихо сказала она и направилась дальше от дверей, чтобы не подслушивали. — Говорили же не раз, что ты слишком много времени проводишь то с Хруцкой, то с этой Грасс.

А я, дура, не слушала. Верила тебе. Думала, после всего, что с нами случилось, ты не позволишь себе опуститься до такой низости…

— Ир, я этого не хотел. С Грасс столкнулся случайно — она сегодня Малыша отшила. Сама распереживалась. Ну, видимо, перебрала немного с игристым. Клянусь, ничего не было.

— Почти все так клянутся, даже если их поймать на горячем, — Ирэн разочарованно вздохнула. — Я чувствую себя идиоткой использованной. Может они правы? Что я была тебе нужна только до того момента, пока ты не поступил в Аудиториум. А тут прошел отбор, обрел известность, связями начал потихоньку обрастать — и все, помидоры увяли?

— Господи, да что ты такое несешь? Кто вообще тебе это наговорил?

— Какая разница? Я вижу, что говорили-то верно.

— Ир, я не знаю, какие доказательства тебе предоставить. Правда, не знаю. Хочешь — прочти мою память и посмотри, что там происходило? — предложил я. — Или Грасс спроси — она не станет тебе лгать.

Ирэн презрительно фыркнула.

— А жеваной морковкой ей в рот не плюнуть? Ты совсем не понимаешь, что натворил? Ты, который собирался на мне…

Она резко замолчала, заметив, что на нас снова начали коситься. Пусть издалека, но не хотелось делать эту сцену достоянием общественности.

Я снова глубоко вдохнул и выдохнул.

— Скажи, что я могу сделать, чтобы вернуть доверие? Я оказался в дурацкой ситуации, и это действительно совсем не то, что ты думаешь. Но я понимаю, как это выглядит со стороны, и хочу восстановить справедливость.

Ирэн устало прикрыла глаза.

— Не сейчас, Миша. Сейчас я не могу ничего сказать. Мне нужно… Выпить и побыть одной.

Она развернулась, чтобы уйти, но я перехватил ее руку.

— Ир…

— Пожалуйста, не иди за мной. Мне и правда нужно немного времени наедине. Хотя бы минут пятнадцать-двадцать.

Я разжал пальцы.

— Хорошо.

Ирэн рассеянно кивнула и направилась к распахнутым дверям “Бассейна”.

Как это расценивать? То, что она не устроила истерику, а сдержалась — это хорошо или плохо? Понятно, что после такого ей хотелось собраться с мыслями без всяких раздражителей вроде

парня, который только что якобы целовался с ее однокурсницей.

Но как правильно поступить мне? Ни разу до этого, ни в старом мире, ни в новом, я не оказывался в настолько дурацком положении. Бывало всякое, но чтобы так попасться…

И, что хуже всего, меня и правда заботило то, что обо мне думала Ирка. Даже если судьба однажды разведет нас по разным дорогам, Ирка все равно останется мне другом. Я уважал ее, был ей благодарен за многое, да и человеком считал хорошим. С придурью, как и все мы, но… Я не хотел ее терять, особенно вот так глупо. До умопомрачения глупо.

— Что, голубки поссорились?

Я поднял глаза и увидел Марианну Перовскую. Последняя из Княжичей стояла передо мной, раздражающе щелкая позолоченным футляром зажигалки. Красотка Перовская тряхнула распущенными волосами и язвительно улыбнулась.

— Горе-то какое… Должно быть, Ириша наконец-то прозрела и уяснила, что связываться со слабокровками, пусть и наделенными родовой силой, себе дороже.

Я уставился на нее в упор. Пальцы инстинктивно сжались в кулаки, а ноги сами пошли на нее.

— Тебе-то какое дело, Марьян?

Она ненавидела, когда ее имя так сокращали. Но на желчь следовало отвечать желчью.

— Какое мне дело? — Перовская демонстративно уставилась на свой маникюр и, порхнув пальчиками, снова перевела взгляд на меня. — Такое, что ты, Соколов, нанес мне личное оскорбление. А подобного я не прощаю. Никому и никогда.

— Не припоминаю, чтобы я тебя оскорблял. Хотя, видит бог, есть за что. Тебя спасает лишь мое почтение к твоей утрате.

В глазах Перовской промелькнул гнев, но девушка быстро натянула на лицо самое невинное выражение. Она сама шагнула вперед и приблизилась к моему уху. От нее тоже несло табачным дымом — так остро, словно она только что вышла из курилки.

— К слову об утрате, — промурлыкала она мне на ухо. — Казимир был моим женихом. И после встречи с тобой той ночью его не стало. Я ведь знала, куда он шел и зачем. Меня не обманут байки и официальные версии, Соколов. Поэтому теперь я отниму у тебя то, что отнял у меня ты. И, видит бог, я только начала.

Она отстранилась и наградила меня слащавой улыбкой.

— Пойду поищу Иришу. Она, должно быть, жутко расстроена твоим поступком и нуждается в утешении…

Мне на глаза словно упала красная пелена. Я дернулся было к ней, но в последний момент обуздал эмоции. Слишком много людей вокруг — и Перовская ухитрится обратить конфликт в

свою пользу.

И теперь картинка сложилась.

Видимо, именно Перовская лила в уши Ирке все это дерьмо про мои якобы любовные похождения. Тут даже конечный мотив не так важен — причиной могла стать и личная неприязнь, и мой позорный герб, и зависть к родовой силе высокого уровня. Важны были действия — и Марианночка их методично совершала. А вода, как известно, камень точит. Ирка отмахнулась раз, другой… А потом Перовская, курившая на лестнице, увидела нас с Грасс и сообщила Ирке.

Вряд ли это даже было подстроено — Перовская просто удачно воспользовалась ситуацией.

Сучка.

Я оглянулся по сторонам. Нужно найти Ирку. Плевать на ее желание остаться в одиночестве — я не хотел, чтобы она оказалась в лапах у этой ядовитой дряни. Значит, так она решила мне отомстить за гибель своего дурачка Забелло? Но успокоится ли она на том, что отвернет от меня Ирэн или пойдет дальше?

Черт. Нужно было предупредить Ирку. Любой ценой. Чутье подсказывало, что моя маленькая баронесса действительно была в опасности.

Я направился к входу в “Бассейн”, на ходу пытаясь сосредоточиться. Послал Ирэн ментальный импульс — глухо. Подруга закрылась намертво.

— Черт! — Не сдержался я и треснул кулаком по заснеженному деревцу.

Ну как мне здесь ее быстро отыскать?

Может пряталась где-нибудь под вишнями, а могла и вовсе выскочить в женский туалет… Грасс, к слову, тоже как сквозь землю провалилась. Я не заметил, чтобы она входила в бальный зал, но мог и отвлечься во время разговора.

Я увидел понурого Малыша и направился к нему. Но не успел пройти и пяти шагов, как в голове зазвенел голос Мустафина.

“Михаил, ты мне нужен”.

“Сейчас не могу. Занят”.

“Ответ не принимается”, — отрезал куратор, и даже на ментальном уровне я почувствовал в его словах не то угрозу, не то злость. — “Немедленно спускайся в подвал. Знаешь лестницу, где курят?”

“К сожалению, да. Савва Ильич, я и правда сейчас очень занят важным делом. Не могу”.

“Соколов, не испытывай мое терпение. Вопрос касается снятия с тебя оков. Сейчас самый удобный момент, чтобы провести ритуал. Он требует большого всплеска силы, и сейчас,

пока горит вся эта иллюминация в бальном зале, мы можем провести его без рисков быть обнаруженными. Либо сейчас, либо очень не скоро”.

Звучало логично. Иллюзия, наведенная не то силами Ксении Константиновны, не то старшими чинами Аудиториума, действительно безумно фонила. Артефакты отслеживания сходили с ума и их, должно быть, на время деактивировали. Момент и правда удачный, особенно для того, чтобы сделать что-то незаконное и опасное.

“Почему же вы раньше не предупредили?” — возмутился я. — “Я бы подготовился”.

“От тебя ничего не требуется, кроме личного присутствия. Ноги в руки — и сюда, Михаил. Спускайся на самый нижний этаж, там тебя будет ждать человек. Пароль — “хронос”.

Мустафин оборвал ментальный канал, и я застыл в нерешительности.

С одной стороны, именно сейчас я мог попытаться все объяснить Ирке. Сохранить с ней дружбу и попробовать ее защитить от мести Перовской.

С другой — мне было жизненно необходимо аккуратно избавиться от ошейника Аудиториума. Если мне удастся внедриться в Орден Надежды, то ярмо будет здорово мне мешать. Да и в целом было не очень приятно жить с осознанием, что тебя могут в любой момент отследить, да еще и повлиять на твои действия.

Сердце вопило бежать за Иркой, разум требовал спускаться в подвал.

— Миш, Ирку не видел? — Передо мной возник Сперанский с вечно озабоченным выражением на лице.

Я мотнул головой.

— Нет. В уборной, наверное.

— Она какая-то странная была. Посреди танца убежала… Не знаю, чем я ее обидел…

— Не бери в голову, — отозвался я, уже приняв решение. — Дело не в тебе.

Я направился к выходу из зала, на ходу отплевываясь от вихря снежинок.

— Ты куда? — крикнул мне в спину Коля.

— По делам.

Я быстро нашел дорогу в курилку: сначала следовал за толпой разгоряченных танцами студентов, а затем нашел ее уже по запаху. Вошел вместе с небольшой компанией “старшаков” и бочком протиснулся вниз по пролетам, стараясь уворачиваться от тлеющих сигарет.

Чем ниже спускался, тем меньше становилось людей. Но все равно, когда я добрался до самого низа, увидел не одного, а нескольких студентов. Все, судя по шевронам, были старшекурсниками.

— Господа, — обратился я и задрал рукав левой руки. — Не подскажете время? А то мой “Хронос” сегодня барахлит…

Трое парней, что курили у самых перил, принялись искать часы. И лишь один — тот, кто стоял в самом конце небольшой темной площадки, направился ко мне.

— Я подскажу, — почти беззвучно шепнул он. — За мной, Михаил.

Он юркнул в темноту, и я почти на ощупь последовал за ним. То, что сперва показалось мне стеной, как выяснилось, было узким коридором. Настолько узким, что даже я проходил в него с трудом. Малыш бы точно не поместился, разве что пригнувшись, на выдохе и боком.

Мы шли молча и торопливо — мой проводник ни разу не оглянулся, чтобы проверить, шел ли я за ним. Света здесь не было, но парень, казалось, знал дорогу наизусть и мог пройти с закрытыми глазами.

Перед крутым поворотом он резко остановился и все так же молча осторожно потянул меня за плечо, чтобы уберечь от удара о стену. Я кивнул в знак благодарности, но не был уверен, что он это увидел. Лишь раз, когда я снова едва в него не врезался, я скользнул ладонью по его руке и нашарил на привычном месте кителя шеврон студента.

Значит, учащийся. Но какой курс — неизвестно.

Не знаю, сколько мы плутали в темноте. По моим ощущениям, прошла вечность, и мне казалось, что мы специально ходили кругами так, чтобы я не запомнил дороги. Наконец проводник замедлил шаг, принялся шарить ладонями по правой стене и, видимо, что-то обнаружив, с усилием толкнул… дверь?

— Ой! — мне по глазам резанул свет. Сейчас, на контрасте с кромешной тьмой, он казался ярким, как само солнце.

— Тихо!

Проводник толкнул меня вперед, а сам вошел последним и плотно закрыл дверь. Я влетел в проем и едва успел затормозить перед возвышавшейся на добрую голову фигурой в аудиториумском кителе.

— Вот, значит, твой протеже? Хиловат.

Я поднял глаза и увидел некрасивого незнакомца с бугристым то ли от оспы, то ли от старых прыщей лицом. Помещение было небольшим и освещалось неестественным светом “Жар-птицы”, отчего все окрасилось оранжевыми тонами.

Мустафин поднялся с какой-то лавки и направился ко мне.

— Все готово. Проходи, Соколов.

Кто-то подтолкнул меня сзади, я обошел гору сваленных в кучу старых столов и наконец увидел круг заговорщиков. Мустафин, две девушки-старшекурсницы, которых я видел лишь мельком. Еще двое парней-студентов помимо тех, кого я увидел раньше.

Из самого темного угла поднялась еще одна фигура и вышла на свет.

— Славно, что Ирка тебя не прибила, — улыбнулась Анна Грасс.

Глава 26

Я замер, с трудом веря своим глазам.

Значит, Грасс с ними. Впрочем, удивляться было особо нечему: не скажу за Мустафина и остальных, но у Аньки был железобетонный мотив присоединиться к заговорщикам. Видимо, убийство ее возлюбленного равнодушными родителями наложило на ее душу такой отпечаток боли, что теперь она желала мести всей аристократии. Или хотя бы пыталась добиться послабления законов.

Интересно, как долго она состояла в этом сообществе? И была ли ее дружба искренней?

Хорошо, что я не успел толком с ней разоткровенничаться и лишил Орден Надежды дополнительных рычагов давления.

Анька хитро прищурилась и протянула мне руку.

— Здесь мы не называем друг друга по именам. Поэтому для тебя я Авария.

Я не выдержал и усмехнулся, пожимая ее холодные пальцы.

— Очень тебе подходит. Но я пока просто Михаил.

— Здесь все знают, кто ты, — сказал прислонившийся к стене рослый старшекурсник. — У нас правило — решение о принятии в ячейку принимается путем голосования. Не могу сказать, что твою кандидатуру приняли единогласно — Магистру пришлось основательно нас убеждать. Но если наш лидер уверен, что ты окажешься нам полезен, что ж… Добро пожаловать в клуб.

Видимо, Магистром он называл Мустафина, потому как в процессе своей слегка язвительной речи то и дело косился на куратора.

Следовало как следует всех их запомнить, чтобы затем в библиотеке поискать настоящие имена и фамилии. Пусть до личных дел я не доберусь, но общие снимки, которые делал штатный фотограф при поступлении, уже напечатали. И я точно видел, как сотрудники библиотеки их развешивали. Найду, выясню, узнаю. Главное — запомнить все приметы.

— А тебя мне как называть? — обратился я к язвительному типу.

— Нерон.

— Поэт? — усмехнулся я. — Или матушку зовут Агриппиной?

— Дом сжег, когда проснулась Благодать, — ответила за него Грасс.

Старшекурсник осклабился.

— Я и правда хорош в поджогах. Люблю жить с огоньком.

Миленько. Главное, чтобы с матушкой не то самое, а то в

исторических статьях про императора всякие ужасы писали…

Нерон-студент выглядел довольно взрослым. Я бы дал ему последний курс. Это подтверждало и то, что он позволял себе определенные вольности в одежде. Ботинки щегольские, коричневые, явно не по уставу. Ухмылка на красивой, но неприятной роже — с превосходством, да и рубашка не форменная. Явно дороже и вроде из шелка. Точно выпускник. Только эти считают себя схватившими Бога за бороду.

Парень с бугристым лицом наклонился к моему уху.

— Я — Шкура.

— У вас все прозвища шутливые? — изумился я. — Вроде же серьезным делом занимаетесь.

— Нужно же хоть как-то пар выпускать, — сказала Анька и представила двух девушек. — Это Клико и Рыба.

— Боюсь спрашивать.

Рыба, к слову, была весьма симпатичной: стройная фигурка, длинные ножки, благообразное лицо приличной гимназистки, но глаза… масляные, многообещающие. Дескать, девушка приличная, но до поры до времени. И явно тоже из “старшаков”.

Клико, судя по всему, вдовой не была. Либо уважала шампанское, либо имела какие-то французские корни. А может был в анамнезе какой-нибудь дурацкий случай.

— Прежде чем задашь вопрос, — сказала девушка, поймав мой заинтересованный взгляд, — мне подбило глаз пробкой от игристого. Едва не потеряла.

Я пожал плечами.

— Что ж, это все объясняет.

Клико казалась самой обычной серой мышью — простоватое, но довольно миловидное лицо, слегка полновата в руках и бедрах, блузка и китель застегнуты на все пуговицы. Девчонка явно с комплексами, особенно на фоне остальных ярких девиц. И, кажется, я как-то видел ее болтавшей с Хруцкой. Значит, третий курс?

А еще от нее неуловимо фонило той самой энергетикой, какой лучились многие лекари. Что-то теплое, уютное, безопасное… Значит, еще и целительница. Что ж, такая специализация определенно была ей к лицу. Лекари всегда держались за спинами боевиков, хотя бывали исключения. Но эта Клико явно была зажатой. Что же привело ее в Орден Надежды?

— Господа, у нас мало времени. Увы, сейчас не до разговоров, — Мустафин замахал рукой, призывая всех собраться в круг. — Счастье, Горький, вы все подготовили?

Двое парней — один совсем юный, а второй явно “старшак”, оторвались от какого-то ящика.

Если Горький мог вполне оказаться каким-нибудь Сахаровым, то Счастье тогда кем был? Горемыкиным? Или у прозвища была другая предыстория?

Я украдкой изучал этих двоих, стараясь, чтобы остальные не заметили моего чрезмерного интереса. Сейчас, пока ритуал не случился, я все еще не был частью их круга и потому не заслуживал доверия. За меня вписался Мустафин, возможно, Грасс была “за”. А остальные наверняка знали обо мне немного — слабокровка, из рода с угасающей Благодатью и с позорным гербом, но… обладатель родовой силы.

Как возможный боевик я мог быть им интересен, да и происхождение мое намекало на то, что моя семья настрадалась от заносчивых аристократишек. И все же я бы на их месте хорошенько проследил за кандидатом в заговорщики. Но раз я был здесь, значит, большой угрозы они во мне не видели.

Зря. Ох как зря…

— Магистр, все готово, — отчитался тот, что был помоложе.

— Спасибо, Счастье.

Ага, значит, его напарник — Горький. Вряд ли в честь Максима Горького — я о нем в этом мире ничего не слышал.

— Прошу всех встать в круг, — распорядился Мустафин. — Все сняли артефакты?

Студенты кивнули. Лишь Грасс, встретившись с недоверчивым взглядом куратора, спохватилась и отцепила от уха маленькую сережку в форме черепа. Завернув артефакт в носовой платок, она убрала его в карман.

— Теперь точно все, — сказала Грасс. — Можем начинать.

Интересно, зачем требовалось убирать артефакты? Хруцкая пока ничего такого не рассказывала. Может они могли как-то повлиять на носителя при ритуале? Но ведь ради этого их и создавали — усиливать, защищать, помогать…

Ладно, разберемся.

Я молча наблюдал за действом. И пусть участники не носили мантий с капюшонами, не пели призывные гимны на латыни, но все равно в этой заваленной барахлом комнате воцарилась атмосфера таинственности. Еще на мозг давил непроницаемый купол: этот сделали таким плотным, что даже внутри него дышалось тяжело. Плата за безопасность. Но насколько надежную?

Горький подал Мустафину металлическую чашу и небольшой нож, похожий на скальпель. Куратор прошелся по лезвию огненным заклинанием, видимо, чтобы стерилизовать предмет.

Понятно, значит, будем кого-то резать. Хорошо бы не меня и не насмерть. А то от этих отбитых революционеров я уже ожидал

чего угодно.

Мустафин принялся говорить что-то по-гречески. Увы, я еще не настолько поднаторел в этом языке, поэтому разобрать всю длинную тираду не смог. Было похоже на старое заклинание, но таким нас в Аудиториуме не учили.

— …Και αφήστε τα ρεύματα να ενωθούν. Αφήστε το αίμα να αναμειχθεί και να σχηματίσει ένα νέο, — громким шепотом вещал Мустафин, сосредоточившись на чаше. Я понял, что он сперва зачаровывал сосуд — вспышка Благодати ударила по моим защитам. — Αφήστε το νέο αίμα να αντικαταστήσει το παλιό και να μας κάνει αόρατους στα μάτια των εχθρών.

“…И пусть потоки соединятся воедино. Пусть смешается кровь и образует новую. Пусть новая кровь заместит старую и сделает нас невидимыми для очей недругов…” — примерно таким был перевод заклинания.

Прочитав эту литанию, Мустафин кивнул Счастью, и парень вышел первым. Закатал рукав левой руки, протянул ее над чашей. Куратор передал чашу Горькому, а сам аккуратно рассек кожу на внутренней стороне предплечья у Счастья, ближе к запястью. Резал по вене.

Счастье болезненно поморщился, но не проронил ни звука. Лишь твердо удерживал руку над чашей, пока в нее лилась его темная густая кровь. Горький ободряюще кивнул младшему товарищу, и я увидел в его глазах фанатичный огонек. Кем бы он ни был, как бы его ни звали по-настоящему, он явно был очень хорошо замотивирован на борьбу. И раз ему доверили чашу и подготовку, значит, занимал в ячейке не последнее место, хотя говорил меньше всех.

Когда набралось достаточно крови, Мустафин кивнул Счастью, и тот убрал руку. К нему тут же подошла Клико — всего за несколько коротких движений она остановила кровь и заставила рану затянуться. Счастье слабо улыбнулся и отошел в круг на свое место.

Следом вызвали Грасс-Аварию. Анька уже подготовила руку и спокойно протянула ее над чашей. Когда скальпель разрезал ее кожу, девушка даже сладострастно улыбнулась. Вряд ли это был мазохизм — скорее, она просто наслаждалась самим ритуалом.

Меня же это, мягко говоря, удивляло.

Если я ничего не путал, ректор довольно однозначно высказывался о кровавых ритуалах и силе, замешанной на крови. Это было опасно, требовало исключительной концентрации и редких знаний. Откуда всем этим владел Мустафин, прикидывавшийся всего-то куратором первокурсников? Неужели понабрался в Константинополе?

Когда Грасс излила достаточно своей крови, пошел конвейер. Каждый член ячейки подходил к чаше и отдавал свою кровь. Брали не так уж много, но сама процедура выглядела неприятно. После Аньки пошел Нерон, за ним Клико — ей восстановиться помогла Грасс, затем Шкура, Рыба и, наконец, сам Горький. Чашу он доверил Счастью. Видать, у них был сработавшийся тандем. Последним свою кровь отдал сам Мустафин.

Чаша была наполнена почти полностью, и в этот момент куратор взглянул на меня в упор.

— Подойди, Михаил. Ты тоже должен отдать свою кровь для чаши. Так нужно.

Остальные внимательно разглядывали меня, и от их внимания мне стало не по себе. Все происходило молча, и я чувствовал себя агнцем на закланию. Но что поделать — такова работа.

Я закатал рукав — на левой руке у меня вены подходили ближе к коже. Поднес руку к чаше…

Мустафин полоснул всего один раз, а я старался не думать о СПИДе, гепатитах и прочих болячках, которые можно было друг от друга подцепить. Хотелось верить, что куратор позаботился о нашем здоровье.

Кровь полилась в чашу. Мне показалось, что она была светлее, чем у остальных, но свет мог сыграть со мной злую шутку — все же венозная всегда темнее.

— Довольно, — тихо сказал куратор, когда из меня вылилось достаточно.

Клико быстро меня залечила, и я вернулся на свое место.

Мустафин снова произнес заклинание про потоки, что должны были слиться воедино и образовать новую кровь. Когда он договорил последние слова, чаша словно раскалилась у него в руках. Металл засиял, по гладкому боку сосуда пробежали искры Благодати, а его содержимое забурлило. В воздухе повис металлический аромат, запах крови.

Я замер в ожидании. Что дальше? Вряд ли здесь где-то припрятан аппарат для переливания. Значит…

Мустафин сделал три медленных глотка из чаши, и у меня тошнота подкатила к горлу. Куратор дернулся, на миг его глаза застелила тьма, а затем они снова стали обычными карими.

Я нервно сглотнул — слишком громко, и остальные студенты это заметили. Грасс усмехнулась, скользнув по мне взглядом.

“Все будет хорошо”, — сказала она ментально. — “Это странно, но ты привыкнешь”.

Чашу начали передавать по кругу. Каждый делал по три глотка, после этого с ним что-то происходило, затем глаза

чернели… И все возвращалось на свои места.

Когда очередь дошла до меня, я с трудом заставил себя приложиться губами к крови. Первый глоток. Я пил, стараясь не дышать носом. Пусть просто пролетит в желудок и там растворится. Второй… Вкус я все же почувствовал. Почти такой же, когда тебе разбивают губу в драке, но кровь показалась мне более тягучей, густой.

Третий глоток. Сам не понял, как, но я выпил его жадно, словно это было сладкое десертное вино, а не жижа из вен революционеров. Почему так? Что оно со мной делало? Что вообще со мной происходило?

Пищевод обожгло огненной дорогой, я вздрогнул и на миг ослеп. Но когда зрение ко мне вернулось, мир словно начал выглядеть иначе. И я чувствовал себя… другим.

Я был последним, и Мустафин забрал у меня чашу.

А затем каждый из студентов подошел ко мне и… обнял.

— Теперь ты с нами, — улыбнулась Рыба. — Настанет день, и все это уже не понадобится… Но сейчас ты — часть нас, а мы отныне — часть тебя.

Я рассеянно позволял обнимать себя и глядел на Мустафина поверх голов.

“Что это значит?” — спросил его я.

“Этот ритуал смешения крови изменил тебя. К завтрашнему утру твоя кровь изменится, и та, что хранится во флаконе у ректора, перестанет иметь на тебя влияние”.

“И это… навсегда?”

“Нет. Ритуал нужно повторять раз в месяц. Эффект временный. Это тот ошейник, о котором я тебя предупреждал, Михаил. А еще… Сегодня ты стал частью нашей семьи. Ты сам поймешь, что это значит”.

— Кречет, — тихо сказал Счастье, глядя на меня. — Пусть его теперь зовут Кречетом.

***

Вдохнув и выдохнув для концентрации, я взял совсем немного силы и натянул на себя отводящее глаза заклинание. От пристального внимания не спасет, но поможет проскользнуть.

Ранним утром в женском крыле уже кипела жизнь. Девчонки всегда просыпались пораньше, чтобы навести марафет — все эти прически, макияжи и прочее. Но сегодня ранний подъем был необязательным — двадцать третье декабря, день отъезда домой.

Всю первую половину дня должны были подъезжать машины, чтобы забрать студентов на короткие зимние каникулы. Некоторые ребята из других городов оставались в Аудиториуме,

если не успевали добраться до родни или договориться о совместном праздновании с местными.

Я бесшумно поднялся на нужный этаж и, проскользнув между двумя кадками с гигантскими фикусами, принялся искать комнату Ирки. Связаться с ней ментально так и не удалось, а ночью у лестницы в женское крыло бдела Порфириевна — самая лютая из вахтерш, мимо которой даже мошка не пролетит. Слабые ранги силы на нее не действовали — видать, надыбала защитный артефакт, а использовать силу высоких уровней так открыто я не рискнул. С моим послужным списком с администрации станется придумать какое-нибудь наказание, и это окончательно разрушит планы на примирение с Ирэн.

Поэтому я крался в женский корпус ранним утром, дождавшись, пока Порфириевна уйдет гонять чаи с баранками.

Найдя нужную дверь, я аккуратно постучал. Прислушался — тишина. Мне это показалось странным, ведь обычно девчонки постоянно щебетали и должны были бурно обсуждать прошедшую вечеринку. А здесь было тихо, как в склепе. Неужели ошибся комнатой? Нет, вроде та самая…

Я сверился с часами — ну нет, точно должны были уже проснуться и вовсю собираться. Самое время для чемоданов.

— Ничего не перепутали, ваше сиятельство? — прозвучал мелодичный женский голос за моей спиной.

Я резко обернулся. Марианна Перовская в едва прикрывавшем срам домашнем халатике стояла предо мной, держа несколько пустых холщовых мешков для белья.

— И тебе доброго утра. Мне нужно поговорить с Ирой.

Перовская состроила гримасу глубочайшего сожаления.

— Ох, Соколов, боюсь, не получится.

— С какой радости?

— Это невозможно. Если, конечно, ты сейчас не отрастишь крылья или не оборотишься птицей.

— Хватит болтать. Где она?

Перовская глянула на маленькие часики на запястье.

— Полагаю, уже у себя дома, — театрально вздохнула она. — Бедняжка так разволновалась после твоей вчерашней выходки, что решила не терять ни минуты. Ирэн уехала ночью — я сама провожала ее до автомобиля.

Наверняка и это было работой Перовской. Стерва была готова на что угодно, лишь бы лишить меня возможности объясниться с Иркой и изолировать ту от остальных.

— Куда она поехала? — зарычал я, надвигаясь на Перовскую. Всего на миг в ее глазах промелькнул страх, но она быстро взяла себя в руки. Видимо, мою рожу так перекосило, что даже эту

спесивицу проняло. — Куда?

— Ты бы вел себя потише, если не хочешь нарваться на неприятности, — промурлыкала стерва. — Я ведь и на помощь позвать могу…

— Где Ирина? — уже тише и спокойнее спросил я.

— Понятия не имею. Либо в Лебяжьем, либо в городском особняке. А может еще куда отправилась — у Штоффов достаточно недвижимости, а Ирэн передо мной не отчитывается.

— Даже удивительно с учетом того, как ловко ты взяла ее в оборот, — огрызнулся я.

Больше разговаривать с Перовской был не о чем. Даже если она что-то знала, то вряд ли мне скажет — не в ее это интересах.

А мне… Мне придется перекроить все планы.

Потому что я твердо был намерен найти Ирку и поговорить с ней.

Глава 27

Арендованный представительский “Руссо-Балт” нес меня по Каменноостровскому мосту. Водитель — вышколенный мужчина средних лет в униформе и белых перчатках и бровью не повел, когда я открыл свое окно на полную, и в салон ворвался хрустящий зимний воздух.

— Желаете выбрать музыку? — спросил он приятным голосом.

— Благодарю, не стоит, — я пялился на реку и проносившиеся мимо нас изящные фонарные столбы.

Что в моем мире, что в этом трудно было поверить, что еще в начале Двадцатого века это место было глушью. Все изменилось после постройки капитальных мостов — тут же выросли доходные дома и дворцы, пролегли широкие проспекты, и местность зажила насыщенной жизнью. В моем мире этот район назывался Петроградской стороной, а здесь — Петровской.

Район этот был по большей части для купцов и мещан, но и некоторые аристократы переселились сюда, почуяв, куда дул ветер. Теперь Петроградка была почти центром города, и Каменный остров, который отдали Аудиториуму специально, чтобы тот оставался подальше от светских забав, внезапно оказался рядом в гуще развлечений.

— Ваше сиятельство, на какой адрес ехать первым делом? — уточнил водитель, пока я наслаждался видами рождественского города.

— Хороший вопрос… Я впервые сам выбираю для семьи подарки. Может вы порекомендуете подходящее место?

Это было правдой. Несмотря на традицию, что дети готовили подарки старшим родственникам из собственных карманных денег, прежний Миша предпочитал перекладывать эту ответственность на слуг. Называл, что купить, отправлял Егорушку или кого-нибудь другого в город… Мне это казалось неправильным. Если уж готовить подарки, то подходить с душой. Одна беда — я все еще слишком плохо знал эту версию своей семьи.

Ладно, выкрутимся. Как обычно.

Водитель понимающе улыбнулся в зеркале заднего вида.

— Разумеется, все зависит от суммы, которую вы готовы потратить на подарки.

— Увы, я студент.

— В таком случае рекомендую начать с посещения Гостиного двора — там множество лавок с товарами на любой вкус и

кошелек. А затем, если вашему сиятельству ничего не приглянется, можно ознакомиться с выбором в Пассаже. Он находится как раз напротив. Место подороже, однако и эксклюзивных изделий там гораздо больше.

— Замечательно, — кивнул я. — Тогда едем в Гостиный двор.

Мы резво пролетели весь каменноостровский проспект, выехали на Троицкий мост и обогнули Марсово поле. Летний сад спал — ворота были закрыты, статуи убрали в защитные коробы, и лишь жирные утки важно прогуливались вдоль наполовину замерзшей канавки.

Пока водитель лавировал меж рядами таких же, как я, суетливых любителей сделать все в самый последний момент, я вытащил кошелек из внутреннего кармана.

Пятьдесят рублей ассигнациями. Вообще-то сумма по местным меркам очень даже приличная. Если не сказать больше. Тетушка Матильда тогда расщедрилась, а в Аудиториуме тратиться было особо не на что. Вот и пригодились грошики…

Наш “Руссо-Балт” припарковался на стоянке возле Гостиного двора, и водитель открыл передо мной дверь.

— Поскольку автомобиль арендован на весь день, желаете ли вы, чтобы я вас сопровождал? — учтиво спросил он.

Подумав, я покачал головой.

— Пожалуй, пока не стоит. Когда хожу по магазинам один, справляюсь быстрее… — оглянувшись, я увидел небольшую кофейню и протянул водителю рубль. — Угоститесь кофеем, пока я отсутствую. Если мне что-то понадобится, я позову вас в мыслях.

— Боюсь, это может быть затруднительно. Увы, я непроходим в вопросах применения Благодати. И, кроме того, рубль — это слишком много.

Я широко улыбнулся и вложил рубль в ладонь помощника.

— Поверьте, голубчик. Если меня прижмет, я смогу дозваться. А сдачу потратьте на парковку. Хочу, чтобы автомобиль и покупки были под охраной.

Водитель не посмел перечить и, легко поклонившись, подал мне пальто. Я оделся, накинул шарф и устремился к парадным дверям Гостиного двора. В этот момент я чувствовал себя настоящим барином — раздавал на чай, оказывал милость, и даже сорвал улыбку с уст юной прелестницы, когда придержал для нее дверь.

Несмотря на все волнения последних дней, сейчас настроение было просто замечательным. Наконец-то свобода от опостылевших стен Аудиториума. Люди вокруг были не в намозолившей глазах форме, а в модных нарядах — весело

болтали, суетились, тащили домой огромные елки. Стайка сорванцов с румяными щеками и красными от холода ушами бесстрашно трескала мороженое, споря, вкуснее ли шоколадное или фисташковое.

Распахнув двери Гостиного двора, я поначалу растерялся — до того ярко и празднично здесь было. Каждая витрина каждой лавки горела огнями гирлянд, сверкала блестками, игрушками, зазывая покупателей к себе.

Наугад я зашел в первую попавшуюся лавку и, признаюсь, сделал это, потому что оттуда благоухало чем-то потрясающе вкусным.

Миловидная дама в украшенном снежинками платье радушно мне улыбнулась. И ее улыбка стала еще шире, когда она заметила герб на воротнике моего пальто.

— Добрый день, сударь! Добро пожаловать во Французскую лавку мадам Сиу! К вашим услугам лучшие косметические товары со всей Европы. Присматриваете рождественский подарок?

— И как вы только догадались? — улыбнулся я.

— И правда, я ведь настоящая ясновидящая… Кого желаете порадовать, милостивый господин?

Я оглянулся по сторонам: всюду, от пола до потолка стены были уставлены стеллажами с коробочками, флакончиками, пудреницами, зеркальцами и прочим дамским барахлом.

— Хочу присмотреть что-нибудь для сестры, — ответил я, все еще растерянно изучая ассортимент. — И мне совершенно точно понадобится ваша помощь…

Дама слегка поклонилась.

— К вашим услугам. Какие средства предпочитает ваша сестрица?

— В этом и проблема — я понятия не имею. Ей еще рановато пользоваться яркой косметикой, поэтому я думал о парфюмерии. Но боюсь, что не угадаю.

— Ни слова больше, сударь!

Продавщица важно выплыла из-за прилавка, словно царица. Взмахнула руками, и на стойке словно из воздуха возникло несколько флаконов и коробочек.

— Чем хороша юность, так это тем, что ей не идут тяжелые насыщенные ноты, — заговорщически подмигнув, сказала она. — Я предложу несколько вариантов подчеркнуть свежесть и хрупкость вашей прекрасной сестрицы. Даю голову на отсечение, она будет в восторге…

Итак, в первой же лавке я оставил целых десять рублей и здорово пересмотрел взгляды на стоимость женской красоты.

Зато Оля теперь могла насладиться ароматами весенних цветов в духах, пудре и еще каких-то баночках… Продавщица развела меня на кучу покупок так профессионально, что даже обижаться на ее мастерство было грешно. Ну ничего, дамы нашего семейства разберутся, кому что достанется. Лишь бы понравилось.

Следующий визит я нанес в лавку Императорского фарфорового завода. Когда бывал в покоях бабушки, заметил, что наша Кивернития была большой поклонницей чайных и кофейных пар. Обомлев от великолепия расписной посуды, я выбрал чайную пару из новой коллекции. Продавец уверял, что каждый предмет расписывался вручную, и, судя по стоимости, расписывали его только златовласые девственницы кровью единорогов в определенные часы суперлуния.

Тем не менее, “женский” вопрос с подарками семье я закрыл. И лишился еще десяти рублей.

Оставался отец, и это было сложнее всего.

— Сударь и сударыни! — зазывали юные молодчики в костюмах сказочных героев. — Заходите отведать лучшей белевской пастилы! Готовится только из антоновки и свежайших яиц! Упаковываем в подарочные коробки!

В Гостином дворе царило такое столпотворение, что то и дело приходилось протискиваться и сыпать извинениями.

Пока я бродил по торговым рядам в поисках чего-нибудь интересного для отца, успел набрать целый мешок подарков поменьше. Купил коробку поздравительных открыток — непременного атрибута праздника. Набрал для всех домочадцев и слуг сладостей: конфет, фигурных пряников, золоченых орехов. Все это можно было повесить на елку как игрушки.

В моих пакетах оказались круглые жестяные коробки с леденцами, ларцы с карамелью, шоколадные плитки. И хотя в моде было все греческое, но праздник Рождества имел исконно традиционный дух. Все было украшено и расписано в “дореволюционном” стиле. По-старому, тепло, душевно… И я отчего-то чувствовал себя так, словно и правда вернулся домой.

Наконец я выбрался на второй этаж этой необъятной галереи и перевел дух. Народу здесь было поменьше, и вскоре я понял, почему — ценник был рассчитан на более состоятельных людей.

Тем не менее я умудрился найти среди этого безобразного великолепия лавку с антикварными предметами. Вошел — и пропал.

— Доброго вам здравия, сударь, — древний старец поправил пенсне на переносице и, кряхтя, поднялся из-за большого обитого сукном конторского стола. — Чем могу услужить?

Я рассеянно огляделся. Диковинок здесь было столько, что

глаза разбегались.

— Михаил Николаевич Соколов, — представился я. Почему-то захотелось назваться этому дедку. Не ради почтения, которое он должен был проявить к одаренному графскому сыну. Что-то другое внутри меня словно потребовало этого. — Сын графа Соколова, студент Аудиториума.

Старец стряхнул пыль с видавшего виды сюртука и подошел ко мне, опираясь на трость.

— Милости прошу, ваше сиятельство. Семен Яковлевич Бронштейн, владелец этой лавки и большой любитель редкостей.

Я пожал протянутую старческую руку — тонкую, морщинистую, в пигментных пятнах. На удивление силы в ней оказалось куда больше, чем я ожидал.

— Рад знакомству, Семен Яковлевич.

— Чем же моя скромная обитель обязана визиту столь важной персоны?

Вроде бы он не насмехался, а проявлял дежурную вежливость, но все равно прозвучало это несколько издевательски. Впрочем, старик в его возрасте уже мог позволить себе некоторые шалости.

— Я ищу подарок на Рождество для отца, но… Не нашел ничего интересного. Не хочу дарить оружие, кожаные изделия и прочие привычные вещи. Подумал, может в вашей лавке найдется что-нибудь необычное?

— Непременно найдется, ваше сиятельство, — старик обвел пространство вокруг себя свободной рукой. — На любой вкус и кошелек. Полагаю, его сиятельство — не любитель охоты.

— Увы. Рыбалка ему больше по душе.

— И предпочитает проводить время дома, — продолжал старик.

Я кивнул.

— Верно.

— За чтением…

— И снова вы правы, — улыбнулся я.

— Наверняка носит очки.

— Мне начинает казаться, что у вас талант провидца, Семен Яковлевич.

Старик сверкнул парой золотых зубов в улыбке.

— Работа у меня такая, ваше сиятельство. Читать людей как книги. Угадывать то, что скрыто под обложкой…

На мгновение он прикрыл глаза, а я прислушался к ощущениям. Нет, этот дедок точно не был одарен Благодатью — типичный обрусевший еврей. И все же что-то необычное было в фоне, что от него исходил. На удивление живая и цельная аура

для человека его возраста. От старцев зачастую веяло приближавшимся концом жизни, но только не сейчас. Бронштейн буквально излучал энергию.

— Итак, ваше сиятельство, насколько мне известно, вы несколько стеснены в средствах… Прошу прощения за столь бестактное замечание, однако я просто пытаюсь сэкономить ваше время.

Я пожал плечами.

— Полагаю, никакой тайны в этом нет. Мой род переживает не самые лучшие времена. По известной причине.

— Однако же вы стали его надеждой, — хитро улыбнулся старик. — Абы кого в Аудиториум не берут. Значит, вы. Милостивый государь, человек особенный. А для особых гостей у меня есть отдельный прилавок…

Он жестом пригласил меня пройти в самый конец вытянутого зала. За рядами старинных зеркал и картин в тяжелых рамах нашелся закрытый шкаф. Семен Яковлевич снял с пояса связку ключей и открыл дверцы.

— Могу предложить две вещицы, которые непременно оценит ваш отец, — старик достал обитый кожей короб и поставил на соседнюю витрину. Отперев замок, он поднял крышку. — Это первая.

— Очки?

— Зачарованные окуляры. Это артефакт, ваше сиятельство. Были созданы по заказу баронессы Мирелли в 1956 году. Состарены искусственно.

Я внимательно рассматривал очки. На вид в них не было ничего необычного — строгая роговая оправа, универсальная форма… Разве что диоптрий я не увидел.

— Какими же свойствами они обладают?

— Баронесса Евгения-Луиза Мирелли славилась любовью к искусству. Особой ее страстью были древние манускрипты. Эти окуляры зачарованы на то, чтобы позволять увидеть выцветшие или стертые записи. Как известно, не все книги сохранили первозданный вид…

Я отошел от коробки на шаг.

— Семен Яковлевич, это очень ценная вещь. Боюсь, сейчас я не смогу ее себе позволить.

Старик внимательно взглянул на меня, словно видел во мне что-то, чего я сам в себе не замечал.

— Я смогу оформить для вас рассрочку. Как только появится полная сумма, вы просто мне доплатите.

— Почему вы готовы пойти на такие условия?

Бронштейн снова улыбнулся. На этот раз одними губами.

Получилось почти печально.

— Полагаю, эта вещь понадобится не столько вашему отцу, сколько вам, ваше сиятельство. О вашей семье ходят разные слухи, а я по долгу своей работы внимательно изучаю всю информацию, что до меня доходит… И полагаю, что от этого артефакта будет гораздо больше пользы, окажись он в ваших руках.

Чего-то этот дед недоговаривал. Был соблазн залезть ему в голову и считать мысли, но я остерегся так ломиться в голову дряхлого простолюдина. Хватило уже того, что едва не сделал дурачком Денисова.

— Цена этой вещицы — двести рублей. Для вас — сто.

— У меня с собой двадцать.

— Значит, двадцать. Оставшееся донесете при удобном случае.

Старик убрал очки в изящный футляр и протянул мне. Я потянулся было, чтобы взять его, но в последний момент отдернул руку.

— Семен Яковлевич, я еще молод, но уже знаю, что бесплатный сыр бывает только в мышеловке. Вы впервые меня видите и вряд ли знаете, что я за человек. Я ведь могу никогда не вернуться.

— О, вы вернетесь, ваше сиятельство. Знаю, что вернетесь.

— И с чего вы так в этом уверены?

— Я же сказал вам при знакомстве — я умею читать людей как книги и видеть то, что скрыто под обложками. И еще я — ценитель редкостей. А вы — большая редкость, Михаил Николаевич. Кунсткамера по вам плачет…

Как мило. Надо бы включить в завещание пункт, чтобы после моей смерти меня не замариновали в банке, как того же Леньку Пантелеева. А то с аудиториумских умников и не такое станется.

Я достал из кошелька двадцать рублей и протянул антиквару. В заначке оставалась только резервная десятка на случай полного ахтунга.

— Благодарю, ваше сиятельство, — сухие, но ловкие пальцы Бронштейна тут же спрятали ассигнации в карман сюртука. — И жду новых встреч!

Попрощавшись, я вышел из лавки, все еще размышляя над странным поступком старика. Что же он такое во мне увидел? Как понял, что я действительно отдам деньги? Неужели у меня на лбу написано, что я весь из себя совестливый?

Но от раздумий меня отвлек скрипучий голос бабушки.

“Мишенька”, — тихо произнесла она у меня в голове. — “Мон шер, ты меня слышишь?”

От неожиданности я едва не выронил футляр с бесценными очками. Бабушка не любила ментальную связь и пользовалась ею крайне редко. Тем удивительнее, что она сама обратилась ко мне, зная, что сегодня я приеду домой.

“Да, бабушка. Здравствуй. Что-то случилось?”

“Не знаю, мон шер. Мне было видение во сне. Очень тревожное видение. Скажи, мон шер, твоя подруга, та девица Штофф, сейчас с тобой?”

Только этого сейчас не хватало. Я не успел предупредить родню, что планы на рождественские каникулы могут измениться, но сейчас все равно было не лучшее время для этих новостей. Да и что такого могла увидеть Ба? Что мы поссоримся? Какая неожиданность — двое молодых людей поцапались. Конечно, это повод вмешиваться…

“Нет. Я в Петрополе, занимаюсь подарками”, — сухо ответил я. — А Ирэн… Понятия не имею, где она”.

“Найди ее! Быстро, как можно быстрее!”

“Боюсь, не получится”, — вздохнул я. — “Она на меня зла”.

“Все равно найди. Как хочешь, но тебе нужно привезти ее к нам. Девица Штоффов в опасности. И если ты не успеешь вовремя, приведешь смерть и в наш дом”.

Глава 28

“Бабушка, дорогая, ты можешь не говорить аллегориями, а сказать прямо. Что ты видела и что нам угрожает? И причем здесь вообще Ирина?”

Внутри меня поднималась волна гнева. Ну елки-палки, только я наконец-то отвлекся от мыслей о том скандале, развеялся, настроение себе поднял, а меня снова затягивали в эту мелодраму. Ну уж нет, теперь я так просто не дамся.

И если это очередная попытка нашей Кивернитии улучшить семейное положение посредством выгодного брака, то, прости, Господи, но пошли все эти планы к черту! Не до того сейчас.

“Мишель, мон шер…” — начала было бабушка, и по имени, которым она меня назвала, я понял, что она была готова любой ценой меня уговаривать. Чем сильнее она нервничала, тем больше французских интонаций проскальзывало в ее речи. Ох уж это польское воспитание по французской моде.

“Что, почтенная? Я и правда тороплюсь. Пожалуйста, соизволь объясниться”.

“Подробности и образы, что я видела, к делу не пришьешь. Сны и видения не всегда показывают события именно так, как они случатся. Важно то, что они означают. А значат они следующее: твоей подруге Ирине Алексеевне угрожает опасность. За ней идет тьма, и если она погубит эту девицу, то перебросится и на нас”.

“Допустим. Что за тьма?”

“Зло. Дурные намерения. Скрытые дела”.

“Иными словами, некто охотится на Ирину, чтобы добраться до нас?” — попытался я перевести все это на человеческий язык.

“Может так, может иначе. Но если ты не успеешь помешать этой тьме, пострадает наш род — это я уловила точно и отчетливо, Мишель. И у меня есть основания полагать, что это коснется не только нас, но и многих других”.

А вот это уже было куда интереснее. Что такого мог сделать этот абстрактный злодей с Иркой, от чего потом пострадают многие? Ирэн ведь хоть и была прилежной ученицей и толковой менталисткой, но ее ранг упирался в определенный потолок. Ирка справлялась со сложными заклинаниями не силой, а техникой исполнения. Ибо ее природный потенциал был средним… Особенно по сравнению с моим.

Странно это все.

“Я сказала все, что тебе нужно знать”, — торопливо, словно задыхалась, произнесла в моей голове Ба. — “Теперь твой черед действовать, мон шер. Я предупрежу твоего отца, что ты

задержишься в городе”.

Договорив, Кивернития резко оборвала ментальный канал, не оставив мне возможности хоть что-то возразить. Я убрал драгоценные окуляры в один из пакетов с подарками и оперся о перила галереи, рассеянно глядя на толпу на первом этаже.

Нужно подумать, и соображать быстро.

Теперь, после слов бабушки, меня не отпускала тревога. Противное волнение поселилось где-то в районе желудка и тянуло, дергало, сосало под ложечкой. Я несколько раз вдохнул и выдохнул, но ощущение никуда не ушло. Значит, силе тоже что-то не понравилось в словах Ба. А раз так, то все и правда могло быть серьезно.

Первым делом я попытался дозваться до Ирки. Глухо, как в заваленной шахте — ни ответа, ни реакции, ни даже отклика силы. Очень прочный ментальный блок. Я и не знал, что Ирэн умела закрываться настолько тщательно.

Ладно, раз не помогают колдовские штучки, попробуем традиционные методы.

Развернувшись на каблуках, я снова направился к лавке Бронштейна.

— Прошу прощения, Семен Яковлевич, — позвал я, перешагнув порог магазинчика. — У вас не найдется работающего телефонного аппарата?

Старик прошаркал меж стеллажей и улыбнулся, завидев меня.

— Разумеется, найдется, ваше сиятельство. Пожалуйте к прилавку.

Возле длинной стеклянной витрины и стойки с кассой нашелся старый дисковый телефон. Я не знал номеров Ирэн наизусть, но смог воспользоваться услугой справочного бюро. Были у моего сословия и бытовые привилегии — аристократам при условии подтверждения личности информация предоставлялась мгновенно.

После того, как я представился и назвал номер своего документа, девушка-телефонистка быстро дала мне номера телефонов городской резиденции Штоффов и особняка в Лебяжьем.

— Что-то случилось? — озабоченно спросил Бронштейн. — На вас лица нет, ваше сиятельство. Быть может, вам нужна помощь?

— Благодарю от всего сердца, но, боюсь, вы не сможете мне ее предоставить.

Я тут же набрал номер особняка на Вознесенском — того самого, где мы как-то коротали время между испытаниями.

Трубку не брали очень долго. Наконец, на десятом гудке, на другом конце провода что-то щелкнуло.

— Петропольская резиденция баронессы Матильды фон Штофф, — ответил запыхавшийся женский голос. — Доброго дня! Чем могу помочь?

— Добрый день. Беспокоит Михаил Николаевич Соколов, наследник графа Соколова. Я разыскиваю свою одногруппницу Ирину Алексеевну фон Штофф.

— Михаил Николаевич! — Обрадовались в особняке. — Это Пелагея. Рада слышать ваше сиятельство!

Пелагея была кем-то вроде младшей помощницы управляющего. Грязной работой не занималась, но помогала со счетами, заказами, контролировала жизнь дома в отсутствие старших…

И если она сняла трубку, значит, Василия там точно не было — иначе ответил бы он.

— Пелагея, душа моя, скажите, Ирина Алексеевна в городе?

— Эх, не застали вы ее превосходительство, Михаил Николаевич. Ирина Алексеевна изволила отбыть сегодня утром. Переночевала и уехала.

— В Лебяжье?

— Собиралась в Лебяжье. Я наняла для нее шофера…

— Понятно. Спасибо тебе большое. И с наступающим!

— И вас с наступающим, ваше сиятельство. Доброго вам здравия!

Я положил трубку на рычаг и взглянул на второй номер, что записал на бумажке. И в этот момент часы пробили два часа дня. Даже если предположить, что Ирка уехала с Вознесенского ближе к полудню, она уже должна была добраться до загородного дома. Если, конечно, как и я, не решила пройтись по магазинам.

Но вряд ли она стала бы вешать плотный ментальный блок — это неразумно. А Ирка, при всей ее стервозности и импульсивности, ни за что не стала бы пугать близких почем зря.

Выходит, бабушка могла быть права.

— Потеряли даму? — улыбнулся Бронштейн.

— Вчера повздорили, — отозвался я, не посвящая торговца в подробности. — А сейчас ее не могут найти.

Бронштейн кивнул, и я тут же принялся набирать номер Лебяжьего. После третьего гудка я услышал знакомый хорошо поставленный голос Василия.

— Загородная резиденция баронессы Штофф, — объявил он. — Чем могу служить?

— Василий, здравствуйте. Это Михаил Соколов.

— Доброго дня, ваше сиятельство, — невозмутимо ответил

дворецкий. — Чем могу помочь?

— Василий, Ирина Алексеевна уже прибыла?

— Нет, ваше сиятельство. Но ждем к позднему обеду. Желаете что-нибудь передать?

— А она звонила, когда собиралась выезжать?

— Да, ваше сиятельство, — в голосе Василия промелькнуло удивление, — В четверть двенадцатого.

— И все еще не приехала… Она собиралась куда-то заезжать по дороге?

— Ваше сиятельство, ваши вопросы вселяют в меня тревогу. Соизвольте уточнить, что заставляет вас беспокоиться?

— Что Ирина Алексеевна выехала довольно давно, но так и не прибыла в Лебяжье! — Раздраженно бросил я.

— Задержки в пути в порядке вещей как для Ирины Алексеевны, так и для ее тетушки. Пока что я не вижу оснований для беспокойства. Я доложу о вашем звонке.

— Не стоит. Благодарю, Василий. Доброго дня.

Я положил трубку и озадаченно уставился на исписанный цифрами клочок бумаги. Либо Ирка все еще была в пути, либо что-то случилось по дороге. Ну не верил я, что она могла пропасть, никого не предупредив. Зная трепетное отношение слуг в Лебяжьем, она бы точно нашла способ сообщить Василию о задержке.

— Благодарю, Семен Яковлевич, — я сунул лист в карман и подхватил пакеты.

Старик радушно улыбнулся.

— Не за что, ваше сиятельство. Желаю удачи в поисках.

Я вылетел из здания Гостиного двора так быстро, что едва не врезался в работягу, тащившего здоровенную пушистую елку. Пробурчав извинения, я понесся к парковке.

“Руссо-Балт” и вышколенный водитель нашлись быстро. Заметив меня, мужчина вышел из автомобиля и открыл багажник.

— Прошу разместить покупки здесь, ваше сиятельство, — он взял из моих рук пакеты. — Все прошло успешно?

— Да, — рассеянно кивнул я. — Как вас зовут? Кажется, я не расслышал тогда у Аудиториума.

— Евгений.

— Евгений, наши планы меняются, — я достал последнюю десятку из кошелька и протянул водителю. — Сперва мы едем в Лебяжье. В усадьбу Штоффов. А там — по обстоятельствам.

Евгений жестом отказался от денег.

— Автосопровождение арендовано вами до полуночи, ваше сиятельство. Не нужно ничего доплачивать. До конца этого дня мы с автомобилем полностью в вашем распоряжении. Лебяжье —

так Лебяжье.

Я кивнул и нырнул на переднее пассажирское сидение, вызвав удивление водителя.

— Впереди мне удобнее, — пояснил я. — Трогайте, Евгений. И когда выедем на загородную трассу, обращайте внимание на обочины. Если заметите что-нибудь странное — следы, аварии — сообщайте мне.

***

В моменты неизвестности люди делятся на несколько типов: тревожные паникеры, хладнокровные и оптимисты. Я каким-то образом умудрился совместить в себе сразу все. Отключил эмоции, надеялся на лучшее, но морально готовился к худшему.

Поэтому всю дорогу я крутил головой, как бешеная сова — пялился по сторонам, пытаясь разглядеть следы возможной аварии. Из всех причин задержки Ирины скользкая зимняя дорога казалась одной из самых очевидных.

Пока ехали по городу, я прикидывал, что вообще могло случиться. Лучший вариант — Ирка потеряла голову от долгожданной свободы, закрылась ментально и пошла развлекаться. Худший — ее тело сейчас валялось где-нибудь под обломками автомобиля. Самый вероятный с учетом новостей от бабушки — кто-то из тайных организаций прочухал о том, что мы с Иркой были немного ближе, чем друзья, и решил этим воспользоваться.

Если последний вариант был верен, значит, стоило ждать новостей — не удивлюсь, если кто-нибудь попробует шантажировать меня ее жизнью.

— Все чисто, ваше сиятельство, — вздохнул Евгений, выруливая на подъездную аллею усадьбы Штоффов. — Никаких следов аварий.

— Да, сам видел, — отозвался я. — Но все равно заедем. Передам сувенир слугам.

— Как пожелаете.

Очертания полуготического особняка уже темнели над серым небом, когда мы подъехали к парадному входу. Несмотря на то, что ворота усадьбы были открыты, я знал, что за нами уже следили. Служба безопасности Матильды должна была отрабатывать хлеб.

— Откройте багажник, пожалуйста, — попросил я и вышел из машины.

Евгений нажал кнопку, и крышка плавно поднялась. Я обошел автомобиль, чтобы взять из мешка пару коробок сладостей для слуг — не заваливаться же с пустыми руками, и в этот момент

заметил автомобиль, который точно не ожидал здесь увидеть.

Рубленный силуэт серого неприметного седана почти полностью спрятался за густыми кустарниками, но я его признал.

Машина Корфа.

Так-так… Не при таких обстоятельствах я планировал организовать нашу с ним встречу. И вряд ли тайный советник бросил свою служебную тачку на ночевку. Значит, нужно готовиться к приему. Но конфет он от меня не получит.

Евгений остался возле своего холеного “Руссо-Балта”, а я направился к лестнице. Как и ожидалось, двери распахнулись, едва я поднялся на пару ступенек. На пороге возник Василий — в привычной наглаженной ливрее, накрахмаленной рубашке и с чопорным выражением лица. Хоть что-то неизменно в этом мире.

— Ваше сиятельство, — поклонился дворецкий. — Не ожидали вашего визита.

— Ирина Алексеевна так и не приехала?

— Увы.

— А что здесь делает машина Корфа?

— Полагаю, ожидает владельца, — с легкой насмешкой ответил дворецкий. — Вальтер Макарович пьет чай в малой гостиной. Соблаговолите составить ему компанию?

— С удовольствием.

Я торопливо вошел в холл, передал лакеям конфеты с приказом открыть и съесть на Рождество, отдал пальто и шарф, а затем направился прямиком в малую гостиную.

Удивительно, но почти что за месяц аромат духов Матильды так и не выветрился из помещения. Казалось, сейчас баронесса выйдет меня поприветствовать, достанет длинный мундштук, отвесит едкий комментарий…

Но особняк все же казался покинутым. Было заметно, что некоторые комнаты специально готовили к приезду Ирэн.

— Ну здравствуйте, Вальтер Макарович, — сказал я, войдя в гостиную.

Корф по привычке привстал в знак уважения, но, заметив меня, сел и взялся за кофейную чашку. В хрустальной пепельнице валялось немало окурков. Значит, он уже был здесь давно. Интересно, зачем?

— Ты любитель сюрпризов, Михаил, как я погляжу.

— Вас я тоже не ожидал здесь увидеть.

— Полагаю, в отличие от тебя, мне была назначена встреча, — Корф залпом допил кофе и взялся за новую сигарету. — Что ты здесь делаешь?

Слуги незаметно прикрыли двери, оставив нас наедине.

— Ищу Ирину, — сказал я, заставив себя сесть. — У меня

тревожное предчувствие.

— У меня тоже. Мы с Ириной еще на прошлой неделе в письме договорились, что сегодня я заеду. Она сама предложила дату и время.

— Зачем вам встречаться?

— Если ты забыл, я обещал Матильде приглядывать за девчонкой, пока наша блистательная баронесса охмуряет румынскую аристократию, — огрызнулся Корф.

Тайный советник держался нервно. Ерзал на диване, много курил, постоянно пытался занять руки. Выходит, накрыло не одного меня.

— У моей бабушки было нехорошее видение, — отрапортовал я, не зная, могло ли это помочь Корфу. — Она сказала, что Ирэн угрожает опасность. Какая-то тьма. Беда. И если я не помогу, если не успею вмешаться, эта тьма распространится на мой род и на других людей.

Пистолетыч недоверчиво взглянул на меня поверх кофейника.

— Бабушка точно не в маразме?

— Вы нашу Кивернитию знаете. Она вообще не выходит на связь без веской причины. Экономит силы. И ее сны действительно имеют силу.

Корф задумчиво глядел на тлеющий уголек сигареты.

— Не нравится мне это, Михаил. На Ирину совершенно не похоже.

— Потому я и здесь. Могла она еще куда-нибудь поехать?

— Теоретически — куда угодно, — рассуждал тайный советник. — На деле — вряд ли. Подарки она заказала заранее по каталогу, все уже стоит под елкой. Пока ждал, я выяснил, где Пелагея заказывала автосопровождение для Ирины. Контора чистая, с безупречной репутацией. Даже водителя пробили — десять лет там трудится, бывший автогонщик и специалист по сложному вождению.

— Жаль, что на автомобили не ставят маячки слежения, — вздохнул я.

— Хорошая идея, но не для автомобилей одаренных. На всех артефактов слежения не напасешься. Да и не добьют они далеко. Но к делу, Михаил. У меня есть подозрения, что Ирину могли похитить из-за нас с тобой.

Я кивнул.

— Согласен. При всем уважении к Ирэн, но сама по себе она не является достаточной ценностью. Мы же не в Дакии, чтобы там похищали аристократов за выкуп.

— Именно. В Петрополе подобные преступления совершить

сложнее. Поэтому давай думать, из-за кого из нас она могла пропасть.

— Кто знает о том, что вы присматриваете за Ириной?

— В Отделении — многие. Во Дворце в курсе. Некоторые аристократы. Словом, это не секрет.

— Так-то да. Но кто знает, что вы по-настоящему печетесь об Ирине? Я видел ваше отношение и к ней, и к Матильде. Кто может попытаться надавить на вас через Ирэн?

— Список тоже немалый, — ответил Корф. — А что можешь сказать ты? Кто знал о том, что вы с Ириной дружите очень близко?

Хороший вопрос. Сперанские, все наши одногруппники, Ядвига. Орден Надежды точно был в курсе. Возможно, и Темная Аспида. Словом, список был не менее обширным, и многих я мог попросту не знать.

Я поделился этими соображениями с Корфом, и тот нервно потушил окурок.

— Значит, будем копать по порядку. Но прежде… Есть еще один момент. Маловероятно, что по этой причине, поскольку это настоящая тайна, но чем черт не шутит…

— Не понимаю, о чем вы, — я подался вперед, тоже нервно ерзая по скрипучей коже кресла.

Корф скорчил кислую мину и тяжело вздохнул, словно собирался с мыслями.

— Есть в истории рода Штоффов одна черная страница, которую намеренно сделали тайной. И я принимал в этом самое непосредственное участие — помогал Матильде заметать следы. Так что, можно сказать, случись что, вина лежит и на мне.

— О чем вы, Вальтер Макарович?

— Ладно, нет смысла ходить вокруг да около. Раз ты так близок к Ирине, то должен знать. Хотя бы из соображений безопасности, — Корф поднял на меня усталые печальные глаза. — Ты знаешь, как Ирина осиротела?

— Вроде бы родители погибли в аварии…

— Да. Но только Ирина в тот момент была с ними. У нее случился мощнейший всплеск ментальной силы — замеры артефактами потом показывали предел второго ранга.

— И? — спросил я, уже понимая, что услышу.

— Именно ее сила стала причиной аварии. Потом она рассказывала, что родители в тот вечер крупно поссорились на приеме у Шуваловых. По дороге конфликт начал снова разгораться. Ирина, будучи еще совсем юной, перенервничала. Видимо, на почве нестабильной пробуждающейся Благодати и случился столь мощный всплеск. Она убила родителей на месте.

Обоих. За одну секунду. Когда автомобиль упал с моста, жива была только Ирина, — Корф снова потянулся за сигаретой. — Только всего этого она не помнит, потому что мы с Матильдой так решили.

Глава 29

Я изумленно застыл в кресле, не в силах что-нибудь сказать. Горло словно перехватило, и я хватал ртом воздух, но не мог издать ни звука.

Корф, бросив на меня быстрый взгляд, налил в чистую чашку немного воды и протянул мне.

— Понимаю, такие подробности о девушке, на которой ты был готов жениться, могут шокировать.

Я выпил всю воду медленными глотками и неожиданно для себя потянулся к лежавшей на столе пачке сигарет. Пистолетыч удивленно моргнул, но ни слова не сказал — лишь пододвинул ближе зажигалку. Курить я не стал — просто глубоко вдохнул запах крепкого табака. Почему-то сейчас это помогло собрать мозги в кучу.

— Значит, Ирэн ничего не помнит о том, что сделала? — хрипло спросил я, вернув сигарету в пачку.

— Это была рискованная операция. Матильда опасалась, что ей не дадут опеку над Ириной, когда наверху выяснится, насколько мощным потенциалом обладает девочка.

— Если я ничего не путаю, Штоффы всегда обладали весьма посредственным рангом Благодати, — перебил я Корфа. — Откуда же у Иры взялись такие силы?

— Хороший вопрос. Мы с Матильдой сошлись на том, что Ирина выиграла в лотерею при распределении силы Осколка. Даже в Аудиториуме до сих пор не изучили все особенности Благодати и не могут объяснить, почему так случается. Но Ирина не первая, кто получил ранг выше, чем был у ее родственников.

Интересное явление. С моей мощной родовой силой было все понятно — Род выбрал мой дух, поскольку я был способен управляться с мощными потоками источника и подходил под решение родовых задач. Но Род представлял собой разумную энергоинформационную систему и принимал взвешенные решения, исходя из потребностей семьи.

Выходит, у Ирки произошло что-то подобное, но только Осколок каким-то образом решил передать ей больше силы? Но ведь Осколок — это просто каменюка, которая содержит в себе определенный уровень силы и поддерживает ее в тех, кто связан с артефактом кровью. Неужели у Осколка тоже было некое подобие разума?

Впрочем, было и более простое, но скандальное объяснение — если отцом Ирины был не среднеранговый Алексей Карлович Штофф, а кто-то посильнее…

Но оба родителя Ирины были мертвы, и эту тайну мы теперь, боюсь, не раскроем.

— Хорошо, — кивнул я. — Допустим, Ирине просто повезло получить высокий ранговый потенциал. Но почему вы согласились на просьбу Матильды? Ведь вам как никому известно, что способны натворить сильные, но неконтролируемые одаренные?

Корф устало потер глаза и вздохнул.

— За мной был должок. Матильда спасла мне жизнь. И пожелала, чтобы я помог ей в уплату этого долга. Ты ведь сам знаешь, Михаил. Долги священны. Поэтому я сам сделал то, о чем она просила.

Я кивнул. Вот оно как, оказывается. А у Корфа и Матильды и правда длинная история…

— Что вы сделали? Рассказывайте, раз уж поставили меня в известность, — потребовал я. — Мало ли что мне однажды придется делать с Ириной. Так хотя бы буду знать, куда не лезть, чтобы не испортить вашу работу.

Корф печально улыбнулся.

— Вряд ли тебе под силу ее испортить. Даже с твоей силой еще много лет придется учиться… Матильда поставила передо мной сложную задачу, настоящее испытание на профессиональную пригодность. Нужно было аккуратно удалить воспоминания об инциденте из памяти Ирины, тонко интегрировать другую версию. Но самая сложность заключалась не в этом. Матильда требовала, чтобы я внушил девочке уверенность в том, что она обладает гораздо меньшим потенциалом. А вот это уже — работа с глубочайшими слоями подсознания. И это по-настоящему сложно.

— Но у вас получилось, судя по тому, что я знаю об Ирине.

— Да, — кивнул Корф. — Фактически она сама себя ограничивает, будучи на сто процентов уверенной, что высшие ранги для нее недостижимы.

— Снимаю шляпу перед вашими умениями, — отозвался я. — Только одного не могу понять. Почему Матильда не хотела, чтобы Ира и дальше развивала способности? Да, ее бы наверняка забрали в пансионат для одаренных, но там бы проследили за тем, чтобы Ира научилась брать силу под контроль. А высокий потенциал мог открыть для нее двери не только в Аудиториум…

— Странно, что именно ты задаешь мне этот вопрос, Михаил. Ты ведь сам уже на своей шкуре понял, чем приходится расплачиваться за обладание могуществом, — он криво усмехнулся. — Что, думал, я не узнаю, что тебя посадили на крючок Аудиториума?

Я дернулся как ошпаренный.

— Откуда?!

Недобрая ухмылка Корфа стала еще неприятнее.

— Когда я говорил, что не могу добраться до Тайного отделения, я не имел в виду, что у нас вообще нет агентов а Аудиториуме. Сперва дошли слухи о некоем загадочном инциденте, повлекшем за собой гибель нескольких знатных первокурсников. Затем кое-кто побегал, порасспрашивал, посплетничал в административном корпусе… И как тебе живется под крылом у Долгорукова?

Теперь настал мой черед язвительно ухмыляться.

— Милый дедок. Но руки у вас и правда не настолько длинные, раз вы не знаете, что стараниями Ордена Надежды с меня сняли этот ошейник. Забавный был кровавый ритуал.

Тайный советник лишь удивленно вскинул бровь, взглянул на часы и приглашающим жестом велел мне говорить. Только сперва почти незаметно повесил над нами непроницаемый купол.

— Излагай, Михаил. Раньше облегчишь душу — больше ночей проспишь крепко.

Ну, это сильно вряд ли, потому что мне скоро снова придется вернуться в самый эпицентр этой вакханалии.

Я отпил немного воды и начал длинный рассказ. О княжичах и их странном задании, о заначке Афанасьева и странном артефакте-маячке. Об Ордене Надежды и Темной Аспиде, которые сцепились между собой так, что щепки летели. О ритуале клятвы Аудиториуму и кровавой чаше, с помощью которой Мустафин и компания избавили меня от зависимости.

Корф слушал меня внимательно и не перебил ни разу. И чем дальше я двигался в описании событий, тем большее удивленное выражение принимало его лицо.

— Так, Михаил, погоди. Давай-ка кое-что уточним. Ронцов — бессмертный?

— Ага, — кивнул я. — Только, чую, с Нового года он будет именоваться Воронцовым. Такая вот интересная мутация у бастарда случилась. Пока срок не подойдет, не помрет.

— Занятно. Об этом мне не сообщили. А я все гадал, зачем Долгоруков тогда вызвал к себе вас обоих. Теперь все встало на свои места. Тебе удалось выяснить имена всех членов ячейки?

— Да.

Корф деактивировал купол, позвенел в колокольчик, и через несколько секунд в дверь протиснулся лакей.

— Чем могу служить?

— Принесите, пожалуйста, пару листов писчей бумаги, — распорядился Пистолетыч. — И еще кофе, если вас не затруднит.

— Разумеется. Сию минуту!

Пока слуги суетились, выполняя поручение, я перевел дух и собрался с мыслями. Не знаю, почему, но мне ужасно не хотелось сдавать Грасс. Ведь за именем каждого человека в этом списке была своя история, полная несправедливости, унижений, обид и боли. Я хорошо знал лишь то, что случилось с Аней, но не сомневался, что и у остальных были свои мотивы бороться за идеи Ордена.

Да и Мустафин оказался совершенно адекватным — и куратором, и лидером заговорщиков. Под пули и заклинания студентов не бросал, постоянно напоминал о необходимости держать себя в руках, многократно перепроверять сведения и настаивал на том, что насилие было лишь крайней мерой. Этакий гуманист от революции. Но история не щадила и таких.

Когда на столике оказались дымящийся кофейник и блокнот, а слуги испарились, Корф снова активировал купол и достал из-за пазухи ручку.

— Пиши все, что выяснил об Ордене Надежды. Имена, прозвища, контакты, места. Ритуал особенно подробно описывай. Важная каждая деталь.

Я занес ручку над чистым листом, но помедлил и поднял глаза на тайного советника.

— Что с ними будет? Каторга?

— Михаил, мы не в девятнадцатом веке живем, — оскорбился Корф. — Проверка с ними будет. Наш император довольно мягок с преступниками. По моему мнению, порой даже излишне мягок. Вот и распоясались, орденов и ячеек посоздавали…

— Я о другом, Вальтер Макарович. Не сочтите это за симпатию к членам ячейки, но… Те, с кем я познакомился, не террористы. Не могу сказать, что они совсем уж безобидные, но не отморозки и не сволочи бессердечные. И руководит ими честный человек. И, признаюсь, мне будет непросто смириться с осознанием, что я отправил почти десяток славных людей на гибель.

— Гибель им не грозит, в этом я могу тебя заверить. Если сами на рожон не полезут и не устроят какую-нибудь массовую резню, то никто их специально убивать не станет. Больше скажу, для нас эта ячейка — не самоцель, а ниточка, чтобы выйти на их главного. Отделению известно, что ячеек несколько и что занимаются они разными задачами.

— Я еще не выяснил, кто ими руководит. Кажется, с ним виделся только главарь нашей, да и то имени нам не назвал.

Корф скривился.

— Разумеется. Он же не полный идиот. Пиши, Михаил. Даю

слово, что сперва будет проведена детальная проверка по каждому имени, что ты укажешь. Не твоя забота, как именно мы будем это делать, но, поверь, мы умеем отличать обиженных юнцов от действительно опасных преступников. Твоим студентам повезло, что им сделают большую скидку на возраст и отсутствие мозгов. Судя по тому, что ты рассказал, там даже сажать особо некого. Пока что… Поэтому пиши, Михаил. Ты большой молодец. Не ожидал, что ты справишься так быстро.

Я хмыкнул, едва ли не впервые удостоившись похвалы от тайного советника. Впрочем, если смотреть на ситуацию объективно, я много косячил, но с задачей справлялся.

Корф снова закурил, а я, вздохнув, принялся строчить показания. Часы дважды пробили по четверти часа, я успел походя выпить две чашки кофе, да и на улице к этому моменту стемнело. А я все писал.

Наконец, когда все важное было перечислено, я отложил ручку и размял натруженное запястье. Корф тут же взял исписанные листы и, пробежавшись по ним взглядом, тут же сложил и убрал во внутренний карман своего вечного кожаного пальто. Странно, что он не отдал его слугам. Хотя порой мне казалось, что Пистолетыч был неотделим от этой своей кожаной хламиды. Наверняка и спал в ней.

— Еще раз скажу — ты пока что неплохо справляешься, особенно на фоне побочных трудностей, связанных с твоим положением, силой и наличии Темной Аспиды, — сказал тайный советник. — И все же будь осторожен. Ты взял очень быстрый старт, а внедрение — это все же марафон. Не гони коней.

Я кивнул.

— Я и не собирался торопиться, честно. Видимо, аура у меня такая — вечно оказываюсь в центре какого-нибудь бардака.

Корф позволил себе улыбку. Не хищный оскал, не мерзкую ухмылочку, а нормальную человеческую улыбку. Впервые за весь день.

— Если так пойдет дальше, после выпуска получишь от нас приглашение. Я серьезно. У тебя, юноша, талант.

— Вы сделали такой вывод лишь на основании одного задания? — ехидно отозвался я.

— Похвалу вымаливаешь, Соколов?

— Нет. Меня же толком никто не научил, как должен вести себя тайный агент. Ну, если не считать пары лекций. Все делаю по наитию.

— Вот именно поэтому у тебя большие шансы оказаться в Тайном отделении. Если захочешь, конечно. А в этом я не уверен.

О, я тоже сомневался. Слишком уж часто на этой службе мне

приходилось выбирать между долгом и собственными представлениями о хорошем и плохом. С другой стороны, порой я с ужасом осознавал, что “подсел” на риск и это щекочущее затылок чувство опасности. Привык к нему настолько, что чувствовал себя неуютно в моменты спокойствия.

Поздравляю, Миха, ты у нас, кажется, адреналиновый наркоман.

— Слушай дальнейшее задание, — Корф подался вперед, едва не задев полой плаща чашку из тончайшего костяного фарфора. — Конечная цель — выяснить, кто руководит всем Орденом Надежды. Нужны хотя бы наводки и даже самые размытые сведения — мы здесь разберемся, что к чему. В ячейке проявляй умеренную инициативу. От поручений не отказывайся, но и оголтелого революционера из себя не строй — не поверят и начнут подозревать неладное.

— Понял. А что с Темной Аспидой? Я расписал, что Орден Надежды отрицает причастность к бойне на Смотре. Глава ячейки утверждает, что Темная Аспида таким образом решила выставить Орден чудовищами.

— Что ж, даже если так, Аспиде это удалось, — ответил Корф. — Эти сведения мы непременно проверим. Правда, не уверен, что получится вытащить много. Но привлечем все резервы. Вопрос действительно важный. Я не намерен вешать на Тагматис Эльпидас больше, чем они натворили.

— Весьма благородно с вашей стороны, — с легкой иронией улыбнулся я.

— А ты считаешь всех нас беспринципными стервятниками, которым лишь бы дело закрыть и побольше людей за решетку упечь? — Раздраженно бросил Корф и закурил. — Так что ли?

Я даже смутился от столь резкого вопроса.

— Нет, но…

— Все мы давали присягу служить государю и государству. А государство — это не только верхушка аристократии, но и люди, благодаря которым твои однокурсники позволяют себе мундиры за сотни рублей, туфельки с жемчугом и лошадей по цене поезда. Тайное отделение обязано поддерживать порядок и безопасность подданных. Увы, мирные методы работают не всегда.

— Так я же вас ни в чем не обвиняю…

— Поверь, мне хорошо известно, что о нас думают люди, — хмуро продолжал Пистолетыч. — Опричники. Стервятники. Душегубы. Если в чем и сходятся чернь и аристократия, так это в неприязни к нашему брату.

— Это, должно быть, обидно.

— Обидчивые у нас надолго не задерживаются, — отрезал

Корф. — В конце концов, кто-то должен выполнять эту работу. Иначе начнется полный бардак. И в моменты, когда ты будешь глядеть в ясные глаза своих юных революционеров, помни, что ты выполняешь свое задание во имя порядка и мира. Усвоил, Михаил?

— Да, — тихо ответил я. Осталось еще самому с этим примириться.

— Славно. Что до Темной Аспиды, то постарайся взять и этот вопрос в работу. В эту структуру ты не проникнешь — положением не вышел. Но если они выяснят, что ты сотрудничаешь с Орденом Надежды, могут попытаться тебя убрать. И на этот раз они отправят не неопытных княжичей, а серьезных людей. Так что будь осторожен.

Корф протянул было руку, чтобы снять купол, но я его остановил.

— Разумеется. Вальтер Макарович, позвольте еще вопрос?

— Давай.

— Зачем вы рассказали мне правду о потенциале Ирэн?

— Затем, что это еще один риск. Мы с Матильдой надежно заметали следы, но если правда о способностях Ирины просочится… Сам догадаешься, что будет?

Я вздохнул.

— Если она сама узнает правду о себе и о том, что сделал с родителями… В лучшем случае случится нервный срыв. В худшем может и вовсе умом тронуться. А если общественность или просто ваши недруги узнают, что вы годами скрывали эту правду, то у вас, Вальтер Макарович, будут большие проблемы на службе.

— Как деликатно ты сформулировал вопрос о моей принудительной отставке с волчьим билетом, — криво улыбнулся Корф. — Но в целом ты прав. Матильде тоже придется несладко. Словом, ты должен учитывать все риски.

— И вы полагаете, что исчезновение Ирэн может быть связано с этим?

— Не знаю, Михаил. Пока мы с тобой гоняем чаи и точим лясы, мои люди рыщут по городу. И думаю…

Он резко умолк, услышав шум автомобильных шин. Не сговариваясь, мы повскакивали со своих мест и бросились к окну.

К ярко освещенному парадному крыльцу подкатил мордатый представительский “Форд”, и водитель в темном костюме выскочил, чтобы помочь пассажиру выбраться. С заднего сидения вышла Ирэн собственной персоной. Взглянула на дом, улыбнулась и, подхватив сумочку, направилась к лестнице. Водитель тем временем вытаскивал ее многочисленные чемоданы.

Мы с Корфом переглянулись.

— Вот и нашлась наша Ирочка. Сама по себе…

— Пойдем поздороваемся, — хмуро сказал Корф и направился к дверям.

Я последовал за тайным советником, кожей ощущая его гнев и напряжение. Ох, сейчас кому-то влетит по первое число за опоздание…

Ирина тем временем сбросила шубу на руки лакею, тепло поздоровалась с Василием и удивленно уставилась на нас — очевидно, слуги не успели предупредить ее о гостях.

— Дядя Вальтер! Миша? А ты что здесь делаешь?

Корф, уже багровеющий от гнева, кивнул в сторону малой гостиной.

— Идем, Ирина. Нужно поговорить.

Ирэн переобулась в домашние туфельки и, пожав плечами, направилась в гостиную.

— Что-то случилось? На вас обоих лица нет. Ей-богу, словно кто-то преставился.

— Где ты была? — не выдержал я. — Мы всех на уши подняли!

— А разве вам не позвонили? — удивилась девушка. — У нас почти на самом выезде из города сломался автомобиль. Пока связались с компанией, пока пригнали другую машину и выгрузили все вещи…

— Ты уехала из города в начале двенадцатого! — Рявкнул я. — Где ты шлялась?

Лицо Ирины резко ожесточилось.

— Михаил, ты ничего не перепутал? Орешь на меня в моем же доме и это после того, что наделал. Скажи спасибо, что я в благодушном настроении и приглашаю тебя отужинать с нами.

Вот уж снизошла так снизошла! Тьфу ты.

— Михаил прав, — внезапно поддержал меня Корф. — Твоя поездка слишком затянулась. Даже с учетом смены автомобилей ты не могла провести столько времени в дороге. Где была? И прежде, чем ты попытаешься что-либо возразить, напомню, что в отсутствие Матильды я несу за тебя ответственность.

Ирэн нахмурилась, влетела в распахнутые двери, поморщилась от повисшего в воздухе дыма и рухнула на диван.

— В салоне красоты я была, черт возьми! Маникюр, педикюр, стрижка, маски… В Аудиториуме, знаете ли, не до процедур было. А я хочу встретить Рождество в человеческом обличьи!

Я молча опустился в кресло, закрыв лицо руками. Испанский стыд. Накосячила она, а неловко было мне. Корф проглотил тираду и задал только один вопрос.

— Так почему до тебя было не дозваться?

— Не хотела, чтобы меня беспокоили. Можно мне хоть иногда побыть наедине со своими мыслями?

Пистолетыч устроился на диване рядом с Ириной. Молча налил себе кофе и снова закурил. Я разглядывал действительно немного посвежевшую Ирку. Не знаю, что там с ней сделали в том салоне красоты, но особой разницы я не заметил. Вроде волосы по-другому лежали, но остальное… Ох, женщины… Любовь и боль.

— Я прошу прощения, — наконец изрекла Ирина. — Следовало предупредить тебя, дядя Вальтер, но у меня попросту вылетело из головы.

— Что, свобода опьянила? — тихо огрызнулся я.

— Да. Не думала, что настолько соскучусь по Петрополю и простым человеческим радостям. Кстати, дядя Вальтер, у меня есть для тебя подарок!

Я развалился в кресле. Напряжение немного меня отпустило, и скукоженные мышцы чуть расслабились. Но под ложечкой все равно немного сосало. Если бабушка была права, то какая опасность сейчас угрожала Ире? Неужто Корф? Да ну, бред.

— Твой подарок под елкой, — сказал Пистолетыч. — Откроешь рождественским утром.

— Ага. А твой я подарю тебе сейчас, — улыбнулась Ирэн и покосилась на меня, словно не хотела дарить его при свидетелях. Я демонстративно отвернулся и уставился на портрет над каминной полкой. Детский сад.

Я слышал шорох ткани, затем зашелестела бумага.

— Вот. С наступающим, — услышал я.

— Спасибо, милая.

Судя по шорохам, Ирэн полезла обниматься. И в этот момент что-то ударило меня в затылок с такой силой, словно кто-то огрел меня медным тазом по голове. Только вот удар этот был ментальным.

Я резко развернулся и словно напоролся на непробиваемую стену. Сам воздух в гостиной дрожал и искажал контуры предметов и людей. Я попытался встать — пришлось даже зачерпнуть немного силы из источника, чтобы преодолеть это странное сопротивление.

— Что… Что ты делаешь?

Корф медленно повалился набок, держась за живот. Вроде бы глаза его были открыты, он беззвучно шевелил губами и не мог ничего сделать. Ирэн оглянулась на меня безумными широко открытыми глазами.

На меня накатила еще одна ментальная волна — такая

мощная, что я рухнул на пол. Воспользовавшись этим, Ирэн тут же выбежала за дверь.

Я быстро поднялся и продрался к Корфу сквозь плотный воздух. Тайный советник лежал на диванчике, держась за стремительно алеющий бок.

— Эй! Корф! — позвал я. — Говорить можете?

Он лишь отнял одну руку и указал себе на голову.

Кровь из раны пошла сильнее.

Глава 30

Я оглянулся на двери, в которые выскочила Ирина — девчонка развила спринтерскую скорость и исчезла в анфиладе комнат. Лишь топот ее домашних туфель удалялся, да были слышны встревоженные возгласы слуг.

Но сейчас было не до Ирки и ее безумств. Корф истекал кровью и не мог говорить. Судя по всему, Ирэн шарахнула по нему ментальной силой так мощно, что тайного советника почти что парализовало.

А если так, то… Своевременно он меня предупредил. Вот уж не зря говорят, что у сотрудников подобных организаций с годами вырабатывается чутье.

— Вальтер, я сейчас попробую остановить кровь, — сказал я, опускаясь на колени возле пропитавшегося кровью диванчика. — Буду работать чистой силой, на другое времени нет. Будет больно.

Корф лишь вытаращил глаза и попытался что-то промычать, но, судя по всему, не возражал. Я сбросил пиджак, быстро задрал рукава рубашки и приложил обе ладони к ране, взывая к родовому Источнику.

“Он нужен. И нужен живым. Он — наша ниточка, чтобы весь этот бардак закончился, и нас оставили в покое”, — тараторил я духам, выторговывая доступ к резервам силы.

“Не медли”, — отозвался Род. — “Бери сколько нужно”.

На этот раз хотя бы быстро договорились. Я словно на пару секунд вышел из тела и оказался в пространстве, что занимали наши духи. Передо мной возникли потоки силы, и я тут же отделил толстую нить от целебного.

Не было времени на “Живую” и “Мертвую” воды, не было времени ни на что. Ирэн пронзила Корфа чем-то длинным и острым вроде иглы, спицы или заточки. А это означало еще и внутреннее кровотечение. Если не успею залатать вовремя, хирургия окажется бессильна.

— Терпите, — приказал я и протянул в реальное пространство поток силы. Визуализация выглядела потрясающе красиво — переливалась, искрилась, фонила… Я протянул конец потока прямиком к ране, как иной раз дачники тянут шланг от насоса из колодца. Сила полилась прямо в тело тайного советника, а мне осталось направлять ее в верное русло, корректировать поток и конфигурировать распределение.

Корф застонал.

— Ммм… Ииии…

— Тихо! — рявкнул я. — Не мешайте вам жизнь спасать! Потом матами крыть будете!

На удивление к нам в зал не прибежал никто из слуг. Что же с ними сделал Ирка? Или они просто испуганно попрятались, боясь хозяйкиного гнева?

Ладно, с этим разберемся чуть позже.

Кровь остановилась. Я разорвал рубашку на Корфе и в первый момент отшатнулся — весь живот и грудь тайного советника были исполосованы уродливыми старыми шрамами.

— В экую мясорубку вы попали, — шутил я, больше стараясь подбодрить себя, нежели его. — Ну, если такое пережили, то Ирка вам не страшна…

Поток продолжал литься, и судя по тому, сколько силы отдавал Источник, дела у Пистолетыча и правда были плохи. Кто знает, чем бы все это закончилось, не окажись я в комнате.

Наконец на лицо Корфа начали возвращаться краски.

— Вот что родовая сила животворящая делает, — улыбнулся я и осторожно дотронулся до раны. Она затягивалась прямо на глазах.

Корф уже смог пошевелиться и снова с мычанием постучал себя пальцем по виску.

— Ммммм!!

Чего он хотел? Неужели Ирка на него какой-то блок повесила?

Убедившись, что рана стала выглядеть гораздо лучше, я перенес руки на лоб Пистолетыча. Он дернулся от моего прикосновения, но стиснул зубы.

— Так… Сейчас посмотрим.

“Б… Бл…” — попытался кряхтеть он ментально?

— Вы о речевом блоке или просто материтесь?

Видимо, все же подразумевался блок. Я быстро пробил поверхностную защиту — многострадальный тайный советник дернулся, словно его долбануло током, но, встретившись со мной глазами, кивнул. Дескать, работай, парень. Сдюжим.

Отбросив ошметки защиты, поверхностных воспоминаний и прочей ненужной информации, я начал прицельно искать блок. У Ирки не было времени его прятать, значит, он будет похож на энергетическое уплотнение. Вроде нароста или узелка.

Ищи, Миха, ищи!

Я носился по разуму Корфа, судорожно осматривая все, что попадалось на глаза. И наконец нашел!

— Ох и ни хрена ж себе! — Вырвалось у меня, когда я увидел визуализацию созданного Иркой заклинания. — Это было не просто уплотнение. Это была чертова опухоль размером с

половину мозга. Только спрятала она ее хитро.

Но не успела поставить защиту на свою работу.

— Сейчас тоже будет больно. Просто кошмар как больно. Она влепила этот блок вам прямо на живую. Держитесь, Макарыч.

Корф кивнул и вцепился пальцами в подлокотник и спинку дивана, готовясь принять боль.

Я старался действовать как можно аккуратнее, но в текущих условиях это было роскошью. Пистолетыч взвыл, когда я начал отрывать нарост с области разума, отвечавшей за мысли и речь. Прости, мужик, так надо.

Часть уплотнения сорвалась и отлетела прочь, и я для надежности испепелил ее боевым потоком. Ибо нефиг мусорить в голове. Осталась вторая половина — та, что блокировала контроль над телом.

В этот раз я просто зарядил в нее мощным потоком, словно вырезал лазером. Корф истошно завопил, забился подо мной, и пришлось навалиться на него всем весом, чтобы закончить начатое.

Если после такого он еще сможет ходить и разговаривать, с меня коньяк.

— Все… — я рухнул в сторону, уже на лету уничтожая последнюю часть блока. Не удержал равновесие и скатился с дивана на пол, опрокинув чашку. Еще и получил в лицо кофеем. Хорошо хоть, остывшим.

— Ми… Михаил, — хрипло позвал Пистолетыч. — Как ты?

— Я-то нормально. Вы как?

— Жить буду. Твоими стараниями, — он попытался сесть и с усилием ухватился за спинку дивана. Я заметил, что подлокотник треснул под его пальцами.

— Михаил, найди Ирину. Если ты в силах… Найти и останови ее.

Я устало привалился к креслу. Нужно было перевести дух. Пусть пользовался я не своей силой, но все равно спешка и контроль над ней здорово выматывали.

Корф снова попытался встать.

— Куда?! — рявкнул я так, что он изумленно на меня обернулся. — Сидеть! Я вас наспех латал. Не дай бог рана опять закровит.

Я ожидал, что Пистолетыч начнет возражать, но он послушно опустился обратно на окровавленный диван.

— Вам нужно в больницу. Пусть доктор посмотрит.

Корф решительно мотнул головой и закурил.

— Нельзя мне в больницу. У меня высокий чин. Если выяснится, что на меня было совершено нападение, в Главном

управлении Отделения всех на уши поставят. Начнут копать где не следует, и все наши тонкие ниточки оборвутся. Ирину могут вообще под суд отдать. И, кроме того, я всерьез могу лишиться своего поста после этого инцидента, — Корф выдохнул тонкую струйку дыма и уставился на меня в упор. — Поэтому никому ни слова. Уяснил?

Дерьмовый расклад.

— Я не целитель. Да, сейчас вам полегчало, но я все же неквалифицированный специалист. Поэтому давайте договоримся — я иду ловить Ирину, а вы сидите на заднице ровно.

— Вот и всплыл твой пролетарский лексикон. В вашем мире все так разговаривают?

— Почти, когда в стрессе, — огрызнулся я. — Мы договорились? Это в ваших интересах, если не хотите на операционный стол.

— Согласен! — раздраженно буркнул Корф. Явно испытывал муку от собственной беспомощности.

Я снова взглянул на его рану. После того, как я отделил поток, заживление пошло медленнее. Часок точно придется посидеть, благо у самого Пистолетыча был хороший резерв для быстрого восстановления.

— Найди Ирину и обезвредь. Любыми способами. У тебя есть разрешение на использование любого ранга силы. В случае угрозы твоей жизни со стороны Ирины… — лицо тайного советника болезненно скривилось. — Ликвидируй.

Я встретился с ним глазами. Корф смотрел на меня в упор и выдержал мой ошарашенный взгляд. Инстинктивно сглотнув слюну, я кивнул.

— Вас понял.

И вышел, не оборачиваясь.

Наверное, так и проходят боевое крещение или какие там испытания предусмотрены для сотрудников. Мне только что дали разрешение на убийство девушки, которую я поклялся защищать. Которую сам Корф должен был защищать.

Но я не хотел убивать ее, не выяснив причины.

Одно было понятно точно — кто-то снял с нее блок. А это было под силу кому-то очень хорошо подготовленному. Радамант? Он первым пришел мне в голову — ведь он уже ковырялся у Ирки в голове. Мог заметить аккуратные спайки на месте старых воспоминаний.

И в интересы Радаманта вполне могло укладываться устранение Корфа. А тут Ирка — девочка-припевочка, которой Пистолетыч доверял и от которой точно не ждал ножа в спину. Идеальная кандидатка на роль убийцы.

Я с ревом вылетел в холл особняка.

— Василий!!! Где она?

Из-за угла выглянул напуганный до чертиков лакей.

— Ннн-на верху, — заикаясь, пролепетал он. — У-убежала н-наверх…

Я рванул по лестнице, на ходу пытаясь ментально дозваться до Ирины. Может и ответит, чем черт не шутит.

“Ира! Где ты?”

Я понял, что она меня услышала. Но ничего не ответила. И все же ментальный канал установился.

Первым делом я пронесся по всему второму этажу, заглядывая в каждую дверь. Начал со спальни Ирэн — пусто. Выбил дверь в покои Матильды — тоже никого. Так я пробежался по всему этажу — Ирки нигде не было.

“Ира, я хочу помочь. Слышишь? Помочь!”

“Поздно, Миш”, — тоскливо вздохнула девушка в моей голове. — “Здесь уже никто не поможет”.

“Где ты? Позволь тебя найти!”

“Наверху”.

“Я на втором этаже. Тебя нигде нет”.

“На самом верху”.

Я остановился. Точно, была ведь маленькая лестница, которая вела в башенку во флигеле. Оттуда можно было через окно выбраться на крышу. Однажды Коля Сперанский мне ее показывал. Только Матильда запрещала вылезать.

Я ненавидел высоту и крыши. Терпеть не мог высоту. До тошноты и дрожи в коленях. Что ж, грядет еще одно испытание воли.

Бегом я долетел до флигеля и ворвался на узкую винтовую лестницу, что поднималась в башенку. В таких наверняка могли творить художники — свет со всех сторон, романтика… Только вот сейчас никакой романтики не было.

А мне было страшно. Потому что сегодня остатки того, на чем держался мой шаткий мирок, грозились развалиться окончательно.

— Ира! — я выглянул в распахнутое окно и заметил, что внизу начали собираться люди. Сбежались на крик слуги, встревожилась охрана.

Я осторожно вылез и, стараясь не глядеть вниз, почти ползком перебрался на крышу. Ирэн была босиком — стояла, ухватившись за дымоход, и испуганно таращилась на меня.

— Вот ты где, — я выдавил из себя улыбку, стараясь успокоить ее. — Зачем так высоко забралась?

С Иркой явно творилось что-то не то. Никогда не видел ее

настолько потерянной и раздавленной.

— Они скрывали, — тихо сказала она, и ее голос почти заглушил порыв ветра. — Скрывали от меня правду. Я чудовище!

— Каждый по-своему защищает близких, — отозвался я, потихоньку приближаясь к девушке. — Ты поэтому напала на Корфа?

Ирэн испуганно мотнула головой.

— Голос… Голос. Он мучил меня. Истязал до тех пор, пока я не сделала то, чего он хотел.

Значит, контроль разума. Причем беззастенчивый, грубый. Кто-то не просто раскроил Ирке черепушку и вытащил то, чего ей не следовало знать, но и заставил действовать по своей указке. И этот кто-то явно ничего не боялся.

— Но теперь все закончилось, — ответил я. — Закончилось, Ир. Ты дома, в безопасности… Я с тобой.

Я говорил какую-то чепуху, стараясь успокоить ее тоном своего голоса. Ира молча роняла слезы, но отшатывалась от меня каждый раз, когда я шагал к ней.

— Миша, уходи! Уходи, прошу!

— Я уйду, но с тобой. Мы все уладим. У меня уже есть план.

Ира снова исступленно замотала головой, а затем обхватила ее обеими руками, едва не соскользнув к краю покатой крыши.

— Нет! Тебе нельзя! Нельзя здесь быть. Голос снова мне приказывает!

— Что он тебе приказывает?

— Он… Он хочет, чтобы я тебя убила. Он тебя ненавидит… Я чувствую это, чувствую его ненависть и презрение. И не могу им сопротивляться, они овладевают мной, заставляют меня. Не могу, Миш! Но я не хочу… Он будет мучить меня, пока я не сделаю то, что он велит. Больно… Больно…

Однажды я уже снял с нее контроль Радаманта, значит, и в этот раз получится прочистить ей мозги.

— Все будет хорошо, — сказал я и шагнул к ней.

Ира испуганно шарахнулась от меня, соскользнула к самому краю крыши, но успела ухватиться за каменную статую, что украшала особняк.

— Есть только один вариант, чтобы все было хорошо, — улыбнулась она и разжала руки.

Ее ноги поехали вниз. Я метнулся к ней, дернулся, чтобы повесить на нее “Берегиню”, но Ира, словно предугадав мой порыв, ударила в меня мощной ментальной вспышкой и сбила заклинание.

— Черт!

Резануло по глазам, пробрало дрожью и спазмом — всего на

секунду, но этого было достаточно, чтобы опоздать.

Иры больше не было на крыше.

Вся кровь отлила у меня от лица, а дыхание перехватило. Я осторожно подошел к самому краю и свесился вниз.

Она лежала внизу, на обломках живой изгороди, среди пожухлых присыпанных снегом цветов.

“Я не хотела тебя убивать”, — тихо сказала Ирэн и затихла.

***

Императорская Военно-медицинская академия занимала целый квартал в том месте, где в моем мире располагалась станция метро “Площадь Ленина”. Разумеется, здесь ни о каком Ленине речи не шло, зато Финляндский вокзал вполне себе существовал, а на месте памятника и фонтанов был разбит цветник.

Улица академика Лебедева, на которой располагалось Военно-медицинская в моем мире, здесь носила название Нижегородская.

Такси припарковалось аккурат перед главным входом — за изящным кованым забором простирался небольшой сквер, а за ним высилось двухэтажное здание главного корпуса академии. Стеклянный купол отражал блики зимнего солнца и даже немного меня ослепил.

Я протянул водителю рубль и быстро вышел, а машина тут же отчалила в сторону моста.

— Доброго дня! — поздоровался я с вахтером на КПП.

— Добрейшего здравия! Вы студент или посетитель к хворым?

— Хочу навестить больного, — сказал я и протянул паспорт. — У вас размещена Ирина Алексеевна фон Штофф, должна пребывать в Лечебном корпусе в Отделении ментальных болезней.

— Сейчас проверим… — вахтер уткнулся в большую папку, и, ворча что-то под нос, принялся листать страницы. — Так… Штофф… Штофф… А, нашел! Да, все верно. Приемные часы сегодня до семнадцати.

— Я успею, обещаю.

Переписав мои данные, вахтер вернул мне документы и нажал на кнопку. Двери с шипением отворились, пропуская меня во двор академии.

Да уж, Корф устроил все по высшему разряду. Я плохо помнил тот вечер — события перемешались в кашу воспоминаний. Шум, беготня, причитания… Вроде бы я тогда спрыгнул с крыши под “Берегиней” и дрожащими руками пытался

оказать Ирке помощь.

Лекари приехали очень быстро — или мне так показалось. Моментально увезли, по распоряжению Корфа — прямиком в Военно-медицинскую. Травмы были плохо совместимы с жизнью, но доктора сотворили чудо. Ирэн выжила. Другой вопрос, что физически она могла восстановиться, а ментально…

Военно-медицинская академия была не просто “блатным” местом, а почти что настоящим санаторием. Правда, с единственным неудобством — здесь всюду шастали голодные до знаний и практики студенты-лекари. Некоторые после прохождения обучения здесь отправлялись на повышение квалификации в Аудиториум. Совмещали оба вида медицины, так сказать.

Улыбчивая сестра на посту снова проверила мои документы и выдала мне дежурный халат и бахилы.

— Прошу надеть, ваше сиятельство. Здесь, конечно, не хирургическое, но все же…

— Слушаюсь и повинуюсь, — улыбнулся я. — Не подскажете номер палаты Ирины фон Штофф?

— Четвертая. Прямо по коридору до конца. Предпоследняя дверь с правой стороны. Только… — сестричка замялась. — Не в сознании она. Ввели в искусственное беспамятство, пока ждем нашего главного менталиста из командировки. Боюсь, бедняжка вас даже не услышит. Она сейчас все равно что… Простите. Я говорила, не подумав. Не хотела усугублять вашу печаль.

— Ничего, — кивнул я. — Я знаю, что она в глубоком сне. Просто хочу убедиться, что с ней все в порядке. Мне так будет спокойнее.

— Разумеется, ваше сиятельство.

Откланявшись, я быстро нашел нужную палату. Но перед тем, как отворить дверь, почему-то остановился. Воспоминания о том, что совершила Ирка, хлынули на меня потоком. Ну как же мы все это проморгали? Как же я так глупо не успел? И как она будет со всем этим жить, когда очнется?

Если вообще очнется.

Собравшись с мыслями, я потянул дверь на себя и тихо скользнул в палату. Несмотря на дневное время, шторы были плотно задернуты, и в помещении царил полумрак. Палата оказалась одноместной, с хорошим ремонтом — не иначе Корф постарался выбить лучшую.

Я с трудом заставил себя взглянуть на кровать и дернулся от неожиданности, когда увидел, что у Ирины уже был посетитель. И совершенно не тот, кого можно было ожидать.

— Знал, что ты к ней придешь, — печально улыбнулся

Радамант и бережно, почти с любовью, отпустил руку Ирэн. — Здравствуй, Михаил.

Глава 31

“Колобок” сам по себе сорвался с моей руки — рефлексы отреагировали быстрее, чем сработал мозг.

— А ну убрал от нее руки! — прорычал я. — Отошел от кровати!

Радамант жестом остановил приблизившееся к нему заклинание и, дотронувшись до “Колобка” пальцем, лопнул его, словно мыльный пузырь.

— На два тона тише, Михаил, — спокойно сказал косоликий. — Я не причиню ей вреда.

— Ага, так я и поверил.

Я снова сотворил “Колобок” и на всякий случай повесил на себя все возможные защиты. Молочно-белый силовой шар завис над моей рукой, готовый сорваться по моей воле в любой момент.

Радамант с насмешкой взглянул на заклинание.

— Это лишнее, ваше сиятельство. Я здесь не для того, чтобы воевать.

— Для чего тогда?

— Дожидался тебя. Есть разговор. Присаживайся, — он кивнул на свободный стул по другую сторону Ириной кровати. — Обещаю, никакого применения Благодати.

Я внимательно смотрел на его обезображенное старыми шрамами лицо. Глаза Радаманта — сейчас они были пронзительно-голубыми, смотрели на меня ясно, внимательно и с некоторым любопытством. Словно он гадал, как я себя поведу.

Ладно. В конце концов, желай он меня убить, уже предпринял бы попытку. И если бы он хотел расправиться с Ирэн, то успел бы это сделать до моего появления. Я чувствовал биение жизни в ее ослабевшем теле — девушка точно была жива, хотя и не в порядке.

А вот разговор с Радамантом мог пролить свет на некоторые вещи, что меня интересовали.

Я уселся на стул, расправив полы накинутого на плечи халата. Радамант был без него — наверняка отвел глаза медикам и проник в палату незамеченным. Если уж смог пробраться тогда на Полигон, то больница для него вообще простой объект.

— О чем ты хотел поговорить? — спросил я, пытаясь унять напряжение. Отчего-то я чувствовал себя, словно оказался в клетке с голодным львом.

— Боюсь, мне нужна твоя помощь.

— Вот как? — криво усмехнулся я. — А говна на лопате не хочешь после того, что ты сделал с моими родными?

Радамант устало прикрыл глаза и вздохнул.

— Полагаю, Михаил, ты так и не понял, в чем оказался замешан.

— Допустим. Так просвети неуча. Но сперва ответь, зачем ты сделал это с Ириной?

— С чего ты взял, что это был я?

— С чего бы начать? — огрызнулся я, с трудом подавляя гнев. — С того, что ты уже залезал ей в голову и внушал мысли? С того, что играешь людскими умами? С того, что Корф идет по твоему следу и вот-вот прищемит тебе хвост?

— Замечания справедливые, да и размышления вполне логичные, — Радамант подался вперед. — Только, к твоему сожалению или же к радости, это была не моя работа. Я не святой, но так грязно действовать бы не стал. Тем более через эту девушку.

Я не выдержал и тихо рассмеялся. Это Радамант мне сейчас говорил о чистых методах? Ага, ангел во плоти, только нимб на зарядке стоит.

— Докажи, — отсмеявшись, сказал я. — У меня нет причин тебе верить.

— Знаю. И вот тебе мой подарок. Вы с Корфом дышите в затылок не только мне. Выйдя на Темную Аспиду, вы устроили в их кругах переполох и нарушили все их планы. Поэтому теперь они действуют грубо, жестко и порой спешно. Это ваш шанс подловить их на ошибке. В спешке люди непременно допускают ошибки. Ваша задача — просто это отследить.

— Тебе-то до этого какое дело?

— Мы с Темной Аспидой на разных сторонах, как ты можешь понять, — усмехнулся Радамант. — Мне их деятельность мешает.

— И какой помощи ты от меня ждешь?

— Помоги мне добраться до них. У меня есть союзники, но не все они могут проникнуть туда, где для тебя открыты двери. Помоги выйти на Темную Аспиду, вычислить их имена — и я обещаю, что больше они ни для кого не создадут проблем.

Ага, и подставиться под все пули разом? Нашел дурака.

— Могу дать тебе контакты людей из Ордена Надежды, — ответил я. — У меня есть выход на ячейку в Аудиториуме. Насколько мне известно, ваши цели схожи. И к Темной Аспиде они питают не меньшую антипатию.

Радамант широко улыбнулся, но из-за его уродства улыбка больше походила на волчий оскал.

— Ну еще бы Орден Надежды не питал к ним неприязнь. Ведь именно я его создал. Думал, ты давно догадался.

Я скользнул взглядом по точеному профилю Ирэн. Хорошо,

что она была в глубоком сне и не слышала все, что здесь творилось.

— Я предполагал, что ты можешь работать с Орденом Надежды. Но не был уверен и не имел прямых доказательств.

— Их и не будет, — пожал плечами Радамант. — Я много лет этим занимаюсь и умею скрываться даже от союзников. Приходится руководить дистанционно. Но ресурсов организации недостаточно, чтобы выйти на Темную Аспиду. Нужны союзники вроде тебя и Корфа, статус которых позволит пролезть туда, куда не сможем мы. И то, что я сейчас откровенничаю с тобой, должно многое говорить о серьезности ситуации.

Я кивнул. Разумно. Даже обладая силой романовского Осколка, Радамант все равно был уязвим, как любой человек. Такого можно было взять или качеством, или количеством. И, полагаю, знай Корф сейчас о том, что Радамант был здесь, то разнес бы всю Академию, лишь бы его схватить.

Что ж, это становилось по-настоящему интересно.

— Почему ты пришел с этим именно ко мне? — спросил я. — С чего уверен, что я стану тебе помогать?

— С того, что ты все еще мечешься и не знаешь, чью сторону занять, Михаил. Ты любишь семью, понимаешь мотивы Тайного отделения, но и Орден Надежды тронул тебя за живое. Ты всеми силами пытаешься балансировать так, чтобы оставить как можно меньше жертв. И это хорошо. Потому что Темная Аспида уже не раз организовывала крупные акции, выставляя нас террористами.

— Магистр говорил мне об этом. И, опять же, проверить это я не могу.

— Придется поверить на слово.

— Отлично. Просто прекрасно.

Внезапно Радамант изменился в лице.

— Послушай меня, — резко сказал он, и я вздрогнул от его интонации. — До недавнего времени я был готов если не закрывать глаза на жестокость Темной Аспиды, то хотя бы рассматривал возможность отыскать их и передать сведения тому же Тайному отделению. Да, меня заботило то, что они нас подставляли, но с этим можно было мириться и даже извлекать из этого выгоду.

— И что же случилось?

Косоликий снова прикоснулся к руке Ирины.

— Ты не задавался вопросом, откуда у наследницы весьма средненького рода Штоффов оказались столь выдающиеся силы?

— Разумеется, задавался.

— А если я скажу, что она — моя кровь?

Я приподнял брови. Неужели та моя догадка подтвердилась?

Впрочем, ничего удивительного — такой расклад был куда вероятнее, чем случайное распределение энергии Осколка Штоффов.

Правда, теперь открывалось и другое. Великий Князь Александр Константинович, тот фрик в леопардовом халате и кирзовых сапогах, утверждал, что Радамант принадлежал к Романовской крови. Что носил в себе силу Великого Осколка, что принадлежал императорскому дому.

И если Ирина была его кровью, то…

— Дочь? — коротко спросил я.

Радамант кивнул.

— Хорошо, что лицом не в меня пошла. Хотя в былые времена я был посимпатичнее.

Ну да, по возрасту она как раз годилась ему в дочери. Выходит, матушка Ирины была не особо-то и верна барону… И все эти люди порицали разврат. Ну да, ну да.

Вообще мне было впору удивленно вытаращить глаза, хватать ртом воздух и чувствовать слабость в коленях. Но, видимо, я настолько привык к тому, что все вокруг меня постоянно переворачивалось с ног на голову, что даже не удивился. Просто еще одна тайна. Одной больше, одной меньше…

— Миленько. Родительский инстинкт проснулся? Так поздновато.

— Ее мать так пожелала. Мы познакомились в Москве девятнадцать лет назад. К тому моменту Штоффы уже несколько лет состояли в браке, но наследников завести никак не получалось. И мать Ирины решила проблему по-своему…

— И почему она выбрала тебя?

Радамант печально усмехнулся.

— В Петрополе она бы не смогла совершить задуманное втайне. В Москве с этим немного проще. Кроме того, я представился ей простолюдином, но она почувствовала во мне Благодать.

— Я уже в курсе, что ты — бастард одного из Романовых, — сказал я. — Не знаю, кто твоя мать и какое имя тебе дали при рождении, но, судя по тому, что тебя не отрезали от рода, твое появление на свет удалось надежно скрыть.

— Сообразительный ты парень, — немного удивился косоликий. — Молодец. Корфу повезло заполучить такого агента.

Я пропустил этот комментарий и сосредоточился на другом.

— Выходит, мать Ирины решила, что связь с неустановленным романовским ублюдком будет безопаснее, чем с кем-то из аристократии? Что ж, по-своему это разумно. Только, видимо, кое-что пошло не так, да?

Радамант кивнул.

— Мы, можно сказать, заключили договор. Я был моложе на несколько лет, мне тогда едва исполнилось двадцать. Жил я как простолюдин, естественно. Училище для неодаренных, маленькая квартирка на Покровке. Подрабатывал в театре. Там мы и познакомились.

Я заметил, что он ни разу не назвал мать Ирины по имени. Неужели по привычке берег конфиденциальность дамы даже сейчас?

— Она начала приходить на вечерние представления каждый вечер. И через несколько дней я получил записку — она назначила мне встречу. Мне стало интересно, и я пошел. А дальше она рассказала мне о своей проблеме и предложила своего рода сделку, основанную на взаимной симпатии, секретности. Предлагала за это деньги, но я отказался. Стыдно сейчас признаться, но тех недолгих моментов встреч мне хватило для того, чтобы начать восхищаться этой женщиной. Она и правда была словно из другого мира — недоступного для меня. И моя юношеская гордость жаждала хоть как-то прикоснуться к этому миру. К миру, к которому я мог бы принадлежать, но не должен был. И я пошел на поводу у горячности, а за эту глупость пришлось заплатить дорогую цену.

— Судя по тому, что Ирина лежит здесь, все у вас прошло успешно.

— Да. Вскоре Штоффы закончили дела в Москве и вернулись в Петрополь. Мне остались воспоминания и один небольшой прощальный подарок, — Радамант осторожно разжал пальцы Иры, и я увидел маленький медальон в ее ладони. — Я решил, что настало время ей его вернуть.

— Да вы, батенька, романтик.

— Если ты в двадцать не романтик, у тебя нет сердца.

— А если остаешься романтиком в сорок, то у тебя нет мозгов, — продолжил я.

Радамант снова сжал пальцы дочери.

— Спустя примерно месяц ко мне заявились незнакомые люди. Их было пятеро или шестеро — не помню. Барон узнал о беременности супруги, но сложил одно к другому, устроил ей допрос с пристрастием и вышел на меня. Меня попытались убить, и именно в тот день мой дар впервые проявил себя на всю мощь. Правда, напоминание об этой стычке я теперь каждый день вижу в зеркале, — усмехнулся Радамант. — Затем на меня пытались напасть снова, я защищался и засветился. На меня обратили внимание московские ищейки, пришлось прятаться. Друзья укрыли меня, сделали новые документы… Затем меня все же

поймали, пытались выяснить происхождение. Мне помогли бежать те, кто в свое время пострадал от произвола аристократии. И вскоре появился Орден Надежды.

Я устало откинулся на спинку стула. Да уж, ну и история. Как и Троянская война, опять все из-за женщины и ревности. Угораздило же Иркину матушку сойтись именно с романовским ублюдком.

Да и Радамант просто отец года.

— Одного понять не могу, — сказал я. — Когда ты в Лебяжьем залез в голову Ирине и внушил влюбленность в меня… Можно сказать, подложил ее под меня, это вообще что такое было?

— А теперь посмотри на этот союз с высоты тех знаний, которые получил. Романовская кровь, сила Великого Осколка встречается с мощнейшей и древней родовой силой. Представь, какими возможностями обладали бы ваши наследники.

Мне к горлу подкатила тошнота. Желчь жгла пищевод, меня замутило, и перед глазами все поплыло. Черт возьми. Ладно мои старшие настаивали на союзе со Штоффами — их интересовали их богатство и Осколок в обмен на графский титул. Это я вполне мог понять — обычные аристократические выгоды. Такие сделки совершались едва ли не каждый день.

Но то, о чем говорил Радамант, попросту не укладывалось у меня в голове. Ладно, допустим, не любил он ни мать, ни дочь. Да, пострадал из-за своей глупости — и, в принципе, за дело получил. Нечего трогать чужих жен.

И все же даже от него я не ожидал такого хладнокровного отношения к Ирине. Пусть там не было любви, она оставалась его кровью, его потомком. И относиться к дочери как к… Куску мяса? К вагине на ножках? Лабораторной крысе? Я даже не мог подобрать приличных слов, чтобы все это описать.

— Дядь, ты совсем кукухой поехал? — рявкнул я. — Это что за евгеника такая? Мы не собаки, чтобы новую породу выводить. Селекционер хренов!

— Успокойся, Михаил.

— Собственную дочь… Отец года, блин! Или у тебя в каждом порту по отпрыску, что ты ими так разбрасываешься во имя науки или чего там еще?

Радамант дернулся, словно я отвесил ему пощечину.

— Ты не понимаешь, — торопливо заговорил он. — Я воспользовался возможностью, какая выпадает одна на миллион. И ты, и Ирина были плодами планов и больших замыслов. Я лишь попытался соединить вас, чтобы получить…

— Сверхчеловека? — негодовал я. — Супермутанта?

— Совершенство. Идеальное сочетание двух видов силы. Потомков, достойных править. Людей, что будут обладать могуществом и многовековой родовой мудростью. Но я не учел, что ты окажешься столь благородным юношей. И твоя сила развила потенциал раньше, чем я думал.

Я снова взглянул на Ирину. Она узнала лишь часть чудовищной тайны своей семьи, но ей уже хватило. Что с ней будет, если она узнает о том, что Радамант являлся ее отцом и о том, что он пытался превратить ее в инкубатор?

Грешная мысль, но я надеялся, что она проваляется в своей коме так долго, как это было возможно. До тех пор, пока я не зачищу все концы.

Некоторые тайны должны оставаться тайнами.

Радамант тем временем перевел дух.

— Ты наверняка задаешься вопросом, зачем я все это тебе рассказал.

— Есть такое, — хмуро отозвался я.

— Это мой вклад в доверие между нами. Я поделился с тобой самым сокровенным. Теперь ты знаешь чудовищную правду, покопавшись в которой, сможешь нарыть много интересного. Умный парень, сам сообразишь, где и что искать. Я дал тебе как минимум одну жирную подсказку.

— Любишь ты говорить загадками.

— Люблю работать с сообразительными людьми. Есть за мной такой пунктик. Теперь об услуге, что я прошу тебя мне оказать.

— Слить тебе имена Тайной Аспиды, если найду?

— Не если. Когда. Я убежден, что с Ириной поработали они. Они же организовали нападение на Корфа. Зная Макарыча, он теперь будет рыть землю носом, чтобы докопаться до правды. Я хочу успеть раньше Корфа. Хочу разделаться с ними сам.

— А силенок-то хватит?

Радамант хищно улыбнулся.

— Хватит. Особенно с учетом того, что и у тебя теперь есть причина отыскать их и перебить. Я с тобой честен и никаких игр вести не собираюсь. Поможем друг другу — и я оставлю тебя в покое.

— А Ирина. Ты матерый менталист. Почини ей голову.

— Пока не могу. У нее органические поражения мозга. Сперва должны поработать лекари. Еще рано для ментальных вмешательств.

— Хорошо, — кивнул я. — Но ты попытаешься.

— Непременно. И еще один маленький подарок от меня, — Радамант поднялся, готовясь уходить. — Тот, кто поработал над

Ириной, точно знал, где и что искать. Ее не просто взяли под контроль, но передали обрывки воспоминаний — это я смог увидеть. Память самой Ирины надежно вычистил Корф сразу после инцидента с катастрофой. Поэтому воспоминания ей внедрили чужие, но не Матильды и не Корфа. Очень хорошо вычищенные образы, по которым не понять, кто именно сдал тайну Темной Аспиде. В ваших рядах крыса, Михаил. Ищи среди самых близких.

Глава 32

Радамант медленно направился к двери. Я подавил инстинкт дернуться и последовать за ним. Внутри меня кипело желание прямо сейчас маякнуть Корфу и сдать местонахождение главы Ордена Надежды. Корф хотел — Корф получит, а дальше пусть сам с этими орденоносцами носится.

Пусть только Радамант сперва выйдет за ворота, чтобы бетонная крошка и щепки от их драки до Ирки не долетели…

— Не советую, — косоликий обернулся ко мне с ухмылкой. — Я к тебе по-человечески, со всей искренностью…

Черт. Не прокатило.

— Не обижайся, — отозвался я. — В моем положении ты либо оппортунист, либо труп.

— Я и не обижаюсь. Сам мы на твоем месте попытался меня сдать. Но сейчас от меня будет больше толку на свободе, чем в камере. Я тоже намерен копать под Темную Аспиду. Подниму кое-какие старые связи среди простолюдинов. Слуги, лакеи и прочие халдеи порой замечают куда больше, чем кажется. Потрясу пару яблонек — вдруг что удачное свалится.

Я кивнул.

— Хорошо, Корфу о твоем появлении я не скажу. По крайней мере, не сразу. Но раз уж у нас перемирие, я хочу, чтобы оно было таковым в полной мере.

Радамант приподнял плешивые брови.

— А тебе палец в руку не клади — уже по локоть отхватил. Чего хочешь?

— Пусть Орден Надежды притихнет и откажется от всех публичных акций и выступлений на время, пока мы занимаемся Темной Аспидой. Для всех ячеек. Я сделаю так, что Корф какое-то время не будет мешать вам, а вы ответьте тем же. Работаем только по Аспиде.

Радамант задумался на несколько мгновений, затем нахлобучил шляпу и кивнул.

— Согласен. Предложение здравое. Если что-нибудь накопаем, я с тобой свяжусь. Прощайте, ваше сиятельство.

Он выскользнул в коридор, а я выдохнул глубоко и медленно, словно сдувающийся воздушный шарик. Да уж, сходил проведать подружку, называется… Видать, у меня и правда карма такая, что я притягиваю к себе всевозможные неприятности и секреты.

К слову о секретах. Я оглянулся, увидел на столике графин с водой и стакан и плеснул себе немного, чтобы промочить горло. Грудь Иры медленно вздымалась, девушка плавала во мраке

бессознанки, и я мог сосредоточиться в тишине.

Итак, первая новость для Корфа — Радамант возглавлял Тагматис Эльпидас. Не просто возглавлял, но и создал этот орден. Если удастся изловить этого отца года, можно не просто вытащить из него много интересного, но и здорово деморализовать ячейки. С учетом того, что между собой группы не общались, это на какое-то время заставит революционеров притихнуть. А дальше будем разделять и властвовать. Впрочем, это уже станет заботой Тайного отделения.

Возможно, мне даже удастся выторговать мягкое наказание для членов аудиториумской ячейки. В конце концов, эти товарищи казались мне сравнительно безобидными. А Радамант… Что ж, какими бы ни были его мотивы изначально, но в крови он свои руки замарал изрядно. Едва ли доживет до суда.

Я снова взглянул на Ирину. В этот момент окончательно решил, что ни слова ей не скажу о ее отце. Не нужна ей эта правда. Ничего хорошего она из нее не извлечет, а получит только боль. Интересно, знала ли Матильда о том, что ее любимая племянница вовсе и не была ей родней?

В дверь палаты постучали, и я разрешил войти.

Молоденькая медсестричка вкатила конструкцию с капельницей.

— Время лекарств, — пояснила она.

— Я скоро ухожу. Не стану мешать.

— Вряд ли вы ей помешаете…

Сестричка быстро справилась с мешками и катетерами и удалилась, а я продолжил раскладывать информацию по полочкам.

Меня не отпускала странная фраза Радаманта о том, что мы с Ириной оба были плодами некого замысла. Что это значило? Ну с Иркой более-менее понятно: таким образом матушка решила продолжить род Штоффов во что бы то ни стало. Она почувствовала Благодать в Радаманте, но не могла знать, что он происходил от Романовых. Тем не менее это вполне тянуло на замысел.

А вот что он имел в виду, когда то же самое сказал обо мне? Да, косолийкий знал, что я был призванным духом. Знал, что моя семья пошла на этот рискованный шаг, чтобы спасти род. Это он считал замыслом? Или было что-то еще, чего мне не открыли?

Ладно, выяснение мотивов моего семейства подождет. Сейчас у нас были более насущные проблемы — понять, кто слил Темной Аспиде информацию об Ирэн.

Каким же сыром выманить эту крысу?

Я поднялся, хрустнул затекшими костями и на прощание взял

Ирку за руку.

— Проболтайся в этой коме как можно дольше, — попросил ее я. — Чую, скоро здесь станет совсем жарко. А потом, когда все закончится, мы тебя починим. Обязательно починим, обещаю.

По дороге к вокзальной площади, где обычно толпились таксисты, я связался с Корфом.

“Что, Михаил?” — спросил он, едва я открыл ментальный канал.

“Как дырка в боку?”

“Как дырка в боку. Зачем зовешь?”

“Не поверите, кого я сейчас встретил”.

“Не томи, Соколов. И без тебя завал”.

“У вас всегда завал, Вальтер Макарович. Выбейте уже у его величества дополнительное финансирование и наймите больше людей”.

“Ты связался со мной, чтобы учить меня работать? Или действительно что-то важное?”

“Ладно, извините. Приятно паясничать, зная, что я вам жизнь спас. Только что я разговаривал с Радамантом. Собственной персоной”.

На канале на пару секунд повисло напряженное молчание.

“Где ты?”

“Возле Финляндского вокзала, навещал Ирину. Столкнулся с Радамантом. Я жив, цел, орел. И у меня есть кое-какая информация для ваших ушей”.

“Бери такси и дуй на Петропавловку”, — коротко приказал Корф. — “Я предупрежу, тебя встретят”.

Тайный советник тут же оборвал канал, а я перешел дорогу и подошел к первому свободному таксисту. Узнав, куда мне было нужно, он изменился в лице, но заказ взял.

— Прошу, садитесь, сударь, — елейным голоском любезничал водила. — Довезу за четверть часа, устать не успеете…

***

Петропавловская крепость вблизи выглядела не так, какой я помнил ее из школьных экскурсий в своем мире. Впрочем, то, что нынче было в Петербурге музеем, в Петрополем оставалось действующей Тайной Канцелярией. Штаб Тайного отделения располагался здесь же.

Неужто я наконец-то увижу кабинет Корфа?

Такси проехало первый шлагбаум и остановилось у ворот и раскрашенной черно-белыми косыми полосами сторожки. Я расплатился, вышел, и хотел было представиться охраннику, как меня окликнули.

— Соколов! Сюда.

Вальтер Макарович хмуро курил возле фонаря у Иоанновских ворот. Он кивнул мне, развернулся, отправил недокуренную папиросу в урну и постучал в воротную дверь.

— Времени у меня мало, так что рассказывай на ходу.

— Он пришел в палату к Ирине. Видимо, за мной следили и знали, когда я появлюсь в больнице.

Корф кивнул.

— Что он сказал.

— Первое — то, что с ней сделали — не его работа. И я ему верю.

— Почему?

— Потому что его интерес касается Темной Аспиды, а не вас и Штоффов, — я старался передавать информацию как можно аккуратнее, чтобы ненароком не разболтать о происхождении Ирэн. Не так-то просто это сделать, когда твой собеседник — профессиональный дознаватель.

Тем временем мы вышли на берег Невы. Корф оглянулся по сторонам, снова закурил и кивнул мне:

— Здесь можно говорить открыто. Не услышат. Здесь за стенкой стоят мощные артефакты. Фонят так, что любую Благодать перебьет. Почему ты ему веришь?

— Потому что он сам пошел на сотрудничество. Ну, насколько это возможно в данном случае. Пообещал не устраивать никаких акций, заставить Тагматис Эльпидас отсиживаться и не вякать.

— Значит, он все-таки с ними связан, — пробормотал Корф.

— Он его основал, — улыбнулся я. — Сам мне признался.

Пистолетыч глядел на меня, словно увидел инопланетянина.

— Соколов, я понять не могу. Ты что с ними делаешь, что они сами тебе разбалтывать все начинают?

Я пожал плечами.

— Лицо у меня благообразное, и парень я приличный. С принципами. А принципы уважают даже преступники.

— Ну-ну. Это хорошая новость. Мы прорабатывали связь Радаманта с Орденом Надежды, и были уверены, что она есть. Сейчас подтвердилось, это славно. Теперь у нас есть главарь. Которому ты позволил уйти.

— Услуга за услугу, ваше превосходительство, — я развел руки в стороны. — Должен же я был как-то ответить на любезность.

— Ладно, если он пообещал держать своих оголтелых юнцов в узде, уже одной проблемой меньше. Что еще ты выяснил?

— Радамант заставил меня крепко задуматься о том, кто мог

слить информацию об Ирине Аспиде. Кто знал об инциденте, кроме вас и Матильды? Вы же явно не вдвоем там все подчищали…

— То, что с Ириной это сделала Аспида, мы еще точно не знаем, — возразил Корф.

— А кому еще это выгодно? Радамант сказал, что это они.

— Этот косорылый хрен может много чего говорить. И ему выгодно винить Аспиду во всех грехах.

— Так-то да. Но если не Темная Аспида, то кто? Кому выгодно устранить нас и почему? Ведь главной целью были именно мы, а не Ирина. Причем вас она ударила первым — значит, вы были в приоритете. А меня там и вовсе не должно было быть. Так что…

— Михаил, я руковожу управлением в Тайном отделении и занимаюсь очень грязной работой. Как думаешь, мало народу жаждет моей крови?

— Думаю, достаточно. Другой вопрос, насколько изящно это было сделано. Абы кто так не смог. Нет, здесь точно была подготовка и большие ресурсы. Кто-то намеренно решил достать вас через Ирину, потому что это было надежно — вы ей доверяли. Кто-то озаботился изучить всю подноготную Штоффов, чтобы ранить побольнее. Кто-то смог выведать вашу тайну… Нет, Вальтер Макарович. Такое под силу либо Радаманту, либо Корфу, либо… Ну я не знаю, императорской фамилии или кому-то из очень могущественных князей!

— Да, я уже сотню раз прокручивал все это в голове, — Корф облокотился о гранитный парапет и уставился на воду. — Темная Аспида, если все, что я о ней знаю, действительно любит действовать исподтишка. Очень скрытное товарищество. В целом такой шаг укладывается в их стиль. Другой вопрос, что я ведь до последнего времени даже не занимался их делом. Мы просто по мелочи собирали сведения и не нашли ничего такого, что бы заставило отвлечься от Ордена Надежды…

— Значит, все-таки что-то да нашли. Полагаю, это я случайно перешел им дорогу, когда работал в Аудиториуме. Ведь те погибшие княжичи хотели стать членами Аспиды. А я был их заданием. Хорошая новость — мы растревожили этот змеиный клубок. Плохая — плакала моя конспирация. Я перед ними засветился и засветил вас.

Корф снова потянулся к сигаретам.

— Сейчас уже поздно останавливаться. Даже если я сниму тебя с задания, ты не будешь в безопасности.

— Это понятно, — кивнул я. — Поэтому я прошу разрешения помогать вам в расследовании. Все мои ресурсы — ваши. Эта

история очень больно меня задела, и я желаю прижать этих охреневших аристократишек.

— Ты сам охреневший аристократишка, Соколов, — усмехнулся Корф. — Мне не нравится твоя горячность. В нашем деле нужен хладнокровный ум.

— Глупостей делать не стану. Вы приказываете — я выполняю. Но у меня есть необходимые знания, какой-никакой опыт и мощная родовая сила. В обиду себя не дам, а вот помочь смогу. А, и еще протекция Великой княгини Ксении Константиновны.

О да, о да! Я ждал этого момента. Специально приберег новость на десерт, чтобы как следует насладиться видом отвисшей челюсти тайного советника.

Стоило того, черт возьми!

Корф едва не выронил сигарету и закашлялся дымом.

— Чьей протекции?

— Ксении Константиновны, патронессы Аудиториума. Она заинтересовалась моей родовой силой и бессмертием Ронцо… Воронцова. Обещала помочь нам влиться в скептически настроенное столичное общество.

— Вот как… — Корф взял себя в руки и расхохотался. — Черт тебя дери, Соколов! Ты меньше года как переродился, а уже водишь дружбу с великими князьями. Когда соберешься на рюмку коньяка к императору, на всякий случай предупреди.

Я улыбнулся в ответ.

— Так вы принимаете мою помощь? От всего сердца предлагаю. Темную Аспиду нужно вытащить на свет и публично отодрать во все отверстия. Они поубивали и покалечили кучу народа на Смотре. Они сделали больно Ирине и Матильде, я им этого не прощу.

Корф кивнул.

— Сейчас не время отказываться от помощи. К тому же в кои-то веки ты сам ее предложил, и мне не пришлось тебя шантажировать. Я это оценил, — Пистолетыч резко посерьезнел и уставился мне в глаза. — Неужели начал втягиваться в эту работу, Михаил? Затянуло, да? Постоянные головоломки, вечный риск… Подсел на опасность?

Я вздохнул.

— Наверное, да. Но вряд ли бы подсел, кабы у меня не получалось справляться.

— Осторожнее с этим. Ты могущественен, но не всесилен. Даже императоров убивали. А ты еще слишком молод, и не позволяй горячности юности застилать разум.

— Я очень стараюсь.

— Хорошо, — согласился Корф, но вряд ли он мне поверил. — Тогда вот тебе первое задание. Со своей стороны я перепроверил всех, кто мог что-то знать или хотя бы догадываться об инциденте с Ириной. Водитель тогда погиб на месте, как и родители. Прибывших докторов и патрульных я лично обработал — просто затер память и оставил лишь констатацию смерти и осмотр выжившей. С документами в Департаментах вопрос тоже быстро закрыли. Мой прежний помощник — тогда Алексеева еще не было — погиб при исполнении несколько лет назад. Тоже не мог сказать. У меня все чисто.

— Значит, остается сторона Матильды, — заключил я.

— Да. Езжай в Лебяжье и дерни Василия. Я точно знаю, он каждый чих в конторские книги записывает. Вытащи список всех постоянных и временных слуг, кто работал в те годы. Всех гостей, торговцев, лекарей за тот период… По этому списку нужно пройтись, исключить незначительных и оставить тех, кто наделен Благодатью достаточного ранга и слуг, что больше всего общались с Матильдой. Дальше мы проверим этот список и, вероятно, нанесем несколько визитов. Но сейчас нужна отправная точка. Справишься?

— Не думаю, что это сложнее выживания в Аудиториуме, — усмехнулся я.

— Тогда вперед. Список нужен мне к полуночи.

***

Я с трудом выбрался, почти что выполз из неудобного древнего “Руссо-Балта” с наполовину отвалившимся глушителем и уставился на готические башенки поместья Штоффов. Получив от меня вожделенные деньги, таксист укатил обратно к трассе, а я с грустью взглянул на содержимое кошелька.

Сбережения заканчивались, приходилось экономить. Жаль, электрички до Лебяжьего не ходили. Так вышло бы на порядок дешевле.

Василий встретил меня в холле особняка и даже позволил себе легкую укоризненную улыбку.

— Снова без предупреждения, ваше сиятельство. Тем не менее, мы безмерно рады вас видеть. Вы привезли новости о состоянии Ирины Алексеевны?

— Состояние стабильное — я сегодня был у нее, — ответил я. — Ни улучшений, ни ухудшений. Но вообще-то, Василий, я к вам. По делу.

Дворецкий приподнял брови в легком недоумении и жестом велел остальным слугам удалиться.

— Чем же я могу услужить вашему сиятельству?

— Мы можем где-нибудь поговорить без свидетелей? Быть может, у вас есть кабинет…

Удивление Василия возросло, но воспитание не позволило забрасывать меня вопросами.

— Разумеется, Михаил Николаевич. Прошу за мной.

Дворецкий отвел меня в небольшую комнатку, что располагалась между хозяйственным помещением и кухонным залом. Все стены от пола до потолка занимали стеллажи с толстыми тетрадями. Каждый гроссбух был подписан и датирован. В углу на небольшом столе мигал лампочками старенький компьютер.

— Прошу сюда. Увы, места здесь немного.

— Ничего страшного, я привык к малым пространствам. Василий, я здесь по поручению Корфа, и мне нужна ваша помощь.

Дворецкий медленно кивнул.

— Разумеется. В чем же суть поручения?

— Я же правильно помню, родители Ирины Алексеевны погибли в четырнадцатом году?

— В пятнадцатом, ваше сиятельство.

— Тогда мне нужен список всех слуг и визитеров, посещавших Лебяжье в пятнадцатом году.

Василий, казалось, немного растерялся.

— Дозволено ли мне спросить, зачем Вальтеру Макаровичу понадобился этот список?

Я лишь беззаботно отмахнулся.

— Если честно, понятия не имею. Видимо, хочет что-то поискать или перепроверить…

— Боюсь, с подготовкой списка возникнут некоторые сложности. Дело в том, ваше сиятельство, что после трагедии, когда Матильда Карловна перебралась в этот особняк, здесь какое-то время царил сущий хаос. Понадобилось несколько месяцев, чтобы привести дела в порядок. И, что хуже всего, записи вел прежний дворецкий, и вел довольно неаккуратно…

Ну конечно. Стоило раз в пятилетку влезть в архивы, как они оказываются неполными. Мне везло как утопленнику.

— Что ж, — вздохнул я. — Значит, буду работать с тем, что имеется. Доставайте все тетради, Василий. Боюсь, я немного у вас задержусь.

Дворецкий метнул взгляд на стеллажи, пробежался пальцами по корешкам и, достав несколько больших тетрадей, едва не чихнул от пыли.

— Предлагаю вам разместиться в библиотеке — там работать гораздо удобнее.

— Согласен, — кивнул я. — Благодарю.

Я подхватил гроссбухи и пошел по хорошо знакомому маршруту. Василий проследил за мной взглядом и, убедившись, что я не перепутал двери, исчез в коридоре.

А я вооружился карандашом, бумагой и терпением. И на всякий случай надел окуляры, одолженные у отца. За крюк до Ириновки пришлось здорово переплатить, но раз уж я собирался ковыряться в старых записях, хотелось быть уверенным, что я увижу все. Отец не возражал и поделился. Подарок он, к слову, оценил.

— Чаю, ваше сиятельство?

В дверях возник Василий, а за ним шел лакей с подносом. Мне в нос ударил аромат черного чая с шиповником, и я не смог отказаться.

— Большое спасибо, — я кивнул на столик у дивана. — Поставьте там, пожалуйста. Не хочу ненароком испачкать записи. И Василий…

Дворецкий обернулся.

— Да, ваше сиятельство?

— А что случилось с прежним дворецким?

— Анатолий Юрьевич служил родителям Ирины Алексеевны. Когда Матильда Карловна переехала сюда, то осуществила некоторые кадровые перестановки. Анатолий Юрьевич теперь служит в Петрополе. Улановым, кажется.

— Спасибо.

Я снова уставился на бумаги. Визитеров отложил на десерт, а начать решил с “личного состава”. Прошелся по спискам постоянных работников, перелистнул страницу — там уже начинались сезонные.

Вот с постоянных мы и начнем. У них было больше всего шансов что-нибудь подслушать или выведать.

Я поправил окуляры на переносице и внимательнее всмотрелся в список слуг. Нашел имя прежнего дворецкого — Анатолий Юрьевич Проскурякин. Но окуляры зацепились за эту строку. В очках я будто просвечивал бумагу ультрафиолетом — и увидел, что под именем Проскурякина было что-то еще. Словно сперва написали что-то одно, но затем затерли, нанесли слой и написали поверх него другое.

— Ну-ка… — я нашарил на столе лупу и поднес ее как можно ближе. Буквы стали различимы. На всякий случай я на пару секунд снял окуляры и снова взглянул на надпись — ничего. Значит, артефакт и правда работал. — Что у нас там…

“Василий Пантелеевич Фомичев”, — прочитал я скрытый текст.

Кажется, кое-кто пытался обвести меня за нос.

Глава 33

На всякий случай я снова перепроверил записи.

Затертое имя Василия отчетливо просвечивало сквозь слой корректора. Значит, Василий оказался на своем посту несколько раньше, чем говорил. И у него, навскидку, была всего одна причина отводить от себя подозрения — вина.

Я снял очки и бережно запер их в футляре, затем одним точным жестом вырвал страницу с уликами из гроссбуха. Все сунул во внутренний карман и направился к дверям.

— Где Василий? — Спросил я у первого попавшегося на глаза лакея.

— Так недавно от вас выходил, Михаил Николаевич…

— Где он сейчас? — Рявкнул я так, что бедняга подпрыгнул.

— Вроде бы вышел… На задний двор… Если я ничего не…

— Внутренний телефон сюда, живо!

Лакей, следовало отдать ему должное, не растерялся. Я набрал всего одну цифру — для внутренней связи в усадьбе использовались короткие номера.

— Охрана, — прозвучал знакомый голос Виктора Ланге. — Слушаю.

— Виктор Зиновьевич, это Соколов. Я действую по распоряжению тайного советника Корфа. В усадьбе обнаружен предатель, замешанный в инциденте с Ириной Алексеевной. Усильте охрану и не выпускайте за ворота дворецкого.

Я говорил, чеканя каждое слово. Не знаю, откуда во мне это взялось. Почему-то сейчас не было ни волнения, ни страха. Наоборот, я чувствовал себя борзой, взявшей след.

— Боюсь, уже поздно, ваше сиятельство, — после недолгого молчания ответил безопасник. — Он только что выехал.

И как раз в этот момент мимо фасада особняка проехал, не щадя подвески на грунтовке, один из служебных автомобилей. Я его знал — скромненький бежевый “Руссо-Балт” не самой новой модели. Но и не ведро с болтами, на котором меня сюда привезли.

На месте водителя сидел Василий.

Дерьмо!

— Машину! — заревел я в трубку. — И закройте внешние ворота!

Но я уже видел, что скорее всего охрана не успеет его задержать. А это означало лишь одно — погоню.

Ну Василий, ну сучара. Сколько лет ты пользовался благосклонностью Матильды и чем расплатился? Сдал их всех

Темной Аспиде, а сам гонял тут слуг как ни в чем не бывало.

Повесив трубку, я метнулся в прихожую, торопливо натянул ботинки и даже не стал их шнуровать. Лакей было попытался надеть на меня пальто, но я просто вырвал его из рук ничего не понимающего слуги и вылетел на крыльцо.

— Ваше сиятельство! Да что у вас стряслось? — кричал он мне вслед. — Помощь нужна?

Я не ответил. Оглядевшись, сразу бросился к гаражам. Отсчитал третье справа место — то, где должен был покоиться Македонский. Тачка точно была на полном ходу — старину Александра Филиппыча специально готовили к приезду Ирэн на каникулы.

А еще я знал, где Ирэн хранила ключи.

— Ваше сия… — один из работников шарахнулся от меня в сторону.

— Заправлен? — Спросил я, шаря по крючкам полк в поисках нужных ключей.

— Полный бак, ваше сиятельство. Но разве вам уже…

— Я реквизирую этот автомобиль в интересах Тайного отделения! — Протараторил я, снял ключи и залез на водительское сидение. — Когда Ланге выкатит машину, скажи, чтобы ехал за мной.

У меня не было времени ждать охранников и формировать кортеж. Маршрут для погони был не самым простым: сперва грунтовка в пару километров, потом шоссе, и через пяток километров перекресток, а до них — несколько съездов. Если Василий оторвется, я замучаюсь его искать.

Да и в своих силах я был уверен — Корф дал мне карт-бланш на время выполнения задания. Случись что, могу и “Колобком” долбануть.

Я завел двигатель — Македонский недовольно заворчал, словно почувствовал, что вместо хозяйки за руль сел какой-то левый хрен. Поправил зеркала, немного перенастроил сидение.

— Ну, с богом, — сказал я и тронулся.

Аккуратно выехав из гаражного двора, я увидел бежавших к нам безопасников. Притормозив, я открыл окно и крикнул Ланге:

— Он в бежевом “Руссо”. Я за ним. Догоняйте.

Хорошо, что Ланге не стал требовать от меня детального отчета и не задавал вопросов. Хотя со стороны мое поведение наверняка казалось безумным. Впрочем, Виктор Зиновьевич кое-что знал и обо мне, и о Корфе.

Когда я выехал на относительно прямую и ровную грунтовку, то разогнался до пределов разумного и попытался связаться с Корфом.

“Я нашел крысу!” — мой крик наверняка заставил Корфа подскочить на месте.

“Кто?”

“Убийца — дворецкий!” — шутка вырвалась сама собой. — “Василий это. Судя по тому, что он сбежал, его вину можно считать доказанной”.

“Где ты сейчас?” — сухо спросил Корф.

“В Лебяжьем. Точнее, только что выехал. Веду преследование. Ланге наподхвате”.

“Берите живым”, — приказал тайный советник. — “По возможности”.

“Принято”, — ответил я и оборвал канал.

Как раз в этот момент я вырулил на шоссе. Дорога была скользковатой, и в сочетании с крутыми закрытыми поворотами явно не способствовала гонкам на высоких скоростях. Не знаю, каким водителем был Василий, но я точно не желал рисковать. Сам-то не поломаюсь — на всякий случай активировал “Берегиню”, но вот улететь в кювет, не поймав беглеца, не хотелось.

“Пока не забыл”, — я снова дернул тайного советника. — “У Василия есть квартира в городе или другое место, где он может спрятаться?”

“Не учи меня моей работе, Михаил”, — проворчал Корф. — “Все будет проверено. Твоя задача — перехватить Проскурякина как можно раньше”.

Теперь уже Пистолетыч первым оборвал связь. Я почувствовал себя инициативным дураком — вроде и мысль придумал дельную, но и правда полез учить ученых.

Нужно подумать, как его брать. Причем как сделать это так, чтобы не создать угрозы для остальных участников движения. Зима, гололедица, карельский горизонтальный серпантин — и напуганный вусмерть беглец, способный на любые действия. Так себе расклад.

Ладно, по порядку.

У меня в запасе было несколько заклинаний, которые я мог отправить прицельно — те же “Косы” и “Колобки”. “Косам” можно было придать свойство острого металла и, например, запустить по колесам. Рискованно, но авто гарантированно дальше не поедет.

Можно было рискнуть и поставить перед машиной Василия барьер — сделать глухой “Покров”, от которого тачка отпружинит. Это собьет водителя с толку и наверняка изменит траекторию движения. Только вот беда в том, что “Покров” можно было поставить, находясь относительно близко. А значит,

придется выезжать на встречку. Что опасно. Я не был асом в вождении.

Крайняя мера — хорошенько отконфигурированный “Колобок”. Но от удара такой силы автомобиль беглеца может просто подлететь на пару метров вверх. А как упадет, неизвестно.

Короче говоря, всюду риски. Надеюсь, Василий пристегнулся.

“Как дела?” — раздался в голове голос Корфа.

“Пока сказать нечего”.

“Держи в курсе”.

Василий был простолюдином, поэтому вряд ли представлял для меня угрозу. Если только те, кому он наговорил лишнего, не снабдили его интересными и опасными артефактами. Лучше бы ему не сопротивляться, конечно. Сейчас я был настолько зол, что руки чесались отколоть какую-нибудь жестокость. Предательство Василия, этого оплота спокойствия и надежности, оскорбило даже меня.

— Ну-ка… Кто это у нас там…

Я чуть подался вперед, силясь разглядеть ехавший впереди автомобиль. Я наконец-то вырулил на относительно длинный и прямой участок дороги и позволил себе немного разогнаться. Колеса вошли в колею — мерзкое и неприятное явление, но ничего с этим поделать я не мог.

Македонский потихоньку нагонял машину, и я различил цвет. Светлая. Не новая. Видимо, наш клиент.

Я дал по газам, на всякий случай усилив “Берегиню”. До перекрестка со Средневыборгской дорогой оставалось не больше одного-двух километров. Мне следовало торопиться.

— Ну, Македоша, не подведи, — взмолился я и переключил передачу на максимальную.

Василий явно меня заметил и узнал автомобиль Ирины — он тоже дал по газам, но, судя по всему, водил не очень уверенно. Бежевый “Руссо” дернулся, вильнул задом и чудом удержался в колее. Даже я почти физически почувствовал дрожь, что пробежала по машине беглеца.

Сейчас я должен был решить, каким методом действовать. Закрытых поворотов не было. Встречная полоса тоже оказалась пустой. Поэтому я решился на самый сложный, но безопасный для беглеца маневр.

— Боженька, если ты существуешь, помогай! — заорал я, газанув и вылетая с колеи. Плевать на двойную сплошную и запрещавшие обгон знаки — мне требовалось поравняться с авто Василия.

Дворецкий не разгадал моего замысла, но инстинктивно чуть прижался к правому краю дороги. На отрывая рук от руля, я

усилием мысли принялся творить “Покров” — сначала тонкий едва заметный белесый слой, затем второй, третий…

Василий все понял слишком поздно. Вдавил педаль тормоза, машина снова лишь чудом осталась на своей полосе… Идя параллельно с его автомобилем, я увидел округлившиеся от ужаса глаза дворецкого.

А мгновением позже бежевый “Руссо” влетел в барьер.

Сперва до меня донесся звук — визг тормозов, хруст ледовой крошки. Удар получился глухим, словно машина врезалась во что-то мягкое.

Так я и задумывал — успел накинуть алгоритм в конфигурацию. Сказали брать живым — буду брать живым.

“Руссо” отпружинил от барьера и отскочил на встречку. Взметнув волну крошки и грязного снега, машина крутанулась и, подпрыгнув на колее, вылетела в кювет. Я ударил по тормозам, и, стараясь влезть в колею, свернул на обочину.

— Вот дерьмо, — вырвалось у меня, когда я разглядел покореженный кузов, уткнувшийся капотом в ствол мощной сосны.

Автомобиль умудрился налететь на сбитый в ледяную глыбу снег на обочине, подлетел на нем как на трамплине и приземлился в лесу. Всюду валялись тонкие ветки кустарников, комья грязного снега.

Сам бежевый “Руссо” уже явно был не на ходу.

— Василий! — Я вылетел из Македонского и лихо перепрыгнул через высокий вал снега. — Василий, вы живы?

Глупый вопрос. Но может отзовется… Проклятая дорога. Вечно на ней что-то случается.

Я съехал вниз по склону и осторожно приблизился к автомобилю со стороны водителя. Лобовое стекло покрылось сеткой трещин. Мотор заглох — уже хорошо. Василий сидел, уткнувшись лбом в руль. На лбу багровела рана, по шее стекала струйка крови. Он бы повалился вперед полностью, но ремень безопасности удерживал.

Может все же жив?

Я осмотрел дверь. Смята. Просто так не открыть — заклинило. Сотворив мощную “Косу”, я принялся вскрывать автомобиль, словно консервную банку. На это ушло несколько минут. Или больше — я так торопился, что перестал чувствовать время.

— Василий! — Я оторвал отпиленный металл и отбросил в сторону.

Дворецкий медленно открыл глаза. Один был залит кровью. Обо что же он так стукнулся?

— Не шевелитесь! — Приказал я и провел ладонями вдоль доступных участков его тела, силясь выявить повреждения.

Ну, могло быть гораздо хуже. Впрочем, если скорая вовремя не заберет его или если я не вмешаюсь с силой, то дворецкому все равно конец.

— Ми… Михаил Ник…

— Тихо! Вытаскивать мне вас нельзя. Если у вас перелом позвоночника, то лучше вас вообще не двигать до приезда докторов. Сейчас приедут ребята Ланге, вызовем вам скорую.

Странно, но, увидев этого человека в раскуроченном автомобиле — окровавленного, беспомощного — я уже не ощущал той ярости и желания прибить его на месте. В конце концов, с этим успеется — не свои, так чужие прикончат.

— Послушай…те… — тихо проговорил дворецкий. — Вы… Вам нужно знать.

— Погодите, — оборвал его я. — Сейчас немного подлатаю, станет полегче. Потом все расскажете. Не волнуйтесь, вам ого-го какой допрос устроят. У Корфа.

Василий жестом остановил меня, когда я вскинул руки, чтобы подключить к нему немного целебной силы.

— Не нужно, ваше… сиятельство. Я все равно… покойник.

И все же я зачерпнул немного силы и влил в него. Если уж собрался исповедаться напоследок, то пусть хотя бы успеет рассказать все, что хочет.

Василий чуть дернулся, когда в него полилась чистая родовая сила — целебная, теплая. Я лишь немного переконфигурировал поток, чтобы он снял боль и остановил кровотечение. Насколько это было возможно.

Дворецкий шире открыл глаза и осторожно повернул ко мне голову. Я не успел запротестовать.

— Клянусь, я ни разу не давал Матильде Карловне повода усомниться в моей верности, — уже чуть живее прохрипел он. — Ни разу, пока осенью не пришел он. И он не оставил мне выбора.

— Кто — он? — спросил я.

— Он назвался Сарпедоном. В честь греческого героя. У них у всех там имена мудреные, взяты из греческой мифологии… Ко мне приходил Сарпедон. Всего было три встречи. Все — в Петрополе. И однажды я слышал телефонный разговор Сарпедона о неком Зевсе. Возможно, он у них главный. Они что-то говорили о плане Зевса. Но подробностей в том разговоре не было. Лишь упоминание…

Я сел на корточки возле автомобиля. Хотел было добавить немного целебной энергии, но на этот раз Василий решительно отказался.

— Чего именно от вас хотели? — спросил я. — Как вы вообще оказались замешанным во всем этом?

Василий с усилием отхаркнул кровь.

— Им был нужен Корф. Они искали, как подобраться к нему через Матильду Карловну… Сначала я должен был в условленное время обеспечить им проход в усадьбу… Но когда госпожа получила исцеление от императора и убыла в Дакию… План изменился. Они не посвятили меня в свои намерения, просто дали другое поручение. Я не знал, что они так поступят с Ириной Алексеевной. Они просто угрозами выведали у меня семейные тайны… Но, клянусь, если бы я знал…

Внутри меня снова поднялась волна гнева, но усилием воли я ее подавил. Холодный разум — вот чего ожидал от оперативника Корф. Я должен был научиться держать себя в руках.

— На чем они вас поймали? — спросил я, глядя в тусклые глаза дворецкого. — Что пообещали в награду?

— Ничего. Не было назначено никакой награды, ваше сиятельство… Жизнь моей дочери — вот условие моей помощи. Они угрожали убить ее, если я не раскопаю ничего подходящего или если проболтаюсь… Она у меня единственная, Михаил Николаевич. Елизаветой звать. Одна тянет двоих малых детей, работает на двух хозяев в Петрополе. Лизонька — она же простая женщина, не виновата она во всех этих ваших дворцовых интригах. И я не мог допустить, чтобы она стала их жертвой…

Вот же черти! Теперь становилось понятно, почему Василий, этот человек-кремень, все же сдал семейные тайны Штоффов. Я согласился работать на Корфа ради семьи. Матильда была готова порвать кого угодно ради Ирины. Аня Грасс наивно мечтала утопить всю петропольскую знать в крови ради мести за любимого.

Так это и работает. Любовь — наша главная слабость. И Василий умудрился подсказать этим тварям самый циничный способ попытаться убрать тайного советника.

— Василий, мне все же придется вас подлатать. Хотите уйти из жизни — сделаете это позже. Но вы сейчас моя единственная ниточка, чтобы наказать этих подонков. Понимаете?

Рука дворецкого слабо дрогнула и потянулась ко мне.

— Возьми…те…

— Что?

— Возьмите меня за руку, ваше… сиятельство. Откройте мою память и считайте все нужные воспоминания. Нет нужды пересказывать, когда можно все передать.

Я взглянул на раненого дворецкого и снова прислушался к лекарским ощущениям. Сейчас у него были шансы дотянуть до

больницы. Но если я примусь вскрывать ему череп, они сократятся до нуля. Работа с разумом простолюдинов имела свои последствия. Не для нас — для них.

Их тела не были приспособлены к постоянному течению сверхъестественной силы, и то, что было привычно для аристократов, для простых смертных обращалось тяжелейшей нагрузкой. Одно дело отвести глаза или резануть “Косой” — там все было просто. Но прямое ментальное воздействие на память выжмет соки даже из богатыря.

— Если я считаю вашу память, вы погибнете, — предупредил я. — Скорее всего, на месте. В муках и боли. Потому что это очень больно.

Василий улыбнулся.

— Разве я не заслужил пытки и смерти за то, что сделал? Пусть я лучше уйду на своих условиях. И пусть моя смерть поможет вам их наказать, — он уцепился окровавленным пальцем за мою ладонь. — Пообещайте, что вы их накажете, ваше… сиятельство…

— Чего бы это мне ни стоило, — ответил я.

Глава 34

Василий улыбнулся, но в следующий миг закашлялся. Я придержал его за плечи, стараясь, чтобы он лишний раз не двигался с места. Вдруг мне повезет и он окажется крепче, чем я предполагал? Тогда можно было бы попытаться довезти его до больницы.

Но дворецкий, кажется, всерьез проникся идеей добровольной смерти во искупление. Едва я отпустил его плечи, как Василий ухватился за мои ладони и прижал их к своему лбу.

— Действуйте, ваше сиятельство, — слабеющим голосом прохрипел он. — Я начинаю скверно себя чувствовать. Ног не ощущаю… Но я должен успеть передать вам все.

Я кивнул, глядя ему в глаза. Буду считать это его последней волей. Хочет, чтобы все закончилось так — будет.

— Приготовьтесь к боли, — шепнул я и надавил ладонями на его виски, пробиваясь сквозь дебри простолюдинских естественных защит.

Дворецкий дернулся — было странно наблюдать, как тряслась верхняя часть его тела, а нижняя оставалась неподвижной. Значит, все-таки повредил позвоночник. Очень уж характерный симптом. И как его угораздило?

Я впервые пробовал считывать память простолюдинов — нам это должны были давать на втором курсе ментальных практик. Поэтому сейчас приходилось действовать на основании теории, что я штудировал еще дома у Штоффов. Были там интересные книжечки…

Несведущие отчего-то думали, что взять под контроль простолюдина легче легкого. Спорное утверждение — их разум имел ту же природу, что и наш, но структура его отличалась. В крови, что не несла в себе Благодать, не было зацепок, чтобы соединить свою силу с чужой.

Такие символические “крючки” позволяли одаренным воздействовать друг на друга гладко — потому и лечить их было проще, и заклинания совместные творить. Правда, и поединки становились жесткими — если уж тебе прилетело, а ты зазевался и не увернулся, то получай по полной.

Природные защитные механизмы Василия напоминали непролазный лес — сплошные буреломы, ветки, коряги, валежник и трухлявые пни. Защита примитивная, но неприятная. В иных обстоятельствах одаренный просто бы выжег ее к черту, но это причинило бы жертве невыносимые муки. Я же все-таки сочувствовал Василию: прекрасно мог понять мотивы его

предательства. Поэтому сейчас старался действовать щадяще.

Мне приходилось продавливаться сквозь буреломы ментального хлама, с усилием раздвигать ветки — почему-то этот процесс и правда визуализировался как проход через лес, а я орудовал мачете, продираясь сквозь заросли.

Василий тихо постанывал, но мужественно держался. Я мог лишь представить, насколько ему сейчас было неприятно — ведь в первый раз, когда ко мне в голову полез Корф, я сам выл и орал.

— Потерпите еще немного, — баюкал я его голосом. — Скоро станет полегче. Чтобы облегчить мне работу, старайтесь вызвать из памяти те воспоминания, которые считаете нужным мне передать.

Наконец я продрался сквозь последний иллюзорный кустарник…

И попал прямиком на улицу Петрополя.

Позади меня высился пятиэтажный доходный дом, где Елизавета снимала квартиру. Не захотела она жить в домике на Выборгской стороне. Все говорила, что в центре Петрополя работы больше. Так-то оно так, но чтоб солидная женщина тридцати годов — и ютилась в квартирке в Коломне, да еще и с детьми… Говорил я ей, что место это гиблое. Да, старый район, с историей. Да только история у него была мрачная.

Я обернулся, бросил прощальный взгляд на окна квартирки Елизаветы — вон они, третье и четвертое слева от угла дома, третий этаж… Внуки таращились на меня из-за тюлевой занавески и, заметив, что я глядел на них, принялись махать тоненькими ручками.

Улыбнувшись, я поднял воротник пальто и взглянул на часы. Пора спешить на Вознесенский. Предстояло многое подготовить к прибытию Матильды Карловны…

Лишь на мгновение я оторвался от воспоминаний Василия. Удивительно, но у простолюдинов они были живее, красочнее. Я даже чувствовал все эмоции и мысли дворецкого, словно действительно влез в его шкуру. Но только действовать сам не мог — лишь был безмолвным участником того, что уже свершилось.

Но не успел я перейти дорогу, чтобы выйти к набережной Пряжки, как позади меня что-то зашумело.

— Василий Пантелеевич, — позвали меня со стороны подворотни. — Соблаговолите отнять пару минут вашего времени?

Я вздрогнул и обернулся. Кто-то курил у кованной калитки подворотни. И в этот момент я ощутил прикосновение к своему плечу.

— Не ссы, дядь, — пробасил кто-то над моим ухом. — Мы погутарить пришли. Есть дельце, за которое надо пару слов сказать. И не голоси, а то заткну. Уразумел?

— Да…

Я нервно сглотнул и попытался взглянуть на этого здоровенного детину. Огромный парень, вроде молодой — вокруг глаз еще не было сеточки морщин. Шапка надвинута почти что на нос, да и шарф закрывал большую часть лица.

— Идем-идем, дядь, — он аккуратно подтолкнул меня к подворотне. — Говорю ж тебе, не ссы. Нам только поговорить.

Тот, что курил, быстро потушил папиросу и бросил ее в решетку канализационного люка. Встретившись со мной взглядом, он открыл калитку и кивком велел вести меня во двор.

— У меня есть тридцать рублей, — нервно затараторил я. — И аппарат мобильной связи… Часы еще. Забирайте все, но жизнь оставьте.

Двое переглянулись поверх моей головы и дружно рассмеялись. Их хихиканье пронеслось зловещим эхом под сводами подворотни.

— Сдались нам твои червонцы, дядь, — пробасил мой конвоир. — Своих хватает.

Курильщик знаком велел нам остановиться. Мы встали в середине подворотни, аккурат под тусклой желтой лампочкой. Я плохо разглядел этого второго — видел, что лицо у него было худое, с резкими чертами. Брови косматые, недельная щетина. Одежда скромная, неприметная — так вся Коломна одевалась.

— У нас к вам, Василий Пантелевич, деловое предложение провокационного характера. Можно сказать, сделка, от которой вы не сможете отказаться… Насколько мне известно, вы служите семье Штофф.

Отпираться смысла не было. Кроме того, раз они поймали меня именно здесь, то знали и о Лизоньке…

— Да, служу. Что вам нужно от Матильды Карловны?

— От нее — ничего, — улыбнулся курильщик. — А нужно мне кое-что от вас, Василий Пантелеевич. Не буду ходить вокруг да около, расклад такой: мы знаем, где живет ваша семья. Знаем график работы вашей дочери и расписание занятий ваших внуков. И если вы желаете для них мирной жизни, то согласитесь на мою скромную просьбу.

У меня внутри все похолодело.

— Что за просьба? — не своим от ужаса голосом спросил я.

— В следующий раз, когда тайный советник Корф решит

навестить Лебяжье или особняк на Вознесенском, вы сообщите нам. Сообщите заранее, как только узнаете. И в нужный час обеспечите нам тихое и безопасное проникновение во владения баронессы.

— Так вам нужен Корф?

Вежливый курильщик не ответил. Но я начал догадываться, что они задумали. Решили добраться до Вальтера Макаровича через госпожу, потому что его превосходительство мало кому доверяет. Но госпожа всегда была ему другом, и в ее обществе он не будет ожидать угрозы.

Господи, во что они меня втягивают?!

— Мы договорились? — снова едко улыбнулся курильщик. — Помните, Василий Пантелеевич, вы здесь бываете так редко. Кто знает, что может случиться с Елизаветой Васильевной и детьми в ваше отсутствие? Коломна — такой опасный район…

— Я согласен! — прорычал я, едва не скуля от беспомощности. — Не трогайте их. Я передам сведения. Только скажите, как?

Здоровяк зачем-то пожал мое плечо, словно так выразил одобрение.

— На втором этаже Гостиного двора, что на Невском, есть лавка с австрийскими марципанами. Когда у вас появится для нас информация, запишите все на бумагу и приходите туда. Только следите, чтобы за прилавком стояла невысокая блондинка. Она бывает там не каждый день. Подойдете к ней и скажете, что вы к Сарпедону, и передайте послание. Все запомнили?

Я осторожно кивнул. Гостиный двор, второй этаж, марципановая лавка. Блондинка. Сарпедон… Милостивый Боже, во что они меня вовлекают?

— Да, все запомнил.

— Вот и славно, Василий Пантелеевич, — курильщик похлопал меня по плечу. — Видите, как все просто? Сделаете что должно — и семья ваша будет в добром здравии. Ну и, разумеется, наша сделка отменится, если вы кому-нибудь разболтаете. Мы будем за вами следить. Впрочем, как и раньше.

Я с трудом вынырнул из воспоминаний Василия. Меня все еще колотило от ужаса, что пережил дворецкий при том разговоре. Что ж, есть зацепки.

Только вот зачем этот Сарпедон так подставился? Не скрывал лица, назвал имя, указал место. Неужели был уверен, что настолько запугал Василия, что тот и пикнуть не посмеет? Неужели не предусмотрел, что дворецкому могли вскрыть память?

Или этот Сарпедон был настолько мелкой сошкой, что нитка от него вела в никуда? По воспоминаниям Василия я не понял, был ли Сарпедон одаренным. Увы, дворецкий не мог этого почувствовать. Но они вроде бы не пользовались Благодатью во время разговора, так что тут бабка надвое сказала.

— Ваше… сиятельство, — Василий крепче сжал мою ладонь, — поторопитесь. Я слабею. Мне трудно оставаться в сознании… А я хочу показать вам все…

Я снова нырнул в его воспоминания. На этот раз Василия перехватили в том самом Гостином дворе, сразу после отъезда Матильды.

— Василий Пантелеевич, — окликнули меня, когда я наслаждался кофе на первом этаже буфета.

Я обернулся и едва не подавился напитком. Сарпедон — или как он велел себя величать, без спроса отодвинул стул и уселся напротив меня. На его тонких потрескавшихся от мороза губах играла все та же ядовитая улыбочка, не сулившая мне ничего хорошего.

— Добрый день, — выдавил из себя я и поставил чашку на блюдце. — Чем обязан?

— Хотелось бы верить, что вы приехали в это место, чтобы передать ценные сведения.

Конечно! Бежал спотыкаясь! Следовало проконтролировать консервацию ряда комнат после отъезда Матильды Карловны, да позаботиться о новогоднем убранстве. Потому я и оказался в этом проклятом Гостином дворе. И специально же выбрал самое дальнее крыло, чтобы даже не подниматься в ту марципановую лавку.

И они все равно нашли меня.

— А вы, полагаю, пришли напомнить мне о вашей власти надо мной?

— Эх, Василий наш Пантелеевич, — Сарпедон положил локти на стол и уставился на меня узкими глазами. Лишь сейчас, при ярком свете я понял, что в этом молодом человеке текли восточные крови. — Не в вашем положении дерзить, но смелость я оценил. Почему же вы не известили меня об отбытии баронессы в Дакию?

— Потому что для меня самого это стало сюрпризом, — я держал спину прямо, стараясь ни единым жестом не выдать, что затянул с передачей информации намеренно. Пусть я выгадал для госпожи всего пару дней, но теперь они не смогут ее использовать.

— Неужели? — шепнул Сарпедон. — Чтобы дворецкий — и не знал о предстоящей поездке?

— Клянусь, все слуги и даже племянница Матильды Карловны узнали обо всем в последний момент. Баронесса хотела избежать шумихи.

— Да только шумиха все равно поднялась, только уже после ее отъезда.

Сарпедон продолжал буравить меня взглядом. Я взялся за чашку с почти остывшим кофе, стараясь держать лицо.

— Что теперь? — спросил я.

— Теперь вам придется поработать интенсивнее, — снова расплылся в улыбке гость. — Для вас есть новое задание. Мне нужна порочная подноготная о Штоффах. Желательно, чтобы она была связана и с Корфом. В жизни не поверю, что двое сотрудников Тайного отделения за столько лет не замазались в каком-нибудь скандалишке или не совершили что-нибудь противоправное.

— Даже если так, мне это неизвестно.

— Тогда выясните, — Сарпедон поднялся, зачем-то прихватив с моего стола салфетку. — В конце концов вы — дворецкий. Человек, на котором держится весь дом. Добудьте мне тайну — и мы будем в расчете. Обещаю, что оставлю вас в покое.

И в этот момент у него зазвонил мобильный телефон. Сарпедон вытащил из внутреннего кармана куртки серебристую дорогую модель. Значит, не наделен Благодатью…

Он отошел, но недостаточно далеко. Я услышал обрывки разговора.

— Нет! — прошипел шантажист. — Зевс против.

Зевс? Сперва Сарпедон — греческий герой. Теперь Зевс…

— Я работаю над этим! Нет, еще рано. Скажи Зевсу, что до Нового года управимся… Нет, план менять не нужно!

Он вышел в другой зал, и я больше ничего не смог расслышать. Обратно Сарпедон не вернулся. К моему большому облегчению.

Я открыл глаза и снова очутился среди леса и сугробов, рядом со слабеющим дворецким.

— Я пытался выкрутиться. Но когда слишком затянул с поисками секретов, они снова начали угрожать моей дочери…

— Знаю. Видел, — ответил я и снова надавил ладонями на его виски. Оставалось совсем немного. Он почти все мне передал.

Образы пошли быстрее — теперь я просто считывал и запоминал все, что видел и в чем участвовал Василий. Меня подгоняло предчувствие скорого конца — Василий слишком ослаб, лишившись природных защит и энергии, что ушла на инстинктивное сопротивление.

Я увидел третью встречу — в марципановой лавке, где Василий передал толстый конверт белокурой девице. После этого

Сарпедон действительно оставил Василия в покое. Но я сомневался, что он не продолжал слежку. И раз так, Сарпедон должен был понимать, что я вышел на его след.

Значит, нужно собирать силы.

Но сперва…

Дворецкий прерывисто вздохнул, когда я отнял руки от его головы.

— Все, Василий, — прошептал я. — Я видел все, что нужно. Вы не представляете, как помогли.

— Это меньшее, чем я могу расплатиться за предательство госпожи. Она всегда была ко мне добра. И она, и Ирина Алексеевна… Пожалуйста, передайте им, что я правда пытался отсрочить. Пытался сделать хоть что-то, но… Слишком боялся за своих.

Я кивнул.

— Непременно.

Василий закрыл глаза и мечтательно улыбнулся.

— Был рад помочь, ваше… сиятельство.

— Они здесь! — крикнули со стороны дороги. — Бегом!

Я резко обернулся. Явились, блин, и не запылились. Безопасники Ланге перепрыгивали через снежный вал на обочине и спускались к нам. Я отошел от Василия, позволяя ему уйти на своих условиях.

— Скорую вызывайте, — велел я, увидев главного безопасника. — Хотя могут и не успеть.

Ланге проглотил интересовавшие его вопросы и задал самый уместный в данной ситуации:

— Вы в порядке, Михаил Николаевич?

Я пожал плечами.

— А мне-то что сделается?

— В таком случае я обязан спросить, что все это значит.

— Ага. Только пусть вам обо всем расскажет Корф, когда сюда заявится. А мне нужно ехать.

Ланге потерял дар речи от моей наглости.

— Прошу прощения, но на чем вы собрались отсюда ехать? На собственности баронессы?

— Думаю, она не обидится, — бросил я.

Безопасник дернулся было за мной, но я выбросил руку вперед и выставил барьер.

— Виктор Зиновьевич, вы не представляете, какая задница здесь творится. Поэтому если всерьез хотите помочь мне разгрести это дерьмо, просто продолжайте выполнять свою работу. А я найду тех сволочей, что сделали это с Ириной и Василием.

Безопасник смерил меня тяжелым взглядом.

— Так вы что-то выяснили?

— Да, но это вопрос уровня Тайного отделения. Простите, я сейчас и правда не могу ничего сказать. Одно замечу — вы проморгали в своих рядах предателя. Внимательнее следите за персоналом.

Наверное, с последней фразой я чутка перегнул — все же слуги имели право на личную жизнь. Но здесь все так переплелось, что Василий действительно стал работать на этого Сарпедона из страха. Но Ланге… Ну должен же он был что-то заметить. Должны быть в таких случаях перемены в поведении, странные отлучки и прочее.

Не заметил. Впрочем, я тоже много всего проморгал.

“Я вытащил информацию из головы Василия”, — обратился я к Корфу, проигнорировав приветствия. — “Там много интересного для ваших глаз и ушей. Куда подъехать?”

“Разъезжая улица, дом сорок четыре”, — коротко ответил тайный советник. — “Алексеев встретит. Когда будешь?”

Эх, Лиговка… Не ездил я еще по центру толком, да еще и без прав… Но ничего, постараюсь козырнуть статусом, случись что.

“Через час”.

“Жду”.

Я сел за руль Македонского и ласково погладил профиль полководца на торпеде.

— Ну что, Александр Филиппыч, поехали на охоту?

Глава 35

Проезжая мимо поста дорожной полиции на въезде в город, я затаил дыхание. Лишь бы не остановили… Мало того что я был без водительского удостоверения, так еще и без документов на машину. Пара звонков куда надо, конечно, поможет отвязаться, но я просто не хотел тратить на это лишнее время.

Скорее бы уже этому телу стукнуло восемнадцать. Черт с ним с алкоголем, я хотел, блин, нормально передвигаться по городу!

— Фуууух, пронесло, — я расслабился на сидении, когда пост остался за спиной. Повезло.

Теперь оставалось сориентироваться, как удобнее доехать до Лиговки. Я свернул на Выборгский проспект — прямой, точно стрела. В моем родном мире он был назван в честь Энгельса, но здесь коммунистов настолько не чествовали. Выборгский плавно перешел в Большой Сампсониевский проспект, я добрался до Нижегородской улицы, и с нее въехал на Литейный мост.

Как ни странно, в центре ориентироваться было проще — застройка старая, расположение улиц мало отличалось от их аналогов в моем мире. Тот же Литейный, Невский, Владимирский проспекты… И вот я уже сворачивал с Большой Московской на Разъезжую улицу. Оставалось лишь найти нужный дом.

И зачем Корф назначил встречу в таком месте? Не сиделось ему в своем управлении — вечно бегал в поле вместе с подчиненными.

Припарковавшись, я заглушил двигатель и связался с бабушкой.

“Ба, это Миша”.

“А я уже хотела было сама тебя звать. Где ты, мон шер?”

“Работаю. Выполняю кое-какие поручения для Корфа”.

Я почувствовал напряжение, пробежавшее по ментальному каналу.

“Что он заставляет тебя делать?”

“Не заставляет. Я сам вызвался помочь. Пока не могу разглашать, но дело серьезное”.

“Тебе угрожает опасность?”

“Сейчас нам всем она угрожает, Ба. Время нынче неспокойное”.

“Я понимаю, что ты наверняка пошел на это ради того, чтобы заслужить несколько лишних очков в глазах тайного советника, но, умоляю тебя, Мишенька, будь осторожен. Когда тебя ждать?”

“Не знаю. Наверное, уже завтра. Не знаю, когда закончу, поэтому лучше переночую в городе”.

“Мне все это не нравится, мон шер. Но мне остается лишь уповать на твое благоразумие. Помни, кто ты и кем должен стать, Михаил”.

“Ни на минуту не забываю”, — ответил я. — “Не волнуйся за меня, Ба”.

Запретить подрабатывать на Корфа она и правда мне не могла. В конце концов я оказался здесь и сейчас потому, что в свое время моя семья сама нарвалась на Пистолетыча. За все нужно платить.

“Ладно, я все передам твоему отцу”, — вздохнула бабушка. — “Будь осторожен”.

Кивернития разорвала связь, а я вылез на холодный вечерний воздух. Время еще было не позднее — часов шесть вечера, но уже стемнело. Желтое уличное освещение уюта не добавляло. Районч ик был так себе что в моем мире, что в этом. Старые, но лишенные изящества дома прижимались друг к другу так плотно, что не оставалось места для скверов. Так выглядело жилье для низших классов — узкие до невозможности тротуары, подозрительные личности у магазинов. Откуда-то тянуло вонью горящей помойки.

И тут я такой красивый, в пальто с иголочки и с гербом аристократа. В таких местах обитал люд отчаянный. Спрашивать и бояться не будут — сразу попробуют дать в дыню и отобрать бумажник. Правда, если рискнут, у меня для них две плохие новости. Первая — я ж отвечу. Вторая — денег у меня все равно почти не было. Так что страдать шпана будет зря.

Я взглянул на вывеску ближайшего дома — сорок второй. Значит, мой следующий.

Четырехэтажное здание болезненно-желтого цвета с одинаковыми рядами окон и торговыми помещениями на цокольном уровне. Зарешеченная подворотня. Обычный дом, каких в Петрополе были сотни.

“Прибыл на место”, — сказал я Корфу. — “Жду у ворот”.

“Сейчас спустится Алексеев, заберет тебя”, — ответил тайный советник и пропал из моей головы. Как же было хорошо и свежо, когда в ней никого не было. Не башка, а проходной двор.

— Эй, мажор! — крикнул какой-то парень в кожаной куртке и кепочке, очевидно, дожидавшийся товарищей у магазина. — Закурить не найдется?

— Не курю, извините.

— Это хорошо, — ухмыльнулся он, обнажив кривые желтоватые зубы. — Значит, здоровеньким помрешь. А на зажигалку мелочь не одолжишь?

А почему бы, собственно, и нет?

Я пошарил по карманам и высыпал в ладонь небольшую несколько монет.

— Держи.

— Вот спасибо, удружил, — снова расплылся в улыбке парниша. — А тачка твоя?

— Не-а. Угнал.

Парень посмотрел на меня, оценивающе смерил взглядом мое пальто, скользнул глазами по ботинкам, а затем увидел родовой герб.

— Эээээ… Аристократ, значится.

— Ага.

— Правда угнал, что ли?

— Ага. Не все аристократы разбрасываются деньгами. Я вот из небогатой семьи, поэтому своей машинки нет, — Я встретился с ним взглядом и понял его намерения. — Даже не думай. То, что я ее стащил, еще не значит, что можно тебе. Это автомобиль моей девушки. Прокатиться не дам. И имей в виду, что у меня есть разрешение на применение Благодати.

Паренек поправил кепочку и тут же попятился.

— Да чего ты сразу, начальник? Я ж так, спросил… Ну, не прокатило.

Я усмехнулся. Да уж, давненько мне не попадались такие персонажи. Даже ностальгия пробрала. И забавно, что кепочки с козырьками местные неблагонадежные элементы любили точно так же, как и в моем мире. Правда, у нас они вышли из моды.

— Ну бывай, аристократ, — парень взмахнул рукой. — Спасибо за мелочь. И это… Ты там во дворе поосторожнее. Дом нехороший.

— А что там?

— Ну прям щас там шухер. Стервятники налетели. Да и вообще люд там живет злобный. Это ж бывший “доходник” Бурова. Ну, промышленник который. Тута его работники раньше жили. Вот когда он разорился, государство дом и выкупило. И заселили сюда абы кого. Так что отогнал бы ты свою машину подальше…

— Спасибо за совет, — улыбнулся я.

И за информацию. Весьма любезно со стороны этого юноши.

Черт, а я-то уже настроился на махач. Ладно, еще будет возможность подраться, вот задницей чуял, что будет. А пока я подошел ближе к воротам. Занятно, что даже на таком невзрачном доме решетка явно была авторская. Чувствовалась душа мастера.

Вообще главное внешнее отличие Петрополя от моего родного Питера проявлялось не в центре, а на окраинах города.

Сперва я даже не мог понять, что же именно было не так. А затем осенило — здесь не было типовой застройки. Ни хрущевок, ни брежневок, ни знаменитой сто тридцать седьмой серии.

Да, чем дальше от центра, тем выше становились жилые здания. Но архитектурный стиль отличался. Не было одинаковых домов-близнецов. Каждому проекту архитекторы старались придать хотя бы небольшую уникальность. Где-то играли с цветами, в ином случае добавляли больше стекла, а в домах побогаче даже делали лепнину и скульптурные композиции. Словом, имперский дух хоть немного да прослеживался.

Странный, конечно, мир. Мир, где люди не знали хрущевок, но были обречены на жизнь в соответствии с их кастой. И черт знает, какой из двух миров был лучше. Несмотря на все очарование, мир Петрополя был куда безжалостнее, а нравы — суровее. В моей реальности ты мог достичь какого-никакого успеха благодаря мозгам и усердию — трудно, задницу порвешь на британский флаг, но это было возможно. Здесь же многие варианты будущего были недоступны уже по факту рождения. И вырывались в аристократы единицы.

— Михаил Николаевич! — в подворотне нарисовался помощник Корфа. — Открываю, заходите.

Он впустил меня в полутьму и плотно закрыл дверь калитки.

— Идемте, Вальтер Макарович скоро освободится. Ну… Не совсем, но четверть часа у него будет.

Мы вышли в просторный внутренний двор, и я увидел, что здесь было несколько пристроек. Одна — длинная одноэтажная, тянулась вдоль всего соседнего дома. Стояло несколько автомобилей со знаками отличия полиции, еще несколько без опознавательных знаков. Возле пристройки суетились люди — в форме и в штатском.

— Что у вас здесь творится? — Спросил я.

— Накрыли одну из ячеек Ордена Надежды, — отозвался Алексеев.

— Уверены, что мне целесообразно здесь находиться?

— Эти вас не знают, будьте спокойны. Эти товарищи у нас анархисты и еретики даже с позиции устоев и программы “надежников”. Вряд ли вы смогли бы пересечься при иных обстоятельствах. Но теперь уже точно не сможете.

Алексеев говорил с легкой насмешкой, словно едва сдерживался от того, чтобы начать потешаться. Помощник Корфа явно был в приподнятом настроении. Оно и понятно — все-таки прихватили за жабры хоть кого-то из революционеров.

— Что вас так смешит? — Осторожно спросил я.

— Да идиоты они. Дурачье малолетнее. Задумали устроить

акцию с подрывом во время гуляний на Манежной площади. Там ярмарка сейчас проходит, народу в праздники полно. И эти болваны наивно думали, что у них получится. Отделение-то не зря свой хлеб ест.

А вот это было довольно странно. Ведь Радамант сказал мне, что отменит все акции и заставит свои команды залечь на дно — все, чтобы быстрее добраться до Аспиды. А тут такое. И акция на Манежной — это громкое заявление. Провокация.

Радамант не всегда работал тонко, но даже для него такая кровища была бы чрезмерной.

Мы как раз подошли к одному из входов в пристройку, возле которой устало курили двое сотрудников в штатском. Они равнодушно скользнули по мне взглядами и отвернулись. Алексеев хотел было зайти внутрь, но в этот момент Корф вышел сам.

— Убожества… — выдохнул он себе под нос, и лишь затем увидел нас. — А, ты. Идем, Соколик, прогуляемся.

— Я здесь, конечно, по другому вопросу, но не кажется ли вам, что те, кого вы сейчас взяли, не имеют отношения к Ордену Надежды? — тихо сказал я, когда мы отошли на достаточное расстояние.

Там, за парковкой для жильцов, был небольшой импровизированный садик — пара скамеек под сенью каких-то кустов. И урна. Корф встал там, закурил и на несколько мгновений прикрыл глаза — он уже даже не пытался скрывать, насколько задолбался.

— Это в случае, если Радамант сдержал обещание, — хрипло ответил тайный советник и с наслаждением затянулся.

— Он заинтересован в поиске аспидов. Не меньше, чем мы. В это его обещание я верю. А с учетом того, то Темная Аспида уже подставляла “надежников” в громких акциях, то…

— Я понял, к чему ты клонишь. Поглядим.

— Опять же, ячейки друг с другом не общаются. Связь идет между главой ячейки и Радамантом — и то не всегда прямая. Он же перестраховывается! Этих товарищей могли просто обмануть.

— Ничего, сейчас я тебя выслушаю, затем хлебну кофе и залезу каждому из них в черепушку. А там посмотрим, прав ли ты, — Корф стряхнул снег со скамейки и присел. — Докладывай.

Я пересказал ему все, что случилось во время моего визита в Лебяжье и после. Сказал, как нашел нестыковку и попытку скрыть пребывания Василия в доме раньше. Поведал о погоне, о том, как пришлось тормозить Василия. И о том, почему Василий на это пошел.

— Да уж, выбор у Проскурякина был невелик.

— Мне его мотивы понятны, — пожал плечами я. — Сам оказался в таком же положении.

— Ага, и уже втянулся. Впрочем, работа у нас такая… Специфическая. Затягивает. Сам не заметишь, как всю жизнь на ней проведешь. А вот то, что ты вытащил из него все воспоминания, это очень хорошо. Это просто прекрасно! Первая хорошая новость за сегодня.

— Вроде того. Так что предатель найден, есть кое-какие ниточки и даже больше… Можно работать дальше.

— Согласен, — ответил Корф и потушил окурок. — Значит, так. Сейчас поедешь с моим человеком в управление. Алексеева с тобой отправить не могу, он нужен мне на месте. Поедешь с Бестужевым. Гавриил Петрович, четвертый ранг, боевик. Надежный мужик. Помогает мне с Аспидой, так что в общих чертах в курсе.

Я нахмурился.

— Насколько надежный?

— Настолько, что его яйца хранятся у меня и выдаю я ему их по расписанию, — отрезал Корф. — Две дакийские войны прошел, грудь в медалях. И люто ненавидит всю эту шелупонь провокаторскую. Ну и еще кое в чем был замешан, что позволило проверить его лояльность. Гавриилу верить можно, но все равно лишнего не болтай. Езжай с ним, на месте он объяснит, что делать. Потом даст водителя, отправим тебя домой.

Я покачал головой.

— Спасибо, не нужно. Я на Вознесенском останусь, у Штоффов. Есть планы на утро.

— Как знаешь. Все, — Корф поднялся и буквально за несколько секунд собрался, выпрямил спину, вернул лицу суровое выражение. — Подожди у дверей, Бестужев как раз уже собирается. Его работа окончена, начинается моя.

Я кивнул.

— Удачи.

Гавриил Петрович Бестужев оказался совершенно не таким, каким я его воображал после краткого рассказа Корфа. Мне почему-то думалось, что передо мной предстанет аналог морпеха с косой саженью в плечах, а дознаватель Бестужев оказался… Обычным мужчиной средней комплекции и невзрачной внешности. Выдавали его выправка и комплекция человека, явно дружившего со спортом.

А еще он был моложе, чем думалось. Лет тридцать, не больше. Видать, рано начал военную карьеру.

— Ваше сиятельство, — на ходу бросил он мне, — едем. Поторопитесь, пожалуйста.

— Я на своей.

Бестужев кивнул.

— Не отставайте.

***

Я пялился на здоровенный кварцевый шар, словно ярмарочная гадалка на сеансе. Только карт таро и свечей не хватало для антуража. Да и обстановка кабинета Бестужева не соответствовала атмосфере.

— Не выходит? — участливо спросил Гавриил Петрович.

— Сейчас выйдет, — прошипел я и снова обхватил проклятый шар обеими руками.

Оказалось, что засунуть такой большой пласт воспоминаний в артефакт было непростой задачей. Я уже битые полчаса пытался утрамбовать воспоминания Василия слой за слоем, но то они не влезали полностью, то путался порядок, то пропадали важные куски.

Бестужев, следовало отдать ему должное, был безукоризненно вежлив и ангельски терпелив. Возможно, решил не давить на первокурсника Аудиториума, понимая, что даже от такого самородка техничного исполнения требовать бессмысленно.

Дознаватель поставил передо мной кружку с дымящимся чаем.

— Может прерветесь?

— Нет! Почти готово!

Я почти засунул последние куски, утрамбовал, почти что ментально попрыгал сверху, чтобы точно влезло, и принялся сканировать результат. Ну, с грехом пополам, но вышло. Надо бы изучить кое-какие практики экстерном, если так и дальше пойдет…

— Все, — я обернул шар в ткань и передал дознавателю. — Сахарку не найдется?

Бестужев спрятал артефакт в сейф и принес мне коробку с рафинадом.

— Спасибо.

— Готовы к следующему этапу? Звать художника?

Сгорел сарай — гори и хата. Я все равно уже смирился с тем, что выйду из управления после полуночи.

— Давайте. Только я с чайком сидеть буду. Это ничего?

Бестужев лишь рассмеялся в ответ. На удивление заразительно.

— Ох, Михаил Николаевич, знали бы вы, какие дерзости видели эти стены…

— Избавьте, — улыбнулся я.

Дознаватель на несколько мгновений ушел в себя — видимо, связывался с сотрудником. Минут через пять в дверь кабинета постучали.

— Проходите!

В дверной проем робко просунулась голова молодой женщины.

— Я к вам! — увидев меня, она смущенно улыбнулась. — Лариса Олеговна Чернявская, артефактор-криминалист и штатный художник.

Чернявская открыла папку, вытащила лист и вложила на планшет.

— Готовы, ваше сиятельство?

— Да. Только не очень понимаю, что нужно делать.

— Все просто. Мы устанавливаем ментальный контакт, затем вы передаете мне образ человека, которого нужно изобразить. Старайтесь задержать внимание на одном конкретном эпизоде. Будет идеально, если вообще представите его в виде фотографии — так у меня получится зарисовать его быстрее. Собственно, это все, что от вас требуется.

Девушка снова смущенно улыбнулась и поправила рваную прядь своей короткой немного бунтарской прически. Творческая личность…

— Все ясно, давайте начинать.

Рука Чернявской оказалась прохладной и немного влажной. Я быстро установил контакт, нашел в воспоминаниях Василия подходящий “кадр” и сконцентрировал на нем все внимание. Задачка тоже оказалась не из простых. Одно дело позировать портретисту, другое — не просто сидеть ровно, а еще и удерживать в голове только одну картинку.

— Очень хорошо, ваше сиятельство, — похвалила художница. — Приступаю.

Я старался не глядеть на движения ее рук — они отвлекали и сбивали фокус внимания. Мне был слышен лишь тихий шорох карандаша по бумаге. Сколько времени прошло, я не знал, но под конец уже ненавидел этого Сарпедона. Небось еще и сниться будет после такого.

— Готово, — художница развернула ко мне рисунок, и я ахнул.

— Да вам не в Управление нужно было идти, а в Академию Художеств! — Воскликнул я, еще больше смутив сотрудницу. — У вас талант. Сарпедон собственной персоной, как живой.

Она тут же принялась делать еще несколько набросков — в профиль, в полный рост. Эти получились более схематичными, но

основные черты угадывались.

— Да, все верно, — кивнул я. — Не узнать невозможно.

Бестужев забрал листы у Чернявской и улыбнулся.

— Большое спасибо, Лариса Олеговна. Вы свободны, — он дождался, пока художница выйдет, и повернулся ко мне. — Вы, собственно, тоже. По крайней мере, до завтрашнего утра. Рисунки мы сведем в одну бумагу и раздадим сотрудникам. Пусть покажут своим информаторам. Если Сарпедон торчит в Гостином дворе, то его точно должны были увидеть.

— Да, — я поднялся и лишь сейчас понял, как вымотался за этот день. А ведь еще требовалось пригнать Македонского к особняку Штоффов, уговорить Пелагею пустить меня ночевать… — Жду новостей. Рад знакомству, Гавриил Петрович. Только можно мне тоже одну копию?

— Конечно.

Бестужев вышел в коридор с бумагами и минут через пять вернулся с копией.

— Прошу.

Я сложил листок с портретом Сарпедона вчетверо и убрал во внутренний карман пальто.

Попрощавшись, я вышел и сел в Македошу. Достал “фоторобот”, развернул и снова посмотрел на Сарпедона.

У меня был один знакомый, кто наверняка мог видеть этого хмыря в Гостином дворе.

Пора было попросить торговца редкостями Бронштейна о еще одной услуге.

Глава 36

Македонского я оставил во внутреннем дворе городской резиденции Штоффов. Пелагея сперва обрадовалась моему визиту, но когда я сообщил о трагической гибели Василия, едва не захлебнулась в рыданиях.

Те немногочисленные слуги, что обслуживали дом на Вознесенском, были в прострации и, казалось, не могли поверить в уход Василия. Мне и самому до конца не верилось. Иногда события в моей жизни брали настолько стремительный разбег, что я с трудом мог сориентироваться и понять, что происходит.

— Что же за времена такие для нас наступили? — вытерев слезу, Пелагея схватилась обеими руками за кружку с обжигающе горячим чаем. — Сперва Матильду Карловну выслали в Букурешт, потом случилась беда с Ириной Алексеевной, а теперь и Василий… Господи, за что это все нам? Что же теперь будет…

Мне с трудом удалось уговорить безутешную домоправительницу пойти спать. Сам я, даже не раздеваясь, рухнул на кровать в гостевой комнате и продрых без единого сновидения аж до самого звонка будильника. И лишь утром как следует привел себя в порядок.

К моему удивлению, всю одежду уже почистили и выгладили, а в столовой меня ожидал горячий завтрак. Служанка Марьюшка — бойкая девица лет шестнадцати — пригласила меня трапезничать. Я заметил, что ее щеки были красными от слез.

Да уж, привез я им вести… Прямо под самый Новый год.

— Зачем же вы в столовой накрыли? — растерялся я, увидев аппетитное многообразие. — Я ведь так, просто переночевать заскочил… Мог бы спокойно на кухне поесть.

— Ох, Михаил Николаевич, нам это сейчас в радость, — отмахнулась Марья. — С тех пор, как обе госпожи разъехались, здесь все словно вымерло. Скучно, делать нечего. А тут гость, пусть и с печальными вестями. Нам не тяжело, а вам приятно.

Насчет того, что здесь все вымерло, она, конечно, погорячилась. Особняк празднично украсили — но гораздо скромнее, нежели если бы здесь сейчас обитала Матильда. С баронессы сталось бы организовать что-нибудь поистине грандиозное. А сейчас слуги просто хотели праздника, вот и расстарались как смогли. И, кажется, я им его испортил.

Быстро умяв яичницу с беконом и закусив все это дело тостами с вареньем, я выпил пару чашек черного, как сама Аспида, кофе и наконец-то проснулся окончательно. На часах было начало десятого. Самое время мотаться по делам.

Бумажка с портретом Сарпедона нашлась во внутреннем кармане пальто. Там же был бумажник с моими весьма скромными сбережениями.

Мда. Пора уже найти какую-нибудь подработку, чтобы не тянуть финансы из отцовского кошелька — им и так после праздников придется туговато. Хорошо бы договориться с Корфом хотя бы на скромную оплату моих героических подвигов.

— До свидания, Михаил Николвевич! — хором провожали меня слуги, с трудом натянув любезные улыбки на лица. — Счастливого Нового года!

Попрощавшись с домашними, я вышел на морозный воздух. Над Петрополем все еще висела почти ночная темнота, и я побрел до Гостиного двора пешком. Раз уж оказался в центре, да еще и не был ограничен во времени, решил воспользоваться возможностью и получше изучить центр.

Маршрут я выбрал почти что туристический. Мог бы срезать дорогу по Казанской улице, но решил прогуляться по набережной. Добрался до канала Грибоедова, перешел мост и медленно побрел в сторону Дворцовой. И уже там, дойдя до Невского, прогулялся по проспекту до Гостиного двора. На все потратил полчаса, но прогулка вышла отличной — мороз щипал щеки, прозрачный воздух хрустел, да и снега за ночь насыпало ровно столько, чтобы и не поскользнуться на наледи, и не утонуть в нем по щиколотку. Одним словом, красота. Даже скверное настроение немного приподнялось.

Лавка торговца редкостями Бронштейна была еще закрыта. На табличке красовалась надпись: “Открыто с 10:00 до 20:00”. Я взглянул на часы — ничего, осталось подождать минут десять.

Сам Бронштейн уже возился в магазинчике — я видел его снующую меж стеллажей фигурку. Старик что-то протирал, обмахивал метелкой скульптурки и бюсты. Заметив меня, он слеповато прищурился, надел очки и расплылся в улыбке.

— Заходите, ваше сиятельство! — радостно пригласил он, отперев дверь. — Прошу прощения, не сразу вас заметил. Давно ждете?

— Нет-нет, только пришел. И, увы, сегодня я без денег.

— Ничего страшного. Вернете. Но что же тогда привело вас ко мне в столь ранний час?

Я покосился на дверь.

— Вы не могли бы пока что запереть магазин? У меня к вам конфиденциальный разговор.

Бронштейн озадаченно на меня уставился, но возражать не стал.

— Разумеется, ваше сиятельство. Один момент.

Пока он возился с замком, я достал сложенный вчетверо лист с портретом Сарпедона и протянул старику, когда тот вернулся.

— Понимаю, вопрос прозвучит странно. Но вы никогда не видели здесь этого человека?

Семен Яковлевич нахмурился, затем спохватился и поменял очки — две пары висели у него на груди на цепочках.

— Вот, другое дело… Старость — мерзкая штука, Михаил Николаевич. Не рекомендую.

Он внимательно уставился на портрет. С моего позволения взял листок в руки и поднес ближе к массивной антикварной лампе с витражным абажуром.

— Да-да… Я его знаю, — Бронштейн удивленно поднял на меня глаза. — Прошу прощения за бестактность, но какие дела могут связывать столь благородного человека вроде вас и такую сволочь?

— Значит, он еще и сволочь? — улыбнулся я.

— Ох, известный негодяй. Это, ваше сиятельство, Марат Хлыщев по весьма оригинальному прозвищу Хлыщ. Не хотел бы навязывать свое мнение, но от этого человека я рекомендую держаться подальше.

А вот это уже было интересно. Значит, мужик-то засветился. Или даже не особо и прятался. И судя по всему, мужичок-то с предысторией…

— Семен Яковлевич, понимаю, что не в моем положении просить вас о еще одной услуге — я ведь должен вам денег за тот прекрасный артефакт. Но вы не могли бы рассказать об этом Хлыщеве все, что знаете? Это очень важно.

— Расскажу. Но за это будет своя цена.

— Сколько?

Бронштейн улыбнулся.

— Нет, Михаил Николаевич, денег я с вас больше не возьму. У меня в ходу другая валюта — информация. Расскажите мне, как же так вышло, что сын графа разыскивает уличного преступника. И тогда я расскажу все, что мне о нем известно.

Что ж, этого следовало ожидать. Больно уж занятный был старичок для простого антиквара. Мы, Миха, нарвались на торговца информацией. Если я все понимал правильно, то Бронштейн был человеком полезным и уважаемым. Таких не трогали даже отморозки.

Надо бы расспросить о нем у Корфа. Что-то мне подсказывало, что Тайное отделение тоже могло числиться в списках клиентов этого ушлого старикана.

— Хорошо. Но это информация, которую я прошу не продавать. Ваш личный интерес я удовлетворю. Но это опасный

товар.

— Иного от вас я и не ожидал.

— И обо мне навели справки?

— Разумеется, — почти что оскорбился торговец. — И даже еще до того, как вы впервые ступили на порог моей лавки. Итак, Михаил Николаевич, зачем вам нужен Хлыщ?

Я вздохнул. С чего бы, блин, начать? Да еще и так, чтобы не слить то, что пока не стоило делать достоянием общественности.

— Раз вы навели обо мне справки, то должны знать, что я близок с семьей баронессы Матильды фон Штофф, — тихо проговорил я.

— Да. Хотя, судя по всему, ее племянница вам больше по нраву.

— И вы знаете, кем раньше была баронесса…

Бронштейн широко улыбнулся, сверкнув золотыми зубами.

— О да. По свету до сих пор ходят сплетни, что у баронессы был роман с тайным советником Корфом…

— Вт мы и подошли к сути. Этот Хлыщев, — я ткнул пальцем в лоб портрету, — был организатором покушения на Корфа. Так уж вышло, что из-за этого пострадали люди, которые мне дороги. Если…

Бронштейн изменился в лице и жестом прервал меня.

— Все! Дальше молчите! Я не лезу в дела Тайного отделения. Таково условие моей работы. Я не распространяю информацию о деятельности сотрудников и вообще лишний раз ее не касаюсь.

Ха! Зато теперь стало понятнее, почему этот старик спокойно сидел у всех под носом и явно не первый год вел свою деятельность. Похоже, что Тайное отделение разрешило ему работать, но поставило ряд ограничений. Что ж, разумно. Наверняка Бронштейн был еще и информатором ищеек.

— Выходит, сделки не будет? — вскинул брови я. — Раз уж вы не хотите меня слушать.

— Нет, о Хлыщеве я расскажу. Положа руку на сердце, он уже много кого, простите за выражение, достал. И если найдется способ его прижать, я буду только рад.

Я осклабился.

— Думаю, это можно устроить.

— Тогда слушайте и записывайте, — старик прочистил горло и облокотился на конторку. — Хлыщ родом из Татарской слободы. Мать татарка, отец русский. Оба умерли рано, Хлыщ оказался в приюте. Здесь недалеко, на Садовой. Там же и познакомился с местной бандой — они держат “Апрашку”.

“Апрашкой” что здесь, что в моем мире назывался печально известный Апраксин двор — здоровенный рынок, где можно было

достать хоть черта лысого. Дешево, полная антисанитария, куча подделок на любой вкус и кошелек. В моем мире рынок немного облагородили, но здесь, несмотря на близость к Невскому, “Апрашка” оставалась настоящей черной дырой.

— Значит, Хлыщ — один из апраксинцев? — спросил я.

— Да, ваше сиятельство. В органах правопорядка таких, как Хлыщев, называют членами организованных криминальных сообществ. Хлыщ там не первый и не последний человек. Определенным влиянием обладает, имеет своих шестерок. И все же до трона ему далековато. Но воротила хитрый.

— Понял.

Выходит, Аспида имела какие-то отношения с апраксинцами. Интересно, это было согласовано с местным преступным королем или Хлыщ прихватил халтурку на дом?

— И как можно найти этого Хлыща?

— На территории "Апрашки", во дворах, есть кабак. Называется “Хмельная пчела” — медовуху там подают. Многие апраксинцы там часто крутятся. Да и само заведение принадлежит господину Черепанову. Это… как бы выразиться, чтобы вам было понятно…

— Местный авторитет? — подсказал я.

Бронштейн просиял.

— Именно! Хлыщ у него в фаворе, потому и ведет себя вольно.

— Благодарю, Семен Яковлевич, — кивнул я. — Раз вы не приняли от меня оплату информацией, быть может, есть иной способ выразить вам благодарность? Услуга, например?

— Услуга подойдет, ваше сиятельство, — согласился торговец. — И позволю себе дать вам еще один совет. Не идите на “Апрашку” в одиночестве. Несмотря на наличие у вас сил, прогулка рискует закончиться неожиданно. Это действительно нехорошее место, и местные ревностно его оберегают. А вы юноша видный, непременно привлечете ненужное внимание к своей персоне.

— Благодарю, Семен Яковлевич. И, боюсь, мне уже пора.

— До свидания, ваше сиятельство. Постарайтесь все же выжить — мне еще с вас долг взимать.

Я слегка улыбнулся и вышел за дверь лавки.

“Вальтер Макарович, доброго утра”, — дозвался я до Корфа.

“Ни хрена оно не доброе”, — проворчал тайный советник. — “Что у тебя опять стряслось?”

“Нашел я нашего Сарпедона. Член банды апраксинцев Марат…”

“Хлыщ. Уже знаю”.

Я насупился от обиды. Ну конечно, мне-то зачем говорить. Ну да, ну да, пошел я на фиг.

“Черт. А я надеялся вас обрадовать”.

“Один из оперативников тебя опередил. Его связной узнал нашего Сарпедона. А как тебя угораздило так быстро справиться?”

“Удивительно, но у меня тоже появился информатор. Бронштейн”.

“Этот старый маланец?” — вздохнул Пистолетыч. — “И что ты ему теперь должен?”

“Услугу”.

“Поздравляю, Михаил. Тебя только что взяли в оборот. Этому проходимцу палец в рот не клади”.

“Ничего, переживу”, — отмахнулся я. — “Что дальше? Когда будем брать Хлыща?”

“Будем?” — с легким сарказмом переспросил Корф. — “Вы ничего не перепутали, юноша?”

“Вы обещали, что я смогу вам помогать. Я подразумевал и участие в операциях…”

“Михаил, ты помогаешь. И прекрасно справляешься для неподготовленного юноши своего возраста. Но сейчас планируется серьезное мероприятие. Это “Апрашка”, опасное и сложное для работы место. А ты несовершеннолетний — раз, и неопытный — два. Я не могу допустить, чтобы ты пострадал. Дело даже не в том, что с меня погоны слетят, если наверху выяснится, а то, что это неправильно”.

Удивительно, что Корф счел необходимым мне все объяснить. Нет, то, что я лез в заваруху не своего уровня, я как раз понимал. Но со мной была родовая сила с потенциалом первого ранга. Да и уличный опыт какой-никакой у меня тоже имелся. Победить может и не смогу, но точно унесу ноги.

И кроме того…

“Вальтер Макарович, для меня это дело чести. Дело принципа. Из-за этого Хлыща Ирина сейчас в ментальной коме, Василий мертв, а у вас дырка в брюхе. Я не стану отступать сейчас, когда мы вышли на его след! Если не дадите добро, пойду сам. А потом, если меня все же ранят или завалят, всплывет вся эта история, что вы превратили меня в агента. И тогда ваши погоны точно слетят”.

Мерзко, знаю. Хитрожопый запрещенный прием и гнусный шантаж. Но с кем поведешься…

“Вижу, ты все же кое-чему научился”, — сухо ответил Корф. — “Сейчас я пойду тебе навстречу из уважения к твоим заслугам и к Ирине. Но впредь не смей мне угрожать. Никогда”.

“У меня были хорошие учителя”, — ответил я. — “Значит, мы договорились?”

“Свяжись с Бестужевым. Он руководит операцией по задержанию. И, бога ради, Соколов, не подставляйся под пули!”

***

Гавриил Петрович хмуро взирал на меня поверх голов остальных сотрудников.

— Уверены, что вам это нужно, ваше сиятельство?

Я кивнул.

— Да. Инструкции усвоил. Держусь позади, силу не применяю до непосредственной угрозы жизни и лишь в том случае, если сотрудники не смогут прийти мне на помощь. Мирное население не задевать ни в коем случае. Если начнется жара, бежать.

Бестужев выслушал меня и знаком отпустил остальных собираться. Едва они разошлись, дознаватель подошел ко мне.

— Не знаю, какие дела связывают ваше сиятельство с Корфом, что он обеспечил вам такую протекцию, но я категорически не согласен с вашим присутствием на операции. Апраксинцы — банда простолюдинская, и работа с ними в задачи нашего управления не входит. Сейчас последний шанс передумать, Михаил Николаевич.

— Я не отступлюсь. Говорил Кор… Вальтеру Макаровичу, скажу и вам — это дело чести. Пока сам не вытрясу из него имена остальных заговорщиков или не увижу, как это делаете вы, не успокоюсь.

Бестужев проглотил ругательство, но я заметил, как сжались его кулаки от бессильной ярости. Приказ он нарушить не смел, но явно не был в восторге от необходимости связываться со мной. И, в общем-то, был прав. Но где здравый смысл, а где ситуация, в которой мы оказались?

— Обещаю, подводить вас не буду, — заверил его я. — И, случись что, у меня есть пара неприятных фокусов в запасе. И, к слову, апраксинцы — банда неодаренных, но если они уличены в связи с Аспидой, то я бы приготовился встретить отпор и из Благодати.

Бестужев покачал головой.

— Уверенности в этом нет, но на всякий случай мы удвоили количество наших одаренных сотрудников. Плюс помогает полиция — эти были только рады наконец-то попортить кровь Черепанову. Но у нас своя задача. В идеале задерживаем Хлыщева и везем в управление. И все.

— Понял.

— И еще. Пожалуйста, повесьте на себя все возможные защиты. У нас не будет время отвлекаться на вашу защиту.

— Есть!

Бестужев разочарованно покачал головой и отошел к остальным сотрудникам. Раздав последние инструкции, он посовещался со старшими в группах и, наконец, отдал команду:

— Выходим.

Я повесил и “Шлем”, и “Берегиню”. И даже сосредоточил немного силы, чтобы моментально выставить барьер. Под ложечкой сосало от предвкушения моей первой серьезной операции под крылом Тайного отделения.

Детство закончилось. И от того, как я сейчас себя покажу, зависело очень многое.

Глава 37

План оказался совершенно не таким, как я представлял его изначально. Мне отчего-то думалось, что сейчас подъедет автобус со спецназом Тайного отделения, стая вооруженных до зубов вояк залетит в “Хмельную пчелу” и положит там всех внутри мордами в пол. А если апраксинцы вздумают сопротивляться, то начнется махач, где наши бойцы героически победят. Потом повяжут всех, Хлыща торжественно передадут нам, а остальных увезут в обезьянник для дальнейших мероприятий.

На деле же все оказалось совершенно иначе и гораздо скучнее.

Основная и самая ответственная часть задачи легла на плечи сотрудников из местной Спасской полицейской части. К безлюдному захламленному мусором переулку, где мы прятались до начала операции, подъехал микроавтобус с опознавательными знаками городской полиции. Оттуда вышли трое сотрудников в форме, и один из них тут же направился к Бестужеву.

О чем они разговаривали, я не слышал — меня уже сейчас старались держать подальше от служилого люда и не посвящать в детали. Но по дальнейшим обсуждениям я понял, что Бестужев и остальные сотрудники Тайного отделения в сам Апраксин двор не пойдут.

Полицейские должны были отправиться туда сами, зайти в “Хмельную пчелу” и аккуратно задержать Хлыща под предлогом проверки на хранение запрещенных веществ и оружия. Дескать, поступила наводка от бдительных граждан, нужно отработать, простите-извините, ничего личного.

Апраксинцам к такому дежурному развитию событий было не привыкать. Разумеется, полиция бы вряд ли что-нибудь у них нашла, но и плевать на это. Нам всего-то нужно было, чтобы Хлыщева вывели за территорию “Апрашки”, не привлекая внимания. И чтобы Тайное отделение не засветилось раньше времени.

Ну а дальше все прозаично — Хлыща берут под белы рученьки, передают Бестужеву и компании — и остальным займется Тайное отделение.

Так что никаких эффектных захватов. Рановато я раскатал губу и приготовился геройствовать. Даже обидно.

Еще, как я понял, прорабатывался вариант с эвакуацией людей с территории под предлогом пожара или утечки химикатов на Москательной линии, но от этого сценария решили отказаться, ибо было слишком трудозатратно.

— Ну что, господа, с богом, — сказал Бестужев полицейским, и те закивали в ответ.

— Не беспокойтесь, Гавриил Петрович, сделаем в лучшем виде, — ответил один из них. — Они здесь к нашим визитам привычные, ничего не заподозрят.

“Хмельная пчела” располагалась на Еленинском проезде “Апрашки” — территория рынка была столь огромна, что там существовали свои улицы. Обычно их называли линиями в честь товаров, которые там продавали — Курятная, Суконная, Фруктовая… Что за Елена так отличилась, что ее именем назвали одну из линий, я не знал, и никто не смог мне объяснить.

Полицейские ушли, а я принялся медленно измерять шагами скользкую брусчатку переулка. Как назло, небо заволокло низкими тучами, скоро должен был пойти снег.

— Много времени это занять не должно, — сказал Бестужев и отказался от протянутой его коллегой сигареты. — Нет, Савелий, не сейчас. Не могу курить, когда нервничаю. Вот закончим — тогда и расслабимся.

Бестужев этим утром выглядел куда потрепаннее, чем вчера. Наверняка провел всю ночь без сна — прорабатывал операцию, договаривался с полицией и согласовывал действия.

— Гавриил Петрович, а правду говорят, что Тайное отделение с Полицейским управлением не дружит? — спросил я, чтобы убить скуку разговором.

Ищейки молча переглянулись, а затем дружно рассмеялись.

— Не дружит — это еще очень мягкая формулировка, Михаил Николаевич, — ответил Бестужев. — Нас вообще мало кто любит, а все потому, что рано или поздно наша служба заставляет трясти даже высокопоставленных господ из серьезных учреждений. Полиции этого тоже не удалось избежать. Причем неоднократно. А народ там сидит злопамятный…

— Но организации все же порой работают вместе, — я многозначительно взглянул на полицейский микроавтобус. — И как удается договариваться?

— По-разному. Личная неприязнь обычно редко имеет место. Как ни странно, это так. Обычно разногласия возникают на почве конфликта интересов. Например, нам нужен некий подданный N. У нас к нему профильный интерес — использует Благодать где ни попадя, да еще и замечен в подстрекательстве к неповиновению власти. Наш клиент, с какой стороны ни посмотри.

— Допустим, — кивнул я.

— А еще этот N оказывается вором, насильником и мошенником, — вмешался дознаватель Волков — невысокий мужчина средних лет с комплекцией Коломбо и добрыми

глазами. — Такие преступления в нашу юрисдикцию не попадают — это дела полицейские. И вот приезжаем мы его брать, и тут же нарисовывается дознаватель от полицейского управления… Им, дескать, этот негодник тоже понадобился. Вот тут-то и начинается перетягивание каната.

Хм, совсем как у нас. Я много раз видел в американском кино конфликты полиции, ФБР и ЦРУ. Много сюжетов и поворотов было на этом построено. Да и в отечественных фильмах нет-нет да проскакивало нечто подобное. Занятно, что и в этом мире не придумали системного решения этой проблемы. Да и могло ли оно вообще быть?

— И как вы тогда решаете вопрос? — спросил я.

— По-разному, — отозвался Бестужев. — Обычно оцениваем, с чьей стороны ситуация тяжелее. Процессы нередко идут параллельно, приходится договариваться, уступать или, наоборот, давить. Иногда бывает, что у одних совсем горит, а у нас терпит — тогда договориться проще. Но чаще всего горит и у них, и у нас. Нередко доходит до разбирательств на уровне повыше — пусть уж начальство решает, на то оно и поставлено.

— Ну да, — улыбнулся Волков. — Мы-то народ попроще, нам надо работать, а не возиться с бюрократией. А там как прикажут, так и поступим.

— Но ведь получается, что этот Хлыщев тоже может стать причиной такого конфликта, — заметил я. — Если полиция занимается апраксинцами, а он один из них…

Бестужев пожал плечами.

— Мне ничего не известно об их интересе. Насколько я знаю, прямо сейчас на Хлыщева у полиции ничего нет. За старые дела он наказание понес, а с новыми пока что за руку не поймали. Так что я пока не жду проблем.

Волков плотнее затянул шарф и снова закурил, Бестужев снова отказался от табака и напряженно всматривался в конец переулка, откуда должны были появиться наши полицейские с Хлыщевым.

— Интересно, долго еще? — спросил я, хотя не верил, что мне ответят.

— Может минут пятнадцать, может быстрее управятся…

Во всем этом мне было интересно и еще кое-что. Откуда Тайное отделение и полиция были так уверены в том, что именно сейчас найдут Сарпедона в этом кабаке? Неужели информатор сдал им еще и график его возлияний. К тому же странно начинать утро в питейном заведении.

Хотя если предположить, что кабак принадлежал апраксинцам, то его могли использовать как базу для сбора. Или

же Хлыщ мог назначить там кому-нибудь встречу. Словом, видимо, этот вопрос они как-то решили, но меня в известность не поставили.

Да, Миха, это тебе не Аудиториум, где все тебя знают, ценят твою уникальность, признают заслуги и чуть ли не в попку целуют. Здесь ты обуза и потенциальная проблема.

— Кажется, идут, — Волков притоптал окурок и уставился в самый конец переулка.

Четыре фигуры медленно двигались в нашу сторону. Когда они подошли поближе, я разглядел форму на троих. Четвертым был темноволосый мужчина, одетый явно не по погоде — брюки и рубашка. Верхней одежды не было. Значит, вытащили буквально из-за стола. Занятно, что шел Сарпедон сам, никто его не подгонял. Неужели действительно поверил в нашу маленькую хитрость и намеревался побыстрее выбраться из участка?

Третий ищейка — кажется, у него была фамилия Лиснов, вопросительно взглянул на Бестужева, и тот кивнул в ответ на этот немой вопрос. Тем временем полицейские подвели Хлыща к нам.

— Опа, — широко улыбнулся Сарпедон. — А чего это вас так много?

Двое полицейских встали по обеим сторонам от Сарпедона, а третий шагнул к нам.

— Получите-распишитесь, господа. Марат Дамирович Хлыщев восемьдесят пятого года рождения собственной персоной.

Это точно был он — память тут же выдала образы, переданные Василием. Смугловатый, с восточным разрезом глаз и наглой улыбкой. Руки в перстнях, на шее толстая серебряная цепь, да и одежда при ближайшем рассмотрении оказалась щегольской, но безвкусной. Типичный бандюга с любовью к понтам. И на кой черт он сдался Аспиде?

Бестужев сверкнул раскрытым удостоверением.

— Марат Дамирович, вы задержаны Тайным отделением по подозрению в причастности к заговору, направленному на порушание государственных устоев, — отчеканил он дежурную фразу. — Прошу проследовать с нами на допрос.

Сарпедон с наигранным изумлением охнул.

— Боже мой! Как же так? Ни в каких заговорах я не замешан.

— Это мы и выясним при более предметном разговоре, — сухо ответил Бестужев и обернулся к коллегам. — Господа, помогите задержанному устроиться.

Полицейские смущенно замялись.

— Гавриил Петрович… Тут это, есть одна загвоздочка.

— Что?

— Ну… Задержание-то провели мы. Стало быть, и документики заполнять тоже нам. Волокита, понимаем, но если мы вернемся в управление с пустыми руками, при первой же проверке будут вопросики… И, кроме того, нам тут звонок был странный…

Я с тревогой взглянул на Бестужева. Дознаватель хранил каменное спокойствие, хотя на его лице отражалась вселенская усталость.

— А задним числом все написать не сможете? — вздохнул дознаватель.

— Так протокол надо составить! Там подпись этого Хлыщева должна быть! Опростоволосились мы, не взяли с собой бумаги. Так бы на месте заполнили, но… Запретили так делать.

Неловкие объяснения полицейских прервал звук приближающегося автомобиля. В переулок заехал начищенный до блеска в глазах роскошный серебристый “Руссо” — такие делали только по спецзаказу и за очень, ну очень большие деньги. Когда автомобиль остановился возле нас, я увидел пропуск с гербами Империи и Департамента полиции, приклеенный с внутренней стороны к лобовому стеклу.

— Гавриил Петрович, а это кто? — тихо спросил я.

— Проблемы. Вернись в машину, Михаил. Не маячь.

Я послушался. Интуиция подсказывала, что сейчас мне и правда лучше прикинуться ветошью, дабы не создавать Бестужеву еще больше проблем.

С водительского места вышел шофер в полицейской форме, обошел автомобиль и открыл дверь пассажиру. Из “Руссо” выбрался полный мужчина лет пятидесяти — в кителе со здоровенными звездами на погонах. Генерал? Ничего себе…

Большой начальник направился прямиком к нашему сборищу.

— Григорий Ефимович Деменков, — представил его шофер. — Генерал-лейтенант полиции, вице-директор Отделения по охранению порядка и общественного спокойствия Департамента государственной полиции.

Твою же мать. И правда большая шишка. Очень большая.

— Кто Бестужев? — он с явным неудовольствием уставился на ищеек.

— Я, — Гавриил Петрович вышел вперед. — Старший дознаватель Управления по вопросам контроля применения Благодати при Тайном отделении Собственной Его Императорского Величества канцелярии.

— Слов много, дела мало, — поворчал генерал-полковник. — Значит, так, господа дознаватели. Этого, — он кивнул на

Сарпедона, — сперва надлежит доставить к нам. У наших к нему тоже есть вопросы.

Бестужев такого поворота явно не ожидал. Во-первых, какого черта столь высокий начальник заявился на операцию лично? Причем операция-то была будничной. Простое задержание, малой кровью, и не какого-нибудь опасного террорюги, а обычного бандита средней руки.

Не нравилось мне все это. Ой, не нравилось.

— Прошу извинить, но порядок дознаний был согласован тайным советником Корфом, — возразил Бестужев. — Я лично присутствовал при телефонных переговорах…

— Было согласовано, а теперь не согласовано, — отрезал генерал. — Мы с вашим Корфом передоговорились. Мне нужен этот соколик. У самого к нему множество вопросов. Так что сперва его доставят к нам в управление, мы проведем все наши процедуры, а потом вы его заберете.

Сарпедона все эти пререкания искренне забавляли.

— Да я как боярская дочка на выданье, раз вы за мое приданое так грызетесь!

— Молчать! — цыкнул на него один из полицейских.

Бестужев поднял палец вверх.

— Прошу прощения. Сперва я должен получить подтверждение от своего руководства.

— А моего присутствия тебе мало? — внезапно разгневался генерал. — Ты что вообще себе позволяешь, щенок? Чтобы какая-то шваль меня помалкивать заставляла?

Бестужев пропустил агрессию мимо ушей — сосредоточился, на миг прикрыл глаза, явно устанавливая ментальный контакт. Пока беседовал с Корфом, с каждой секундой его лицо становилось все мрачнее. Наконец он моргнул и снова уставился на Деменкова.

— Вальтер Макарович подтвердил. Сначала везем к вам. Однако я должен напомнить, что вы условились о том, что наши сотрудники будут все это время вас сопровождать и присутствовать на допросах.

— Ох, кровопийцы… — проворчал генерал. — Да, было такое. Я вас нянчить не собираюсь, сами разберетесь. Дознаватели в управлении уже ждут.

Не прощаясь, он развернулся и направился к своему автомобилю. Шофер помог ему усесться, затем прыгнул за руль, и роскошный “Руссо” покинул переулок.

Я высунул голову из-за нашего автомобиля.

— Что это сейчас было?

— Чтоб я знал, — огрызнулся Бестужев и от досады пнул

ботинком колесо. — Корф подтвердил. Этот Деменков — большой начальник, его слово перебьет мое при любом раскладе. И Корфа он особенно недолюбливает. Может решил таким образом нам подгадить.

— Не мелочно ли для человека его положения? — Удивился я.

Сарпедон откровенно заржал.

— О, парень, ты понятия не имеешь, какими войнами могут обернуться поистине детские обидки!

— Молчал бы ты, Хлыщ недобитый, — полицейский жестом велел своим открыть дверь микроавтобуса и затолкал задержанного внутрь. — Господа, мы только двоих сможем взять из ваших. Больше не влезет.

Бестужев взглянул на нас.

— Михаил, тебе туда нельзя. Тебя здесь вообще нет по документам. Вы с Волковым едете в нашей машине позади автобуса.

— Понял.

Бесужев и Лиснов забрались в микроавтобус, а мы с Волковым уселись в наш неприметный седан. Я наконец-то смог вытянуть ноги на переднем пассажирском. Волков включил печку на полную мощность.

— Ноги подморозил, — пояснил он, трогаясь вслед за микроавтобусом. — Если совсем сваритесь, скажите.

— Ага. А где их управление?

— На Фонтанке, шестнадцатый дом. Недалеко отсюда. Пристегнитесь, ваше сиятельство.

Мы выехали из переулка на широкую Садовую улицу. Старались держаться как можно ближе к автобусу, хотя машины из соседних рядов то и дело норовили влезть перед нами.

— Сейчас по Садовой до конца, потом свернем, переедем Фонтанку — и на месте, — добродушно балагурил Волков. Приятный дядька, и очень странно, что нашел себе такую работу.

Мы проехали Невский, впереди высились башенки Михайловского замка. И в этот момент автобус резко свернул направо, в узкий переулок.

— Срезать решили? — удивился Волков. — Прямо дольше, но проще…

Внутри меня поднялась хорошо знакомая волна тревоги.

— Извините…

Но договорить я не успел. Что-то резко ударило в наш автомобиль сзади. Я дернулся, едва не вылетел в лобовое, но удержался за счет ремня.

— Черт! — Волков налетел грудью на руль, но тоже вроде бы

не пострадал. — Соколов, держитесь!

Снова удар. Я на автомате активировал “Берегиню”, одной рукой пытаясь отстегнуться. Наша машинка влетела в зад микроавтобусу.

— Засада? — крикнул я.

— Пока не знаю.

Руки Волкова охватило рубиновое сияние. Он резко оглянулся.

— Пригнитесь.

Впереди звучали звуки выстрелов. Микроавтобус попытался газануть, но в него врезался здоровенный “Колобок”. Заскрежетал, застонал металл. Послышались звуки стрельбы.

— Дерьмо!

Волков высунулся из окна и запустил “Колобок”в тех, кто прижимал нас сзади. И лишь сейчас я увидел, что нас окружал целый отряд. Все — одаренные. В непонятной темной форме, похожие на бойцов какой-нибудь ЧВК, только без оружия. Наши автомобили поливали градом “Кос”, “Колобков” и “Жар-птиц”. Судя по мощности, не ниже четвертого ранга.

Еще большее дерьмо. А что хуже всего, сверху, с крыш нас еще и поливали свинцовым дождем.

Машина стремительно превращалась в решето. Я ставил “Покровы” один за другим, но нападавших было так много, что они успевали дырявить барьеры быстрее, чем я их ставил. Волков отбивался как мог заклинаниями. На полминуты показалось, что он смог их отогнать, но вскоре все началось с новой силой.

В микроавтобусе происходила какая-то возня. Бестужев и Лиснов отбивались, защищая узника и неодаренных полицейских. Но резервы у всех заканчивались, а я один не могу справиться со всеми.

И тут что-то взорвалось. Огромный разрывной огненный шар ударил аккурат между нашим капотом и задом микроавтобуса. Меня ослепило, я заорал и инстинктивно закрыл глаза. Затем что-то тяжелое и мощное продавило нам крышу, начало сминать. Мир вокруг закрутился, перевернулся вверх тормашками, и пришла боль.

— Аааа! — Я не то выл, не то ревел, осознав, что нас перевернуло, а мне в довершение ко всему придавило ногу.

Волков, не успев залезть обратно, лежал, наполовину высунувшись из окна. Весь в крови. И не шевелился.

Я попытался обновить “Берегиню”, и сквозь ее бледное сияние увидел развороченный микроавтобус, отлетевший на тротуар. Не знаю, чем нас били, но этот кто-то явно был очень высокого ранга. И точно боевик. Я так еще не умел.

Что-то снова вспыхнуло, я зажмурился. Заревел раненым медведем, когда меня снова подкинуло и прокрутило. А затем боль начала уходить, но вместо нее пришли холод и тьма.

Нет, не вырубаться! Только не сейчас!

— Мальчишку брать живым! — донеслось до моего угасающего сознания. — Это тот самый Соколов. Он много знает.

Глава 38

Сознание возвращалось медленно.

Я чувствовал себя отбивной — все тело ломило, какая-то странная ноющая боль сковала все мышцы. Казалось, собственные кости норовили вылезти из меня и рвали волокна тканей. Отвратительно и ужасно неприятно.

Но хуже всего было то, что из-за этого я не мог толком пошевелиться. Мозг был занят только тем, что отдавал всему организму болевые сигналы. Я не был связан — ни руки, ни ноги не чувствовали давления пут. Но в них и не было смысла — в таком состоянии я бы даже не смог и шагу пройти.

— Хррр… Ххх… Ха-тьфу! — Я с трудом сплюнул скопившуюся во рту слюну себе под ноги и открыл глаза.

Картинка никак не хотела фокусироваться. Я понял, что меня куда-то усадили. Вокруг были темные стены, оконных пятен я не видел. Подвал? При попытке пошевелиться левую руку свело, и я заметил, что из нее торчала какая-то гибкая тонкая трубка. С жидкостью. Капельница.

Чем же они меня накачивали?

Я попытался сконцентрироваться, воззвать к силе, но словно орал в пустоту — ничего. Сила была во мне — я это чувствовал, но она не отзывалась. Словно не хватало чего-то важного. И я никак не мог заставить себя сосредоточиться.

— Даже не пытайся, все равно не получится, — усмехнулся кто-то из угла помещения.

Голос был похож на Сарпедонов. В следующий миг он вышел на свет одинокой слабенькой лампочки — все с той же наглой и самодовольной ухмылкой на губах.

— Где…

— Бестужев? — подсказал Хлыщев. — Поверни голову направо — и увидишь.

Я последовал совету. С трудом преодолел спазм одеревеневших мышц шеи и уставился вправо. Видимо, я со стороны выглядел примерно так же, как и Бестужев. Дознавателя тоже посадили под капельницу, только он ко всему прочему был еще и серьезно ранен. Рубашка в крови, штанины разорваны, один ботинок слетел. Бестужев еще не пришел в сознание. Может оно и к лучшему.

— Где остальные? — прохрипел я.

— Лишних мы не брали.

Значит, мертвы. А нас с Бестужевым забрали, вероятно, для допроса. Уже не оставалось никаких сомнений в том, что это

была работа Аспиды. Громко, нагло, самоуверенно. Но, черт возьми, успешно.

Сапедон присел передо мной на корточки.

— Интересный ты кадр, Михаил Соколов. Я-то, когда о тебе прослышал, думал, что ты у нас этакий народный герой, а на поверку оказался обычным мальчишкой. Я разочарован.

— Трагедия. Я этого не переживу.

— Огрызаешься, — усмехнулся Хлыщ. — Главное — говорить можешь. А вот силу использовать у тебя не выйдет. Больно уж веселый коктейльчик мы в тебя закачали. Соображать будешь, говорить сможешь. Если очень постараешься, даже получится двинуть рукой или ногой. А вот концентрация у тебя останется нулевая.

— Что это за наркота?

— Что ты, наркотики вне закона! — рассмеялся Сарпедон. — Исключительно легальные лекарства для простолюдинов в нужной пропорции. Мы тоже кое-чему научились у Ордена Надежды.

— Ты же простолюдин, — хрипло ответил я. — Тебе какой прок работать на Аспиду?

— А ради чего люди вообще работают? Деньги. У меня нет амбиций и желания заполучить Благодать, мне и так хорошо. А вот звонкая монета пригодится при любом раскладе сил. А вот чего я никак понять не могу, так это как ты умудряешься одновременно якшаться и с Тайным отделением, и с Орденом Надежды? Как они это прошляпили, Соколов, а? Или все-таки не прошляпили?

Я молчал. Хренушки я тебе что скажу, урод моральный. Хочешь вытащить из меня информацию, попотей как следует. Черта с два я облегчу работу. Впрочем, что-то мне подсказывало, что у Сарпедона или его соучастников найдутся способы развязать мне язык.

В конце концов, раз они напали на полицейских и ищеек в самом центре Петрополя, устроили перестрелку и закидали нас заклинаниями, то, судя по всему, тормозов у этой организации не было совершенно.

И почему Корф так поздно спохватился об этой Аспиде? Неужели кто-то наверху прикрывал их до поры до времени? Похоже на то.

А раз так, то насколько наверху сидит их покровитель?

— Молчишь, значит, — кивнул Сарпедон. — Понимаю, я бы на твоем месте тоже не был бы склонен к диалогу. Однако не со мной, так с другими погутарить придется. Ты уж извини, сам виноват.

Я смерил его равнодушным взглядом. Сам по себе Сарпедон вряд ли что мне сделает. Хотел бы убить — уже бы вскрыл глотку. Значит, я был нужен как минимум для допроса. А дальше они наверняка попытаются от меня избавиться, ибо я спутал им много карт. И с учетом того, что под этой проклятой капельницей я был бессилен, то у них все могло получиться.

Так себе расклад, Миха. Впрочем, мы знали, что однажды придется отвечать за все наши шпионские игры.

Сарпедон поднялся и вышел за дверь. Я услышал глухие голоса, но не разобрал, о чем они разговаривали.

— Бестужев! — тихо позвал я. — Гавриил Петрович!

Он не отвечал. Не дернулся, ни звука не издал. Видать, ему и правда крепко досталось. Или коктейля побольше влили. Я-то все еще формально оставался несовершеннолетним…

Дверные петли снова заскрежетали. Теперь внутрь вошли уже двое. Первым вошел странный тип в маске, за ним — Сарпедон-Хлыщ. Когда незнакомец вышел на свет, я удивленно вытаращился.

— Это еще что за маскарад?

Незнакомец точно был мужчиной, причем явно непростым. Одет в стильный дорогой костюм-тройку, явно сшитый на заказ. На мизинце его левой руки сверкнул перстень-печатка. Обычай носить такие перстни наши аристократы позаимствовали у британских дворян — на печатке непременно изображали родовой герб. Только герб этого незнакомца я не мог разглядеть — он предусмотрительно перевернул перстень символом внутрь.

Да и маска у него оказалась непростая. Она полностью скрывала лицо, оставляя лишь прорези для глаз. Позолоченная, с крылышками по бокам над ушами. И на одном из лацканов пиджака красовался золотой же кадуцей — перевитый змеями жезл.

— Господин Гермес, мальчишка, как видите, очнулся, — подобострастно выдохнул Сарпедон. — Можем начинать?

Гермес? А что, тогда этот маскарад был вполне оправдан. У древнегреческого бога Гермеса было несколько атрибутов, среди которых как раз значился кадуцей, который потом отдали врачам. И шлем или сандалии с крылышками. Кадуцей был, крылышки были. Получите, распишитесь.

Важно было и другое. Наверняка имена они выбирали неслучайным образом. И если о Сарпедоне я толком ничего не мог сказать, то про Гермеса помнил. Он ведь был бог омторговли и счастливого случая, хитрости, воровства и красноречия. Гермеса считали покровителем глашатаев, послов, пастухов, путников. А еще, по некоторым сведениям, он якобы провожал

души умерших в подземное царство Аида.

Итак, у нас тут выстраивалась определенная иерархия.

Был некий Зевс — верховный бог и, очевидно, главный в Аспиде.

Был Сарпедон — мифический герой, сын Зевса от смертной женщины. Наш Сарпедон был простолюдином. Значит, имена героев могли говорить о том, что этот персонаж был неодаренным.

И вот объявился Гермес. Тоже бог. И судя по его аристократическому виду, Благодатью он должен был обладать.

— Михаил Николаевич, как вы себя чувствуете? — Осведомился Гермес, и его голос из-за маски показался глухим. Но взрослый мужской голос. Я бы сказал, примерно между тридцатью и сорока годами.

— Примерно так, как он выглядит, — ответил я и кивнул на Бестужева.

— Приношу глубочайшие извинения за эти неудобства, однако мы были вынуждены применить специальные средства, чтобы оградить себя от вашей силы.

Хороший полицейский? Вряд ли.

— Чего вы от меня хотите?

— Нам нужно понять, как много вы выяснили о нашем скромном сообществе, Михаил Николаевич.

— Немного, раз попались вам в руки, — мрачно ответил я.

— О, это было неизбежно. Господин Сарпедон с самого начала был приманкой. То, что мы позволили ему быть пойманным, являлось частью нашего плана.

Миленько. Как и предполагалось, Сарпедон не зря так светился. Другой вопрос, мы ставили не на ту причину такого поведения.

— Я действительно в этом не помощник, господин Гермес. У меня была совершенно другая задача. И я бы долго не узнал о Темной Аспиде, кабы некоторые особенно ретивые княжичи не задумали меня ритуально убить в Аудиториуме.

— Следовало же как-то проверить ваши способности, — пожал плечами Гермес. — Да и господа княжичи, увы, сглупили и проявили непрофессионализм. Можно сказать, вы оказали нам большую услугу, отсеяв этих господ на этапе отбора в наше сообщество.

Я им что, санитар леса? Карающая длань эволюции?

Ладно, теперь кое-что хотя бы получило объяснение и встало на свои места. Черт, как же тяжело было думать под этой проклятой капельницей. Из-за нее я не только не мог сосредоточиться, но и соображал втрое медленнее. А сейчас

только смекалка могла помочь мне как-то выкрутиться из этого дерьма. Или хотя бы потянуть время.

Корф уже должен был нас искать. Быть может, в Тайном отделении была такая же практика с кровью, что позволило бы ему найти Бестужева. Хорошо если так…

— Не скажу, что был рад помочь, — буркнул я. — Однако ваши сами засветились, раз даже первокурсник вроде меня смог поймать вас за хвост.

— Это делает вам честь, Михаил Николаевич. Должен признать, мы совершенно не учитывали появление кого-то вроде вас. Знаете, что такое черный лебедь?

— Появление непредсказуемого и неучтенного события, которое влияет на происходящее.

Занятно, что в этом мире такой термин тоже появился.

— Именно, — кивнул Гермес. — Вы, Михаил Николаевич, оказались таким черным лебедем. Носитель огромнейшей родовой силы, что не подчиняется ограничениям и законам Благодати, человек из опального рода, что уже пару поколений назад списали со счетов и убрали с шахматной доски. И вдруг вы появляетесь, оказываетесь в самой гуще событий и умудряетесь перевернуть все с ног на голову.

— Повод гордиться?

— Пожалуй. Редко из-за какого юноши люди начинали так нервничать. И поскольку вы — человеку в своем роде уникальный, я готов предложить вам кое-какую альтернативу обычной смерти. Вы же понимаете, что слишком опасны для нас. Поэтому нам предстоит решить, устранить вас физически или сделать частью нашего сообщества.

Я не выдержал и прыснул.

— А ничего, что у моей семьи все еще нет Осколка? Я же шваль, не ровня таким, как вы…

— Вы с блеском компенсировали этот недостаток. Итак, я предлагаю вам выбор: честная смерть или работа на нас. Разумеется, это наложит свои ограничения. У нас весьма требовательная организация. Однако, посовещавшись, мы пришли к выводу, что ради вас готовы сделать исключение. Да и возвращение Осколка Соколовым, судя по вашей бурной деятельности, остается лишь вопросом времени.

— И что я буду должен делать для вас? — Спросил я, глядя на золотую маску исподлобья. — На какой поводок вы меня посадите?

— Боюсь, поводок — не самое подходящее сравнение. Скорее цепь.

— Неважно.

— Вы нужны нам в Тайном отделении, Михаил Николаевич. Если говорить точнее, нужны подле Корфа и, быть может, даже его руководства.

Я тихо рассмеялся, но грудь и живот свело болью.

Интересно, это когда-нибудь закончится? Так и буду ходить по рукам, как рубль?

А может хватит уже?

— Что будет с Бестужевым? — спросил я, покосившись на дознавателя. Он все это время сидел, не шелохнувшись, и я начал беспокоиться, а не помер ли.

— Увы, Гавриилу Петровичу мы такой альтернативы предоставить не сможем. Но если вы согласитесь, наша организация все уладит. Его гибель не доставит вам проблем, и вы сможете остаться при Корфе.

— Но раз вы собрались допрашивать Бестужева, может снизите дозировку этой своей противоблагодатной сыворотки? — предложил я. — Он же вообще не может очнуться! Сидит, слюни пускает. От меня вам будет немного проку, а Бестужев помогает Корфу в поисках Темной Аспиды. Он точно знает больше меня.

Гермес хмыкнул.

— Пытаетесь спасти товарища?

— Он мне не товарищ. Я просто его уважаю. Гавриил Петрович — достойный человек и заслужил достойную смерть. Но ведь прежде он должен заговорить.

— Это расценивать как ваше согласие? — спросил Гермес.

Я с усилием пожал плечами.

— Я все еще думаю. Быть может, я назначу условием своего вступления достойное обращение с пленником. У меня, знаете ли, тоже есть принципы и убеждения.

Гермес и Сарпедон переглянулись. Хлыщ явно не понимал, почему мужик в маске так долго со мной возился. Что ж, наверняка его и не посвятили в то, что я могу и умею. Да меня и вовсе не должно было быть на той операции, так что я и тут стал неожиданностью для Темной Аспиды.

Я же на самом деле просто старался их задержать. И у меня не было ничего, кроме языка. Так что приходилось молоть им и отчаянно заговаривать зубы.

— Что ж, давайте попробуем, — Гермес жестом указал Хлыщу на Бестужева. — Сарпедон, уменьшите дозу и приглядывайте за гостем на случай, если разбушуется.

Бандит нехотя кивнул, подошел к капельнице, проверил мешок с жидкостью и принялся регулировать интенсивность потока. И в этот момент что-то мелькнуло справа от меня. Я с усилием повернул голову — куда медленнее, чем следовало — и

увидел уже очнувшегося Бестужева, умудрившегося вытащить катетер из руки и сейчас душившего Сарпедона трубкой.

— Быстро освободил мальчишку, иначе я убью его, — прошипел Бестужев.

Ах он хитрец! Все это время прикидывался, что был в отключке, а сам внимательно слушал.

Маска Гермеса не выражала эмоций, но я услышал его тихий смех.

— Ох, господин Бестужев, мелковатую сошку вы взяли, чтобы меня шантажировать.

Секундой позже с ладоней Гермеса сорвались два ярких зеленых “Колобка” — один угодил Сарпедону в грудь, второй пошел прямиком в лоб. Хлыщ вскрикнул, дернулся, а затем резко обмяк в руках Бестужева. Под ногами бандита медленно растекалась лужа, и отнюдь не крови.

— Господин Сарпедон выполнил все свои задачи, — будничным тоном, словно только что прихлопнул муху, сказал Гермес. — Последней его миссией было привести вас в нашу ловушку, с чем он успешно справился. Однако больше мы в его услугах не нуждаемся.

Я завороженно глядел на тело Хлыща. Две раны от мощных ожогов просверлили грудь и лоб. Что-то в последнее время я слишком часто смотрел на мертвецов.

— Какие еще варианты мне угрожать? — Гермес направился к дознавателю и ногой отпихнул преграждавшую путь руку трупа. — Поступок, несомненно, героический, но глупый. Удивите меня еще раз. Или ваша фантазия иссякла?

Я замер, медленно соображая, как еще мы могли действовать. Бестужев с той угрозой выстелил вхолостую. А у этого Гермеса явно третий ранг — крепкий такой, вон какие сочные зеленые “Колобки” вылетели. И раз они убили Сарпедона на месте, то силы у Гермеса было прилично. Гораздо выше среднего. Бестужев уступал Гермесу мощью Благодати — у него был крепкий четвертый ранг. А в меня закачали слишком много этого лекарственного дерьма.

Я постарался поднять руку, чтобы незаметно вытащить иглу капельницы. Тщетно. Конечности словно налились свинцом. Вот же черт.

Гермеса явно забавляла вся эта сцена. Он держался совершенно спокойно и опустился на корточки перед дознавателем. Но не настолько близко, чтобы Бестужев мог его достать. Правда, Гавриил Петрович, видимо, отдал все силы на то, чтобы взять в захват уже бесполезного Сарпедона. Его руки безвольно повисли, а тело распласталось на жестком стуле.

— Осознаете ли вы, что я могу убить вас прямо сейчас? — спросил человек в маске.

— И не получите ответов, — прокряхтел Бестужев. — Хотя я все равно не собираюсь ничего вам рассказывать. Можете пытать сколько влезет или попробовать насильно вскрыть мне череп, да только неприятно удивитесь, когда моя голова лопнет, словно бешеный огурец. Мы с Корфом позаботились о том, чтобы вам ничего не досталось.

Гермес хмыкнул.

— А вы умнеете.

— Приходится.

— Что ж, не хотел я до этого доводить, Гавриил Петрович, но, видимо, придется начать доставать козыри. Раз я не смогу вытащить из вас то, что мне нужно, придется сделать так, чтобы вы передумали и рассказали все добровольно. Знаете ли вы, как поживает ваша матушка? В курсе ли, чем завтракала ваша сестрица? Полагаю, нет. А мы вот знаем… Или та красавица из театра на Садовой, которой вы на позапрошлой неделе подарили цветы после спектакля… Как думаете, будет справедливо, если все они погибнут из-за вашего упрямства?

Гермес, Гермес… Бог коммуникаций, переговоров. И шпионажа. Не он ли ведал добычей информации в Аспиде?

Я сконцентрировал все накопленные силы, чтобы дозваться до Корфа. Никак, словно в стену стучался. Здесь повесили настолько плотный купол, что у меня и в лучшей форме едва ли получилось бы его пробить.

И тут меня осенило. Хитрость, конечно, была шита белыми нитками, и я не был уверен, что у меня получится, что хватит сил. Слишком часто я стал полагаться на свою родовуху — настолько часто, что отвык быть простым человеком. Судьба преподнесла мне жесткий урок именно сейчас, но я должен был показать, что чего-то стоил и без сверхъестественных способностей.

— Господин Гермес, я принимаю ваше предложение, — громко и твердо сказал я, обратив на себя внимание человека в маске.

Потяну время, еще чуть-чуть. Наверняка он потребует от меня какой-то клятвы или сделает какую-нибудь манипуляцию, чтобы меня привязать. Выиграю хоть немного времени для наших. Если, конечно, они знали, где нас искать.

— Не смейте, ваше сиятельство! — крикнул Бестужев. — Этим вы мне жизнь не спасете, а совесть запятнаете.

Гермес уставился на дознавателя, и из-под маски раздался смех.

В этот момент я наконец-то смог вытащить иглу капельницы,

зажал ее в кулаке и опустил руку под стул так, чтобы ее не было видно. Теперь оставалось уповать на былую ловкость, силу духа и везение.

— Быть может, его сиятельство все же понял, какая сторона выиграет в этой войне, — усмехнулся Гермес и направился ко мне. — Вам придется принести клятву верности и скрепить ее кровью.

Едва игла исчезла из моего тела, стало немного лучше. Меня все еще ломало, а мозг соображал туго, но организм был молод, да и сила начала медленно ворочаться внутри, негодуя от количества дряни, что в меня закачали. Медленно, но верно начали запускаться процессы восстановления.

Но не настолько быстро, чтобы я смог шваркнуть по этому хрену в маске “Колобком”.

Я подался вперед, когда Гермес приблизился ко мне почти вплотную.

— Ты привяжешь себя ко мне кровью станешь послушен. Но это будет чуть позже, когда я введу тебя в круг. А пока… Пока примеришь цепь, на которой все мы сидим. Первое испытание пройдешь уже сейчас. Заслужи место кровью. Убей Бестужева.

Я взглянул на дознавателя. Его заплывшее от ран и ссадин лицо уже ничего не выражало.

— И какое имя я тогда получу? — натянуто улыбнулся я.

— Ты юн и свеж. Тебе подойдет Аполлон, — ответил наш мучитель и потянул мне руку. — Повторяй за мной слово в слово…

— Предпочитаю стать Аидом — шепнул я и со всей силы воткнул иглу ему в руку. — Получи, сука!

Глава 39

— Ах ты сученыш! — взревел из-под маски Гермес и попытался оторвать мою руку от своей. Не знаю, куда я попал иглой — бил-то прямиком сквозь пиджак. Но даже если воткнул не в вену, ему все равно мало не покажется.

Некоторые лекарства категорически нельзя вводить внутримышечно. Очень хотелось верить, что в этом антиблагодатном коктейле было что-нибудь вредное и болезненное.

— Аааааа! — продолжал вопить Гермес и попытался оторвать мою руку от своей. Хрен там. Я был готов удерживать эту иглу зубами, если понадобится. Вцепился, как бойцовый пес. Со всей силой, на какую еще был способен.

Гермес дернул меня вместе с трубкой от капельницы на себя, и мы вместе рухнули на пол, покатились, пытаясь бороться.

— Бестужев! Помогите мне! — рявкнул я, уже не особенно рассчитывая на помощь. Улучив момент, мельком взглянул на дознавателя — нет, не сможет. Бестужев безвольно повис на стуле и, кажется, отключился.

За дверью раздался шум — какое-то глухое шарканье, сдавленные голоса.

— Тантал! — заорал из-под маски мой враг. — По… Помо…

Я не нашел ничего умнее, как со всей дури врезать ему лбом прямо по маске. Адреналин всколыхнул кровь, заставил тело двигаться, и я этим воспользовался. Гермес захлебнулся собственными словами, зарычал и резко дернулся. Он перекатился на другой бок — трубка волочилась за ним. Стойка для капельницы упала на стул и зацепилась верхним крюком так, что мешок все еще был выше нас. Значит, коктейль еще тек в его тело.

Знать бы только, как быстро он подействует.

— Ну все! Держись, мозгляк!

Я не дал ему договорить — навалился на него всем весом и пожалел, что не раскачался как следует. Гермес попытался оттолкнуть меня, но пнул коленом в живот. У меня перехватило дыхание, я кашлянул ему на маску смесью слюны и желчи.

Шум за дверью стал громче, но к нам никто не заходил. Не отвлекаться. Этот Гермес наверняка имел в запасе какие-нибдуь неприятные сюрпризы.

Что-то грохнуло о дверь с внешней стороны — так, словно в нее ударили чем-то большим и тяжелым. Мы продолжали бороться с Гермесом на полу, путаясь в одежде и трубках. Улучив

момент, я воззвал к оставшейся внутри меня родовой силе, сосредоточил ее в ладони и ударил атакующей рукой ему в грудь.

— Аааааа!

Едва я провернул это, как силы резко оставили меня. Черт. Не хватило. Взвыв, Гермес сбросил меня — я откатился на метр и попытался подняться.

— Идиот! — Игла валялась на полу, а Гермес возвышался надо мной. — Предложение аннулируется. Я просто воспользуюсь шансом и убью тебя.

Что-то промелькнуло за его спиной, я услышал странный звук, и мгновением позже Гермес рухнул на колени. Над ним склонилась невысокая фигура в темном комбинезоне и балаклаве, открывавшей лишь глаза. Женская. Она долбанула ему по голове каким-то небольшим предметом вроде молотка, затем подняла с пола иглу и засадила Гермесу прямиком в вену на запястье.

— Сойдет, — глухо шепнула она и развернулась ко мне.

Я моргнул, пытаясь не отрубиться. Женщина тут же схватила меня за руку, и я ощутил теплое течение энергии.

— Не смей вырубаться, — пригрозила она. Кажется, я знал ее. Голос… Голос.

Худощавая женщина сняла балаклаву и улыбнулась, тряхнув стриженными под каре темными волосами.

— Привет, Миша! Давай-ка поглядим, чем вас накачали.

Я выплюнул сгусток желчи и уставился на однокурсницу.

— Какого… хрена ты здесь делаешь?

— Спасаю твою тощую задницу, — огрызнулась Грасс. — Мы следили за тобой. Босс знал, что ты приведешь нас к Аспиде.

Сволочи! Они что, решили сделать из меня приманку? Занялись спортивной ловлей на живца, мать их? Предупредить, блин, не судьба?

— Бестужева лучше осмотри, — проворчал я и указал на дознавателя. — Я в порядке. А вот ему сильнее досталось.

Грасс презрительно фыркнула.

— Мы здесь не ради ищеек. Я пришла за тобой.

— Аня, твою мать! — я начинал терять терпение. — Делай что говорю! Помоги Бестужеву. Он должен выжить ради нашего блага! Твоего в том числе.

Грасс что-то недовольно пробурчала себе под нос, но послушалась. Подползла к дознавателю, сосредоточила в руках силу и принялась сканировать тело Гавриила Петровича.

— Живой! — вздохнула она. — Но очень слаб. Может не доехать до лазарета.

— Сделай что-нибудь, пожалуйста. Я не могу. Все отдал на бой.

— Ты просишь меня помочь тому, кто за нами гонится! — возмутилась Грасс. — Я не соби…

— Анна, помоги ему.

Я обернулся на знакомый голос. В нашу темницу вошел Радамант собственной персоной. В отличие от своих “миньонов”, одетых в темные комбинезоны и балаклавы, главарь Ордена Надежды лица не прятал. Наоборот, выглядел так, словно собирался на аудиенцию к какой-нибудь важной шишке. Даже шейный платок повязал, щеголь этакий. Он вытер перчатку о стену, оставив кровавый след.

— Остальные помещения очищены. Анна, что здесь? — Увидев меня, он приподнял шляпу и кивнул. — Успели, слава богу. Здравствуй, Михаил.

— Пока не очень получается здравствовать, — отозвался я и с трудом приподнялся, оперевшись на поваленный стул. Гермес застонал, когда я случайно задел его носком ботинка. — Вы здорово рискуете, появившись здесь.

Радамант оскалился, что, по-видимому, должно было означать улыбку.

— О, я знаю. Но мы здесь как раз затем, чтобы встретиться с твоим покровителем из Тайного отделения. Анна?

Грасс оторвалась от дознавателя.

— Враг обезврежен. Михаил пострадал, но выживет. А вот этот… — она взглянула на Бестужева. — Этот едва дышит.

Радамант кивнул.

— Тогда позови сюда Эскулапа. Пусть займется дознавателем.

— Сейчас.

Грасс, все с тем же неодобрением выпрямилась и вышла из темницы.

— Врачевание, увы, совсем не по моей части, — пояснил Радамант и подошел ко мне. — Насколько сильно ты ранен?

— До свадьбы заживет. Что ты задумал, черт возьми? И зачем бросил Грасс под пули?

— Ты еще не понял, что этой девице не нужна лишняя опека? — усмехнулся косоликий. — Кроме того, она сама вызвалась, когда узнала, что ты в опасности. Так что с тебя теперь причитается.

Ну да. От Грасс я точно не ожидал такой прыти. На ее стороне, конечно, было преимущество внезапности — больно уж лихо она подкралась к Гермесу. Да и его самоуверенность сыграла с ним злую шутку — защиту от заклинаний он поставил, но не додумался повесить щит от физических атак. Но даже с учетом всех этих послаблений Грасс сегодня отличилась.

— Как долго вы за мной следили? — спросил я, проверяя иглу в вене Гермеса.

— С самого начала. Ты, Михаил, много кому интересен и много где можешь пригодиться. Такая уж у тебя доля. Так что мы считали тебя ценным активом, хотя я и понимал, что твой интерес к Ордену Надежды продиктован любопытством Корфа.

— Так ты знал, что я засланец, и не сообщил об этом Мустафину? — опешил я.

Радамант лишь пожал плечами.

— Это было очевидно. По крайней мере мне — я же знаю твою предысторию и догадывался, что Корф не мог пройти мимо такой возможности. Мне хотелось посмотреть, как ты будешь себя вести, играя на два фронта. Понять, действительно ли в тебе есть благородство и совесть, и правдиво ли то, что о тебе говорили. Всех важных и опасных игроков я заведомо вывел из аудиториумской ячейки, поэтому ты и не мог толком ничего накопать на тех юнцов.

Вот же хитрожопая скотина. Столько времени водил за нос, играл, как кот с мышью — и все ради чего? Чтобы добраться до Аспиды? Так вряд ли Радамант мог предусмотреть то, как начали развиваться события после моего поступления в Аудиториум. Или он просто держал меня в запасе, чтобы спровоцировать в нужный момент? А может с самого начала понимал, что на меня сорвется Аспида?

— Почему тогда Грасс оставили в ячейке? — возмутился я.

— Ей не привыкать. Она была моими глазами и ушами а Аудиториуме. Она, а не Мустафин — с учетом ее образа и репутации вряд ли кто-нибудь заподозрил в ней связного. И с учетом того, что вы сблизились, я был уверен, что ты попытаешься ее защитить. Так и вышло. Я в тебе не ошибся, Михаил.

— Слишком рискованно, как по мне. Я ведь мог сдать их всех. И уже сдал.

— Донос смехотворный. Там даже на год каторги не наберется, — отозвался Радамант. — Студенты у нас невинны аки ягнята. Ты должен был дать что-то Корфу. Я не хотел, чтобы тебя снимали с задания, особенно сейчас, когда зашевелилась Аспида. Поэтому на заклание пошли студенты. Задание формально ты выполнил, а толку от этого немного. Зато благодаря этому ты сейчас здесь и привел нас к Аспиде.

— Так-так, стоять, — я вяло замахал руками, подавляя гнев от того, что меня снова обманули. — Допустим, я привел тебя к члену Аспиды. Хорошо, принимается. Но вы ведь не хотели высовываться. Что изменилось сейчас, если тебе нужна встреча с

Корфом?

— Время пришло, Михаил. Полагаю, Тайное отделение уже осознало, кто здесь действительно опасен, — Радамант отвесил Гермесу короткий пинок, и тот застонал. — Давай-ка заглянем ему под маску, пока твой Корф сюда не заявился.

— А заявится?

— Разумеется, — Радамант взглянул на часы. — Думаю, минут через десять. Я сообщил ему, где вы. Но сделал это уже на подъезде сюда, чтобы ищейки не путались у нас под ногами.

— Значит, твоя награда за чудесное спасение…

— То, что в черепушке у этого любителя маскарада. Не волнуйся, стирать я ему ничего не буду. Просто просмотрю воспоминания.

Грасс вернулась вместе с незнакомым мне долговязым пареньком. Судя по ауре, что от него исходила, он был лекарем.

— Вот этот, — Аня подошла к Бестужеву. — Он плох. Давай поторопимся.

Они принялись хлопотать над дознавателем. Аня оглянулась на меня и вопросительно подняла брови, словно спрашивала, требовалась ли мне помощь. Я мотнул головой и снова сосредоточился на Радаманте и Гермесе.

— Аккуратнее, — предупредил я. — Помнишь, как у их наемников взрывались головы?

— Эту хитрость они стащили у меня. Я стараюсь не компрометировать свои активы.

После таких слов хотелось плюнуть ему в морду. Не понимал я этого Радаманта. То он вел себя как нормальный человек — проявлял заботу, помогал, а потом выдавал какой-нибудь перл навроде этого. Люди для него — активы, значит. Говорил о них так, словно они были неодушевленными предметами.

— А Грасс для тебя тоже актив? — спросил я нарочито громко, чтобы она слышала.

— Не придирайся к словам, сиятельство, — отрезал Радамант. — Люди есть люди. Только одни воюют за идею, а вторые — за монету. Последних мне не жаль.

Радамант перевернул постанывающего от боли Гермеса и расстегнул кожаный ремешок, на котором держалась маска.

— Какая встреча, — он растянул губы в уродливой улыбке. — Никита Федорович Волконский собственной персоной.

— Младший сын князя? — удивился я.

— Именно. Известный гуляка и мот. И вот, надо же, оказывается, еще и завсегдатай тайных обществ…

Волконские — это же одна из самых могущественных семей империи! Обширный род с несколькими младшими ветвями,

баснословные богатства, десятки особняков по всей империи. Чего стоила одна родовая усадьба в Суханово — настоящий дворец! А здоровенный трехэтажный дом на Мойке — шедевр классицизма, место проведения роскошнейших вечеринок и балов, о которых писали все газеты.

— Так ты… вы… Заодно?

Мы с Волконским таращились друг на друга с одинаковым изумлением. По голосу он казался мне старше. Сейчас я бы дал ему не больше тридцати пяти. Породистое лицо, гладко выбритый, очень бледный и с капризно изогнутой формой губ. Было в нем что-то неуловимо женоподобное.

— Простите за грубость, но на кой ляд вас понесло в Аспиду? — не выдержал я. — Вы же здравомыслящий человек, Никита Федорович!

— Убейте меня, — жалобно заскулил бывший Гермес. — Они все равно меня прикончат. Или вычистят память так, что останусь инвалидом и остаток своих дней проведу взаперти. Я… я не хочу такого конца.

Радаманта эта мольба нисколько не тронула.

— Вы заслужили наказание, уж не обессудьте.

— Тайное отделение может его спрятать, — предложил я. — Только верни его Корфу в нормальном состоянии. Защиты вам на память ставили?

Волконский опустил глаза.

— Хуже. Я связан с Зевсом кровью. Мы все ему подчиняемся. Это означает, что он найдет меня где угодно. Найдет и уничтожит. Я… я должен был вытащить всю информацию из Бестужева и передать Зевсу. Потом на основании этого мы должны были повести Корфа и его ищеек по ложному следу. Сарпедона никто не собирался оставлять в живых… А когда мы взяли еще и вас, Михаил Николаевич, я решил проявить инициативу и использовать вас в интересах нашего дела.

Радамант тихо усмехнулся.

— Если вас это утешит, вы не первый, кто пытается заставить Соколова плясать под свою дудку. Только мало кому это удается.

Волконский открыл было рот, чтобы ответить ему, но Радамант без предупреждения положил руки ему на виски и принялся ломать защиты. Экс-Гермес тихо завыл.

— Осторожнее.

— Знаю, Михаил.

Пока Радамант сражался с защитами высокородного заговорщика, я подполз к Грасс и Эскулапу.

— Как он? — спросил я, глядя на Бестужева.

— Теперь жить будет, — отозвался лекарь. — Я погрузил его

в глубокий сон, чтобы замедлить все процессы, в том числе и отравление. Но все равно необходима больница. И я бы использовал традиционные способы очистки крови. Если не вывести ту дрянь, которой вас накачали, он будет восстанавливаться гораздо медленнее. Но мы успели — его жизни ничто не угрожает.

Грасс явно посчитала свой долг выполненным и вышла из темницы. Едва она шагнула за дверь и перебросилась с кем-то парой слов, как Волконский забился в конвульсиях в руках у Радаманта.

— Он точно будет способен разговаривать? — спросил я, косясь на этот чудовищный припадок. — Корфу он нужен вменяемым.

— Будет, куда денется, — проворчал Радамант. — Дилетанты. Менталист, который ставил эту защиту, сильный — не ниже третьего ранга, но не самый искусный. Оставил небольшую брешь. Или ставили наспех, или специально оставили зазор.

— Зачем?

— Некоторые спецы оставляют такие дыры на случай, если снова придется быстро вмешаться. Будь я менее опытен, не нашел бы.

Интересно, найдет ли Корф?

Волконский наконец-то прекратил биться и обмяк под руками косоликого. Я надеялся, что он просто отключился от перегрузки.

— Вот и все, — Радамант бережно опустил голову злодея на пол и словно в шутку накрыл его лицо маской Гермеса. — Все, что нужно, я увидел.

— И что там?

— К сожалению, меньше, чем хотелось, но это было ожидаемо. Я искал Зевса, но в воспоминаниях Волконского он фигурирует лишь как персона в маске. У нас есть только голос. Но и голоса тоже можно менять. Искусство маскарада достигло больших высот благодаря пристрастиям аристократов к костюмированным балам. Но теперь очевидно, что, отыскав Зевса, мы разворошим все это осиное гнездо.

Понятно, что ничего не понятно. Я лишь получил подтверждение своей гипотезе об иерархии. Значит, этот Зевс принадлежит к очень могущественному и знатному роду, раз у него даже Волконский был на побегушках. Мужчина — вряд ли женщина взяла бы себе такое имя. И… все. Чтобы выяснить остальные детали, нужно изучать воспоминания нашего Гермеса.

В дверном проеме возникла голова Грасс.

— Тайное отделение здесь.

Радамант кивнул.

— Отлично. Готовьтесь — и выходим приветствовать. Михаил, — он обратился ко мне, — из-за твоего уникального положения я прошу тебя стать нашим послом. Посредником между нами и Тайным отделением.

***

— Не стрелять и не колдовать! — я вышел первым — с поднятыми руками, словно шедший сдаваться преступник. — У нас раненые!

Увидев меня, Корф дернулся было, чтобы подойти ближе, но я жестом остановил его.

— Бестужев жив, — продолжал я. — Гермес — он же Никита Федорович Волконский — захвачен нами. И этим людям мы обязаны жизнью. Прошу, выходите.

Я кивнул скрывавшемуся в подвале Радаманту. Косоликий знаком велел своим помощникам вывести Бестужева и Волконского. Четверо облаченных в балаклавы надеждинцев бережно обхватили раненых и принялись подниматься по ступеням навстречу обескураженным ищейкам.

— Кто эти люди? — Корф распорядился принять раненых и уставился на поднимавшегося по ступеням Радаманта. — А… Неожиданно.

Я встал между Корфом и Радамантом.

— От лица Ордена Надежды я прошу о мирных переговорах между ними и Тайным отделением. Тагматис Эльпидас спас нас с Бестужевым, обезвредили нападавших и обещают помощь в дальнейшем.

Сопровождавшие Корфа ищейки растерянно переглянулись. Кое-кто потянулся к оружию иные сосредоточили в ладонях потоки Благодати.

— Обещаю, что ни я, ни мои люди, не намерены причинять вам вред, — добавил Радамант. — Все, чего я прошу, Вальтер Макарович — разговор наедине.

“Они тебя заставили?” — раздался голос Корфа у меня в голове.

“Нет. Они пришли нам на помощь, и очень вовремя. Следили за мной. Бестужев умирал — они вытащили его с того света. И Радамант действительно заинтересован в сотрудничестве для поимки Аспиды”.

“Значит, ты предлагаешь мне ему поверить?”

“Почему нет?” — ответил я. — “Не думаю, что у нас осталось так уж много вариантов. А Тагматис Эльпидас имеют опыт борьбы, который можно перенять”.

“Ты предлагаешь сотрудничать с террористами”.

“На войне все методы хороши”, — сказал я и ушел с дороги, предоставляя Корфу и Радаманту возможность поговорить без подслушивающих.

Общение проходило в ментальном формате, поэтому я мог судить о его ходе лишь по выражениям лиц собеседников. Но что Радамант, что Корф не были охотниками до эмоций. Несколько минут тишины — лишь ветер завывал между старыми домами на заводской окраине, где нас прятали.

Наконец Корф кивнул, и Радамант молча повернулся к своим.

— Уходим, господа.

Я замер, не понимая, что же произошло. Корф не отдал приказа их задержать. Не препятствовал и даже остановил одного из помощников, когда тот потянулся было к стволу.

— Мы договорились, — сказал тайный советник. — Орден Надежды прекращает прежнюю деятельность, за исключением той, что разрешена законодательством. Тайное отделение принимает помощь Ордена Надежды в раскрытии деятельности Темной Аспиды. Преследование за предыдущие деяния будет отсрочено, но не отменено. Каждое преступление будет рассматриваться индивидуально затем, чтобы понять, что совершил Таматис Эльпидас, а что — Темная Аспида.

— И что, вы просто так их отпустите? После всего, что они натворили?

Корф посмотрел вслед удаляющимся фигурам.

— Если все, что сказал мне Радамант, правдиво, то это достойный обмен.

Глава 40

— Михаил Николаевич, будем на месте через десять минут, — оповестил водитель.

— Прекрасно, благодарю, — отозвался я с заднего пассажирского.

Мимо проносились фонари и горящие окна частных домов, выстроившиеся вдоль трассы, словно вельможи в тронном зале. Я устало глядел в окно и то и дело прокручивал в голове слова Радаманта о том, что я мое появление в этом мире не было случайным, и что я, как и Ирина, был плодом чьего-то великого замысла.

Сколько ни пытался обмозговать, что это означало, ничего не получалось. Что за замысел? Насколько все это было проработано? И сколько же в таком случае было свободы в моих действиях? Выходит, для кого-то я казался черным лебедем, а для других — играл по четко прописанным нотам? Но как это вообще возможно с таким-то набором случайностей?

— Подъезжаем, — сообщил водитель.

Это я уже и сам видел. Приписанный к автопарку Тайного отделения серый “Руссо-Балт” прополз по усадебной аллее и подкатил к главному входу Ириновского поместья. Я заметил, как отодвинулась занавеска в окне гостиной — видимо, Оля весь день провела у окна, ожидая моего возвращения.

Уже стемнело — время было за семь вечера, но мне этот день показался бесконечным. Трудно было поверить, что все этим же утром я проснулся на Вознесенском у Штоффов, затем участвовал в операции по поимке Сарпедона, а после угодил в плен к Аспиде и оказался освобожден Орденом Надежды, а сейчас наконец-то оказался дома.

Прямо флеш-рояль собрал — и все за один день.

Даже выйти из машины получилось с трудом — помог вовремя подоспевший Егорушка. Нужно бы навестить лекаря. Кажется, одно ребро я все-таки сломал. И хорошо, если только одно.

— Ваше сиятельство, что же с вами приключилось? — воскликнул лакей, увидев мою разукрашенную ссадинами физиономию.

— Долгая история, — вздохнул я и облокотился о локоть парня. — Егор, пожалуйста, проследи, чтобы водителю дали с собой горячих напитков и чего-нибудь перекусить. Денег он не возьмет, но нужно его как-то отблагодарить. Все же путь не самый близкий.

— Непременно, сударь! Может вам доктора…

— Позже, — я обернулся к водителю. — Спасибо за помощь. Задержитесь, пожалуйста, на десять минут. Егор сейчас кое-что для вас вынесет.

Парень вышел из автомобиля и смущенно потупился.

— Не стоит, ваше сиятельство. Мне ведь просто приказали…

— Это не взятка, расслабьтесь. Такие подарки вам от гражданских брать можно. И не пренебрегайте графским гостеприимством, — ответил я и коротко кивнул. — Еще раз примите мою благодарность за помощь.

— Бери, пока дают, — шепнул ему Егор, и я устало улыбнулся.

— Именно.

И направился к дверям. На крыльце меня уже дожидались отец и Ольга. Сестра, наплевав на то, что была в домашних туфельках, бросилась ко мне, и я закряхтел от боли, когда она слишком сильно сдавила меня в объятиях. И откуда у столь хрупкой девчонки появилась такая силушка?

— Михаил, что с тобой произошло? — отец спустился к нам и аккуратно отстранил от меня Олю.

Я хмуро на него взглянул.

— Много всего удивительного. Поговорим в библиотеке. И позови бабушку.

Оля удивленно на меня уставилась.

— В чем дело?

— Все в дом, — велел я. — Я знаю, что вы рассказали мне не все.

***

Отец с удивлением взирал на непроницаемый купол, что я поднял над центром комнаты. Отличный блок получился — еще немного — и даже артефакты слежения ничего не прочухают. Слуг я выгнал и запретил заходить, какие бы вопли они ни услышали.

А конфликт был еще как возможен с учетом того, что я собрался вытрясти из родни.

— Ольга точно здесь нужна? — спросила бабушка, устроившись поближе к жарко пылавшему камину.

— Разумеется, — отозвался я. — Она моя сестра и имеет право знать обо всем, что вы натворили. Ей и так суждено жить с последствиями ваших решений и действий. Не только ваших, но еще и моих. Полагаю, пора начать проявлять к моей сестре должное уважение.

Кивернития смерила меня снисходительным взглядом.

— Некоторые тайны лучше хранить подальше от тех птенцов, которые со временем покинут наш род. Петр бы точно осознал это и попытался защитить сестру…

Я в который раз увидел обиду в глазах Ольги и грохнул кулаком по столу.

— Она — такой же полноправный член нашей семьи, как ты или я. А наш несравненный Петр мертв, ко всеобщему сожалению. Кроме того, вы сами сделали меня наследником. Не своего родного отпрыска, нет. Меня! Вы настолько не доверяли собственной семье, что решили призвать незнакомого духа из иного мира, чем, к слову, сломали и мою настоящую судьбу. Но на что вы рассчитывали, когда проводили ритуал? На то, что Род отправит к вам послушного ягненка, что будет плясать под вашу дудку? Так могли бы просто оставить прежнюю версию Михаила Соколова — было бы гораздо проще и привыкать бы не пришлось. Только вряд ли прежний Мишенька смог вытащить вас из задницы, в которой вы оказались. Поэтому если все еще рассчитываете на мою помощь и поддержку, будьте любезны делать то, что я говорю.

Бабушка оскорбленно поджала губы.

— Михаил, следи за языком, — возмутился отец. — Ты говоришь со Старшими.

Я метнул на него свирепый взгляд.

— Со Старшими, которые, очевидно, сами не поняли, во что ввязались.

— Зачем ты нас собрал, Михаил? — попыталась разрядить обстановку Оля. — Давайте пока что оставим споры. Ты ведь хотел сказать нам кое-что важное, не так ли?

Я кивнул и с усилием разжал кулаки под столом. Спокойно, Миха. Нужно выяснить, на что намекал Радамант. Опустим вопрос, откуда он сам об этом разузнал, но даже у него было оскорбительно больше информации обо мне, чем у меня самого.

— Настало время для откровенности, — сказал я и уставился на отца. — Мне известно, что мое появление в этом мире — часть некоего большого замысла. Сомневаюсь, что вы сами додумались провести сложнейший ритуал призыва духа из родового древа. Я немного поковырялся, проанализировал события, и вот что получается…

Оля побледнела, нервно проглотила слюну и украдкой взяла меня за руку. Ее ладошка была мокрой и прохладной — сестра не на шутку испугалась.

— Чтобы осуществить подобный ритуал, нужно, чтобы многие обстоятельства сложились очень удачно, — я принялся загибать пальцы. — Во-первых, Род должен быть достаточно

крепок, чтобы отозваться на такое обращение и переместить дух из одного пространства в другое. Во-вторых, это должен быть аристократический род — с должным количеством заслуг и влияния, чтобы его отпрыск смог освоиться в высшем свете. В-третьих, ритуал очень древний и позабытый — вам потребовалось бы сперва раскопать, как правильно его провести, — я подался вперед, не отрывая взгляда от отца. — Да еще и Петр очень удачно погиб. Подозрительно удачно.

— И к чему ты клонишь, Мишенька? — сухо проговорила бабушка.

— К тому, что все решали не вы. Не вашего масштаба хитрость. Говорите, кто вас науськал и помог.

Отец и бабушка переглянулись. По глазам Патриарха я видел, что он был готов кое-чем поделиться, но Кивернитея решительно замотала головой.

— Мишель, тебе еще рано об этом знать. Ты не до конца освоился в нашем мире, и подобное может нанести тебе лишь вред.

Ага, а отдавать меня на воспитание Корфу, бросать под танки в Аудиториуме, засовывать в самый эпицентр конфликта тайных обществ — все это так, прогулка в пансионате, блин?

Ну уж нет, после всего этого я заслуживал честности. И был готов добиваться ее любой ценой.

— Прошу, не заставляйте меня применять ментальные способности, — как можно спокойнее сказал я. — Да будет вам известно, я настолько понравился родовому источнику, что получил высочайший потенциал силы и был отмечен лично ректором Аудиториума как уникум, способный развиваться во всех специализациях. В том числе и в ментальной, она мне чудо как хорошо удается. Вы не сможете меня остановить, если я возьмусь за ваши головы. Я не хочу насилия, но если понадобится, прибегну к нему. Ради блага всей семьи.

— Миша, что ты такое говоришь? — разве что не заикаясь, прошептала Оля. — Не нужно…

— Как быстро Корф взял тебя в оборот, — проворчала бабушка и повернулась к отцу. — А ведь я предупреждала тебя, Коленька, что они попытаются на него повлиять. И вот что вышло — наш наследник настолько потерял страх, что смеет нам угрожать. Да еще и пользуется их шакальими методами! Merde!

Я улыбнулся.

— Вы сами меня создали. Теперь я хочу знать, зачем. И по чьему наказу. Прошу по-хорошему в последний раз.

Оля отпустила мою руку и боязливо отодвинулась к самому краю дивана. Отец не выдержал первым.

— Мы не знаем, зачем, — вздохнул он. — Более того, мы не знали, что выйдет. Просто делали то, что было нужно. Так, как написано в той книге. Там был подробный ритуал.

— Что за книга?

— Бабушка покажет выдержки из нее. И расскажет, как ее получила, — Патриарх уставился на Кивернитию. — Матушка, больше нет смысла скрывать. Лучше он узнает от нас, нежели это однажды станет неприятным сюрпризом.

Отец поднялся, подошел к письменному столу и выудил из нижнего ящика бутылку коньяка. Налил в два бокала. Один взял сам, второй подал бабушке. Пригубив напиток, Кивернития посмотрела на огонь и заговорила:

— Она явилась в тот же вечер, когда мы узнали о гибели Петра. На дорогом автомобиле, без визитной карточки. Вся в черном, но в очень дорогом и изысканном наряде. Ее лицо было скрыто плотной темной вуалью, но по голосу я поняла, что это дама средних лет.

— Она назвалась? — спросил я.

— Рея. Просто госпожа Рея. Возможно, это сокращение.

Или прозвище.

— Она выразила соболезнования — уже знала о нашем горе. Сказала, что именно это событие убедило ее в необходимости визита. Затем начала долгий разговор о положении нашего рода, о том, что наша кровь теряет силу Благодати и о том, что вы с Ольгой — последние носители хоть какой-то силы. И что лишь у вашего поколения остается возможность что-то изменить.

— Это и так известно всему свету, — отозвался я. — Дальше.

— И тогда госпожа Рея сказала, что есть неочевидный способ получить еще один шанс все исправить уже сейчас. Она рассказала о древнем ритуале, что был утрачен после появления Благодати в нашем мире. Говорила о родовой силе и о требованиях, которые в старину предъявляли к родам, чтобы те могли обладать властью над материальным миром. Рассказав обо всем этом, госпожа Рея поведала, что Соколовы — единственный род в Петрополе и его окрестностях, который умудрился соблюсти все забытые заповеди. Что мы, сами того не осознавая, сберегли большую силу, но не знали, как ее использовать.

— Значит, она рассказала, что сделать?

— Да, — кивнул отец. — Она дала нам старинную книгу о родовой силе. Из нее мы взяли нужный ритуал.

— Где сейчас эта книга?

— Исчезла, — прошептала бабушка. — Пропала из моей спальни в день похорон Петра. Видимо, госпожа Рея решила вернуть свою собственность.

Оля таращилась на всех нас со смесью непонимания и ужаса в глазах.

— Что же вы… Неужели это было настолько важно для вас? — всхлипнула она. — Мы ведь могли бы жить дальше и без Благодати… Но это была бы честная и спокойная жизнь. А теперь… Теперь мы замешаны не пойми в чем!

— Не позволю я своим внукам становиться в один ряд с простолюдинами! — неожиданно громко возмутилась бабушка. — И не смей даже думать об этом, Ольга! Мы — Соколовы, одна из старейших семей с глубокими традициями, и похерить все это недопустимо.

Я спрятал лицо в ладонях, пытаясь сосредоточиться. Ребра ныли, ноги тряслись, да и места уколов на руках невыносимо болели. Голова разрывалась от кучи вопросов. Нужно разложить все по полочкам.

Итак, эта таинственная Рея точно знала к кому, куда и когда ехать с предложением. Знала, что наш род достаточно силен для авантюры с призывом. Значит, у нее была возможность собрать о нас очень много информации — за столетия. И, судя по всему, хорошая библиотека, раз она достала книгу о родовой силе. Таких, насколько мне было известно, в мире осталось немного, и сейчас Аудиториум гоняется за каждой, где было хоть какое-то упоминание об этом феномене.

Значит, наша госпожа Рея точно принадлежала к аристократии. И, судя по всему, к очень и очень влиятельной.

И я был ее… проектом?

Да вот только на кой черт я ей сдался? Зачем сотворять такого кота в мешке? Она ведь не могла знать, кого пришлет Род. Но зачем-то допустила такой расклад. И не просто допустила — ввела меня в игру, причем сразу же. Потому что Корф тоже отреагировал очень быстро.

— Эта женщина хоть одним словом обмолвилась, зачем решила вам помочь? — осторожно спросил я. — Зачем это нужно вам, понятно. Но ей-то к чему тратить на нашу семью столько сил?

Отец пожал плечами.

— Я спрашивал ее об этом, но ответила она уклончиво. Дескать, род Соколовых получил свою опалу незаслуженно и еще может послужить государству и людям. Но Соколовы должны доказать свое величие деяниями, которых они не смогут совершить без силы. Поэтому она дает нам силу, а от нас потребуется грамотно ею распорядиться.

— Звучит как благотворительность, — вздохнул я. И мне это не нравилось. Бесплатный сыр бывает только в мышеловке. —

Она говорила, чего потребует взамен?

— Нет, — покачала головой бабушка. — Сказала лишь, что если мы преуспеем, то она будет наблюдать за результатом эксперимента.

Поздравляю, Миха. Ты у нас эксперимент.

Я не выдержал и нервно расхохотался. Твою же мать, только более-менее причесал тот бардак, который устроили Аспида с Орденом Надежды. Только появилось какое-никакое понимание, что делать дальше — и на тебе. Новое веселье.

Отец залпом допил коньяк и снял очки.

— Одно могу сказать точно, Михаил. Эксперимент прошел удачно. А раз так, думаю, эта Рея очень скоро появится и скажет, чего от нас хочет. Вернее, от тебя.

Послесловие

Эту книгу вы прочли бесплатно благодаря Телеграм каналу *Red Polar Fox*.

Если вам понравилось произведение, вы можете поддержать автора подпиской, наградой или лайком.

Страница книги: *В интересах государства. Орден Надежды*